

А. В. Саламзаде

АРХИТЕКТУРА АЗЕРБАЙДЖАНА

72(47.924)

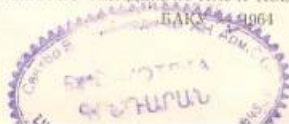
с-16

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХИТЕКТУРЫ И ИСКУССТВА

А. В. САЛАМЗАДЕ

АРХИТЕКТУРА
АЗЕРБАЙДЖАНА
XVI—XIX вв.

Издательство Академии наук Азербайджанской ССР

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редактор акад. АН Азерб. ССР М. А. УСЕЙНОВ

ВВЕДЕНИЕ

Процесс создания и расцвета социалистической культуры Азербайджана на всех этапах своего развития теснейшим образом был связан с изучением культурного наследия народа. В области архитектуры и изобразительных искусств этот процесс изучения не только был одним из звеньев развития культуры Советского Азербайджана, но в сущности был процессом «открытия» азербайджанской архитектуры и искусства прошлого. Ибо ставшие ныне для нас привычными определения «азербайджанская архитектура», «азербайджанское искусство» получили право на существование, право научного «гражданства» только в советское время в результате кропотливого труда ученых республики, нацеленных национальной политикой Коммунистической партии на исследование и выявление черт своеобразия культуры своего народа, идущих по указанному Лениным пути освоения культурных достижений прошлых эпох. «Не выдумка новой пролеткультуры, а развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»¹.

Выявляя памятники, отыскивая относящиеся к ним данные, изучали наши исследователи архитектуру Азербайджана, угадывали недостающие звенья, стараясь уловить специфические национальные черты зодчества.

В программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС, отмечается, что «буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки». Справедливость этого положения подтверждается и банкротством концепций буржуазных школ искусствоведения, растворявшего архитектуру и искусство Азербайджана в таких

определениях, как «мусульманское искусство», «иранское искусство» или «турецкое искусство».

Как бывает всегда при изучении нового предмета исследования, внимание в первую очередь привлекают наиболее заметные его стороны, наиболее крупные элементы общего. Изучение истории архитектуры Азербайджана, которое ведется немногим более двух десятиков лет, естественно, началось с таких выдающихся памятников зодчества, имеющих поистине мировое значение, как дворец ширваншахов в Баку и мавзолей в Нахичевани — творения крупнейшего зодчего средневекового Азербайджана Аджеми сына Абубекра из Нахичевани, а также других произведений созданной им школы зодчества.

Большое количество уникальных памятников азербайджанского зодчества, в основном мавзолеев, культовых и оборонительных сооружений, относится к XII—XV вв. Этим обстоятельством, а также тем, что празднование 800-летнего юбилея великого поэта Азербайджана Низами — уроженца Кировабада (старая Гянджа) привлекло внимание исследователей к зодчеству его эпохи объясняется то, что памятники XII—XV вв. оказались сравнительно быстро и хорошо изученными и составили основу суждений о главных чертах азербайджанской архитектуры. В связи с проектированием малоэтажных домов в 1944—1947 гг. довольно интенсивно изучалось народное жилище XVIII—XIX вв., сохранившееся в ряде районов. Таким образом, достаточно хорошо изученными оказались два полюса — уникальные памятники XII—XV вв. и жилищная архитектура двух последних столетий. Зодчество Азербайджана и древнего и раннесредневекового периодов, памятники XVI—XIX вв., исключая жилища и дворец шекинских ханов, продолжали ждать своего исследователя.

¹ В. И. Ленин. О литературе и искусстве. М., 1956, стр. 300.

В начале 50-х годов выявилась необходимость создания истории архитектуры Азербайджана с охватом всех этапов ее развития, и изучение архитектуры соответствующих периодов и связанных с нею проблем стало безотлагательной задачей. Следовательно, необходимо было заняться изучением самих памятников, за исключением 3—4-х сооружений, оставшихся неопубликованными, попытаться обнаружить данные о градостроительстве, одновременно исследовать проблемы развития зодчества того периода, выявить ведущие черты архитектурного творчества.

Следует подчеркнуть, что исторические судьбы Азербайджана в этот период — непрекращавшиеся военные действия на его территории, временами ограниченность материальных ресурсов — определили направление развития зодчества, несущего в себе черты целесообразной простоты и лаконизма, наряду с крупными, богато декорированными сооружениями предшествовавшего времени, воспринимавшегося как признак упадка архитектуры.

Примером непонимания характера развития азербайджанского зодчества после XV в. является небольшая заметка в две страницы А. Алекперова, опубликованная в 1928 г. А. Алекперов одним из первых обратил внимание на отличительные черты развития азербайджанского зодчества и искусства в XII—XV вв. Стараясь осмыслить эти отличия, он писал: «Если началом расцвета азербайджанского искусства, судя по дошедшим до нас памятникам, можно считать XI—XII вв. (нахачеванские башни), то полный его расцвет должно отнести к XV в. (дворец ширваншахов в Баку). Сефевиды почти ничего нового в искусство не вносят. Зная дальнейшее развитие искусства Персии (также в Азербайджане), мы видим в искусстве сефевидов естественное начало упадка. Если в литературе сефевиды ушли в стилизацию, в религии достигли уточенной догматики, то в изобразительном искусстве они развивают рисунок в ущерб общей композиции, впадая в измеченность форм... Сефевиды строили много и спешно, что, конечно, отражалось на выдержанности стиля. Часто искусство принимает характер штампа. Одни части сооружений чрезмерно преобладают над другими — портал загорает все строение, купол и минареты превращаются в ненужные приделки...»².

² А. Алекперов. По искусству Азербайджана. «Изд. об-ва обследования и изучения Азербайджана», 1928. № 3, стр. 227—228.

Категорический тон, каким испровергается искусство эпохи сефевидов, объясняется, конечно, уровнем знаний того времени, когда писались приведенные строки. Высокое развитие азербайджанской поэзии, живописи, прикладных искусств именно в сефевидскую эпоху, по крайней мере в XVI в. и в определенные периоды XVII в., теперь не нуждается в доказательствах. Высказывание же автора об архитектуре, к сожалению, обнаруживает его некомпетентность в этой области.

Для правильной оценки архитектурных явлений прошлого, для верного освещения истории архитектуры огромное значение имеет направляющее указание партии и правительства об устранении одностороннего и эстетского понимания зодчества, сформулированное в постановлении Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». Очевидно, что правильное раскрытие достоинства архитектуры той или иной эпохи невозможно, если исследование ограничивается только уникальными сооружениями и не привлекается к рассмотрению вся поменяющаяся архитектура изучаемого периода, если не прослеживаются те условия, которые привели к возникновению различных типов сооружений, пусть ничем не примечательных с точки зрения архитектурного декора и простых по решению фасадов, но хорошо продуманных и удовлетворяющих определенные потребности. Разумеется, решение этих сооружений диктовалось материальными и техническими возможностями эпохи. Таковы в архитектуре Азербайджана XVI—XIX вв. изучаемые бани, овданы, караван-сарай, мосты и некоторые другие типы сооружений. Особняком стоит жилище, изучение которого особо поучительно в свете высказанных соображений.

Малая изученность архитектуры Азербайджана исследуемого в работе периода в совокупности с кратко сформулированными выше принципами подхода к задачам исследования истории архитектуры определило этапы работы, ее направление и круг проблем, подлежащих рассмотрению.

В первоначальном этапе работы необходимо было разобраться в наличии фонде сохранившихся памятников эпохи, что было очень важно, поскольку лишь два—три памятника были достаточно изучены и опубликованы. Данные о других памятниках не выходили за рамки фиксирования органов охраны памятников архитектуры и упоминаний в сообщении-х оспедомительного характера. Следова-

но, был неизбежен процесс обмера, сбор немешшихся обмерных материалов и описание опубликованных памятников. Таким образом, выявился фонд памятников, отражающих характерные черты архитектурного развития XVI—XIX вв., и основные типы сооружений. Естественно, что процесс изучения отдельных сооружений выдвинул проблему изучения градостроительства эпохи и вынесения общей картины развития архитектурного облика городов в различные этапы изучаемого периода.

То обстоятельство, что сохранившиеся образцы жилой архитектуры нам известны лишь начиная с XVIII в., к сожалению, не позволяет проследить ее развитие в городах на всем протяжении изучаемого периода. Однако жилые дома XVIII в. и начала XIX в. дают возможность хотя бы в общих чертах судить о жилище предшествовавших XVI—XVII вв.

Для оценки архитектурного стиля, его зрелости первостепенное значение имеет раскрытие связей между строительно-конструктивной основой и архитектурно-композиционными приемами. Имеющийся материал позволяет прийти к некоторым выводам и по этой проблеме. К сожалению, мы не располагаем принятыми данными об организации строительства в данный период, поэтому в этой своей части работа базируется, в основном, на косвенных данных.

В работе рассматриваются центры архитектурно-художественной деятельности, положение мастеров, вопросы их квалификации, общественного положения и условий подготовки. Для истории архитектуры Азербайджана немаловажное значение имело также обобщение сведений о самих мастерах. Основными источниками здесь являлись надписи памятников, дополнительные сведениями трактатов о мастерах искусства. Наряду с широко известным сочинением Казы Ахмеда «Трактат о каллиграфиях и художниках», опубликованном на русском языке в 1947 г., в подлинниках использованы сочинения Мустафа Аали «Мэнаг-иб-е хюсерверан», Дост Мухаммеда «Халат хюсерверан», Садиги Китабдара «Маджмаул Хэвас» и его же трактат о живописи «Канун-е Сувар».

В отличие от других проблем искусства ближневосточных стран, в зарубежной искусствоведческой литературе относительно лучше суммированы встречающиеся в средневековых источниках данные о мастерах искусства. Использование этой довольно обширной литературы дало возможность уточнить некоторые

вопросы деятельности мастеров, плохо освещенные данными по Азербайджану.

Наконец, принципиально важным было правильное освещение явлений в области архитектуры в период вхождения Азербайджана в состав России, раскрытие прогрессивных последствий этого акта в области зодчества.

Так, кратко вырисовывались состояние и задачи изучения архитектуры Азербайджана XVI—XIX вв.

Следует подчеркнуть, что исследование по архитектуре Азербайджана до XV в., проводившееся большим коллективом, и опыт, приобретенный в этой работе, имели большое значение для изучения архитектуры последующих периодов. Обобщающие работы С. А. Дадашева и М. А. Усейнова, изданные в 1950—1956 гг., имели большое значение в разработке истории архитектуры Азербайджана³. Ценные работы по архитектуре Азербайджана XII—XIV вв. были включены в состав сборников «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами» (1947), а также «Архитектура Азербайджана (черчки)» (1952).

Существующая литература по XVI—XIX вв. может быть разделена на три группы. Первую группу составляют отчеты и сообщения, появившиеся в печати в 20-х годах. Это в основном статьи Е. А. Пахомова, Д. Шарифова, А. Алекперова, И. Азимбекова, Р. Эфендиева, В. С. Сысоева, Дж. Александровича (Насыфи) и Фигуни, опубликованные в «Известиях Общества обследования и изучения Азербайджана», «Известиях Азербайджанского археологического Комитета», «Известиях Азербайджанского Комитета охраны памятников старины и природы».

Наибольший интерес среди них представляли сведения о крепости Аскеран (Е. А. Пахомов), о памятниках Карабаха и сел. Калахана Шемахинского района (В. М. Сысоев), о древнем типе жилища «карадам» (А. Алекперов), о памятниках Нардарана (И. Азимбеков), Шемахи и Гянджи (Александрович, Насыфи), о памятниках Нухинского и Куткашенского районов (Д. Шарифов, Р. Эфендиев), о последней столице шемахинских ханов на Фитдаге (Фигуни). Эти публикации, несмотря на свой предварительный характер, весьма ценны и содержат много важных исторических сведений и преданий, собранных их

³ С. А. Дадашев и М. А. Усейнов. Архитектура Азербайджана (черчки). М., 1948; в х же. Архитектурные памятники Баку, М., 1946; в х же. Ансамбль дворца ширваншахов в Баку, М., 1956; М. А. Усейнов. Памятник азербайджанского зодчества.

авторами. Работы этих лет сыграли положительную роль в фиксации памятников архитектуры и привлечении к ним внимания специалистов. Однако планомерное изучение памятников архитектуры XVI—XIX вв. началось только в 40-х годах, когда многочисленные экспедиции архитекторов, направленные в районы Азербайджана, начали изучение жилища и архитектуры памятников республики. В результате был накоплен ценный материал по народному жилищу многих районов. Эти данные были опубликованы участниками экспедиций во втором сборнике, вышедшем в 1950 г., «Архитектурные памятники Азербайджана»⁴.

Несмотря на различную степень охвата материала взятых районов и разработку вопросов развития жилища, все эти статьи объединяет новизна материала и высокий профессиональный уровень опубликованных обмеров жилья, впервые показавших истинные изумительные образцы архитектуры жилища Азербайджана.

Дальнейшим этапом в изучении азербайджанского жилища явились кандидатские диссертации, посвященные жилищу нагорных районов: А. В. Саркисова (1948) и А. А. Садыхаде (1954), всесторонне рассматривающие типологические, архитектурно-художественные и строительно-конструктивные особенности жилища Кубинского, Шушинского, Нухинского, Закатальского, Кусарского и некоторых прилегающих к ним районов. Отдельные части этих диссертаций были опубликованы в 1952—1957 гг., в частности в книге «Архитектура Азербайджана (черски)», изданной в 1952 г. Таким образом создается достаточная база, позволявшая выполнить автору данной работы совместно с кандидатом архитектуры А. А. Садыхаде монографическое исследование под названием «Жилые дома Азербайджана XVIII—XIX вв.» (Баку, 1961), охватившее примечательные с точки зрения архитектуры жилые дома всех основных районов республики.

В области же памятников монументальной архитектуры предшествующая литература ограничивается имеющимися публикациями всего нескольких памятников, в числе которых наиболее важными являются — дворец шехин-

ских ханов в Нухе и Джума-мечеть в Кировабаде.

В многочисленной литературе 20-х и 30-х годов о дворце шехинских ханов в Нухе можно выделить статью Б. В. Веймарна «Дворец-музей в Нухе», опубликованную в журнале «Искусство» в 1938 г. В дальнейшем нухинский дворец был всесторонне исследован Л. С. Братанским, посвятившим этому памятнику свою кандидатскую диссертацию (1945), части которой были опубликованы в 1947 и 1952 гг. соответственно в I томе Трудов Института истории Академии наук Азербайджанской ССР и в книге «Архитектура Азербайджана (черски)». Несмотря на полноту и тщательность этой работы, выявленные за последние годы новые надписи на памятнике, найденный старый чертёж Нухинской крепости и наблюдения, сделанные в процессе ныне проводимых реставрационных работ, позволяют в настоящее время ввести уточнения в некоторые вопросы, связанные с историей памятника, установить имена мастеров, участвовавших в его возведении и отделке, а также осветить особенность некоторых конструкций. Росписи дворца, как и ряда других памятников XVIII—XIX вв., подробно изучены в 40-х годах Н. М. Миклашевской и опубликованы в сборнике «Искусство Азербайджана» (вып. 2 и 4).

Один из наиболее крупных памятников XVII в. — Джума-мечеть в Кировабаде — рассмотрены в статье М. Алиева (1952), написанной по материалам произведенных им обмеров памятника. Сведения статьи в настоящее время значительно дополнены данными об авторе здания и его довольно интересном архитектурном окружении. Сравнительно недавно в Трудах Музея истории Азербайджана вышла статья Н. Рзаева, посвященная гробнице так называемого «Имамзаде» в Кировабаде, проиллюстрированная хорошими обмерами автора.

Этими работами ограничиваются специальные публикации памятников XVI—XIX вв. Особую ценность представляют работы А. Алекскерзаде, посвященные надписям памятников интересующего нас периода, в частности кубинских, апшеронских и др. Вместе с накопленными, но еще неопубликованными материалами исследования А. Алекскерзаде, выявившие данные о дате сооружения памятников, о зодчем и т. д., представляют немаловажный вклад в дело изучения истории памятников.

Фонд памятников и типы сооружений эпохи, изучавшиеся нами в процессе работы над

историей архитектуры Азербайджана, были частично опубликованы отдельными статьями и вошли в соответствующие разделы данной монографии.

Скудость литературы обязывала обратить особое внимание на выявление и изучение различных источников и архивных материалов; исключительно на их основе построена глава работы о градостроительстве.

В первую очередь были привлечены сообщения путешественников и ученых, посетивших Азербайджан в XVI—XIX вв. В числе их русские путешественники, послы и ученые — Котов, Суханов, Мышецкий, Вольнский, Пазухин, Березин, Дорн; английские путешественники, турецкий путешественник Овлия Челеби, французы Тавернье, Шарден, Монпье, голландцы Стрейс и Корнелиус де Бруин, Адам Олеарий, Лерх, Кемпфер, Гмелин, Маршалл фон Биберштейн и др.

Особую ценность представляют подробные и, как показали сравнения с другими данными, отличающиеся большей достоверностью сведения Адама Олеария, Овлия Челеби, Джона Болла, Биберштейна, Котова, Тавернье, Гмелина и Лерха, без всестороннего изучения и анализа которых невозможно было бы восстановление картины городов Азербайджана в XVI—XIX вв.

Ценные сведения содержат также исторические труды того же времени, среди которых особенно важны для нас сочинения азербайджанских историков Искендера Мушши, Аббаскули-ага Бакиханова, Мирза Адигезал-бека, Керим-ага Фатеха; турецкого историка XVII в. Катиба Челеби, сочинение Дампера и др.

Однако как ни ценны сведения и зарисовки путешественников и историков о городах Азербайджана конкретизация их представляла бы почти непреодолимые трудности, если бы не удалось их дополнить данными планов ряда азербайджанских городов, выполненных русскими военными инженерами в XVIII и начале XIX вв., которые были выявлены нами в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве.

К этой группе материалов можно отнести и целую коллекцию зарисовок городов и отдельных памятников азербайджанского зодчества, выполненных в XVIII—XIX вв. русскими художниками, среди которых есть работы Га-

гарина и Верещагина, собранные и введенные в научный обиход К. Керимовым в его исследовании «Азербайджан в произведениях русских художников» (1959).

Совокупность этих материалов не только позволила охарактеризовать особенности градостроительства Азербайджана, но и обрисовать градостроительную структуру наиболее крупных городов: Тебриза, Ардебил, Нахичевани, Баку, Гянджи, Шемахи, Нухи и Шуши.

Обнаруженные в том же архиве обмеры целого ряда ныне не существующих памятников архитектуры значительно расширили наше представление об архитектуре Азербайджана за счет пополнения круга известных памятников и даже некоторых типов сооружений. Среди выявленных материалов обмеры таких крупных сооружений, как торговый комплекс в Баку, дворец бакинских ханов, система сооружений бакинского средневекового водопровода и др.

Немаловажным источником сведений для освещения развития архитектуры Азербайджана в наиболее поздний период — в XVIII—XIX вв. — являются документы, найденные в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, Центральном государственном архиве военно-морского флота, в государственных исторических архивах Азербайджана и Грузии.

И, наконец, необходимо отметить еще один важный источник сведений по XVIII—XIX вв. — это данные, содержащиеся в периодических изданиях XIX в. таких, как газета «Кавказ», кавказские календари, акты Кавказской археографической комиссии, различные исторические и кавказоведческие сборники типа «Обзорная Российских владений за Кавказом», публиковавшиеся как на Кавказе, так и в центральных городах Российской империи.

Хочется подчеркнуть, что успешное решение поставленных автором задач было бы невозможно без той широкой разносторонней исследовательской работы в области архитектуры и смежных областей искусства, ведущейся как в центральных, так и в республиканских научных учреждениях. Все эти исследования, дополняющие друг друга, ориентировали автора в решении тех или иных вопросов, освещение которых данными по Азербайджану было бы исключительно трудно.

⁴ В. И. Вартанесов. Жилые дома города Ордубада XVIII—XIX вв. С. Датиев и Д. Мотис. Жилые XVII и XIX вв. Закатальского района; Н. А. Джеванишвили, Т. И. Мамедханлы, Н. А. Рудман. Жилые дома Кировабада XVIII—XIX вв.; А. М. Алиева и А. В. Саркисов. О жилище Шуши.

Глава первая

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ СООРУЖЕНИЙ

Условия и особенности развития архитектуры

Конец XV и начало XVI в. характеризуются в Азербайджане борьбой за создание централизованного государства под эгидой ардебильских шейхов-сефевидов. Хотя развернувшаяся ожесточенная борьба велась под флагом распространения шиизма, чисто политические цели шаха Исмаила, заключавшиеся в стремлении создать крупную империю, имели первостепенное значение. Сложившееся к тому времени в Передней Азии политическое положение — угроза распространения османской империи на Востоке и необходимость организации отпора завоеваниям турок, — несомненно также содействовали возникновению централизованного азербайджанско-сефевидского государства.

В результате многочисленных военных столкновений между государствами Кара-коюнлу и Ак-коюнлу, между Ак-коюнлу и тимуридами, внутренних распри в государстве Ак-коюнлу и непомерного увеличения различных налогов и поборов положение крестьянства и ремесленников к исходу XV в. стало невыносимым. От феодальной раздробленности страны и многочисленных междоусобиц сильно страдала также торговля.

Таким образом, объединение страны в единое централизованное государство отвечало интересам многих слоев населения⁵. Сефевиды сумели использовать недовольство широких масс в политических целях, привлекая их на свою сторону обещанием улучшить их положение после победы шиизма.

Победа войск шаха Исмаила над ширваншахом Фаррух-Иессаром (1500) и войсками Ак-коюнлу (1501) была важнейшей вехой в консолидации государства сефевидов. К 1510 г. шах Исмаил владел не только Азербайджаном, но Ираном и рядом соседних областей. Столицей объединенного азербайджанско-сефевидского государства шах Исмаил избрал Тебриз, уже в течение нескольких столетий бывший столицей различных государственных образований.

Очевидно, что предпринятое в начале царствования Исмаила I уменьшение податей и налогов преследовало определенную цель — укрепить новую власть и заручиться поддержкой крестьянства в завоевательных походах. Уже при шахе Тахмасибе I начинается неуклонное увеличение податей и повинностей, тяжелым бременем лежавших на крестьянах и городской бедноте. Об этом свидетельствуют частые в 70—90-х годах восстания крестьян и ремесленников против далогового гнета.

В связи с избранием в качестве столицы города Тебриза и утратой Ширваном былого его значения, политические и экономические центры страны перемещаются в южные области. Свое значение как крупнейший центр культуры, торговли и ремесленной промышленности и как узел караванных путей Тебриз сохраняет на протяжении всего XVI в. и отчасти еще и в XVII в.

⁵ История Азербайджана, т. I, под ред. академиком АН Азерб. ССР И. А. Гусейнова, А. С. Сумбатзаде, докторов историч. наук А. Н. Гулиева, Е. А. Токаржевского. — Баку, 1958, стр. 224.

В рассматриваемый период характер феодальных отношений в стране не претерпевает существенных изменений. Формы землеустройства и вассальных отношений, в основном, повторяют, уже сложившиеся ранее. Однако можно отметить увеличение фонда государственных — дивани, и царских земель — хасэз. Значительные земельные угодья находились в руках религиозных общин в виде вакфа. Преобладающей формой пожалования земель становится тиоль, суть которого заключалась в наделении земель государственных служащих. Усиливается, таким образом, феодальная бюрократия в противовес кочевой знати. Увеличение фонда земель, находящихся непосредственно под контролем государства, и широкое пожалование их (тиоль), очевидно, было связано с попыткой укрепить центральную власть.

Консолидация азербайджанских земель в пределах одного централизованного государства способствует развитию культуры и искусства.

XVI в. был периодом крупных достижений в области литературы. Поэтическое творчество Мухаммеда Физули (1498—1556), является вершиной развития средневековой литературы Азербайджана. Физули внес крупнейший вклад в дальнейшее развитие азербайджанского литературного языка, превратив его в язык выражения тончайших человеческих переживаний, глубоких философских мыслей. Для поэзии Физули характерно то, что его живая связь с народным поэтическим творчеством не имеет форму фольклора, а представляет высокохудожественное развитие древних традиций народной поэзии. Именно поэтому школа Физули на всем протяжении XVI—XVIII вв. обладала такой жизненной силой и объединяла поэтов различных областей Азербайджана от Тебриза до Шемахи.

Талантливым поэтом был и сам основатель династии сефевидов шах Исмаил, занимающий почетное место в истории азербайджанской литературы под псевдонимом Хатаи⁶.

XVI—XVIII вв. характерны для Азербайджана усилившимися связями между различными областями художественного творчества.

Зодчество XVI—XVII вв. в значительной степени продолжает традиции предыдущего периода. Создается ряд выдающихся произве-

дений, среди которых крупнейшим является уникальный комплекс культовых сооружений в Ардебиле, на создание которого были направлены усилия царствующей династии. В целом же для XVI—XVII вв. характерны сооружения, ценные простотой и целесообразностью форм, в которых основным средством выразительности избраны объемно-пространственные приемы композиции.

Ценность памятников архитектуры данного периода определяется не отдельными, в ряде случаев выдающимися памятниками, но, главным образом, четким выражением типологических особенностей тех или иных видов сооружений во многих однотипных памятниках.

Эти типологические особенности определенной группы памятников часто так ярко выражены, что отдельные сооружения внутри типологической группы отличаются лишь частностями, достаточно их индивидуализирующими. Такая однотипность сооружений, в первую очередь, была результатом того обстоятельства, что в архитектуре раз найденное целесообразное решение не отбрасывалось последующими зодчими, а подхватывалось и развивалось дальше. Иначе говоря, архитектурное развитие данного периода показательно и характерно не творчеством отдельных зодчих, а преемственностью архитектурного развития. Эта преемственная связь всего архитектурного развития обеспечивала выработку определенных типов, наиболее полно отвечающих потребностям и возможностям своей эпохи. Несомненно, однако, что выработка типовых особенностей сооружений способствовала также довольно интенсивная строительная деятельность, характерная для определенных периодов строительства в XVII в. С точки зрения высказанных соображений весьма характерны дошедшие до нас одновременно возведенные мавзолей близ сел. Калахана Шемахинского района (XVII в.).

Архитектурные памятники XVI—XVII вв. в целом характеризуются еще одной особенностью. Так как центр тяжести строительства в этот период не лежал на создании уникальных сооружений, в отличие от XII—XV вв., декоративно насыщенные сооружения составляют исключение. Для архитектурного решения многих, наиболее широко распространенных сооружений характерно применение довольно простых членений. Явно ощущается стремление зодчих решить задачу объемно-пространственными средствами. Одним из излюбленных приемов архитектуры XVII в. становятся

⁶ История азербайджанской литературы (с древнейших времен до конца XVIII в.), т. I, (на азерб. яз.), Баку, 1960, стр. 324—339.

глубокие стрельчатые арочные ниши, лишённые декоративного убранства. В соответствии с этим меняется характер порталных композиций, бывших в XII—XV вв. декоративно наиболее насыщенными частями сооружений. В рассматриваемую нами эпоху порталные композиции в основном подчёркнуты объёмно-пространственными средствами. Сочетание основных конструктивных элементов — купола, арок и стен — определяет характерную композицию архитектурных памятников этого периода.

Отмеченные особенности архитектурного развития в большей или меньшей степени нашли свое отражение во всех типах сооружений.

XVI—XVII вв. не создаются новые архитектурные типы, хотя ранее сложившиеся типы сооружений претерпевают существенные изменения. Мавзолей, культовые сооружения, караван-сарай, мосты, овданы и бани остаются основным видом строительства. Не имеет уже места, например, строительство башенных мавзолеев. Это было социально обусловленным явлением, объясняющимся исчезновением крупных, почти самостоятельных феодальных владетелей, с одной стороны, и усилением религиозно-мистического содержания в общественной жизни. В результате крупнейшим представителям правящей верхушки вместо башенных мавзолеев с их мемориально-светским характером⁷, воздвигаются гробницы с явно выраженным характером поминальных мечетей.

Изменения наблюдаются в дорожных каравансараях севера (Ширвана); сооружения эти не имеют уже обнесённой стеной внутреннего двора, как у караван-сарая XV в. Значительное развитие получает строительство городских караван-сараяв, иногда довольно значительных размеров. Сохранившиеся мосты XVI—XVII вв., представляющие собой значительные инженерные сооружения, в то же время интересны в архитектурно-художественном отношении.

Значительное по объёму строительство культовых сооружений — мечетей, в основном, связано с XVII в. Квадратный в плане зал, сосредоточенные в углах подсобные помещения, глубокие ниши на фасадных стенах определяют наиболее характерный тип этого периода.

Определённые изменения происходят как в архитектурных формах, так и в архитектурных деталях. Строгие очертания арок прежних лет в некоторых сооружениях XVII в. сменяются арками сложного очертания. Стакитовые композиции реже применяются в фасадах зданий, а в интерьере имеют подчёркнуто декоративный характер. Декоративно насыщенные композиции, занимавшие большое место в сооружениях XII—XV вв., встречаются только в ардебильском комплексе, уступив место простым порталам, выделяющимся только благодаря значительной их глубине. Часто применяются также обрамления входов в виде порталов.

Связанные с архитектурой декоративные искусства также претерпевают изменения. Достигнув высокого уровня развития в ардебильском комплексе, исчезает изразцовая орнаментика и поливные кирпичи, за исключением единичных к тому же качественно невысоких примеров. В изразцовом убранстве преобладают растительные мотивы, предвещающие мотивы стеновых росписей последующего времени⁸. В XVII в. резьба по камню в Ширване продолжает оставаться на высоком уровне.

Строительная техника и применяемые строительные материалы в XVI—XVII вв. в целом остаются те же, что и прежде. Высоким качеством строительных работ отличаются кирпичные сооружения ардебильского комплекса (XVI—XVII вв.) и каменные сооружения Ширвана (XVII в.).

В XVIII в. упадок в области монументальной архитектуры и строительства определялся прежде всего предельной раздробленностью страны, замкнутостью экономики различных ханств. «Почти сороклетняя (1709—1747) война, феодальные междоусобия, турецкие и иранские вторжения, крестьянские восстания — привели к огромному разрушению производительных сил во всем Восточном Закавказье. Во второй половине XVIII в. внешняя и внутренняя торговля сохранилась до очень небольших размеров, города опустели. В конце XVIII в. ни один из городов северного Азербайджана не насчитывал свыше 6 тысяч жителей»⁹.

История Азербайджана XVIII в. — это история почти беспрерывных нашествий или

внутренних столкновений. Все крупные города Азербайджана подверглись разрушению.

При таких условиях, когда рушилось великое созданное, естественно, не было места для нового сколько-нибудь значительного строительства. Строительная деятельность этого периода была направлена, в первую очередь, к созданию укреплений вокруг резиденций ханов и строительству для них дворцов. Интересы городов и городского населения приносились в жертву оборонительным задачам.

Положение в стране накануне вхождения Азербайджана в состав России было тяжелым во всей совокупности политических и экономических факторов. «Типичная для всего Востока XVII—XVIII вв. экономическая отсталость, а также разбойничьи, захватнические и разорительные нашествия персидских и турецких феодалов и внутренние феодальные междоусобия в Азербайджане весьма отрицательно влияли на развитие городской торгово-ремесленной жизни страны, и без того находящейся в тисках феодального строя»¹⁰.

Совершенно естественно, что экономическая разруха в стране ошутимее всего должна была отозваться в области архитектуры и строительства. Если в конце XVIII и начале XIX в. все же можно отметить ряд сооружений, возведённых в этот период, то ни их архитектурные, ни их строительные качества не могут идти ни в какое сравнение с постройками предыдущих периодов развития азербайджанского зодчества. Даже в тех случаях, когда мастера, используя традиции недавнего прошлого, создавали привычные и приемлемые с точки зрения архитектуры сооружения, выполнения их в натуре показывает упадок строительного мастерства. В этом отношении весьма показательны мавзолей «Едди Гюмбез». Здесь нашли отражение лучшие традиции ширванского зодчества в создании восьмигранных мавзолеев в построении архитектурной композиции этих памятников. Однако качество выполнения этих сооружений в натуре несравненно ниже, чем в сооружениях ширванских владов XVIII в., не говоря уже о постройках XV в.

В XVIII в. значительно упрощаются и отделочные работы. Дорогостоящее и сложное по технике выполнения изразцовое убранство заменяется несравненно более дешевой рос-

писью, не требующей организации специального керамического производства. Майолика также заменяется росписью и не только в интерьерах, но и в экстерьерах зданий. Необходимо заметить, что развитие стеновых росписей Азербайджана этого периода не может рассматриваться вне связи с традициями предшествующего полихромного майоликового архитектурного убранства. Многие мотивы росписей XVIII в. и последующего времени, генетически совершенно ясно связаны с мотивами глазурованной облицовки памятников архитектуры XVI—XVII вв.

Культовые сооружения

С образованием сефевидского государства существенных изменений в характере феодальных отношений не происходит. Новая власть, стараясь создать себе социальную базу, проводит ряд мероприятий, основным из которых является введение землепользования — тиюль. Таким образом, усиливается феодальная бюрократия, усиливается также землевание религиозных общин. Характерные для начального периода сефевидского государства тенденции упрочения связи с широкими массами кочевников и стремление опереться на них были быстро забыты, и сефевидское государство оформилось как феодально-теократическое.

В целом государственная власть и духовенство значительно усиливают мистические начала в религиозном одурманивании народных масс. Тем более, что сефевиды всячески подчеркивают, что они поборники религиозного движения — шиизма.

При таком положении в сефевидском государстве значительное развитие культового строительства было естественным. В это время наряду с мечетями большое место занимает сооружение медресе, техие, завие и иных видов культовых учреждений. Крупнейшие погребальные комплексы XVI—XVII вв. трактуются как культовые очаги. Характерная для предшествующего периода светская мемориальная специфика погребальных сооружений утрачивается. Ряд мечетей этого периода является и погребальными сооружениями.

Культовое строительство в XVI в. сосредоточивается, главным образом, в южных областях страны. На севере, особенно в Ширване, культовое строительство велось в очень ограниченных масштабах. Такое явление объясняется, на наш взгляд, следующими причинами. После создания сефевидского государства северные области теряют свое былое эко-

⁷ А. В. Саламадзе. Некоторые вопросы генезиса и изучения башенных мавзолеев Азербайджана. «Искусство Азербайджана», вып. II, Баку, 1949, стр. 108.

⁸ А. В. Саламадзе. К изучению стеновых росписей Азербайджана. «ДАН Азерб. ССР», т. X, № 6, 1954.

⁹ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Т. I, 1949, стр. 336.

¹⁰ А. С. Сумбатзаде. Статьи в сборнике, посвященном исследованию прогрессивных исследований вхождения Азербайджана в состав России в области экономики и культуры (XIX — нач. XX вв.) Баку, 1955, стр. 9.

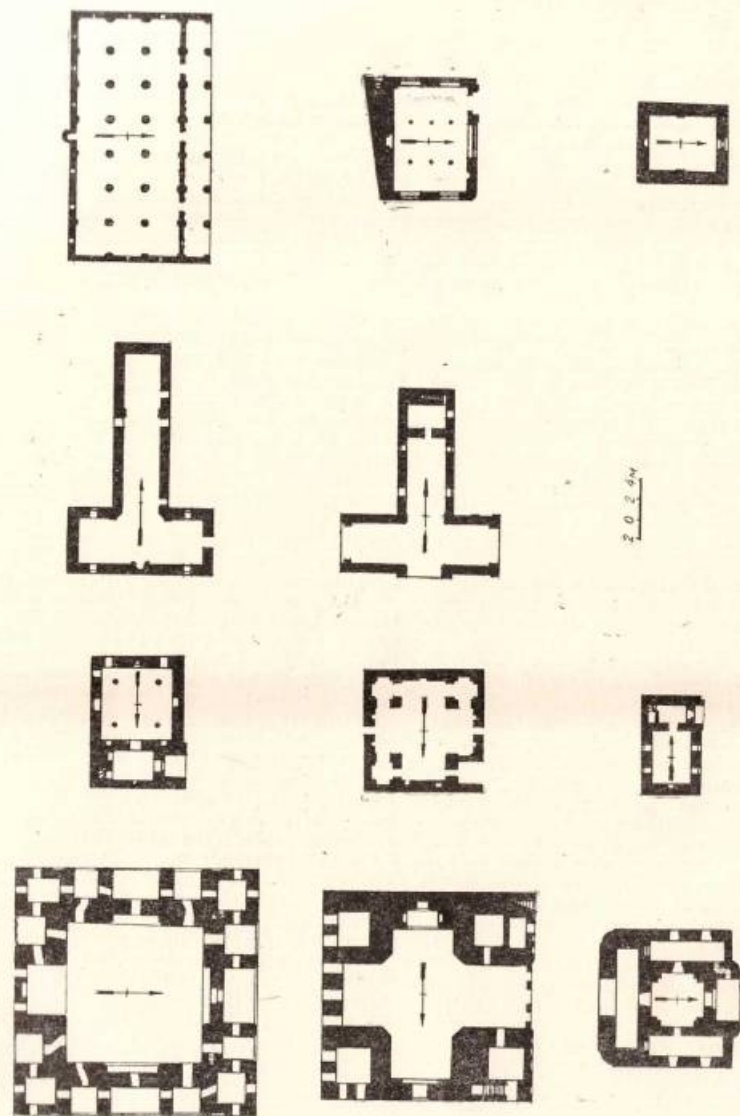

Рис. 1.
Сравнительная таблица культовых сооружений XVI—XIX вв.

номическое и политико-административное значение. Таковыми стали теперь южные области и города. К тому же в XVI в. на территории северных областей страны шли непрерывные военные действия.

Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что в Ширване в течение благополучного XV в. были построены во всех населенных пунктах мечети и в строительстве новых необходимости, очевидно, не было.

В значительных масштабах культовое строительство велось на Апшероне в XVII в. Мечети, датируемые XVII в., сохранились в большинстве старых населенных пунктов Апшерона — Бузовнах, Маштагах, Марджянах, Нардаране, Кишлах и в ряде других.

Изучение основного вида культового строительства — мечетей, позволяет отметить два главных типа в решении их плана. Первый тип мечетей с четко выраженными осями композиции — главным входом с северной стороны, расположенным на основной оси; северный Второй тип характеризуется асимметричным расположением входа. Таковы мечети Апшерона, небольшие по своим размерам. Наблюдаемое в них расположение главного входа не по главной оси зданий не следует рассматривать как результат стремления добиться асимметричного решения композиции фасада. Думается, что асимметричность являлась следствием рационального использования небольшой площади помещения. При таком решении наиболее выигрышная часть площади — центральное пространство помещения — расположена прямо против михраба и, следовательно, самая главная при богослужении, при котором необходимо ориентироваться на киблу, отмеченную михрабом, используется полностью и не теряется для движения входящих в мечеть или выходящих из нее. Для прохода отводилось угловое, «мертвое» пространство.

Объединяющим для планового решения обоих типов является наличие центрального, квадратного в плане пространства, перекрытого куполом. Каждый из типов имеет различные вариации основной схемы.

В конце XVII в. на Апшероне появляется тип T-образных мечетей, появление которых объяснялось стремлением зодчих доступными им конструктивными средствами добиться создания достаточно емких помещений. Так появляется сочетание перекрытого куполом помещения с длинным сводчатым рукавом.

По типу к мечетям примыкают купольные гробницы. Повторяя во многом планировку и архитектурное решение мечетей, гробницы от-

личаются от них, в основном, отсутствием михраба. Некоторые из мечетей подобного типа являются позднейшей переделкой мавзолеев центрально-купольного типа¹¹. В тех случаях, когда переустройство мавзолеев под номинальные мечети не представлялось возможным, — особенно, когда приходилось иметь дело с мавзолееми восьмигранного типа, с ограниченным внутренним пространством, — мечети строились рядом с мавзолеем, зачастую без архитектурной увязки с ним.

Велико было значение крупных пятничных мечетей — Джамы, или Джума-мечетей в общем архитектурном организме городов. Не касаясь здесь вопросов, связанных с планировкой городов, отметим, что крупный объем их куполов и вертикали минаретов занимали доминирующее место в общей пространственной композиции города. Неслучайно поэтому в зарисовках азербайджанских городов европейскими путешественниками XVI—XVIII вв. так акцентированы мечети.

Излюбленным композиционным приемом культового строительства в этот период является оформление фасадных стен в виде ряда глубоких стрельчатых ниш — айванов. Характерно обрамление стрельчатых арок прямоугольной выступающей рамкой. Метрический ряд стрельчатых арок, заключенный в прямоугольное обрамление, составляет обязательную принадлежность архитектуры культовых сооружений — мечетей, медресе и многих погребальных сооружений XVII в., возведенных на большой территории от Тебриза до Гянджи. Такое членение фасадов как нельзя лучше соответствует характеру центрально-купольных сооружений. Завершающие их объемы центральных стрельчатого очертания куполов композиционно акцентируются повторяющимися глубокими стрельчатыми нишами. Главный вход, а иногда и боковые осевые проемы разбиваются в порталы, отличающиеся от остальных ниш большими размерами и глубиной.

Большая пространственность общей композиции является существенной отличительной чертой культового зодчества рассматриваемой эпохи.

Значительные изменения претерпевают также такие интересные объекты культового строительства, как минареты. Сохраняя свою цилиндрическую форму, минареты XVI—XIX вв. отличаются от минаретов предыдущего

¹¹ О номинальных мечетях см. А. В. Саламзаде Гробница Дери Баба в сел. Маразы. «Изв. АН Азерб. ССР», 1949, № 7.

в орнаментическом периоде прежде всего оформлением из завершающей части. Двухступенчатое решение верха минаретов — поддерживаемый скалактитами балкон муэдзина и угонное продолжение ствола минарета в виде башенки — больше не применяются. Повсеместно распространяется упрощенное решение. Гладкий или расчлененный тягами цилиндрический ствол завершается не сталактитовым балконом, а куполом на небольших столбиках. Муэдзин теперь должен двигаться внутри пространства, определяемого диаметром ствола минарета.

Некоторые изменения произошли и в призматическом сочетании минаретов со зданиями мечетей. Наряду с ранее известным приемом возведения парных минаретов, фланкирующих портал, обрамляющий вход на территорию мечети по оси главного ее входа, и распространением на Аншероне асимметричным расположением одного минарета, объединенного с мечетью, в более поздний период (XVIII в.) появляются парные минареты, связанные непосредственно со зданием мечети, или же отдельно стоящий минарет без увязки с мечетью.

Все сказанное о минаретах относится к различным областям страны, исключая Аншерон и Ширван. Здесь, к сожалению, ни одного минарета, построенного после XV в., не сохранилось. Ввиду весьма характерного облика минаретов Аншерона, наличие последних, датируемых XVI—XIX вв., как раз было бы важно с точки зрения выявления тенденций в развитии зодчества Ширвана после XVI в.

В целом культовое строительство XVI—XVII вв. отражает общие для этого периода тенденции в трактовке архитектурных форм и в применении декоративных средств.

Строгие очертания арок прежних веков часто уступают место аркам сложного очертания. Стаलाктитовые композиции реже применяются на фасадах зданий, а в интерьере принимают подчеркнутую декоративный вид. Однако наряду с этим в интерьере культовых сооружений иногда встречаются сталактиты, состоящие из крупных ячеек весьма архаичного облика.

Культовое строительство XVIII в., за отдельными исключениями, маловыразительно, оно ясно отражает в официальной архитектуре несомненный упадок, обусловленный феодальной раздробленностью страны и утратой торгового значения многих крупных городов.

В культовом строительстве XVIII и XIX вв. заслуживающими внимания и изучения следует признать мечети, строившиеся в сельских

местностях и так называемые квартальные мечети — молельные дома (мэхалле месджиди) в городах. Небольшие по объему, они представляют собой цельные архитектурные произведения, отражающие многие черты народной жилой архитектуры. Эйван вместо порталной ниши, деревянные шебеки, резные деревянные колонны, плоские кровли вместо купольных перекрытий, обработка михрабов в формах, близких к «бухары» — вот те черты архитектуры квартальных мечетей, которые показывают их непосредственную связь с формами, обычными в народном жилище. В этом отношении наиболее характерны квартальные мечети Ордубада. Показ присущих этим мечетям черт народной жилой архитектуры на примере памятников Ордубада важен потому, что именно здесь сохранились очень показательные для XVII—XVIII вв. образцы официального культурного зодчества (Джума-мечеть, медресе). Вместе с тем следует отметить, что ряд сельских мечетей, несмотря на свои скромные размеры и простоту выполнения, примыкает к культовым памятникам монументального культурного зодчества. Простые, но тесно связанные с монументальной культурой архитектурой мечети сохранились и во многих селениях Аншерона.

Архитектурный облик многих крупных мечетей сходен между собой, несмотря на то, что они находятся в различных частях страны, облик же квартальных или сельских мечетей весьма разнообразен и определяется характером жилой архитектуры, присущей той или иной области. Приведем несколько примеров мечетей такого типа.

Весьма характерным с точки зрения выдвинутого положения следует признать Дильбер-мечеть в Ордубаде. Весь облик мечети, или молельного дома паразитически сходен с жилыми домами Ордубада с характерными окнами «шебеки» и асимметричным, как в жилых домах, порталом. Основным отличием, подчеркивающим в данном случае общевосточный характер сооружения, являются большие размеры окон и размещение их на всех уличных фасадах. По аналогии с жилыми домами Ордубада строительство Дильбер-мечети можно отнести к концу XVIII в. Отсутствие минарета компенсируется здесь, как и в ряде других случаев, специальной лестницей для выхода на крышу, откуда и провозглашались призывы муэдзина.

Несмотря на свои довольно крупные размеры, по ряду особенностей к группе мечетей, связанных с жилыми домами, примыкает ме-

четь XIX в. в райцентре Белоканы. Здесь особенно характерно наличие портика, выполненного в виде эйвана жилых домов. Интересно, отдельно стоящий высокий восьмигранный минарет, возведенный из кирпича.

Рассмотрим несколько культовых памятников этого периода, характерных с точки зрения сформулированных выше общих тенденций развития культового строительства.

Культовый комплекс в Ардебиле. В начале XIV в. Ардебил стал резиденцией местных шейхов. С завоеванием ардебильскими шейхами государственной власти в Азербайджане и в Иране, значение города в течение XVI в. и следующего столетия возрастает. Сохранились многочисленные рассказы путешественников, рвущихся Ардебиль большим оживленным торговым городом. Русский купец Афанасий Котов, ездивший в Иран в 1623 г., так описывает Ардебиль: «...А рядами гостиницы, дворы и посадом всем больше Шамахи и дутше, а все каменное, и лавок много, и гостиниц дворов много, и овощей, и рыбы привозят...»¹². По данным французского купца Тавернье (середина XVII в.), Ардебиль был крупным узлом торговых путей и служил складочным местом. Сюда приходили огромные караваны, состоявшие из 800—900 верблюдов¹³.

Росту значения городов содействовало и то обстоятельство, что в Ардебиле находился некрополь династии сефевидов (1501—1736). Вокруг мавзолея шейха Сефи, в основном в течение XVI в., возникает огромный архитектурный комплекс, который становится местом, чрезвычайно почитаемым шиитами. Сюда стекаются многочисленные паломники. Этот религиозный центр, владея колоссальным вакфным имуществом, имел огромное экономическое значение для всего Ардебиле. Кроме городских караан-сараяв, базаров и лавок, ему принадлежали многочисленные селения, земельные угодья и др.¹⁴. Вопросы, связанные с его вакфным имуществом и именьями, исследованы И. П. Петрушевским¹⁵.

Ардебильский комплекс состоит из различных по назначению сооружений, построенных разновремено, — мавзолея, мечетей,

¹² А. Ф. Котов. О ходу в Персидское Царство. «Временник Московского общества истории и древностей России». М., 1852, кн. XV, стр. 5.

¹³ J. B. Tavernier. Vierzig-jährige Reise-Beschreibung in dreien Thellen. Nürnberg, 1681.

¹⁴ Я. Я. Стрейс. Три путешествия... М., 1935, стр. 203—204.

¹⁵ И. П. Петрушевский. Вакуфные имущества Ардебильского мазара в XVII в. Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947.

Чини-хане, жилых помещений. Все они сгруппированы вокруг ряда дворов.

Непосредственно перед участком, на котором расположены здания комплекса, находится квадратная базарная площадь. В ее северо-западной части высится ныне сильно разрушенный портал. Далее следует сад, к которому ведет выполненный в сдержанных формах портал, фланкируемый справа одной, а слева тремя стрелчатými нишами. Со стороны сада это сооружение имеет точно такой же вид, как и с базарной площади. Портал, находящийся в противоположной восточной части садового двора, ведет в малый двор, соединяющий сад с большим двором. Малый двор, имеющий 14 м в длину и 6 м в ширину, с обеих сторон фланкируется глубокими (1,5 м) нишами со сталактитовыми сводами. Все плоскости стен двора были в прошлом покрыты глазурованной резной орнаментикой, сохранившейся лишь фрагментарно. С малого двора вход ведет в большой двор длиной 31 м и шириной в 16 м. Посередине этого выложенного каменными плитами двора размещен бассейн. Большой двор группирует вокруг себя восьмигранное сооружение, здание мечети с примыкающим к нему круглым мавзолеем шейха Сефи. Так называемое Чини-хане непосредственно со двором не сообщается, а примыкает к помпальной мечети. За мечетью, около мавзолея шейха Сефи, расположено несколько погребальных помещений, в том числе усыпальница шаха Исмаила I.

Самым ранним сооружением комплекса, по всей вероятности, является открывающаяся на большой двор значительной по размерам порталной нишей восьмигранная мечеть, возведенная, по мнению Ф. Зарре, в XIII в. Затем, очевидно, был построен мавзоль шейха Сефи, а еще позже, в течение XVI—XVII вв., сооружались другие здания. Таким образом, культовый комплекс в Ардебиле по своему внешнему виду сложился уже в XVII в., а в дальнейшем производились лишь мелкие работы ремонтно-реставрационного характера.

Перейдем к рассмотрению отдельных сооружений комплекса.

Портал, ведущий на участок, довольно значительных размеров с глубокой нишей, завершенной сталактитовым сводом. Сохранившаяся надпись сообщает, что портал возведен в 1057 г. х. (1647—1648) и отделка его выполнена мастером Исмаилом из Ардебиле¹⁶.

¹⁶ Fr. Sarrre. Ardebil, Berlin, 1925. Принадлежность к этому разделу иллюстрация является репродукцией из книги Ф. Зарре.

Рис. 2
Ардебил. Культурный комплекс. Входной портал
комплекса.

Общая схема портала в целом идентична с азербайджанскими порталами предыдущего периода. Обращает на себя внимание размещение воротного проема. Как известно, в памятниках азербайджанского зодчества входные проемы по высоте и ширине невелики, здесь же проем больших размеров, что несомненно связано со значением сооружения. В этом отношении рассматриваемый портал может быть сравнен с восточными воротами бакинского Дворца ширваншахов (1585—1586), где входной проем имеет аналогичное решение, хотя он значительно меньше по размерам.

Несмотря на то, что верхняя часть портала сильно разрушена, можно довольно ясно проследить характер его завершения. Оказывается, что этот отдельно стоящий портал-ворота по своему объемному решению аналогичен многим подобным сооружениям, сохранившимся на Апшероне, начиная с XIV в. и служившим обычно для оформления переходов (ансамбль Дворца ширваншахов, XV в.) или акцентирования входов на огражденный стенами участок (комплекс мавзолеев в сел. Калахана Шемахинского р-а, XVII в.). Однако из-за небольших размеров этих порталов в

них нет сталактитового свода, который занимает доминирующее место в архитектурном облике ардебильского портала-ворот. Здесь все поверхности сталактитов и остальные плоскости порталной ниши покрыты наборной орнаментацией из глазурованных элементов. В орнаментальном убранстве преобладают довольно реалистически трактованные растительные мотивы. Плоские нишки, расположенные под сталактитами, заполнены симметричными орнаментальными композициями. Примечательна композиция ваз с распустившимися цветами. По обе стороны вазы прекрасно нарисованы павлины. Этот мотив, претерпев ряд изменений, позднее становится одним из основных в стеновых росписях Азербайджана¹⁷.

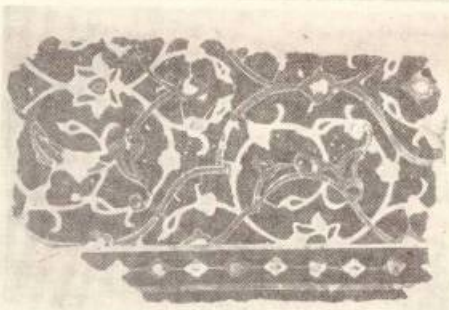

Рис. 3
Ардебил. Культурный комплекс. Фрагменты
увеличенной облицовки портала.

¹⁷ А. В. Саламзаде. К изучению стеновых росписей Азербайджана XVIII—XIX вв. «ДАН Азерб. ССР», т. X, 1954.

Мавзолеем шейха Сефи с прилегающей поминальной мечетью является выдающимся архитектурным произведением, одним из прекрасных образцов башенных мавзолеев Азербайджана.

Рассмотрение художественно-стилистических особенностей этого мавзолея должно быть связано с датой возведения. Имеющиеся в литературе данные относят его строительство к XIV в., а переделки — к XV—XVI вв.¹⁸. Однако если даже согласиться, что мавзолей в своем первоначальном виде был возведен в XIV в., то надо также иметь в виду, что в последующем значительные изменения претерпели заново реконструированные портал, широкий пояс фризовой надписи и другие части сооружения. Проведенные, вероятно всего в первой половине XVI в., работы, создали совершенно новый облик памятника. Известные факты о пирамидальном или коническом навершии ранних башенных мавзолеев Азербайджана дают основание полагать, что стрельчатого очертания купол ардебильского мавзолея относится не к XIV в., а ко времени его реконструкции. Таким образом, мавзолей шейха Сефи в своем нынешнем виде должен быть рассмотрен как памятник XVI в.

Цилиндрический корпус мавзолея декорировал фигурно расположенными красными и глазурованными кирпичами. Последние в геометризированном начертании многократно воспроизводит слово «аллах». Как и в других башенных мавзолеех, объем памятника покоится на каменном цоколе, высота которого относительно небольшая. В композиции наружного объема обращает на себя внимание плоскостной переход от корпуса мавзолея к куполу, что также отличает это сооружение от других башенных мавзолеев, в которых этот переход обычно трактуется в виде развитого сталактитового пояса-карниза.

Наиболее значительным элементом в переходе стен мавзолея к куполу является широкая полоса надписи в виде фриза, огибающего башню. Прекрасного начертания буквы, выполненные из белой глазури, четко выделяются на темно-синем фоне. Уточненность начертания букв, насыщенность надписи диакрити-

¹⁸ Гр. Сагге. Ук. соч.

Рис. 4
Ардебил. Мавзолей шейха Сефи, вид с северо-запада, XV в.

ческими знаками и другими прибавлениями дают основание считать, что она сделана не ранее XV в., вероятно до второй половины XVI в.

Поминальная мечеть шейха Сефи, расположенная перед мавзолеем, очевидно, построена в XVI в. в период правления шаха Тахмасиба I (1524—1576). Это здание представляет большой интерес как своеобразным планом мечети, так и архитектурой фасада, обращенного в сторону большого двора.

План поминального зала ассоциируется с базиликальными сооружениями. По обе стороны среднего пространства — нефа — расположены по три глубокие дуохрусные ниши. В конце зала имеется абсидообразная, полуосьмигранной формы глубокая ниша, связывающая

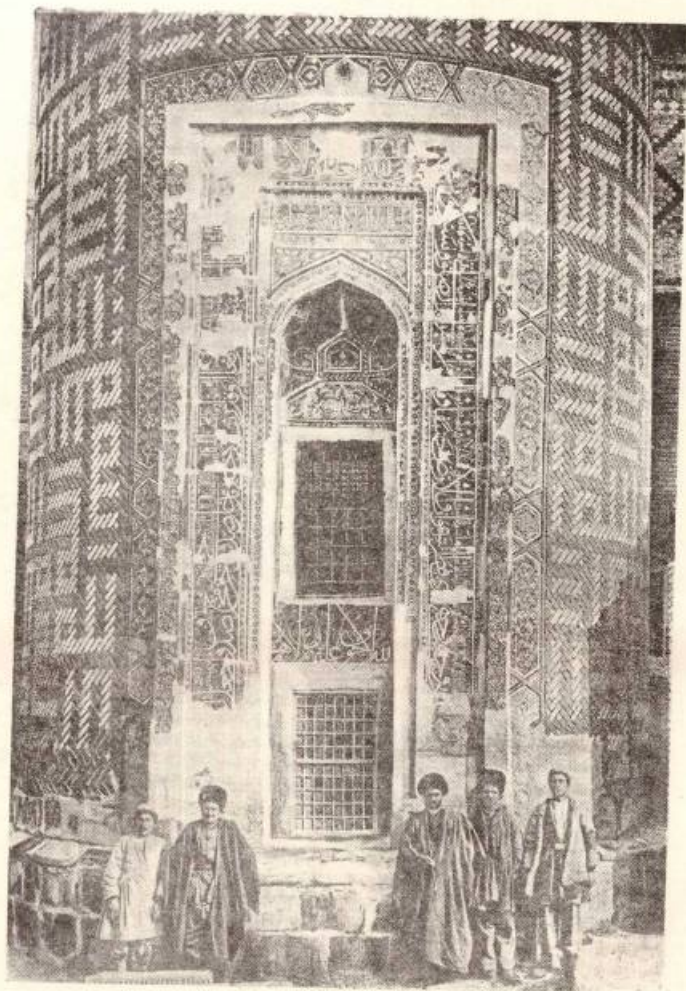

Рис. 5
Ардбиль. Портал мавзолея шейха Сефи, XVI в.

зал с наволесем. Принятое решение зала наилучшим образом подчеркивает значимость молитвенный зал. Сейчас зал перекрит зеркальным сводом, переходом к которому служат сталактиты. Однако своим происхождением перекрытие обязано недавнему времени — второй половине XIX в. Внутреннее пространство поминальной мечети, интересное по своему архитектурно-планировочному решению, значительно обогащено хорошо прорисованными деталями и росписью. Величественная архитектура внутреннего пространства в прошлом дополнялась изготовленными из драгоценных металлов люстрами, решетками и др. В настоящее время сохранились лишь серебряные решетки и решетка с золотыми накладками, отделяющая мечеть от мавзолея.

Специального рассмотрения заслуживает фасад мечети, обращенный в сторону большого двора. Прежде всего привлекают внимание характер обихих членений фасада и сочетание портала с плоскостью фасада. По отношению к плоскости фасада портал занимает композиционно самостоятельное положение. Обра-

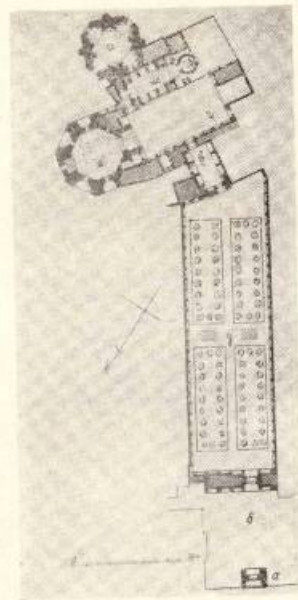

Рис. 5.
Ардбиль. План комплекса Сефи, XV—XVII вв.

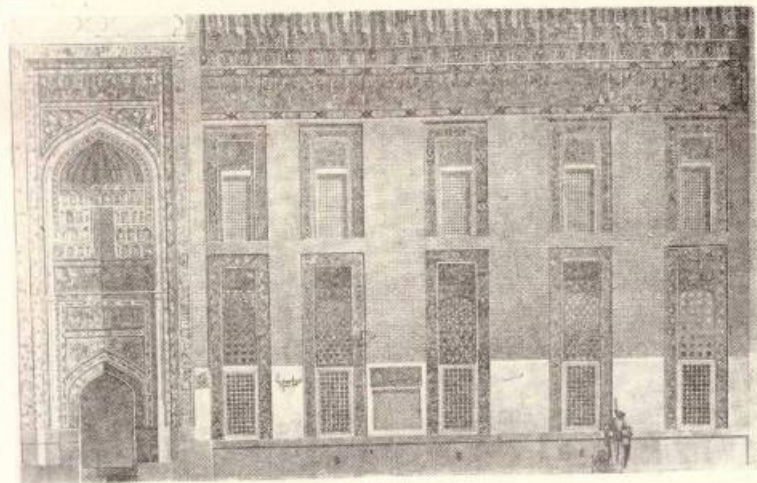

Рис. 6
Ардбиль. Поминальная мечеть шейха Сефи, XV—XVI вв. Фасад.

многие сложены из кирпича боковыми выступами и сильно развитой сталактитовой короной сверху, зодчий, кажется, сознательно подчеркивал самостоятельность каждой части портала и фасадной плоскости. Композиционная увязка их слабо намечена лишь в нижней части, облицованной камнем.

В решении фасада должен быть отмечен, как весьма интересное явление, некультовый облик памятника, вызывающего ассоциацию с дворцовой архитектурой, чему способствует богатое убранство довольно часто размещенных оконных проемов. Соответственно внутренней планировке, расположению трех ниш и двух небольших угловых комнат по сторонам зала — на каждом этаже пять проемов. Отражение внутренней структуры здания на его фасаде не ограничивается только этим. Если присмотреться к нишам-лохам молитвенного зала, станет ясно, что, будучи двухъярусными, они состоят из более высокого — нижнего и меньшего — верхнего ярусов. Именно отражением этого на фасаде являются высокие оконные проемы первого и меньшие — верхнего этажа. Кроме того, оконный проем нижнего этажа двухсветный, что также соответствует характеру решения интерьера мечети, ибо внутренние ниши, несмотря на разделение на два яруса, имеют трехчастное архитектурное членение, с чем логично увязано оформление проема нижнего яруса в два света.

Глазурованные орнаментальные обрамления проемов нижнего и верхнего этажей в сочетании с бронзовыми розетками и надписями составляют декоративно насыщенные полихромные пятна, сильно выделяющиеся на красном кирпичном фоне стены.

Занимая $\frac{1}{4}$ общей высоты здания, венчающая часть имеет исключительно важное значение в формировании архитектурного облика сооружения. Венчание собственно состоит из двух элементов — фризовой надписи, разграниченной с обеих краев орнаментальными полосками, и трехъярусного сталактитового пояса.

При оценке архитектурного решения фасадной плоскости нужно отметить своеобразное, определяемое сочетанием достаточно развитых архитектурных членений с богатством цветового решения.

Общая схема портала идентична со схемой порталов более ранних периодов, хотя и имеет значительные отличия в частности. Прежде всего, следует отметить очень вытянутые пропорции, придающие portalу большее изящество по сравнению с полихромными порталами мавзолеев в Барде, Карабагларе и мавзолеев шейха Сефи в том же ансамбле.

Усложнено решение сталактитового свода портала. Такая усложненность и мелкий масштаб сталактитов вообще характерны для каменных порталов. Несмотря на возведение из совершенно различных материалов и на ряд существенных отличий в построении отдельных частей, портал мечети шейха Сефи в целом имеет черты сходства с порталом «Диванхана» (XV в.) бакинских Дворца ширваншахов, главным образом, по вытянутости пропорций и организации пространства ниши.

Особенный интерес представляют выделение внутреннего обрамления порталной арки и разработка его опоры, характерная также для порталов комплекса Дворца ширваншахов в Баку. Аналогично с порталами карабагларского и особенно бардинского мавзолеев решены опоры внешней арки сталактитового свода портала ардебильской мечети. Во всех трех памятниках сходны приемы разграничения отдельных декорируемых полей и ряд других частности. Все отмеченное дает основание сделать вывод о преемственности традиций в облике этого портала не только полихромных, но и каменных ашерово-ширванских порталов XV в.

Чинихане (помещение для хранения фарфора) — достойное пристального внимания сооружение, расположенное в восточном углу комплекса и примыкающее к молитвенному залу номинальной мечети. Наружный контур здания имеет квадратную форму со срезанными углами. Внутри Чинихане состоит из центрального квадрата с угловыми глубокими абсидообразными нишами в форме полувосьмиугольника. Такая усложненная планировка в сочетании со сводами ниш и венчающим куполом, покоящимся на невысоком барабане, представляет собой весьма своеобразное пространственное решение. Многоплановое решение интерьера создает ряд богато декорированных плоскостей. Стены на высоту до 2,5 м облицованы глазурованными плитками. Мотивы узора — вазы с цветами и фантастические животные. Выше уровня панели все поверхности ниш покрыты деревянной сталактитовой оболочкой с углублениями для установки фарфоровой посуды. Все плоскости интерьера — деревянная оболочка ниш и сталактитовая поверхность купола покрыты росписью.

Здание Чинихане, служившее также для хранения библиотеки ардебильского культурного комплекса, построено в XVII в.

Архитектура дворов играет значительную роль в формировании облика арде-

бильского комплекса, в объединении различных по назначению сооружений.

Наиболее крупным является двор с садом, составляющий переход от площади непосредственно к сооружениям комплекса. Размеры двора-сада значительны: ширина — 27 м, длина одной из продольных сторон — 100 м. Стены, ограждающие его со стороны входа и с двух продольных сторон, обработаны стрельчатыми нишами. В центре двора симметрично расположены два бассейна.

Малый двор, соединяющий сад с большим двором, трактован в виде перехода — пропелей. Стены обработаны глубокими нишами, по три с каждой стороны. Все плоскости стен и ниш в прошлом были сплошь покрыты изразцовой облицовкой, сохранившейся теперь только местами. В декоре наряду с орнаментом были использованы и надписи. Хорошие пропорции малого двора — своеобразного вестибюля, непосредственно ведущего в архитектурный комплекс, — богатая изразцовая декорация, превращают его в одну из интересных и ценных частей ардебильского ансамбля.

Большой двор, примыкающий к малому, имеет размеры 31×16 м. Посередине расположен бассейн. Двор вымощен крупными каменными плитами. Он обрамляется с одной стороны главным фасадом номинальной мечети, а с торцов — порталами-нишами. Со стороны, противоположной мечети, границей двора является стена помещений, обработанная рядом глубоких и высоких ниш. Средняя из них развита в богато декорированный портал, составляющий вход в большой двор. Из этого двора хорошо обозревается и мавзолей шейха Сефи.

В заключение обзора памятников ардебильского комплекса необходимо остановиться на некоторых вопросах развития азербайджанского средневекового зодчества, для правильного понимания которых рассматриваемые сооружения представляют большую ценность.

Одним из таких вопросов являются приемы ансамблевого решения. Комплекс гробницы шейха Сефи в Ардебиле, наряду с комплексом зданий Дворца ширваншахов в Баку, — редкий пример средневекового архитектурного ансамбля в Азербайджане, дошедшего до нас в целом виде. При изучении комплекса Дворца ширваншахов были выдвинуты некоторые предположения о взаимосвязи отдельных его сооружений. Можно считать установленным, что этот ансамбль построен

Рис. 7
Ардебиль. Изразцовый орнамент и надписи над окнами первого яруса номинальной мечети шейха Сефи, XV—XVI вв.

без предварительного плана¹⁹. Между тем, возведение комплекса за период более короткий, чем жизнь одного человека, не исключает возможность и существования такого плана. Как бы то ни было, сооружения составляют единое архитектурное целое, определяемое, как справедливо отмечалось, единством масштабов, приемов композиции, планов, фасадов, строительного материала²⁰.

Говоря о комплексе Дворца ширваншахов, нельзя не указать, что, несмотря на отсутствие первоначального плана, зодчими при постройке зданий учитывалась необходимость увязки всех отдельных сооружений. Не трудно заме-

¹⁹ С. Дадашев и М. Усейнов. Архитектура памятников Баку, М., 1946.

²⁰ С. А. Дадашев и М. А. Усейнов. Архитектура комплекса Дворца ширваншахов в г. Баку. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II. Баку, 1950, стр. 18.

ты, что при разности отметок главные черты здания комплекса — дворец, Диванхана, шахская мечеть и усыпальница — увязаны, явно сгруппированы вокруг верхнего двора. Именно поэтому все четыре сооружения легко охватываются взором. Высотные акценты комплекса также расставлены целенаправленно: портал Дворца — в центре, минареты мечети и портал Диванхана — по сторонам, менее значительный высотный элемент — портал и купол усыпальницы — с четвертой стороны. Благодаря правильному распределению высотных акцентов силуэт комплекса целостен при обозрении с многих точек. Все это позволяет утверждать, что рельеф участка был умело использован мастерами для создания ансамбля, живописного по своему общему силуэту.

Можно считать бесспорным, что единого предварительного плана не имел и ардебильский комплекс, который формировался на протяжении более полутора столетий. Однако здесь ясно ощутимо стремление создать единый архитектурный ансамбль, подчеркнуть во всем комплексе главное и подчинить ему остальные сооружения. В решении этой задачи одним из основных приемов следует признать последовательное расположение ряда дворов, подводящих паломника к святыню — мавзолею шейха Сефи. Такой прием характерен для дворцовых комплексов Востока.

При сравнении двух средневековых ансамблей — бакинского и ардебильского — в качестве основного различия выявляется более свободное размещение сооружений в первом случае, обусловленное в значительной степени рельефом участка. Сооружения ардебильского комплекса более строго подчинены общей планировочной схеме. Для обоих ансамблей характерно единство строительных материалов и декоративных средств.

Полихромия в средневековом зодчестве Азербайджана наиболее полного развития достигла именно в решении декоративного убранства ардебильских сооружений. Намечавшийся в XV в. переход к майоликовой орнаментике, к растительным мотивам (Гей-мечеть в Тебризе) в ардебильском комплексе получил дальнейшее развитие. Трактовка растительных мотивов в большинстве случаев здесь вполне реалистична, тогда как в Гей-мечети они несли определенные элементы стилизации. В ардебильском комплексе были широко применены композиции с вазами. Все орнаментальные композиции, несмотря на большую их сложность, выполнены из разных наборных элементов.

Наконец, комплекс сооружений в Ардебиле примечателен своими порталными композициями, представляющими важный этап в развитии этого архитектурного мотива.

Портальные композиции, широко распространенные в феодальную эпоху в архитектуре ближневосточных стран, в азербайджанском зодчестве представлены самыми законченными образцами. Порталы памятников Азербайджана, их своеобразные черты являются одним из важнейших стилистических признаков азербайджанской средневековой архитектуры. Несмотря на все различие строительных материалов, а подчас и характера сооружений, ничто так не объединяет памятники Азербайджана, возведенные в разных областях страны в различные исторические периоды, как порталы, обладающие общими чертами. Порталы сооружений Мараги, Урмии, Барды, Нахчевани, Салмаса, Хлова, Баку, Ардебля, Карабагара, несмотря на те или иные индивидуальные черты, обусловленные характером отдельных памятников и периодом их строительства, объединяются общностью главных композиционных особенностей. Здесь мы имеем в виду основную типологию азербайджанских порталов. Он характеризуется соотношением сторон 1:2 (или даже 1:2,5), что определяет в целом вытянутость их пропорций по вертикали. В построении типичны: обрамленная небольшая порталная ниша, завершенная сталактитовым полукуполом, и наличие лишь одного проема. Соответственно с таким общим построением решались отдельные детали и декоративные элементы.

Портальные композиции других стран в некоторых случаях несут в себе ту или иную из указанных особенностей, и в этом смысле перечисленные черты не представляют исключительного явления. Речь идет об их совокупности, о проявлении их в одном типе, что в целом характерно для порталов в памятниках Азербайджана. Для сравнения скажем, что порталы Средней Азии характеризуются большой нишей, перекрытой чаще стрельчатым сводом, отсутствием в большинстве случаев обрамлений, приземистостью пропорций.

Интересующий нас тип портала намечался еще в XII в., а в развитом виде сформировался к началу XIV в., если судить по северному portalу бардинского мавзолея (1322). Дальнейшие этапы развития этого типа представлены, главным образом, порталами сооружений ансамбля Дворца ширваншахов в Баку (XV в.). Превосходным образцом порталной

композиции XVI в. являются восточные ворота этого дворца.

Портальные композиции ардебильского комплекса, относящиеся, в основном, к XVII в., представляют последний этап развития рассматриваемого нами типа. Наиболее характерен портал поминальной мечети шейха Сефи, обладающий многими чертами порталов на комплексе Дворца ширваншахов. Это обстоятельство, в свете установленного факта работы в XVI в. в Баку мастера из Тебриза, следует признать несомненным следствием расширившихся в условиях централизованного сефевидского государства культурных и хозяйственных связей между отдельными областями страны.

Мавзолей «Имамзаде», или «Гей Имам» в Кировабаде, расположен примерно в 7 км от внешнего города, к северу от развалин старой Гинджи. Вокруг мавзолея возник культурный комплекс, состоящий из стен, ворот, ряда построек и пристроек — небольших мечетей, террас и надгробий, обступивших мавзолей со всех сторон.

Мавзолей является наиболее ценным памятником всего комплекса и интересен для изучения погребальных сооружений XVI—XIX вв. — в первую очередь с точки зрения установления того, как в эту эпоху многие мавзолеи приобрели свойства культовых сооружений, все более утрачивая черты мемориальных памятников. Мавзолей «Имамзаде» важен так же как памятник, отражающий в себе основные тенденции архитектурного развития этого типа периода, выступающего в этом памятнике в неразрывной связи с традициями предшествующей исторической эпохи.

Кратко остановимся на вопросе о названии памятника. «Имамзаде» — традиционное название мавзолеев или поминальных мечетей, связанных с захоронением потомков Али²¹. Преемники Али носили титул «имам». Предание и надпись о ремонте с датой 1878/79 г. гласит, что мавзолей возведен над могилой Ибрагима сына Имама Мухаммеда Багира, скончавшегося около 120 г. х.²² Таким образом, слово «Имамзаде» означает «Мавзолей сына Имама». Второе название мавзолея

«Гей Имам» связано с цветами купола мавзолея — «гей» означает «голубой»²³.

Датировка мавзолея и определение всех имевших место переделок представляют большие трудности. Сохранившиеся надписи дают лишь отрывочные данные и мало помогают решению возникающих вопросов. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют в настоящее время выдвинуть следующие соображения об истории мавзолея «Имамзаде».

Кем бы ни был в действительности захороненный в мавзолее, место данного погребения рядом поколений твердо связывалось с указанным выше потомком Али. Об этом свидетельствует как надпись 1878/79 г., так и более ранняя надпись²⁴ внутри мавзолея также с именем Ибрагима сына Мухаммеда Багира. Такая ранняя датировка погребения — VIII в. н. э., однако, не дает нам каких-либо оснований утверждать существование здесь мавзолея в далеком прошлом. Мавзолей в VIII в. в мусульманском халифате не строились. Первые мавзолеи в Аббасидском халифате появились в IX в.²⁵ и первоначально возводились для наиболее высокопоставленных в государстве лиц. Мавзолеи и культовые комплексы над могилами потомков имамов возникли много позже²⁶.

О том, что долгое время место захоронения в рассматриваемом нами случае, очевидно, оставалось без крупного погребального сооружения, может свидетельствовать и старое местное название, которое было в ходу еще в XIX в. — «Имамзаде ери» (место, пункт, земля погребения Имамзаде). Население этим названием отнеяло само место, а не сооружение²⁷.

Наиболее вероятным является возведение здесь мавзолея много позже, но сказать когда

²³ Мавзолей «Имамзаде» издавна именовался различно. В Кавказском календаре за 1886 г. на стр. 156 в разделе «Поклонные места у магометан закавказских», читаем: «Гек Междид (Зеленая мечеть), или Имамзаде».

²⁴ Об этой надписи нам сообщено канд. историч. наук А. А. Алексерзаде.

²⁵ E. Diez. *Islamische Baukunst in Chirrasan*. Essen, 1923.

²⁶ В этом отношении характерен пример возникновения комплекса Шах-и-Зинд в Самарканде, в городище Афросиаб. Название этого комплекса, означающее «живой царь», происходит от мавзолея того же наименования, в котором, по преданию, похоронен Куссам сын Аббаса, дядя пророка Мухаммеда и Али. Имя стоящий мавзолей датируется 1336 г. н. э.

²⁷ Кавказский календарь за 1886 г. Краткий обзор древних монастырей, храмов и мечетей в Закавказье — VI. Поклонные места у магометан закавказских. Гек-Междид, стр. 156.

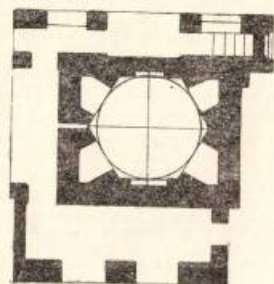
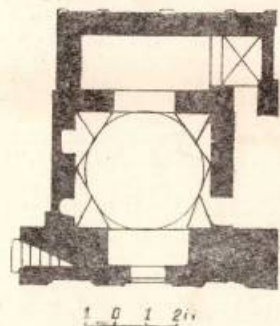
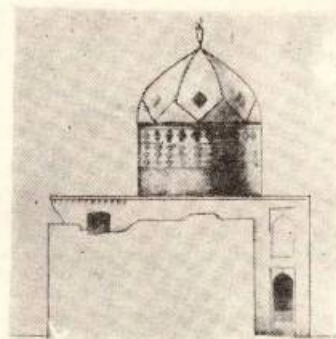
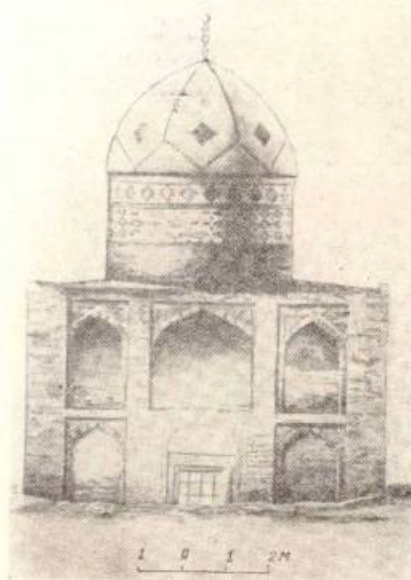

Рис. 8
Кироабад. Культурный комплекс. Мавзолей
Имамзаде, XVII в.
а — восточный фасад; б — юго-западный фасад; в, г — планы
зданий

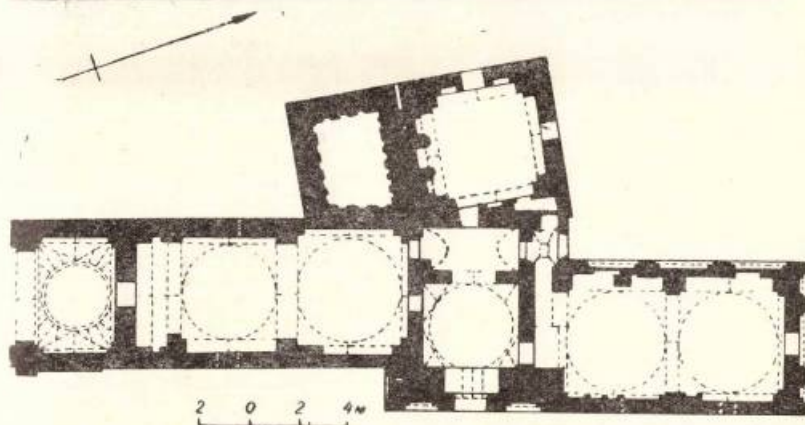

Рис. 9
Кироабад. Мавзолей Имамзаде. План и купол.

наименее сейчас означало бы пуститься в область малообоснованных предположений. Для нас в настоящее время важнее возможно точная датировка ныне существующего мавзолея — датировка его отдельных частей.

В своем теперешнем виде «Имамзаде» может быть отнесен к мавзолеям башенно-купольного типа²⁸, правда, здесь центральная башенная часть охвачена кубической частью только с трех сторон. Архитектурные особенности, на которых остановимся ниже, позволяют отнести к более раннему периоду среднее ядро сооружения, а к более позднему — пристройку с трех сторон.

Имеющиеся несколько упоминаний памятника неспециального характера содержат различные, лишённые научной ценности, высказывания по вопросу датировки памятника. Так, например, И. П. Шеблыкин, описывая памятник, следующим образом формулирует свои соображения о его датировке: «Ряд отдельных моментов позволяет отнести этот памятник к более раннему периоду, намного раньше XVII в., к которому памятник обычно приурочивают»²⁹. Как видно, в этой датировке ничего не сказано. Содержится лишь намек на какой-то «ряд отдельных моментов» и выражается несогласие с неизвестно кем выдвинутой датировкой памятника XVII в.

Наше мнение сводится к следующему: центральное ядро мавзолея, его башенная часть, может быть датирована концом XIV или началом XV в. К такому выводу нас приводят следующие обстоятельства и связанные с ними соображения.

Двухъярусное решение этой части нижнего, небольшого по объёму купольного помещения, а верхнего — башенным объёмом, внутреннее пространство которого функционально не может быть использовано, вызывает в памяти подобные же сооружения Средней Азии, появившиеся в начале XV в. Такая аналогия со среднеазиатскими мавзолеями получила новое подтверждение в связи с выявленной старой фотографией памятника³¹.

На снимке барабан мавзолея с верхним куполом имеет другой вид, совершенно не похожий на нынешний. Хотя сейчас нет точных

данных о времени съятия этой фотографии, но как будто бы единственным, логически допустимым временем следует признать период до проведения ремонтных работ, о которых мы говорили выше; т. е. до 1878/79 гг. Другого объяснения быть не может. В таком случае, судя по этому фото, — поскольку речь идет об этой части сооружения, — ремонтные работы привели к полному искажению внешнего облика барабана и купола. Необходимо отметить, что барабан и купол не были настолько плохи, чтобы требовалась полная их замена. Очевидно, ремонт предусматривал изменение характера обработки поверхности барабана.

На старом фото ясно видны выполненные кувчиескими буквами надписи, выложенные из глазурованных плиток. Именно эта надпись, по-моему, дает наиболее твердую базу для датировки центрального ядра. Такие надписи — характерное украшение среднеазиатских мавзолеев³², построенных в начале XV в. Думается, что в содержании этих надписей были, вероятно, формулы, не согласующиеся с воззрениями такого рыного шийта, как Ядыгарзаде, на средства которого был произведен ремонт, вернее реконструкция барабана и купола. Таким образом, внешний вид барабана и купола следует признать продуктом XIX в.

Пристройкой, охватывающую центральное ядро с трех сторон в виде двухъярусной аркады, с порталом с восточной стороны, несомненно, необходимо датировать XVII в. Здесь признаком, определяющим датировку, является характерный прием обрамления стрельчатых арок прямоугольными рамками. Кроме этого важного формального признака, и исторически эти пристройки, имевшие целью превратить мавзолей в культовый комплекс, могли появиться лишь после XVI в., когда с победой сефевидов все шиитские святые стали расширяться и превращаться в культовые комплексы, как это было, например, с ардебильским комплексом.

Джума-мечеть в Кировабаде³³ расположена посредине обнесенного стенами двора, вход в который фланкирован парными минаретами. Основываясь на исчислении по абджету имевшей над воротами мечети надписи «Килдири Шемахи»³⁴, дата строительства установлена

²⁸ Например, мавзолей Гурн-Эмир в Самарканде.

²⁹ М. Алиев. Джума-мечеть в Кировабаде, «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952, стр. 663.

³⁰ В этой формуле заключено высказывание шаха Аббаса I, считавшего Гянджу (Кировабад) ключом к Шарвану-Шемахе. (См. Искендер Мушши, Тарихи Алем ара-и Аббаси, Тегеран, 1896).

как 1015 г. х., или 1606 г. н. э.³⁵. Независимо от этой даты сооружение мечети без сомнений должно быть отнесено к началу XVII в., т. е. к периоду, когда центр города был перенесен на новое место.

Мечеть была построена Зодком Шейх-Бага-Уддином, известным на Востоке ученым³⁶.

План мечети весьма характерен для подобных сооружений XVII в. Квадратное по плану здание состоит из центрального квадратного молитвенного зала и примыкающих к его углам небольших помещений. Три стены центрального зала, за исключением южной, обработаны неглубокими нишами. Акцентируя размещение на южной стороне михраба, здесь дана глубокая ниша. Напротив михраба с северной стороны расположен вход в мечеть. Имеются входы также с западной и восточной сторон. В зал имеют входы также ряд небольших помещений, видимо, предназначенных для служителей культа. Наличие этих помещений и многочисленных проемов, соединяющих их между собой порталными нишами и залом, представляет, пожалуй, одно из основных особенностей планового решения мечети. Характерна также большая высота проемов, равная высоте помещений.

За исключением центрального зала, интерьер помещений мечети лишен всякого убранства.

Архитектурные членения молитвенного зала подчеркивают значительность внутреннего пространства (площадь 204 м², высота 3 м); восемь крупных арочных ниш высотой до 6,5 м и арочные трюмпы, расположенные на той же высоте, оставляют переход к куполу.

Это логичная и простая структура интерьера зала оживляется проемами, расположенными на плоскости ниш в три яруса. В некоторых оконных проемах сохранились характерные «шебеке» с выполненным из гачи растительным орнаментом. Однако украшения, видимо, составлены позднее, что явствует из даты, вkomпонованной в рисунок «шебеке» — 1214 г. (1799—1800 гг.).

Эти работы производились, очевидно, после разрушения мечети во время военных действий. В Кавказском календаре за 1885 г. приводится следующая справка: «В 1209 г.

³⁵ Д-р Александрович (Насыф), Гянджа и могола Низами, «Изв. Азерб. археологич. комитета», вып. 2, Баку, 1926.

³⁶ А. Бакиханов, Гюлстан Ирым, Баку, 1926, стр. 232.

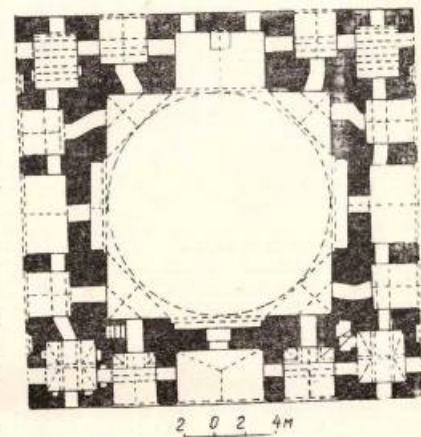
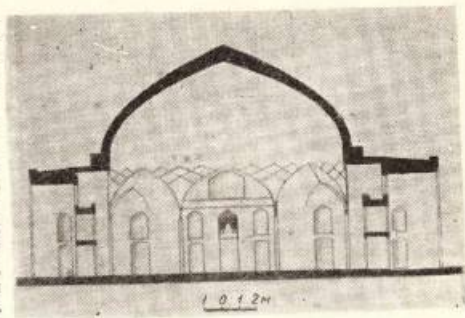

Рис. 10
Кировабад. Джума-мечеть, 1606 г. Общий вид.
а — план; б — разрез

иджры эту мечеть возобновили после разрушения ее карабахским ханом. Это джаами имеет Мадраса и вакуфные имена, приносящие более 4 т. р.».

Михраб мечети в теперешнем виде украшен трехъярусными сталактитами со вставленными в них зеркала. На торшовой стене михраба надпись с датой 1271 г. х. (1854/55)³⁷. Некоторые другие детали внутреннего убранства мечети также позднего происхождения и появились в результате реставрационных работ и ремонтов.

³⁷ М. Алиев, Уж. соч.

²⁸ Определение башенно-купольного типа дано А. В. Саламзаде, «Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв.», «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952.

²⁹ И. П. Шеблыкин, Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами, Баку, 1943, стр. 52.

³⁰ БСЭ, т. 21, 1953, стр. 115.

³¹ Негатив архива Управления по делам архитектуры СМ Азерб. ССР. Негатив был выявлен архитектором Н. К. Раевым.

На высоте 4,2 м от пола на северной, западной и восточной стенах зала устроены небольшие ниши, предназначавшиеся, видимо, для женщин.

Сочетание значительного по размерам купола с большими и глубокими порталными нишами и шестью меньшими нишами создало простую, но отличающуюся значительной пространственностью композицию. Объемно-пространственная композиция удачно дополнена широкими минаретами у входа во двор мечети.

О прошлом виде архитектурного окружения как непосредственно самой мечети, так и площади, на одной из узких сторон которой мечеть стояла, дает достаточно полное представление хранящийся в Центральном государственном военно-историческом архиве генеральный план Гянджинской крепости, датированный 1797 г.³⁸ План зафиксировал также медресе, входившее в комплекс мечети. За зданием мечети располагалась кладбище, а с западной стороны к мечети примыкало здание бани.

Следует отметить, что сооружение пятиничной мечети в феодальных городах, в ансамбле центральной рыночной площади является довольно обычным и известно также по другим городам, например, по Баку. Здесь, в Кировабаде эти здания, очевидно, являлись к тому же вакфными владениями самой мечети. Наличие у мечети вакфных доходов видно из данных Кавказского календаря на 1885 г., приведенных нами выше.

Джума-мечеть построена из квадратных обожженных кирпичей.

Джума-мечеть в Ордубаде представляет в нынешнем своем виде результат многих строительных наслоений. Внешний архитектурный облик мечети, очевидно, сложился в начале XVII в. К этому периоду относится надпись — фарман от имени шаха Аббаса³⁹, — вкомпонованная над восточным входом и здание с датой 1012 г. х. (1604)⁴⁰.

В плане мечети выделяется занимающее центральное место трехнефное ядро — молитвенный зал, очевидно, наиболее древняя часть мечети.

Здание построено на высокой скале, облицованной бутовым камнем, что создает впечатление размещения сооружения на искус-

ственном стилобате, в результате чего сравнительно невысокое здание приобрело более сильное звучание в окружающей застройке.

Перекрытие помещений плоское, за исключением одной секции центрального нефа, перекрытого куполом.

Архитектурное решение фасадов целиком может быть отнесено к XVII в. Мотив глубоких сводчатых ниш, заключенных в прямоугольные рамки арок, наиболее характерен для архитектуры культовых сооружений именно этого периода.

Стены мечети возведены из бутового камня и облицованы обожженным кирпичом.

Мечеть в сел. Кишлы снаружи имеет квадратную конфигурацию со сторонами в 12 м. План повторяет обычную для апшеронских мечетей схему: центральный, перекрытый куполом квадрат с примыкающими к нему четырьмя ответвлениями, перекрытыми стрельчатыми сводами. Небольшие угловые подсобные помещения дополняют план до квадрата. Хочется отметить стремление зодчего связать членения портала с членениями основного объема. Для этого использован прием, знакомый еще по «Диван-хане», где карниз здания является продолжением обрамления портала.

План здания представляет близкую аналогию мардакянской мечети Туба-Шахи (1481)⁴¹. Основное различие заключается в организации входа в мечеть. Если в мардакянской мечети вход выдвинут вперед и выполнен в виде выступающего объема, то здесь вход организован в объеме здания и занимает одно из угловых помещений (северо-восточное).

Четкой планировке мечети соответствует ясное построение фасада; с гладкой стеной контрастирует глубина ниши входного портала и купол. Стены мечети покоятся на наклонном под 60° доколе. Портал простого типа без сталактитового полу свода.

Мечеть в сел. Яныхлы Таузского района по внешнему обводу в плане представляет собой квадрат; внутри углы здания заняты подсобными помещениями — одноэтажными в восточной и двухэтажными в западной половине. Остальное пространство занимает крестообразный молитвенный зал, перекрытый в центральной части куполом, в ответвлениях — сводами стрельчатого очертания.

Дата сооружения мечети неизвестна. Центрально-купольный тип мечети с централь-

⁴¹ А. Алекскеряде. Надпись мечети Туба-Шахи. Труды Ин-та истории и философии АН Азерб. ССР (на азерб. яз.), вып. III, Баку, 1951.

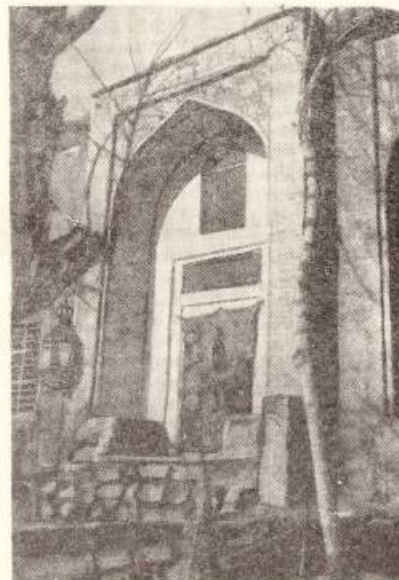
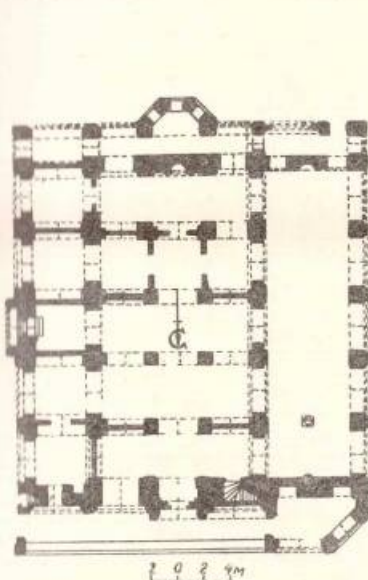
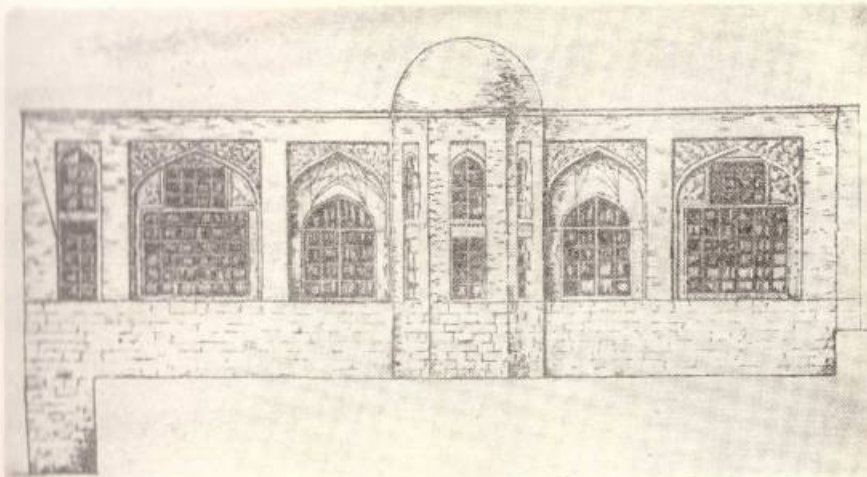

Рис. 11
Ордубад. Джума-мечеть (южный фасад), 1601 г.
а — план; б — портал

³⁸ ШГВИА 349, ов. 12, д. 6055.

³⁹ Сообщение канд. историч. наук А. А. Алекскеряде.

⁴⁰ В. М. Сыроев в своей ст. «Ордубадский уезд» (Изв. Акомстариаса, вып. 4, тетрадь 2, Баку, 1929, стр. 139) ошибочно указывает дату 1016 г. х. (1607/08).

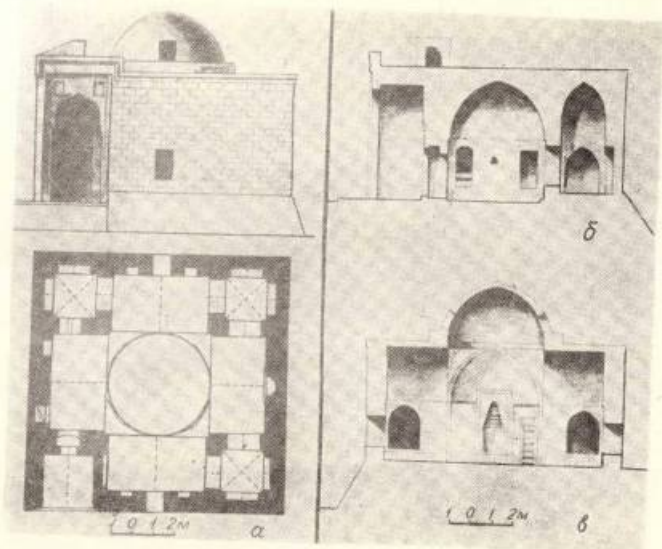

Рис. 12
Аншерон, сел. Кিশлав. Мечеть, XVII в.
а — план и видовой фасад б — разрез а-а по прод. ст. в — разрез а-а по осн.

ным квадратным пространством, перекрытым куполом, близок к Джума-мечети в Кировабаде. Основываясь на этом, а также на строительных особенностях — характерных купольно-сводчатых конструкциях — время сооружения памятника можно отнести к XVII в. В то же время мечеть в Яныхлы отличается некоторыми чертами от Джума-мечети в Кировабаде. Прежде всего тем, что здесь в наружном объеме здания отсутствуют глубокие порталные ниши, они как бы включены во внутренний объем. В результате план мечети приобрел черты сходства с крестообразными в плане мечетями Аншерона XV—XVII вв. Обращает на себя внимание значительная толщина стен, что особенно резко бросается в глаза при сравнении с той же кировабадской мечетью.

Представляет интерес также характер размещения михраба мечети. Вместо обычного плоскостного решения михраб размещен в глубокой нише, представляя в плане сооружения значительный акцент.

Стены и перекрытия мечети сложены из квадратного обожженного кирпича, фундамент — из бутового камня.

Мечеть Гаджи Бахши в сел. Нардаран является одним из наиболее характерных и привлекательных культовых сооружений Аншерона XVII в.

Высеченная на камне надпись, размещенная на плоскости фасада, сообщает дату строительства и имена строителей мечети. Двухстрочная надпись составлена на арабском языке с некоторыми формами и словами фарсидского языка; содержание ее следующее: «Начальник строительства (или главный над работами по этому зданию) Мирза Мухаммед сын Бахш-Али. Год три и семьдесят и тысяча (1073 г. х.). Работа устада Мурад-Али, зодчего»⁴².

Таким образом, памятник построен в 1662/63 гг. зодчим Мурад-Али, имевшим также звание устада — мастера высокой квалификации. Большой интерес представляет также упоминание в надписи другого лица в качестве начальника строительных работ — серкара. Термин «серкар» известен и по нескольким

⁴² Расшифровка и перевод надписи автора и канд. искусствоведения Л. Г. Керимова.

другим надписям, однако он до сих пор не встречался в сочетании с другими профессиональными званиями. Эта надпись дает возможность уточнить смысл звания «серкар»⁴³. Серкары осуществляли, по всей вероятности, общее руководство строительством, ведали и финансово-организационными вопросами.

В плане мечеть состоит из двух основных частей: квадратного молитвенного зала с четырьмя колоннами посредине и примыкающего к нему помещения с входной порталной нишей.

Выделенный в плане центральный квадрат также объемно подчеркнут купольным перекрытием. Остальные помещения внутреннего пространства перекрыты сводами и имеют плоскую кровлю. Небезынтересно наличие еще одного входного проема, кроме главного, размещенного на восточной стене.

Размещение входа в мечеть и решение опор купола, перекрывающего центральное пространство в виде колонн, отличают эту мечеть от подобных сооружений Аншерона.

В нардаранской мечети по типу, знакомому по многим другим мечетям (мардакянская XV в., кишливская XVII в.), квадратное пятно молитвенной группы расширено за счет добавления с северной стороны проходного помещения. Вследствие этого план вытянут с севера на юг.

Поражает смелость зодчего, решившего опоры купола в виде тонких колонн. Однако, связав колонны перекинутыми между ними арками и окружив центральный купол системой поддерживающих его сводов, мастер создал надежную конструктивную систему.

Отмеченная вытянутость плана мечети вносит новый, по сравнению с другими такими сооружениями, элемент и в композицию фасадов — в главном фасаде купол занимает асимметричное положение по отношению к общему объему.

Стены мечети облицованы местным хорошо тесаным известковым камнем.

Мечеть «Имамзаде» в Барде один из немногочисленных памятников, сохранившихся в этом городе с большим историческим прошлым.

В 1861 г. рассматриваемая мечеть привлекала внимание академика Б. Дорна, который впоследствии писал: «...Было там еще старинное имамзаде Ибрагим, относительно которого

⁴³ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. «Изв. Азерб. ССР», 1954, № 10.

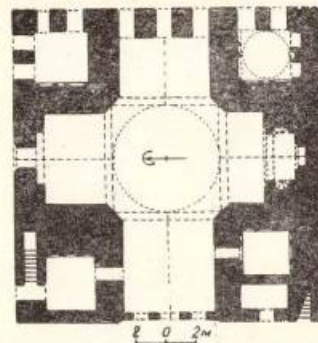

Рис. 13
Таушкый р-н, сел. Яныхлы. Мечеть, XVII в.
а — план б — разрез а-а

не сохранилось никаких дальнейших сведений. Но оно служит местом поклонения. Починка старого здания обошлась владельцу в 3000 р. серебром»⁴⁴.

Первоначально это сооружение, очевидно, было мавзолеем, чем и объясняется отсутствие здесь михраба. Сообщение Дорна о произведенном ремонте следует отнести непосредственно к самому мавзолею, ибо сохранилось сведение о дате возведения мечети, вобравшей в себя мавзолей как центральное ядро. Постройка мечети датируется 1868 г., т. е. она была выволнена позже посещения Барды Дорном.

«Имамзаде гробница (пир) в сел. Барда, Джаванширского уезда, Елисаветпольской губ. В 1868 г. над гробницей построена мечеть»⁴⁵. Таким образом, в данном случае, как и во многих других, мы имеем положение, когда

⁴⁴ Б. Дорн. Каспий. СПб., 1875.

⁴⁵ Кавказский календарь на 1886 г.

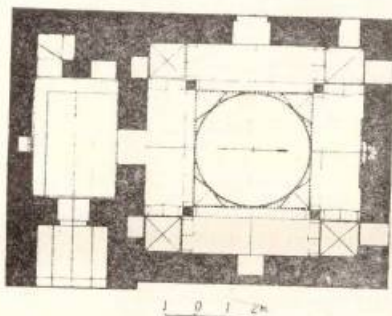
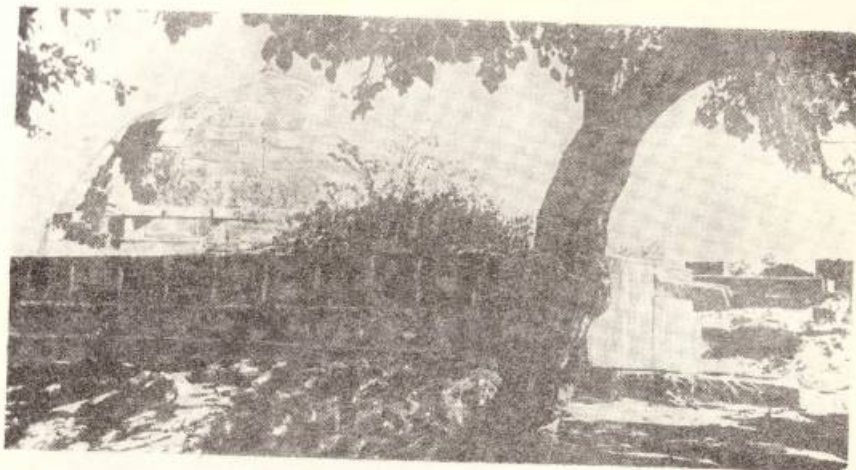

Рис. 14 а, б
Апшерон, сел. Нардаран. Мечеть Гаджи Бахши (вид с юго-запада), 1663 г.
а — план; б — надпись с именем мастера

сооружение, первоначально являвшееся мавзолеем, затем в связи с превращением в место паломничества перестраивается в мечеть, становится культовым памятником.

Мастер, проводивший эту перестройку, сумел создать цельное архитектурное произведение с четырьмя минаретами, интересное своим пространственным решением. Умело использованы местные традиции как в фигурной кладке, так и в сочетании камня с кирпичом.

Здесь применен также старый прием оформления одним и тем же профилем или поло-

сой ряда элементов сооружения, который известен еще по мавзолею Момине-хатун и по мавзолею 1322 г. в Барде.

Медресе в Ордубаде следует признать одним из интересных культовых сооружений этого периода, являющимся к тому же почти единственным примером медресе, сохранившегося в Азербайджане до наших дней. Планировка зданий медресе определялась их назначением (духовной школы). Строительство их в странах, исповедующих ислам, было начато, возможно, еще в эпоху аббасидских халифов, по-

лучив широкий размах в XII в. Здания медресе обычно строились в едином комплексе с мечетями, и передко мечети крупных медресе занимали положение пятничных мечетей. Иногда же медресе строились вокруг или в соседстве уже существующей пятничной Джума-мечети. Медресе имелись в комплексе Кировабадской и шемахинской Джума-мечетей⁴⁵.

План ордубадского медресе отражает основную особенность сооружений подобного типа — замкнутый четырехугольный двор с помещениями, расположенными по все четырем сторонам двора. Во двор ведет один вход со стороны главного, северного фасада. Архитектура его, несмотря на обычную для этого периода трактовку, является весьма впечатляющей. Спокойный ряд стрельчатых арочных ниш на фасаде, отделен друг от друга простыми выступами — лопатками, в центре фасада разбит высоким, простым по своему убранству порталом. Здесь основным композиционным средством явилось контрастное противопоставление сравнительно небольших арочных ниш с крупным порталом. Декоративные средства здесь не применены. Такое построение фасада соответствует в то же время внутренней структуре помещений, расположенных со стороны этого фасада. Каждая стрельчатая ниша соответствует одному из внутренних помещений.

Наиболее характерные для зодчества этого периода черты (имея в виду время с XVII в. по первую половину XVIII в.) наблюдаются в выполнении двухэтажной части медресе. Прием расположения перед жилыми помещениями стрельчатых зиванов создает обычную в подобных случаях двухъярусную галерею. Здесь нельзя не отметить аналогии с размещением жилых помещений в караван-сараях этого периода. Например, аналогичную схему расположения помещений, с таким же расположением двухъярусной галереи, мы видим в двухэтажном караван-сарая в бакинском крепости (ул. Менжинского, 9)⁴⁶.

Размеры и расположение помещений медресе позволяют высказать следующее соображение об их назначении. Небольшие помещения, расположенные со стороны главного входа в один, а с противоположной — в два этажа, по всей вероятности, были жилыми комнатами «хулькрами» туллабов — студентов духовной школы. Более крупные помещения, располо-

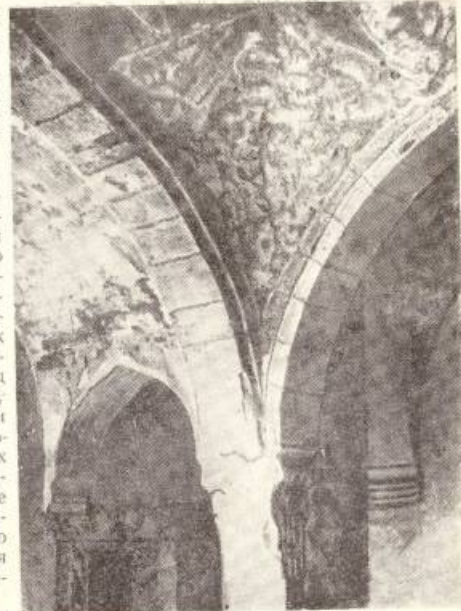

Рис. 14 в
Фрагмент интерьера.

женные по обоим концам двора налево и направо от входа, служили помещениями для занятий. В здании нет крупного помещения, которое могло бы служить мечетью.

В медресе сохранилась одна надпись, размещенная на входном портале, с датой 1126 г. х.⁴⁸ (1714), которую мы склонны принять за дату перестройки медресе; приема архитектурной композиции, примененные как в решении плана, так и в построении членений фасадов, более близки к сооружениям XVII в.

На примере ордубадского медресе уместно еще раз остановиться на одной весьма важной особенности культового строительства XVII — начала XVIII вв. — стремлении зодчего решить архитектурную задачу не декоративными средствами, а объемом-пространственными. Пользуясь единственным материалом —

⁴⁵ См. Кавказский календарь на 1885 г., стр. 83.

⁴⁶ И. Вагирбекова. Двухэтажный караван-сарай в крепости в Баку. «Искусство Азербайджана», 5, V Баку.

⁴⁸ Данные о надписи любезно сообщены канд. ист. наук А. А. Алекзерканд; пользуясь случаем, выражаем нашу признательность.

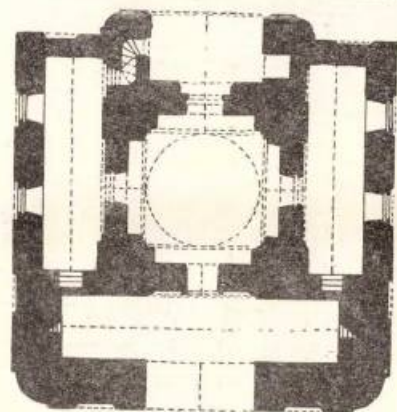
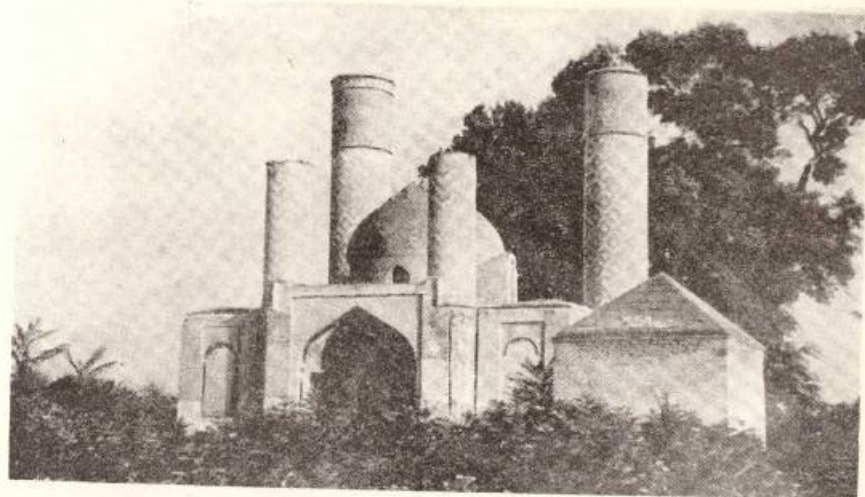

Рис. 15

Барда. Мавзолей Имамзаде, XVIII в.
Вид с северо-запада и план.

кирпичом, зодчий-строитель этого медресе добился значительной выразительности своего сооружения. Здесь не нарушено единство функциональной и художественной сторон архитектуры. Однако это не следует понимать как отсутствие приемов, преследующих только

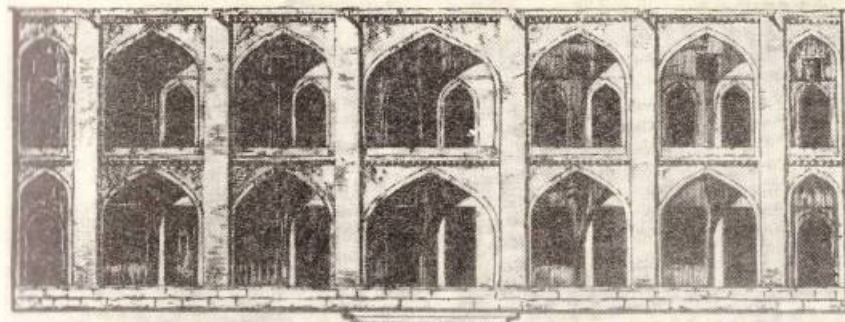
художественные задачи. Значительных размеров портал, оформление фасадной стороны стрельчатыми нишами, функционально не нужны. Но эти приемы верны и художественно оправданы и не аступают в противоречие с конструктивной основой сооружения и его назначением.

Гилейинская мечеть в Нухе, построенная в XVIII в., носит название улицы, где она расположена. Место для ее постройки было выбрано на северо-восточной окраине города, над глубоким обрывом берега реки. Эта мечеть как по планировке, так и по организации внутреннего пространства — многочисленные стеновые ниши и полихромная отделка стен — очень близка к нухинскому жилью.

Основное помещение самой мечети — прямоугольник с внутренними размерами 6×12 м; четыре деревянных столба посередине поддерживают потолочное перекрытие. Стены мечети сложены из глиносаманного кирпича и булыжного камня, снаружи только оштукатурены, а внутри оштукатурены и красочно отделаны. Это красочное внутреннее убранство молитвенного зала и составляет ценность этого памятника.

Стены зала покрыты гажевой штукатуркой, по которой вырезан цветочный и геометрический орнамент, раскрашенный в несколько цветов.

Плоскости внутренних стен разграничены

по высоте несколькими поясами декоративной отделки: от пола на высоту 1,5 м стены мечети оштукатурены глиносаманной штукатуркой, которая отглажена тонким слоем гаж. Выше этой панели идет пояс стрельчатых многоступенчатых ниш, заполненных геометрическим и растительным орнаментом. Выше ниш расположена узкая лента растительного орнамента, над которой проходит полоса надписей арабского прифита.

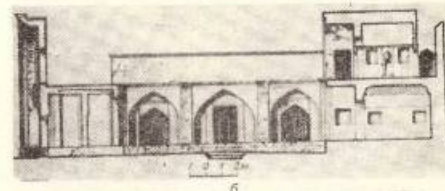
Вся эта композиция завершается бордюрным поясом из геометрического орнамента. В центре юго-восточной стены находится стрельчатый михраб, богато декорированный сталактитами, орнаментикой и надписями. По бокам михраба также расположены стрельчатые многоступенчатые ниши.

Несмотря на различные приемы решения планов и фасадов приведенных мечетей или модельных домов, или отличающихся простотой и несложностью своей архитектурно-планировочной структуры — весьма характерной особенностью памятников народного зодчества.

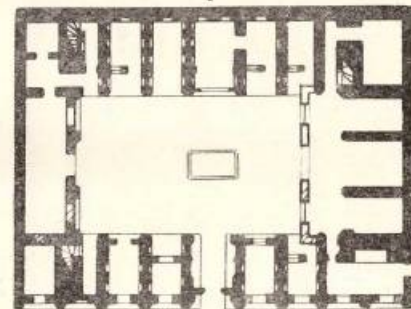
Храм огнепоклонников «Атегях» в Сураханах. К числу интересных культовых сооружений рассматриваемого периода относится храм огнепоклонников в Сураханах, вызвавший интерес у многих путешественников и востоковедов⁴⁰.

Всем исследователями справедливо отмечено, что памятник по всему общему плану напоминает городские караван-сарай Азербайджана с внутренним пятиугольным в плане двором.

⁴⁰ В. Сысоев. Атегях — храм огнепоклонников в Сураханах, близ Баку. «Изв. Азерб. археологического комитета» Баку, 1925.

б

2 0 2 4 м

Рис. 16

Ордубад. Медресе, дворный фасад, XVII в.
а — план первого этажа; б — разрез по порталу

В середине двора помещается ротонда — навильон, представлявший собственно храм, куда были проведены трубы с газом, поддерживавшим «вечный огонь». Строения, окружающие двор, представляют кельи для культовых служителей храма и для постояльцев.

Несомненно, что центральное храмовое сооружение, вернее алтарь огня, в какой-то

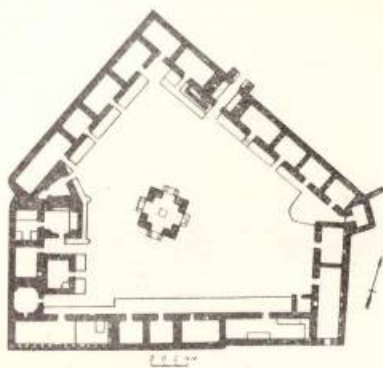

Рис. 17
Атшерон, сел. Сурахана. Храм огнепоклонников—
Атештик, XVIII в. План.

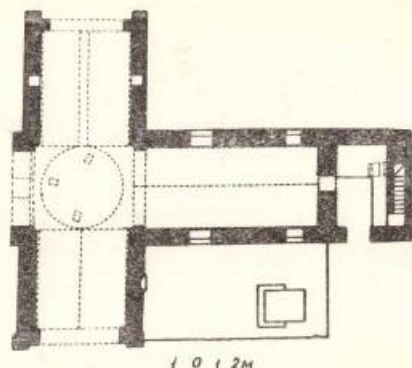

Рис. 18
Атшерон, сел. Бузовни. Ашаги-мечеть, XVII в.
План.

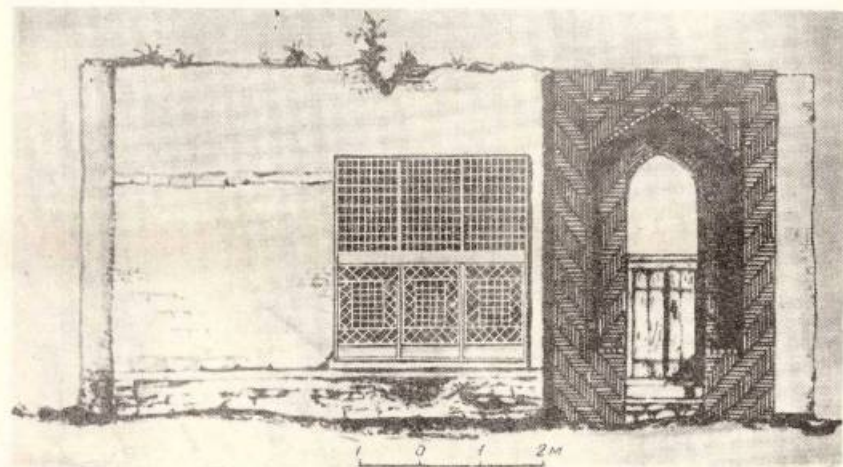

Рис. 19
Ордубад. Дильбар-мечеть, северный фасад, XVIII в.

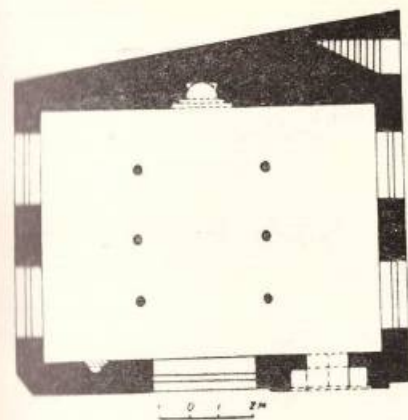

Рис. 19 а
План Дильбар-мечети.

нить дату строительства основных сооружений 1713 г.⁵⁰

Эта дата, несомненно, должна быть отнесена к возникновению помещений вокруг двора, сам же храм огня, вероятнее всего, существовал издавна и до нас дошел, сохранив свой первоначальный план, хотя и в перестроенном в XIX в. виде.

Совершенно очевидно, что возникновение помещений вокруг двора было связано с существованием храма огня. План самого храма, вернее алтаря огня, имеет традиционный вид, с четырьмя столбами по углам квадрата с перекрытым куполом центральным пространством, открытым со всех четырех сторон.

Следующее сведение показывает, что и в XIX в. производились работы. «На северо-восточной стороне расположены помещения для посетителей, они одним этажом выше главного строения, имеют окна и со всех сторон окружены галереями. Строения эти новейшего происхождения, они построены в начале третьего десятилетия нынешнего столетия. Один богатый индивид, по имени Оттуман, проживавший в Солдоне, всего более способствовал тому устройству»⁵¹.

⁵⁰ С. Б. Ашурбейли. Об истории сураханского храма огнепоклонников. «Памятники архитектуры Азербайджана» (сб. материалов). М.—Баку, 1946.

⁵¹ А. Фой Гюстгаузен. Кавказский край, ч. II. СПб., 1857, стр. 155.

Мавзолеи

Как уже отмечалось, в XII—XV вв. в Азербайджане мавзолеи занимали одно из центральных мест в монументальном строительстве. Тогда строились, в основном, четыре типа мавзолеев: башенные, восьмигранные, купольные, башенно-купольные⁵². Мемориального назначения башенные мавзолеи трактовались как монументы, воздвигнутые над местом погребения — усыпальницей крупных представителей феодальной знати. Будучи наиболее монументальным типом надгробных построек, башенные мавзолеи интенсивно строились в течение XII—XIV вв., что следует связать с усилением светских тенденций у феодальных владетелей, стремившихся прежде всего к личному прославлению. Политические и социальные изменения в Азербайджане с начала XVI в. отразились и на характере архитектуры сооружений этого типа. Башенные мавзолеи, утратив свою социальную предпосылку, в XVI—XIX вв. более не являются объектом строительства. На первый план выдвигается повсеместно строившийся тип восьмигранных мавзолеев.

Третьим видом следует признать купольные мавзолеи. Но и эти два типа мавзолеев также претерпевают существенные изменения, отличающие их от того же типа мавзолеев XII—XIV вв.

Восьмигранные мавзолеи приобретают в XVI—XVII вв. значительно большее единообразие. Устройство усыпальниц — подземных склепов, как правило, не имеет места. Погребение имеет вид обычных могил, отмечаемых на поверхности пола надземной камеры надмогильной плитой; в мавзолеех же XII—XV вв., даже в случаях отсутствия склепов, мы не видим (за единичными исключениями) устройства надмогильных плит.

Большим типологическим своеобразием отличаются восьмигранные мавзолеи, распространенные в сел. Калахана Шемахинского района. Своеобразие этой группы мавзолеев заключается не столько в объемных особенностях самих построек, сколько во включении в общий ансамбль оградяющей стены с входом порталом. Собственно говоря, калаханские мавзолеи в совокупности со стенами можно было бы даже рассматривать как новое типологическое явление. В этом нельзя не усмотреть желание придать небольшим по разме-

⁵² Подробнее см. А. В. Саламзаде. Мавзолеи Азербайджана XII—XV вв. «Архитектура Азербайджана (очерки)». Баку, 1952.

стены отражает древнюю традицию строительства таких алтарей, распространенных в Азербайджане еще в мидийскую эпоху.

Долгое время перешенным оставался вопрос о дате строительства памятника. Прове-

денные исследования, главным образом, сравнение сообщений путешественников XVII—XVIII вв. (Кемпфер, Виллот, Лерх и др.) и чтение надписей на индийском языке, помещенных над кельями, дали возможность уточ-

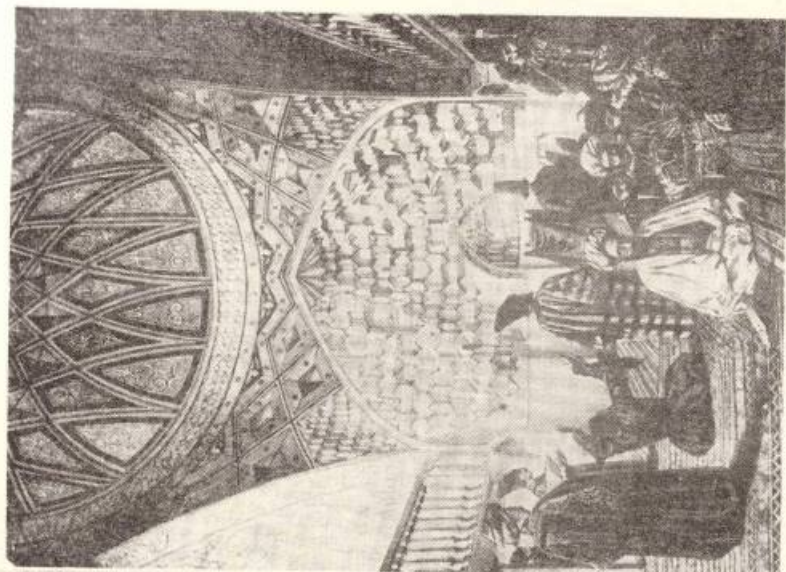

Рис. 20
Шуша, Мечеть Гохар-Али, XVIII в. Общий вид и интерьер (рисунки худ. В. Верещагина).

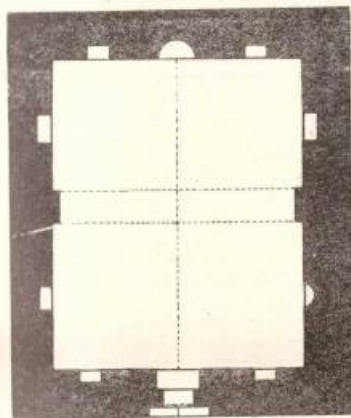
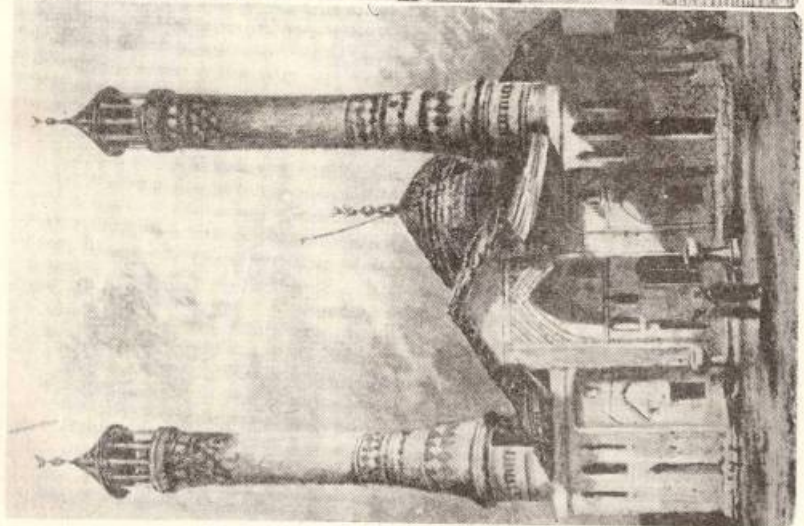

Рис. 21
Физулинский р-н, сел. Карга-базар, Мечеть (XVII в.). Северный фасад и план.

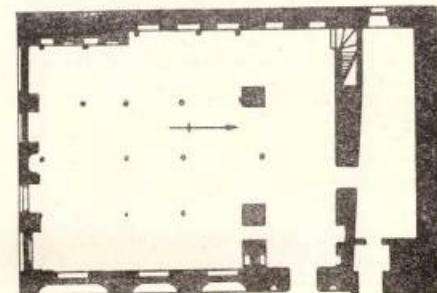

Рис. 22
Ораубад, Мечеть Низке-Амборасская. План.

рам мавзолеям объемно-пространственный характер сооружений, имеющих значительное внутреннее пространство. Эти мавзолеи по своему типу приближаются уже к купольным гробницам.

Характерным признаком восьмигранных мавзолеев этого времени надо также признать очень слабое выявление цоколя, тогда как в предшествующий период цоколи большинства восьмигранных мавзолеев сильно выделялись, хотя никогда не приобретали того значения, как в архитектуре башенных мавзолеев. Но в мав-

золеях XVI—XVII вв. мы встречаемся с новым явлением, заключающимся в том, что под мавзолеи иногда подводились стилобаты. Подобные стилобаты известны по некоторым каланханским мавзолеям (например, в мавзолее шейха Ибрагима).

Единственным в своем роде является цоколь восьмигранного мавзолея в сел. Агбиль Кубинского района. Здесь цоколь хотя и не выделен объемно, но, возведенный из камня в отличие от кирпичного массива самого мавзолея приобретает в общей композиции его значительную художественную выразительность.

Следующая типологическая группа — купольные гробницы — в рассматриваемый период представлены менее широко. Основным признаком этой типологической группы следует признать квадратной формы зал, перекрываемый сферическим куполом. Наружная объемная композиция купольных гробниц складывается из нижнего кубического объема и стрельчатой формы купола.

К группе купольных гробниц, наряду с нахичеванским мавзолеем Имамазде, относится мавзолей в сел. Сарытене в ущелье у р. Кушкарчай, мавзолей семьи Адигезалбека в Касум-Измайловском районе, мавзолей шейха Джушейда в сел. Хазры Кусарского района и несколько небольших мавзолеев и аншеронских селений, среди которых можно назвать мавзолей в сел. Мардакни.

Применение в купольных мавзолеех XVI—XVII вв. порталных композиций ограничивается только мавзолеем Аншерона, в которых они обычно имеют вид глубокого портала.

На примере порталов небольших по своим абсолютным размерам ашеровских мавзолеев можно проследить, каким прекрасным чувством соразмерности обладали ашеровские зодчие. Учитывая, что при небольших размерах сооружений порталы обычного типа теряли бы свой архитектурный смысл, зодчие придают им вид сильно выступающего портала, подчеркивая их значение в композиции большей их глубиной. Иначе говоря, подчеркнута пространственным решением этих небольших порталов компенсируется незначительность их абсолютных размеров.

Для композиционного построения восьмигранных мавзолеев рассматриваемого периода определяющим остается сочетание призматического корпуса с шатровым перекрытием. Мавзолеи, завершенные вместо шатра куполом, менее типичны и строились, главным образом, в начале XIX в. В композиционном отношении для большинства мавзолеев XVI—XVII вв. надо признать характерной четко выраженной фасадную сторону, что проявляется прежде всего в значительно более богатом оформлении входной грани.

В Ширване разработка входной грани получает вид плоско-рельефной порталной композиции. В предыдущий период входные грани в Ширване хотя и выделялись, но не получали разрешения в виде порталного обрамления. Мавзолеи в сел. Калахана дают разнообразие варианты порталных обрамлений. Наряду с этим можно отметить восьмигранные мавзолеи Ширвана, в которых сохраняется старая схема входной грани, характеризующаяся небольшим входным проемом и доской с надписью, расположенной над входом. Подобное решение применено в мавзолее в сел. Агбиль Кубинского района.

В этой разработке входных граней в виде порталных обрамлений нельзя не отметить определенного влияния композиционных схем, свойственных архитектуре памятников южных областей Азербайджана в XII—XV вв. Таким образом, ширванские мавзолеи, сохраняя присущую им особенность — наличие членений только на входной грани — воспринимают характер решения входной грани, свойственный мавзолеев юга.

Общаясь среди рассматриваемых мавзолеев стоит мавзолей в сел. Худаярлы Джебранильского района. Ориентировочно датируемый XVII—XVIII вв. мавзолей этот следует признать уникальным для рассматриваемого периода. Углы его оформлены в виде пучка из трех колонок, удачно сопряженных с верхним

обрамлением, служащим одновременно карнизом.

Подобный характер архитектурных членений обнаруживает несомненную генетическую связь с мавзолеем со сплошной орнаментацией граней, в которых ощущалась потребность разграничения одного орнаментального поля от другого.

Мавзолеи XVIII в. сохранилось в Азербайджане немного и они по своим художественным и конструктивно-строительным достоинствам значительно уступают мавзолеем предыдущих исторических периодов. В XVIII в. в зодчестве Азербайджана утрачивается типологическое единство отдельных видов мавзолеев.

Характерно, что восьмигранные мавзолеи этого времени уже не трактуются как памятники над местом захоронения, а скорее как некие восьмигранные открытые помещения. Небольшие проемы в восьмигранных мавзолеев прошлых эпох уступают место большим дверным проемам, что нарушает присущий таким сооружениям вид монументов, приближая их к сооружениям утилитарного назначения. Строительные и конструктивные приемы были в основном прежние, но качество выполнения сооружений в натуре заметно снизилось и значительно упростилась их отделка.

Рассмотрены здесь также несколько мавзолеев, построенных в начале XIX в., в которых в сильной степени отражены старые традиции, нехарактерные для зодчества XIX в.

Мавзолей шейха Джебраила расположен недалеко от Ардебил в местности Сулхордад. Де Морган, опубликовавший два хороших вида этого памятника, в одном случае дает надпись — «Мавзолей Сеид Даяла», а в другом — «Мавзолей Сеид Джебраила»⁵³. Памятник является мавзолеем шейха Джебраила — отца шейха Сефи⁵⁴.

В плане по наружному контуру мавзолей представляет удлиненной формы прямоугольное сооружение со срезами на стороне главного фасада углами.

Основным, погребальным помещением, является восьмигранный зал, перекрытый куполом. Вокруг зала по углам находятся небольшие помещения, а по главным осям — глубокие порталные ниши. Погребальная часть сооружения не только в плане, но и в объемном решении имеет много общего с мавзолеем шей-

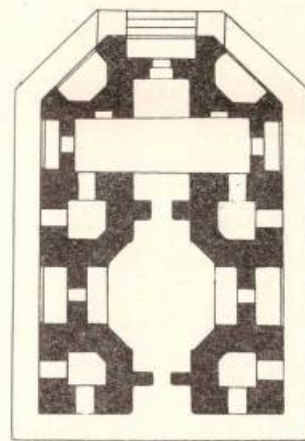
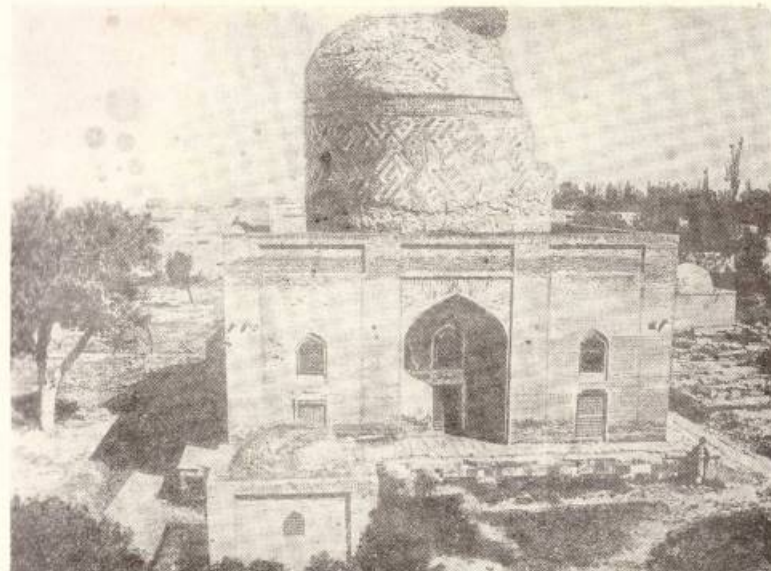

Рис. 23
Район Ардебил, сел. Солхардад.
Мавзолей шейха Джебраила (XVI в.).
Главный фасад. План.

ха Джунейда в сел. Хазры Кусарского района, также возведенным в память одного из сефевидов.

В отличие от мавзолея шейха Джунейда рассматриваемый памятник имеет сильно развитую входную часть, которая, как предполагается, пристроена позже⁵⁵.

Сооружение покоится на каменном доколе. Стены возведены из кирпича и оставлены без штукатурки. Тимпаны арок и филленки над арками имеют фигурную кирпичную облицовку. Ныне разрушенный купол высился на барабане, имеющем облицовку из глазурованных бирюзовых и обычных красных кирпичей.

Близкая аналогия с гробницей Джунейда, в особенности решение барабана с куполом и усложненный план, позволяет считать мавзолей шейха Джебраила памятником XVI в. В искусствоведческой литературе⁵⁶ уже высказывалось предположение, что первоначально в XIV в. было создано центральное ядро сооружения, возможно, имевшее вид башенного мавзолея, в дальнейшем, после прихода сефевидов

⁵³ J. de Morgan. Mission scientifique en Pers, т. 1, 1894, табл. XII и XIII.

⁵⁴ Fr. Salet. Ук. соч.

⁵⁵ Fr. Salet. Ук. соч.

⁵⁶ Там же.

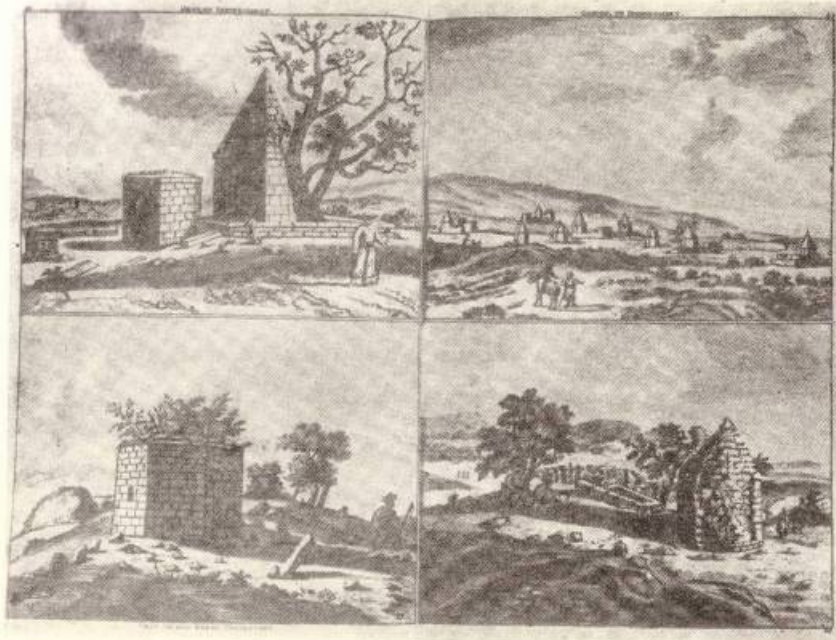

Рис. 24
Шемахинский р-н, сел. Калахана. Комплекс мавзолеев, XVII вв.

к власти, мавзолей был расширен путем пристроек, наподобие пристройки мечети к мавзолею шейха Сефи. Во всяком случае с достаточной обоснованностью можно утверждать, что дошедший до нас облик памятника приобрел в XVI в.

Мавзолеи в сел. Калахана Шемахинского района расположены примерно в 6 км от города Шемахи, близ сел. Калахана, на участке приблизительно 250 × 140 м.

В специальной литературе до настоящего времени мавзолеи в Калахана упоминались только вкратце⁵⁷, без какого-либо анализа их архитектурных особенностей⁵⁸.

⁵⁷ См. В. М. Сысоев, Поселка в Шемахинский уезд с археологической целью. «Изв. археологического комитета», вып. 1926 г.; А. В. Саламзаде, А. А. Садыгзаде и др. Некоторые памятники Шемахинского района. «Архитектурные памятники Азербайджана». (Сб. материалов), вып. 1, Баку, 1946, стр. 90.

Из ранее существовавших девяти мавзолеев, расположенных по направлению с запада на восток, в настоящее время сохранились только восемь, причем один из них сильно разрушен, сохранились только остатки стен. Остальные мавзолеи дошли до нас в целом в хорошей сохранности, а некоторых из них разрушение совершенно не коснулось⁵⁹. В настоящее время у трех из мавзолеев прослеживаются остатки окружающих их стен с небольшим порталом со стороны входа в мавзолей. К сожалению, лишь одно из этих сооружений настолько сохранилось, что позволяет восстановить его первоначальный вид. Как видно из рисунка в книге путешественника Корнелиуса

⁵⁸ E. Diez в своей работе «Islamische Baukunst in Schirvan» приводит калаханские мавзолеи как наиболее характерный пример восьмигранных мавзолеев вообще.

⁵⁹ На схематическом плане расположения некоторых мавзолеев названы условно.

де Бруниа (нач. XVIII в.), пять из девяти мавзолеев имели вокруг себя стены с порталом, причем крайний справа изображен с двойным рядом стен.

Следует ли это понимать так, что первоначально здесь было семь мавзолеев, а в дальнейшем были построены еще два? Однако надо не забывать и то, что обозначение «едди» часто применяется в Азербайджане в отношении группы зданий, не будучи строго связано с их истинным количеством. Поэтому более вероятно, что все мавзолеи были построены почти одновременно, возможно, для захоронения павших в бою воинов-солдат.

Только на одном из мавзолеев имеется надпись, датирующая его и сообщающая имя захороненного лица. Надпись эта гласит: «Это могила проценного высочайшим богом шейха Ибрагима сына Амир Ахмеда, являющегося потомком шейха Исрафила из Чилгерских шейхов. Руководитель работ (серкар) Абд-ул-Азиз сын Амира Али. Да простит его бог! Год тысяча семьдесят четыре».

Таким образом, этот мавзолей возведен в 1074 г. х. (1663/64) мастером Абд-ул-Азизом, названным «серкаром», что означает, как упоминалось, «руководитель работ», или заведывающий работами.

Датированный мавзолей в плане восьмиугольной формы с диаметром описанной окружности в 4,8 м. Тело мавзолея представляет собой восьмигранную призму с входным проемом в плоскости южной грани. Высота призмы 4,11 м, и лишь в сочетании с восьмигранным пирамидальным завершением мавзолей приобретает стройный вид и отчетливо выраженную вертикальность. Мавзолей поставлен на невысокой стилобат.

Лишенный всякого орнаментального убранства он производит весьма выгодное впечатление, главным образом, благодаря соразмерности частей, отточенной прорисовке деталей и прекрасному выполнению в натуре. Архитектурно подчеркнутой частью сооружения является входная грань, ориентированная на юг. Здесь еще раз сталкиваемся с композиционной особенностью ширванских мавзолеев, заключающейся в сильном выделении входной грани.

Обработка этой грани заключается в оформлении плоскости порталом с невысоким рельефом. Несложный профиль обрамления создает, однако, достаточно четко выраженное композиционное ядро, придающее всему сооружению репрезентативный вид. В компоновке Portalного обрамления должна быть отмечена

более узкая по сравнению с боковыми отбивка внешнего обрамления, совпадающая с плоскостью грани. Можно предположить, что мастер, учитывая в данном случае небольшие размеры сооружения, стремился к зрительному увеличению сооружения путем искусственного усиления — перспективного сокращения верхней части внешнего обрамления. Той же цели служат небольшие размеры входного, стрельчатого проема, прекрасно вписанного в «портальное» обрамление.

Над входным проемом — трехстрочная строительная надпись, выполненная резьбой по камню. В сочетании с обрамлением и надписью входной проем составляет достаточно архитектурно подчеркнутое пятно, привлекающее внимание зрителя. Нижний объем мавзолея в месте перехода к пирамидальному шатру завершается карнизом, состоящим из полки, своеобразного углубления и выкружки, переходящей в плоский выступ.

Несомненно, признаком большой зрелости ширванских мастеров следует признать тот факт, что в пределах установившегося типа каменного восьмигранного мавзолея, зодчий или зодчие, возводившие калаханские мавзолеи, сумели придать каждому из этих памятников только ему присущий индивидуальный облик.

Своеобразие каждого из памятников определяется, главным образом, различной трактовкой входной грани.

Крайний западный мавзолей примечателен не только более тонкой разработкой Portalной грани, но и тем, что здесь лучше, чем в остальных мавзолеях сохранилась ограждающая стена с расположенным спереди входным порталом-воротами. Наиболее удовлетворительным и логичным объяснением назначения ограждающей стены, очевидно, надо признать стремление максимально обеспечить сохранность самого мавзолея. Действительно, калаханские мавзолеи дошли до нас в прекрасной сохранности, ограждающие же стены исчезли, выпалив в течение довольно продолжительного времени свою защитную роль. Несомненно, что эти стены играли также и определенную композиционную роль. В сочетании с небольшими порталами и самими мавзолеями они создавали небольшой комплекс сооружений, объемно очень выразительный вследствие удачно найденного пространственного соотношения всех трех элементов. В этом можно усмотреть стремление к достижению возможно большей пространственности небольших по объему сооружений. Такой комплекс приобретает некоторые особенности ку-

а

б

полных мавзолеев, в которых портал-вход также играет большую роль в общей композиции.

Рассматриваемый крайний западный «мавзолей со сталактитами» отличается от других мавзолеев комплекса большей вытянутостью пропорций и тонкостью проработки архитектурных деталей; в соответствии с общей вытянутостью пропорций самого мавзолея решены также и пропорции грани, на которой расположен вход.

Стрельчатый проем, служащий входом в мавзолей, имеет стрельчатое же обрамление. Место для надписи, оставленное над входом, представляет плиту, выступающую из плоскости стены. Эта плита поддерживается сталактитами очень тонкого геометрического рисунка. Высокое качество резьбы по камню в этом памятнике еще более увеличивает впечатление законченности и изящества.

Не менее интересным сооружением этой группы является мавзолей, условно обозначенный как «мавзолей с крупной кладкой». Характерной особенностью его являются крупные

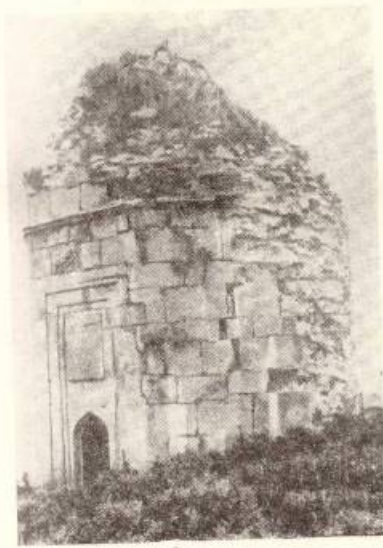
размеры облицовочного камня, придающего ему своеобразие по сравнению с соседними мавзолеем. Если, например, в мавзолее с надписью наиболее крупные камни имеют размеры 25×45 см, то в рассматриваемом мавзолее встречаются камни размерами 41×64 см. С другой стороны, в этом мавзолее характерным надо признать членение призматического объема тягой на верхний фризный пояс и на нижнюю часть. Такое решение членений корпуса мавзолея, встречающееся почти во всех кирпичных башенных мавзолеев XII—XV вв., в каменных мавзолеев Ширвана встречается редко. Наиболее ярким примером может служить выделение фриза в мавзолее Сенда Яхья Бакуви в комплексе Дворца ширваншахов в Баку. Рисунок тяги, отделяющей фриз от призматического корпуса, также аналогичен рисунку пояса бакинского мавзолея.

Хотя порталное обрамление в целом идентично обрамлениям других мавзолеев той же группы, но в рассматриваемом мавзолее оно в своей верхней части завершается стрельчатой аркой, которая связывается только внешними рамками обрамления.

Резьба по камню в этом мавзолее нашла применение в виде геометрического рисунка орнаментальных розеток, скомпонированных на тимпанах арки входного проема.

Группа калаханских мавзолеев представляет один из немногочисленных в архитектуре средневекового Азербайджана примеров одновременно возникшего комплекса сооружений. То, что эти мавзолеи возникли в течение небольшого отрезка времени, явствует из того, что А. Оlearий, посетивший эти места в 1636 г., о них ничего не сообщает, а путешественник Корнелиус де Бруин, побывавший здесь в первые годы XVIII столетия, на своем рисунке показывает уже все мавзолеи⁶⁰. Если иметь в виду дату сооружения мавзолея с надписью (1663/64), то надо признать, что в течение ближайших лет, очевидно, были построены и другие мавзолеи и, возможно, одним и тем же лицом. Представляется даже, что именование в надписи строителя «серкарром», т. е. главным

⁶⁰ Cornelis de Bruins, Reizen over Moskovie door Perzie en Indie. Amsterdam, 1711.

в

г

Рис. 25
Шемахинский р-н, сел. Калахана. Комплекс мавзолеев, XVII в.

а — мавзолей шейха Ибрагима; б — мавзолей с стрельчатым проемом; в — мавзолей с крупной кладкой; г — мавзолей безнадписный

над работами, было связано именно с тем, что он одновременно руководил строительством всех мавзолеев. В этом случае очень интересной задачей является разрешение вопроса: исходил ли мастер при расположении мавзолея на участке из каких-либо композиционных соображений, был ли у него общий план ансамбля? К сожалению, схематический характер съемки расположения памятников не позволяет делать каких-либо заключений в этом отношении. Все, что можно сказать по этому поводу, это то, что все мавзолеи имеют единую ориентацию на южную сторону.

В конструктивном отношении калаханские мавзолеи представляют обычное для Ширвана явление. В кладке пространство между члесто тесаными наружными и внутренними рядами заполнено массой из камня и известкового раствора. Известный интерес представляет наличие в растворе древесного угля. Как известно, в группе мавзолеев XII—XV вв., расположенных в южных районах страны (Барда, Нахичевань, Карабаглар), в гаженом растворе еще раньше установлена примесь древесного

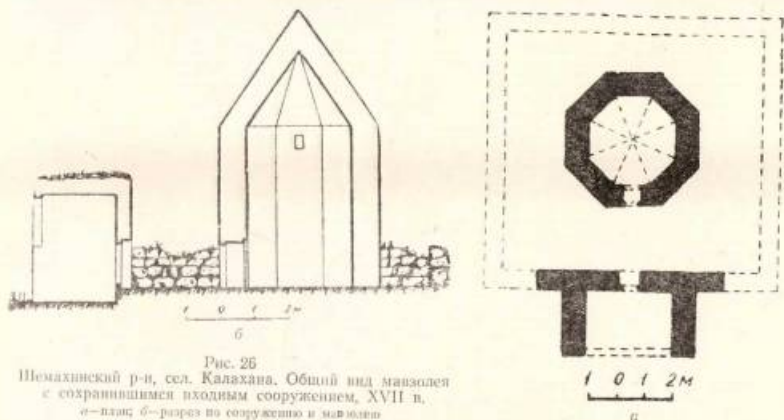
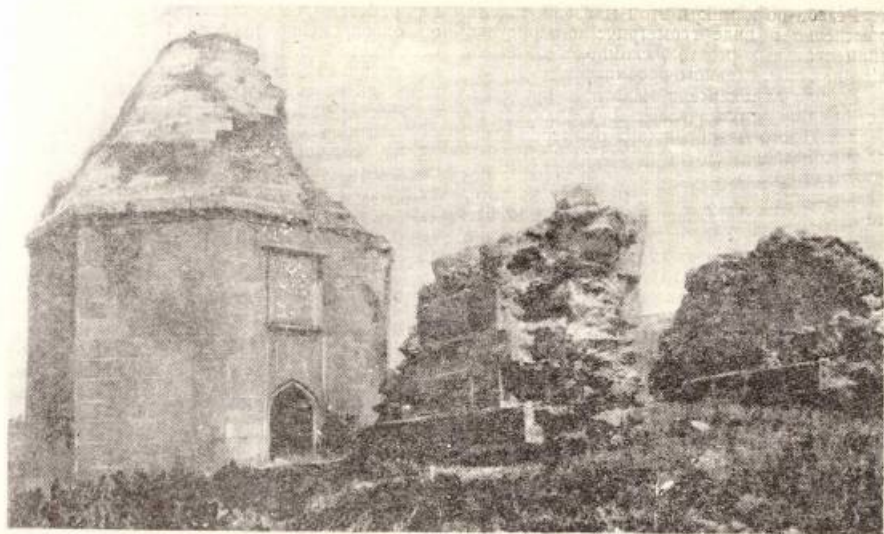

Рис. 26
Шемахинский р-н, сел. Калахана. Общий вид мавзолеев с сохранившимся входным сооружением, XVII в.
а—план; б—разрез по сооружению и мавзолею

угли, что связывается с желанием придать гажевому раствору большую сопротивляемость сырости.

Мавзолеи в сел. Агбиль Кубинского района. В прошлом в селении было три мавзолеев, один из которых совершенно разрушен. Этот мавзолей представлял собой в плане квадрат с выступающими вперед антами, образовавшими

шири сени-портал. Внутри мавзолеев имел размеры $2,7 \times 2,7$ м и над входом была вкомпонована надпись на плите размером $1,43 \times 48$ см с датой 940 г. х. (1553) и с именем похороненного в нем лица — Шах-Мурада⁶¹.

⁶¹ А. А. Дзескерадзе. Надписи агбильских мавзолеев. «ДАН Азерб. ССР» (на азерб. яз.), т. XII, № 10, 1956.

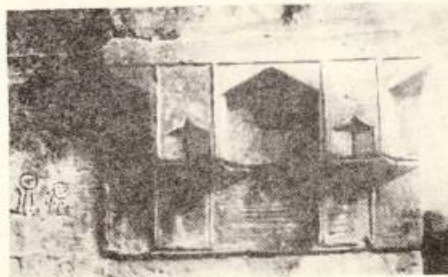
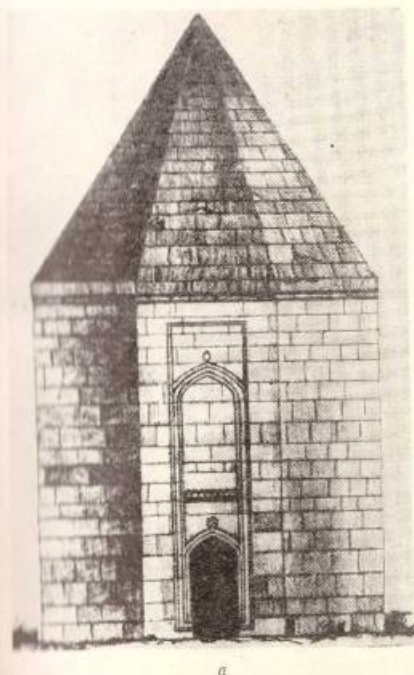

Рис. 27
Шемахинский р-н, сел. Калахана. Мавзолей с сохранившимся входным сооружением.
а—фасад мавзолеев; б—фасад сооружения; в—сталактиты портала сооружения

Из сохранившихся двух мавзолеев один снаружи имеет вид восьмигранного сооружения. Этот мавзолей представляет значительный интерес, определяемый, с одной стороны, датировкой мавзолеев XVI в., т. е. периодом очень бедным памятниками архитектуры, сохранившимися на территории северного Азербайджана, с другой стороны, типологической особенностью мавзолеев юга и севера страны.

Возведенное из кирпича сооружение покоится на каменном цоколе, причем кладка цоколя выполнена заподлицо с плоскостью кирпичной кладки. Таким образом, цоколь и основной объем сооружения разграничены только фактурой строительного материала. Такой прием выделения цоколя только по фактурной характеристике встречается в некоторых кирпичных мавзолеев южных областей Азербайджана.

Своеобразной чертой мавзолеев является также и то, что при восьмигранном наружном очертании он внутри имеет квадратную форму с размерами $2,8 \times 2,8$ м. Южная сторона квадрата занята входом в мавзолей, а на трех остальных сторонах размещено по небольшой ширине камеры надгробия. Наличие на уровне пола камеры надгробия показывает, что захоронение здесь обшито обычного могильного вида без устройства специального склепа.

Переходом от квадратного основания к куполу служат паруса, трактованные в виде несложных сталактитов.

Как уже отмечалось выше, характерным для наружного вида данного мавзолеев является сочетание двух материалов — камня и кирпича, что не встречается в других сооружениях Ширвана. Кроме цоколя, камень введен в нижнюю часть обрамления дверного проема, в арку входного проема и на камне же высе-

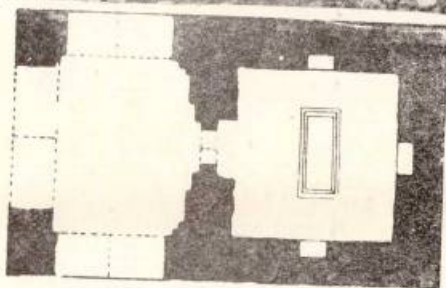

Рис. 28

Кубинский р-н, сел. Агбиль. Мавзолей с порталом, 1537 г.
а — план; б — вид с юга

чена дата. Каменная плита с надписью размерами 53×46 см вкомпоновано на 9 рядов кирпича выше входного проема.

Надпись на арабском языке гласит: «Это здание построено в период правления султана сына Султана, Султана Халилуллы для шейха

⁶⁰ Упоминаний и надписей Султан Халилуллы является ширваншахом Халилуллоу II. (См. А. А. Алексеева в Уж. соч.

Мезида сына Софи шейха Рафи-эд-дина 944 (г. х.) (1537/39)⁶².

Третий из агбильских мавзолеев является небольшим сооружением. Стены короткой стороны прямоугольного в плане ($2,80 \times 2,62$ м) мавзолея выпущены вперед на 1,2 м в виде антов. Получающийся небольшой зйван перекрыт сводом. Внутреннее пространство открыто зеркальным сводом. В целом композиция этого небольшого мавзолея весьма характерна и напоминает небольшой антового типа жилой дом.

Агбильские мавзолеи возведены из квадратных обожженных кирпичей $24 \times 24 \times 5$ см.

Гробница шейха Джунейда находится в сел. Хазра Кусарского района, расположенного недалеко от границы Азербайджана с Дагестанской АССР. Из истории борьбы между ширваншахами и ардебильскими шейхами известно, что в сражении с войсками Халил-Уллы I — здесь на поле битвы в 1456 г. пал и был тут же похоронен шейх Джунейд, дед шаха Исмаила I.

Строительство мавзолея над могилой шейха Джунейда, очевидно, велось значительно позднее. Об этом и повествует надпись на северном фасаде ныне существующего комплекса сооружений. Из изучения на месте выя-

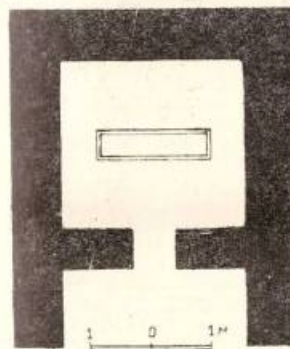
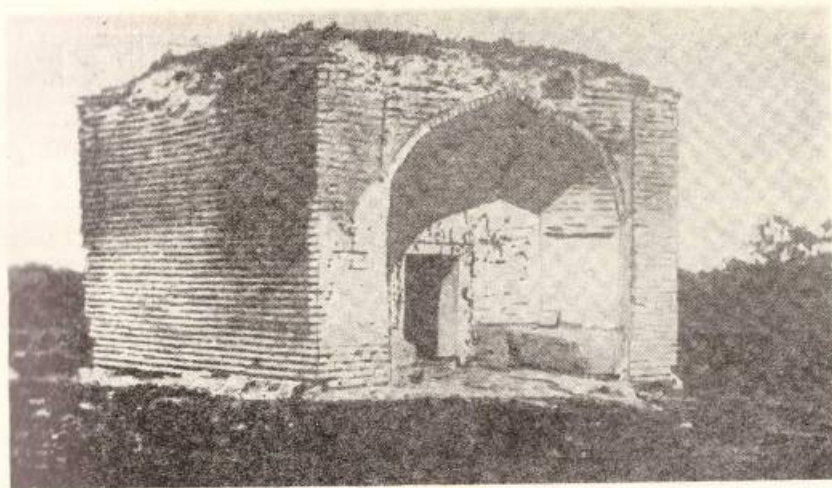

Рис. 29

Кубинский р-н, сел. Агбиль, XVI в.
Общий вид мавзолея и план.

няется, что часть сооружения, где сейчас размещена строительная надпись, является ближайшей пристройкой к собственно гробнице. В таком случае надо признать, что надпись, бывшая на фасаде позднейшей пристройки, была перенесена сюда из основного здания⁶³.

⁶³ Такого мнения придерживается также ст. научный сотрудник Ин-та востоковедения АН Азерб. ССР А. А. Алексеева, подготавливающий к печати перевод и комментарий надписи. Как он нам любезно сообщил, датой строительства мавзолея является 951 г. х. (1544).

Хотя имеются сведения о том, что останки шейха Джунейда в XVI в. были перенесены в Ардебиль, но, надо думать, что они были перенесены значительно позже строительства гробницы, или же гробница была построена одновременно с перенесением останков. Если учесть, что к моменту строительства мавзолея сефевиды были уже могущественными государями, то нет ничего удивительного, что перенес останки своего предка, павшего в борьбе за укрепление династии, шах Тахмасиб пристроил эту гробницу как памятник шейху Джунейду, придав сооружению характер погребальной мечети. Действительно, в плане гробница имеет много общих черт с купольными мечетями.

Гробница в плане имеет форму квадрата со сторонами в 7,23 м. Во всех четырех стенах имеются дверные проемы. С трех сторон — запада, востока и юга, — дверные проемы размещены в больших нишах-порталах, шириной 4,67 м при глубине 2,90 м. С наличием этих порталных ниш, являющихся композиционным элементом фасадов, связано образование небольших комзат, в углах, очевидно, использовавшихся в качестве вспомогательных помещений. На уровне основания купола из юго-восточной комнаты-кельи имеется доступ к куполу, перекрывающему здание.

Внутренние стены гробницы на высоту 1,42 м облицованы квадратными глазуран-

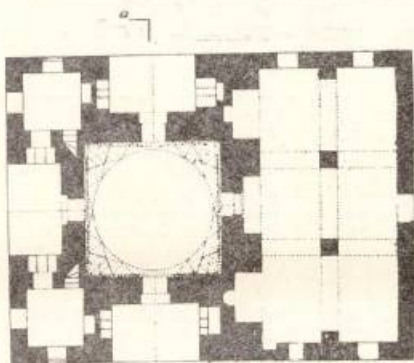
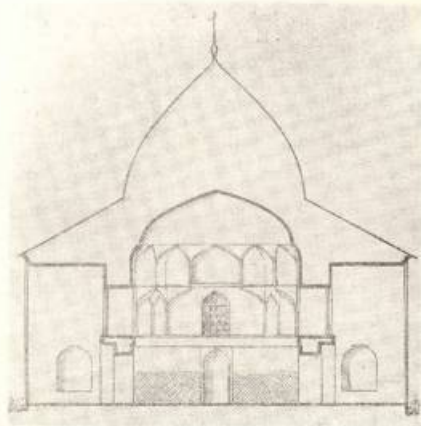

Рис. 30

Куларский р-н, сел. Хаара. Мавзолей шейха Джунейда, 1534 г. План и разрез.

ными плитками двух цветов — голубого и черно-фиолетового, расположенными в шахматном порядке. Следует отметить, что качество глазури низкое — поверхность ее неровная, покрыта трещинами и пориста.

Определяющими деталями интерьера в целом являются сталактиты, составляющие переход от квадратного основания к куполу. Для того, чтобы показать их доминирующее значение в интерьере усыпальницы, достаточ-

но отметить, что при высоте усыпальницы от пола до нижнего ряда сталактитов 2,95 м, высота сталактитового пояса достигает почти 4 м (3,88 м). Выполненные в крупных ячейках сталактиты, с первого же взгляда читаются в качестве конструктивного элемента сооружения. Высота первого ряда сталактитов 1,87 м, а второго ряда немного меньше — 1,7 м; на верхнем сталактитовом поясе расположен купол, имеющий с внутренней стороны стрелчатую форму.

За исключением нижней части, облицованной глазурованными плитками, вся остальная плоскость стен и сталактитов покрыты штукатуркой.

Интерьер мавзолея поражает спокойным величием. Такое впечатление связано, в основном, с общим крупным масштабом членений и, в особенности, тропиев-сталактитов.

Примыкающее к гробнице с северной стороны помещение, несомненно, является позднейшей пристройкой. Это видно не только по общему плану сооружения, с которым это помещение композиционно не увязано, но и по тому, что стены пристройки только примыкают к стене гробницы, а не являются их продолжением.

Мавзолей «Джомард Касаб» расположен на территории старой Гянджи, к югу от железнодорожного полотна.

Мавзолей имеет в плане форму восьмиугольника. Углы восьмиугольника с внутренней и наружной стороны разработаны выступами, причем снаружи выступы двухступенчатые. Наличие угловых выступов придает памятнику характерный вид восьмигранного мавзолея с нашими на границах. Стены мавзолея прорезаны четырьмя проемами, расположенными на осях.

Пристройка возведена из обожженного квадратного кирпича на гашеном растворе.

И. М. Джафарзаде приводит следующие сведения, связанные с мавзолеем: «Легенда, дошедшая до наших дней и имеющая большую популярность среди местных жителей, говорит о том, что мавзолей построен над могилой честного, справедливого и беспрядельно правдивого мясника, жившего в период правления четвертого халифа Али ибн Абу-Талиба (35—41 г. х. — 535/56—661/62 гг.). Он был очень известен в городе и пользовался большим почетом и уважением со стороны жителей»⁶¹.

⁶¹ И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк старой Гянджи (Родина Низами). Баку, 1949, стр. 19.

Исходя из этого, И. П. Щедькин в своей работе делает предположительный вывод, что мавзолей, возможно, построен в XI—XII вв.⁶²

Если даже принять правильность легенды о захоронении в могиле мясника, жившего в такие далекие времена, то это ни в какой степени не может быть приведено в связь со временем строительства существующего ныне мавзолея. Не исключается возможность, что ранее на месте нынешнего мавзолея существовал более древний мавзолей, после разрушения которого был построен нынешний.

Стилистические особенности рассматриваемого мавзолея дают некоторое основание утверждать, что сооружение мавзолея должно быть отнесено к XVII в. Основанием к такому предположению служат, во-первых, большие размеры входных проемов, характерные для мавзолея строительства XVII—XVIII вв. С другой стороны, рассматриваемый мавзолей в композиционном отношении имеет много сходного с другими мавзолеем XVII в. В качестве аналогии можно указать на мавзолей в сел. Яныхлы Таузского района, также датируемый XVII в. Важно также то обстоятельство, что мавзолей в сел. Яныхлы территориально близок к гор. Гяндже.

⁶² И. П. Щедькин. Памятники зодчества Азербайджана (материалы). Баку, 1949.

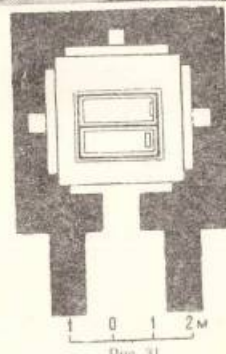

Рис. 31

Алиевск. сел. Мардакчи. Мавзолей Пир Гасана (вид с юга), 1612 г. План.

Мавзолей в сел. Яныхлы Таузского района. Из стоявших некогда в сел. Яныхлы трех мавзолеев — двух квадратных и одного вось-

интринного, — в настоящее время в полуразрушенном виде сохранился один восьмигранный мавзолей. Внутренние грани мавзолей обработаны нишами, а наружные — оставлены гладкими. Особенностью мавзолей являются четыре входных проема, ориентированных по странам света.

Фундаменты сооружения сложены из булы, а стены — из красного кирпича.

Датировка мавзолей — XVII в., вытекает не только из ряда характерных для этого периода черт и того обстоятельства, что мавзолей, видимо, построен в одно время с сохранившейся там мечетью XVII в.

Нир в сел. Мардаканы. Основное сооружение нира — квадратный в плане мавзолей, перекрытый куполом. Выступающее на 2,2 м вперед преддверие перекрыто стрельчатым сводом. Внутри мавзолей во всех четырех углах имеются парные выступы, переходящие в паруса, на которые опирается купол. Вся постройка облицована чисто тесаным камнем.

Обрамление входа в мавзолей в верхней части украшено орнаментами. Над входом помещена обрамленная рамкой надпись, согласно которой сооружение было возведено при шахе Аббасе I в 1021 г. х. (1612/13). В другой, расположенной слева отдельно от главной, строительной надписи, указывается имя мастера (устада) Надира Али.

Мавзолей в сел. Сарытепе в ущелье р. Кушкарчай. Мавзолей был выявлен экспедицией Института истории им. А. Бакиханова⁶⁶. По материалам научного архива Института истории выявляется, что мавзолей возведен из квадратных обожженных кирпичей размерами 21×21×4; 22×22×4,5 см. Мавзолей является купольной гробницей, нижняя часть которой в плане представляет квадрат на высоте 3,1 м, переходящий в цилиндрический барабан, на котором покоится, судя по схематическому разрезу И. П. Щерблякина, полциркулярного очертания купол. О форме купола в описании говорится, что: «...цилиндр перекрыт слева завершенным куполом». Переход от квадрата плана к кругу барабана купола осуществлен посредством тропов. Цилиндрический барабан пронзён четырьмя проемами 35×60 см, ориентированными по сторонам света.

И. П. Щерблякин обратил внимание на необычное расположение дверных проемов, «...как общее правило, дверные проемы устраниваются по центральным осям, главным обра-

зом, в северной стене. Здесь же дверные проемы имеют общую ось, значительно смещенную от центральной оси. Внутри дверные проемы приобретают четырехугольную форму, достигая высоты в 1,57 м».

Внутри стены мавзолей оштукатурены. В центре южной стены расположено михраб, без ниши и даже не выполненный рельефом, а просто зарисованный на стене коричневой краской.

Касаясь вопроса о захоронении, можно совершенно уверенно утверждать, что здесь мавзолей не имеет склепа, а захоронение имеет вид обычных могил. Такой характер захоронения вытекает из типологических особенностей сооружения купольных гробниц, в которых вследствие устройства пола на уровне земли захоронения в специально устроенном склепе не практиковались.

Датировка мавзолей представляет большие затруднения — нет строительной надписи или орнаментальных украшений. Единственным отправным пунктом могут служить типологические особенности сооружения в совокупности с размерами кирпича в характерной кладке. Основание датировки сооружения, приводимое И. П. Щерблякиным, недостаточно: «Судя по стилистическим признакам, его можно отнести к концу XVII или началу XVIII в.». Какие стилистические признаки? Об этом ничего не сказано. Нам же кажется, что общетипологические особенности (купольная гробница) при рассмотрении в совокупности с неусложненным квадратным планом, крупными тропами и размером кирпичей, дает нам основание считать мавзолей сооружением более раннего, чем XV—III в. периода, вернее всего XVII в. По характеру организации интерьера, мавзолей в Сарытепе должен быть признан близким аналогом мавзолею шейха Джуейда в сел. Хазра Куарского района, датированного XVI в. (1544).

Мавзолей в сел. Гюрджилер Кубатанского района. Этот памятник по ряду своих особенностей следует признать уникальным восьмигранным мавзолеем. Большим своеобразием отличается организация перехода от корпуса мавзолей к шатровому перекрытию. Взяв за основу сталактиты, мастер создал оригинальную конструкцию наподобие тропи, представившую возможность осуществить плавный переход от восьмигранного плана к шестнадцатигранному кольцу шатрового купола. Совершенно самостоятельная трактовка мастером «тектонической границы», переходного карниза к шатру, придала мавзолею черта

большого своеобразия. В принятом автором решении каждой грани шатра соответствуют композиционные узлы троповидного карниза. Такое решение органически увязывает две части мавзолей — корпус и купол. Кроме того, примененные здесь архитектурные средства определили пластичность и мягкость очертания памятника. Мастеру удалось смягчить подчеркнутую геометричность, присущую восьмигранному мавзолею с восьмигранным же шатром.

В этом мавзолее мы видим сохранение традиции, выработанной зодчими ранних периодов: прием оформления входа в виде небольшого проема.

На памятнике не сохранилось надписи, возможно, ее и не было. Поэтому датировка памятника может базироваться только на анализе его архитектурных особенностей. Наиболее ясным датирующим элементом, по нашему мнению, является характер дверного обрамления и виде небольшого рельефного портала. Этот прием характерен для XVII в.; к этому же времени можно отнести и форму завершающих обрамление арок. Они не только декоративны по своему назначению — это встречалось и раньше, но декоративно само очертание арок это уже явление новое, присущее XVII в.

На основании всего сказанного, дату возведения рассматриваемого мавзолей можно с достаточной уверенностью отнести к XVIII в.

Мавзолей в сел. Худаярлы Джебраильского района представляют небольшие сооружения, возведенные из хорошо тесаного камня. Для характеристики архитектуры мавзолеев этого периода, они интересны как примеры подражания старым образцам, возведенным в XIII—XIV вв.

В круглом мавзолее из сел. Худаярлы трудно усмотреть прямое влияние мавзолей XIV в. и сел. Ашаги Вейсалы Карягинского района⁶⁷. Однако в результате перенесения на небольшой мавзолеем композиционного приема, выработанного для большого сооружения, мавзолей лишен художественной убедительности. То же самое можно сказать и в отношении восьмигранного мавзолей, расположенного в том же сел. Худаярлы. Для него прообразом служит, очевидно, другой, не дошедший до нас ранний мавзолей.

Следует отметить, что в Карягинском, Кубатанском, Джебраильском и других районах этой зоны в XIII—XIV вв. строились мно-

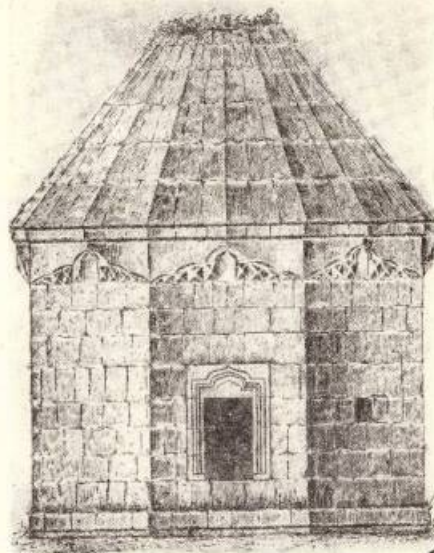

Рис. 32
Кубатанский р-н. Мавзолей в сел. Гюрджилер.
Фасад.

гочисленные каменные мавзолей, от которых до нас дошла лишь небольшая часть. К их числу относятся недавно выявленные мавзолей в сел. Кенгерли, вероятно, построенный в XV в. Сохранившиеся остатки некоторых мавзолеев (на плоскогорье «Язы дюзи», на холмистом курганном поле и др.) объясняют нам происхождение отдельных мотивов, встречаемых в мавзолеех, подобных только что рассмотренным.

Мавзолей XVI в. в сел. Хазра Куткашенского района. Этот полуразрушенный мавзолей расположен в древней роце в комплексе с другими мавзолеем, относящимися к XV в.⁶⁸ В XIX в. в этой священной роце имелись 7 мавзолеев⁶⁹; до наших дней дошли 4 мавзолей, два из которых сильно разрушены; все мавзолей каменные, восьмигранные. Они отличаются друг от друга различным оформлением

⁶⁶ А. В. Саламзаде. Архитектура мавзолеев XII—XV вв. «Архитектура Азербайджана (открытие)», Баку, 1952.

⁶⁷ Р. Эфендиев. Памятник Нухинского уезда «Нав. Азерб. комитета охраны памятников старины, искусства и природы», вып. III. Баку, 1927.

⁶⁶ В экспедиции принимали участие: И. М. Джафарзаде, И. П. Щерблякин и А. Ибрагимов.

⁶⁷ А. В. Саламзаде. К датировке некоторых памятников Азербайджана. «Нав. АН Азерб. ССР», 1952, № 5.

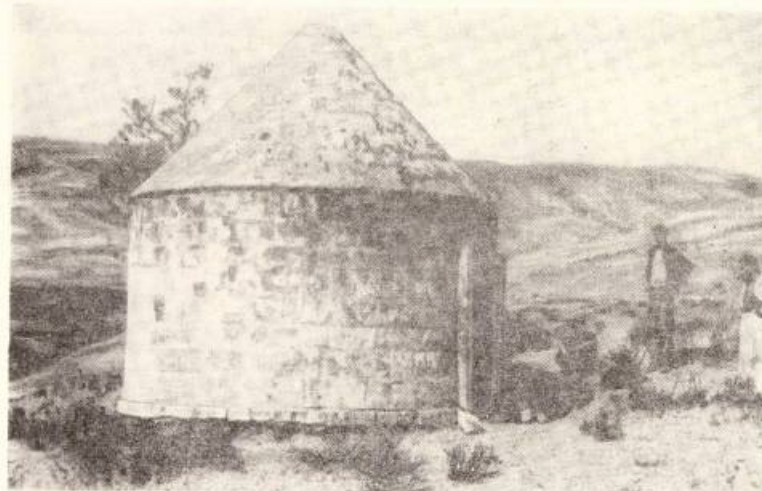
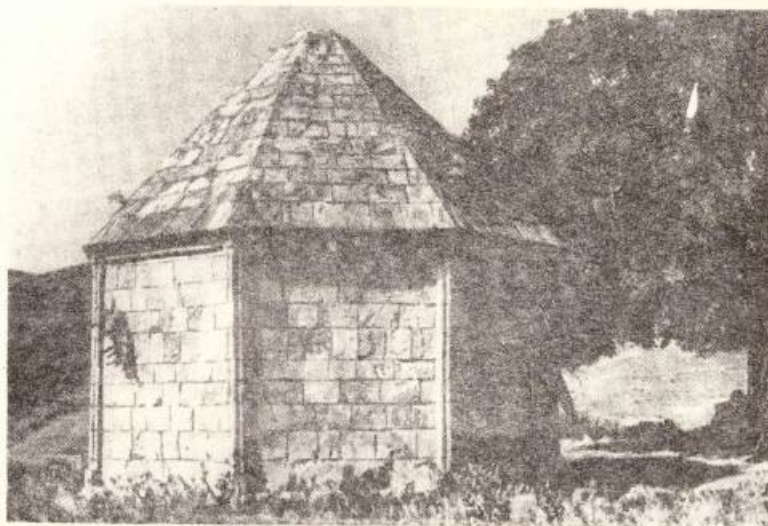

Рис. 33

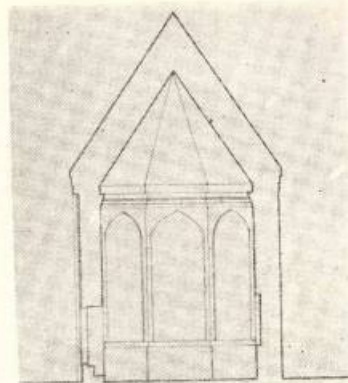
Джебранский р-н, сел. Худаврди. Мавзолей восьмигранный (вверху) и круглый (внизу).

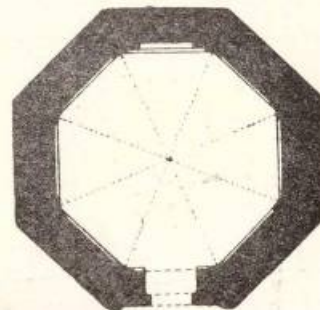
Рис. 34

Куткашский р-н, сел. Хазира. Мавзолей, XVI в. фасад.

а — разрез в-с; б — план

«а»

«б»

входной грани, вариациями карниза и решением внутреннего пространства.

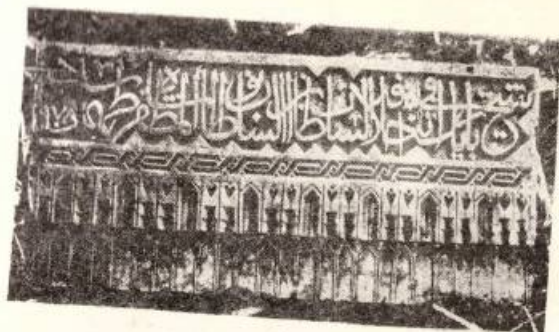
Описываемый нами мавзолей ранее точно не датировался и ввиду сильной разрушенности не привлекал внимания. В настоящее время вследствие новых данных, связанных с надписями памятника, удалось установить точную дату мавзолея.

В левой части входной грани имеется надпись с именем мастера: «Работа устада (мастера) Шамсаддина Шемахинца». Поднятый около мавзолея камень с надписью относится, несомненно, к нему. Резьба надписи размещена в верхней части камня, нижняя часть которого выполнена в виде поддерживающей стальной тяги. Надпись содержит дату 978 г. х. (1570—1572), имя шейха Бани и упоминает имя шаха Тахмасиба Сефевида. Камень размещался, вероятно, над входом в мав-

золей. Эти данные важны не только для датировки этого мавзолея, но дают нам ключ также для уточнения датировки другого, ныне разрушенного мавзолея шейха Мезида в районном центре Ахсу.

Мавзолей шейха Мезида известен по сохранившемуся описанию⁷⁰. На мавзолее имелась надпись с датой сооружения. В названной публикации читаем: «Не будь нижней надписи, можно было бы оспаривать дату 790 год, тем более, что точка в первой надписи (соответствующая европейскому «0») отсутствует, а в позднейшее время мусульманские народы стали писать цифры в обратном направлении письму, т. е. слева направо».

⁷⁰ Дж. Александрович (Насыф), Шемаха, «Изв. Азербайджанского археологического комитета», вып. 11. Баку, 1926, стр. 27.

6

Рис. 35
Куткашенский р-н, сел. Хазра. Камень с надписью, вышедший из мавзолея шейха Мухаммеда (а); надпись с именем мастера (б).

Прежде всего требует уточнения замечание автора о том, что цифры в позднейшее время писались в обратном направлении. Дело в том, что до XVI в. вообще в памятниках мы не встречаем дат, написанных цифрами. Они всегда давались в словесном изложении, причем по правилам арабского языка, вначале давались единицы, потом десятки, сотни и т. д. Таким образом, в заметке автор спутал две разные вещи — нормы языка и арифметики. Арифметические же арабские цифры в противоположном арабскому письму, пишутся действительно слева направо, но араб все равно читал бы это по нормам своего языка — единицы, десятки, сотни и т. д.

Исходя из неправильных посылок, автор затемнил ясный вопрос и цифру 970 прочитал

надпись мавзолея шейха Бани в сел. Хазра быть не может. Мы имеем два произведения одного и того же мастера, построенные в промежутке семи лет.

Восточные ворота Дворца ширваншахов в Баку являются единственным сооружением этого комплекса, возведенным в XVI в. Повторяя в целом тип более ранних, возведенных в XV в. порталов дворцового ансамбля, восточные ворота отличаются в то же время рядом частных особенностей.

Восточные ворота были возведены в 1589 г. В надписи над сталактитовым сводом заказчиком сооружения назван бакинский житель Баба Раджаб.

Портал построен зодчим Амир-шахом из

как 790, и памятник с 1572/73 г. переместился на 1388 г.!

Что же касается ссылки автора на сопровождавший цифры текст, якобы давший ему основание прийти к обоснованному выводу о строительстве памятника в 790 г. х., то следует отметить, что даваемая им подпись явно искажена в угоду предвзятому заключению. Такое искажение легко объяснимо. Ввиду особенностей арабской графики слова семь и девять, сходные по начертанию, автором были спутаны.

Следует отметить, что и даваемое автором описание купола мавзолея также исключает датировку мавзолея шейха Мезида XIV в. «Несколько необычна форма купола, увенчанного шариком с полумесяцем; вместо обычной восьмигранной пирамиды, венчающей постройку гюльбаза, или круглого купола полушарием, здесь имеется и некоторое подобие соединения цилиндра снизу, затем шарового сегмента и конуса на самом вершине».

Такое усложненное решение купола никак не вяжется со строгими линиями, характеризующими зодчество XIV в. Изломанные линии в арках, а временами и куполах появляются только с начала XVI в., распространявшись особенно в XVII в.

Вся приведенная нами аргументация имела целью показать, что сомнений в идентичности мастера Шамсадина из Шемахи, упоминаемого в надписи мавзолея шейха Мезида в Ахуе с мастером Шамсадином в

Вильянуха — пригорода Тебриза¹⁷. Надпись с именем мастера состоит из двух частей. Начало надписи расположено на правой щечковой плоскости порталной ниши, а на противоположной стороне размещен ее конец. Обращает на себя внимание разный почерк каждой части надписи.

Вытнутый прямоугольной формы портал, как обычно в порталах этого ансамбля, состоит из внешнего обрамления, несколько сложного профиля, порталной плоскости и ниши, переход к которой осуществлен сталактитовым сводом.

Мастер шел своими путями не только в прорисовке отдельных деталей, но и в размещении традиционных акцентов в частях памятника.

Своеобразно решена верхняя часть порталной ниши. Традиционная в этом месте надпись занимает не все пространство, а только среднюю часть и фланкируется розеткой с каждой стороны. Розетки однотипны, но существенно различаются по рисунку и особенно по масштабу элементов.

Наиболее кардинальным отличием этого портала от других порталов комплекса Дворца ширваншахов являются размер и форма входного проема. Для порталов Дворца ширваншахов и в целом для порталов Азербайджана предыдущего периода, т. е. XIV—XV вв., характерны небольшие размеры верхнего проема с прямоугольным завершением. Здесь же мы имеем дело с широким стрельчатым входным проемом, который напоминает скорее воротный проезд.

Такого рода проемы характерны для отдельно стоящих порталов-въездов, датированных XVII в. Таков, например, портал, расположенный у входа на территорию ардебильского комплекса. Однако нельзя считать окончательно установленным, являлся ли вос-

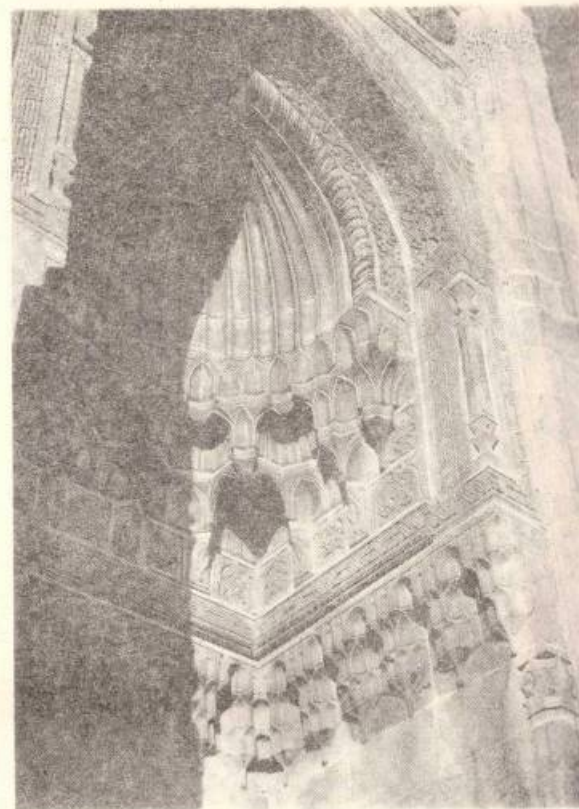
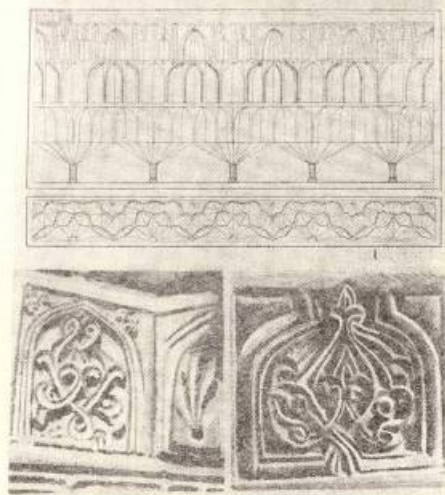

Рис. 36

Баку. Ансамбль Дворца ширваншахов, 1585 г. Восточные ворота (вид с юго-востока).

точный портал Дворца ширваншахов отдельным сооружением — воротами или же он был частью какого-то, не дошедшего до нас сооружения. Такая возможность отнюдь не исключается. В тексте надписи речь идет не о воротах, а о здании вообще. К тому же, если обращенный к улице главный фасад портала дошел до нас в прежнем виде, то обращенная во двор сторона портала, несомненно, претерпела изменения. Об этом свидетельствует прежде всего, форма арки на этом фасаде, так называемая килевидная форма этой арки дает

¹⁷ Надпись прочитана кандидатом историч. наук А. А. Алексерзяде.

основание считать, что она могла появиться вероятнее всего в XIX в.

Мавзолей на кладбище «Имамзаде» в районе старой крепости, на восточной окраине гор. Нахичевани. Из расположенных на кладбище трех мавзолеев наиболее старый датируется XVIII в., а два других — XIX в.⁷²

Мавзолей XVIII в. имеет в плане квадратную форму, от которой переход к куполу выполнен посредством сталактитов. Снаружи на кубическом нижнем основании возвышается восьмиграннык, над которым поднимается сильно вытянутый барабан, перекрытый куполом слегка шлемовидной формы. Поверхность цилиндрического барабана выложена кирпичом охристого цвета, по которому вертикально уложенные темно-фиолетовые глазурованные

⁷² Датировка дается на основании материалов архива Отдела охраны памятников Управления по делам архитектуры (паспорт памятника составлен И. П. Шейкинским, обмерявшим памятник).

Рис. 37

Баку. Ассамбля Дворца ширваншахов. Элементы ориентации восточных ворот.

Рис. 38

Баку. Ассамбля Дворца ширваншахов. Надпись надверху портала с именем мастера.

Рис. 39

Шемаха. Кладбище Едди Гюмбез. Комплекс мавзолеев (вид с северо-запада), XIX в.

кирпичи образуют многократно повторяемое слово «аллах». Композиция фигурной кладки идентична изображению слова «аллах» на поверхности корпуса мавзолея в Барде. Внутри помещения имеется большое призматическое надгробие.

Стены мавзолея сложены из светло-охристого квадратного кирпича.

Рассматриваемый мавзолей может быть отнесен к типу купольных мавзолеев: квадратный в плане зал и схема организации перекрытия в целом дает образец характерный для этого типа мавзолеев. Однако довольно высокий наружный барабан, покоящийся на восьмигранном основании, указывает на черты, присущие мавзолеям смешанного типа, объединяющим особенности башенных и купольных мавзолеев.

Второй мавзолей, вилотную пристроенный к уже рассмотренному, имеет в плане прямоугольную форму и перекрыт цилиндрическим сводом. Он возведен из красного обожженного кирпича.

Третий пристроенный мавзолей сложен из кирпича и из камня, перекрыт куполом, по наружной поверхности украшен кирпичами, вставленными в кладку углов. Внутри стены декорированы стрельчатыми нишами.

Мавзолей Едди Гюмбез в Шемахе. Сохранившиеся на шемахинском кладбище мавзолей из группы «Едди Гюмбез», относятся ко времени упадка Шемахинского ханства. Обозначение Едди Гюмбез еще не указывает на наличие в прошлом именно семи мавзолеев. В Азербайджане весьма часто, независимо от точного количества сооружений, они обозначаются как семерница (Едди килез, едди булаг, едди тапы и т. д.). В настоящее время в той или иной степени сохранности, до нас дошли четыре мавзолея.

Наиболее ранний из мавзолеев датируется 1225 г. х., (1810). Дата сооружения мавзолея известна из надписи, высеченной над входом в мавзолей. Надпись гласит: «Этот высокий и почитаемый гюмбез построен высокочтимым

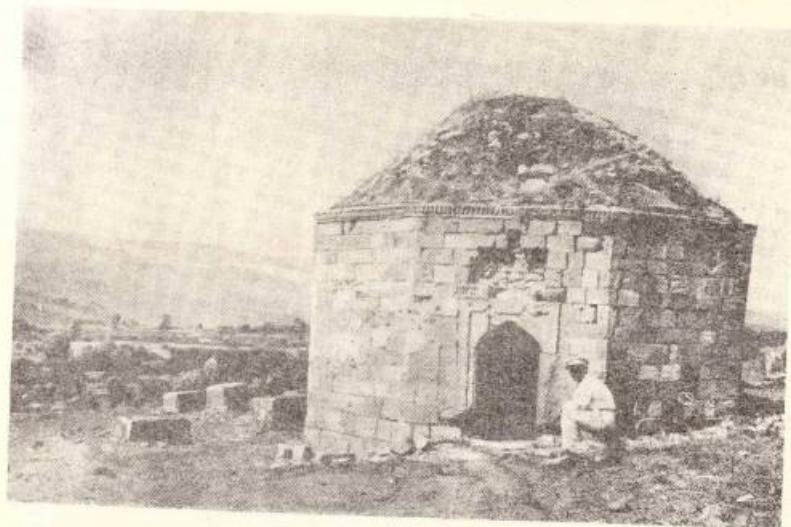

Рис. 40
Шемаха. Кладбище. Мавзолей Гаджи-хана, XVIII в.

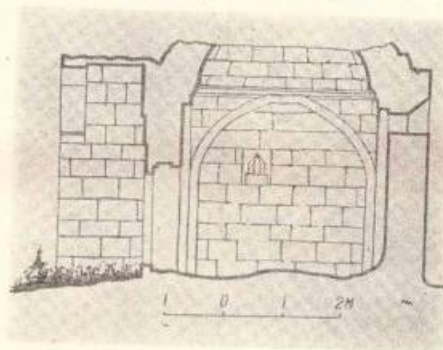
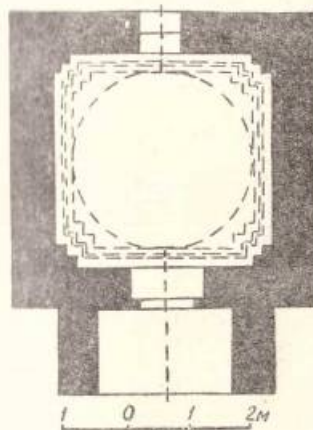

Рис. 41
Ашерон, Сел. Шаган. Мавзолей на старом кладбище.
а — фасад; б — разрез по порталу

Муштафа-ханом для своей покойной матери. Да простит ее высокочтимый бог! Год 1225». Рассматриваемый памятник, так же как и другие мавзолеи этой группы, имеет в плане восьмиугольную форму. Внутренние грани этого мавзолея обработаны нишами, имеющими в плане форму половин восьмиугольника. Верх ниш перекрыт стрельчатой формы полукупо-

ламн, переходящими внизу в сталактиты. Переход от восьмигранника к куполу осуществлен последовательно: к шестнадцатиграннику, посредством угловых тропфов, обработанных сталактитами, а в окружности при помощи небольших угловых розеток в виде характерных для этого мавзолея сталактитов. Основание купола подчеркнуто орнаментальным поясом,

проемом, ориентированным на юг. Невысокий стрельчатый проем входа в мавзолей заключен в довольно сложно профилированное обрамление.

Кроме упомянутой выше надписи с датой сооружения, еще одна надпись небольших размеров высечена на одном из камней облицовки мавзолея и вмонтирована асимметрично в правой половине грани. В расшифровке эта небольшая надпись сообщает нам имя мастера: «Работа устада Таги-зодчего».

Корпус мавзолея завершается карнизом, выполненным из более темного камня, чем камень облицовки, вследствие чего тело мавзолея резко отделяется от барабана. Обработка карниза выполнена в виде несложных сталактитов.

Сферический купол, перекрывающий мавзолей, покоится на довольно высоком, по отношению к общей высоте сооружения, барабане.

Все сооружение внутри и снаружи облицовано белым камнем местной породы с ок-

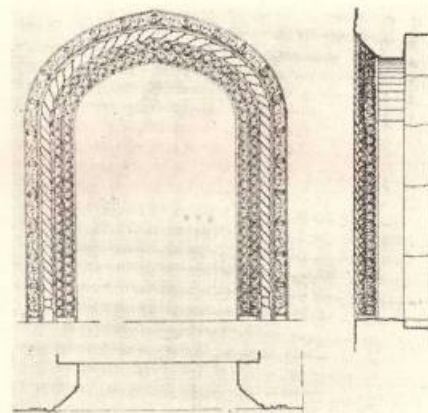

Рис. 42
Агдам. Мавзолей Панах-хана, XVIII в. Фасад. Обмер портала.

где в основу рисунка резного орнамента положен трилистник.

Четкое разграничение купола придает интерьеру мавзолея композиционную ясность.

Плоскости наружных граней мавзолея не обработаны, за исключением грани со входным

ристам оттенком. При общей оценке сооружения необходимо отметить, что хорошо продуманная композиция наружного объема мавзолея сильно теряет при обозрении с близкого расстояния из-за плохого качества выполнения строительных работ.

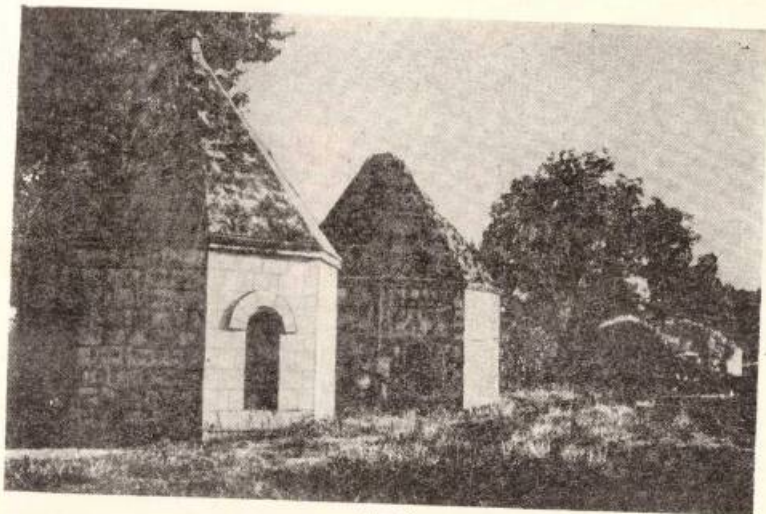

Рис. 43
Агдам, Имарет. Мавзолей Хан-оглана (на переднем плане), XIX в.

Отдельные мавзолеи этой группы в целом повторяют те же приемы организации внутреннего и наружного пространства. Известную индивидуальность каждому из мавзолеев придает только различие архитектурной обработки плоскости грани со входом. В этом смысле примечательна обработка входной грани в мавзолее с датой 1232 г. х. (1816/17).

Отличительную особенность обработки входной грани этого мавзолея составляет подчеркнутая пластичность. Сильный рельеф ниши порталного обрамления в сочетании со сталактитовым поясом, отделяющим тимпан арки, усиливая игру света и тени, значительно обогащает архитектуру мавзолея.

Типологически, непосредственно к группе мавзолеев Едди гюмбез, примыкает мавзолей на шемахинском кладбище Шахавдан, называемый мавзолеем Гаджи-хана. Сохранившиеся остатки этого мавзолея дают достаточно полное представление об организации внутреннего пространства, несколько отличающейся от интерьеров мавзолеев Едди гюмбез. Здесь плоскости внутренних граней обработаны нишами в плане прямоугольной формы. Мавзолей Гаджи-хана построен в XVIII в., т. е. раньше мавзолеев Едди гюмбез.

В небольшом по размеру сооружении при-

менены композиционные приемы, уместные в крупных сооружениях, прежде всего, в портале, производящем карликовое впечатление.

Мавзолей в сел. Кала Зейва расположен на территории нынешнего Исмаиллинского района, недалеко от крупного селения Сулут. У селения Кала Зейва имеется древнее кладбище и пир, с чем было, видимо, связано захоронение тут людей и из других мест.

Рассматриваемый мавзолей, как явствует из надписи, компонованной на левой от входной грани плоскости, был построен в первой половине XIX в. над могилой членов семьи бывшего хана Мустафы Шемахинского.

В этом небольшом по размерам памятнике, высотой всего около 6 м, прежде всего привлекает внимание прекрасное выполнение строительных работ. Это тем более интересно, что мавзолей Едди гюмбез на кладбище близ Шемахи, несмотря на известную монументальность решения в целом, плохо выполнен в натуре. Качество же работ в рассматриваемом мавзолее вызывает в памяти аналогии с лучшими образцами архитектуры Ширвана.

Восьмиугольный в плане мавзолей организацией внутреннего пространства почти полностью повторяет решение интерьера мавзолеев Едди гюмбез в Шемахе. Здесь сходным обра-

зом решается также переход от восьмигранника к внутреннему куполу посредством небольшого трюмпа, переходящих в орнаментально трактованные трюмпы второго яруса.

Как внутренние ниши, так и арка входа в мавзолее — полуциркулярного очертания. И в других деталях мавзолея, профилях карниза и нишах в обрамлении арок ясно выступает влияние новых форм, появившихся с усилением культурных связей с Россией. Из архитектурных обломков наиболее часто встречается камень наблужок, хорошо согласующийся с каноническими пропорциями памятника.

Мавзолей близ сел. Карга-базар Карягинского района представляет восьмигранное сооружение, возведенное из кирпича. В отличие от восьмигранных мавзолеев приараксинской области предыдущего исторического периода, мы здесь видим применение кирпича в качестве стенового материала. Правда, еще и раньше в приараксинской области имело место применение кирпича, но не в строительстве мавзолеев. В этом отношении характерен комплекс сооружений вокруг мавзолея в сел. Бабо (XIII в.) того же Карягинского района, где сам мавзолей возведен из камня, а монумент, входивший в комплекс сооружений, — из кирпича.

Композиционной особенностью каргабаровского мавзолея следует признать крупные размеры входного проема, необычные не только в местных мавзолеех, но и в мавзолеех северной Азербайджана рассматриваемого периода, т. е. XVI—XIX вв.

Зодчие Ширвана и Апшерона вплоть до XIX в. сохраняют композиционный прием, на основе которого они используют малые размеры входных проемов для масштабного увеличения своих небольших по абсолютным размерам сооружений, придавая им тем самым монументальный характер.

Мавзолей семейства Мирза Адигезал-бека. На кладбище селения Рагмли Касум-Измайловского района сохранилось шесть мавзолеев. Четыре больших мавзолея сложены из обожженного кирпича, а два малых — из речного булыжного камня.

Сложившиеся из квадратного обожженного кирпича мавзолея расположены по одной прямой на расстоянии, примерно, 10 м друг от друга. Два мавзолея, расположенных по середине группы, лучше изучены⁷³.

⁷³ И. П. Минкевич-Мустафасева и С. К. Ахмедов. Мавзолей семейства Мирза Адигезал-бека. «АН Азерб. ССР», т. IV, вып. 12, 1948, стр. 220.

Как явствует из надписи на гипсовой плите квадратной формы, замурованной в западную стену, мавзолея в нем захоронен азербайджанский историк Мирза Адигезал-бек и, как показывают другие плиты, члены его семьи. На плите указана дата смерти Мирза Адигезал-бека — 1847/48 гг., имя выполнившего надпись каллиграфа — Мирза Мехти Гянджеви.

Этот мавзолей, имеющий по наружному контуру форму почти правильного квадрата, внутри представляет в плане крест с очень неглубокими рукавами. Такой прием решения внутреннего пространства мавзолея представляет повторение одного из наиболее ранних типов внутреннего устройства купольных мавзолеев.

Внутренние размеры мавзолея 5,8 × 5,8 м, толщина фасадной стены — 85 см, других стен — 82 см. Снаружи мавзолей представляет собой почти правильную четырехгранную призму с несложным, слегка выступающим из плоскости стен карнизом, над которым возвышается сферический купол. Стены купола выложены из кирпича квадратной формы, размерами 20 × 21 × 4 см.

Вход в мавзолей расположен с южной стороны, а на восточной, западной и северной стенах имеется по небольшому проему.

Следующий мавзолей, расположенный к северу от рассмотренного, имеет по наружному контуру форму квадрата со срезанными углами. Углые грани мавзолея обработаны неглубокими нишами со стрельчатыми завершениями. Плоскости ниш выложены кирпичом в «елку».

Планировка внутренней части второго мавзолея аналогична первому. Паруса, составляющие переход от квадратного основания к куполу, в основание сферического купола украшены растительным орнаментом. Орнамент выполнен контуром, выцарапанным по штукатурке с последующей расцветкой рисунка.

Слойственный купольным мавзолеем план, а также характерная композиция наружного объема, позволяют с полным основанием отнести эти мавзолеи к группе купольных гробниц.

Караван-саран

Караван-саран являются своеобразным видом общественных сооружений феодального Востока. Историки и путешественники, посетившие Азербайджан в разное время, почти все без исключения упоминают караван-саран, иногда уделяя значительное место их описа-

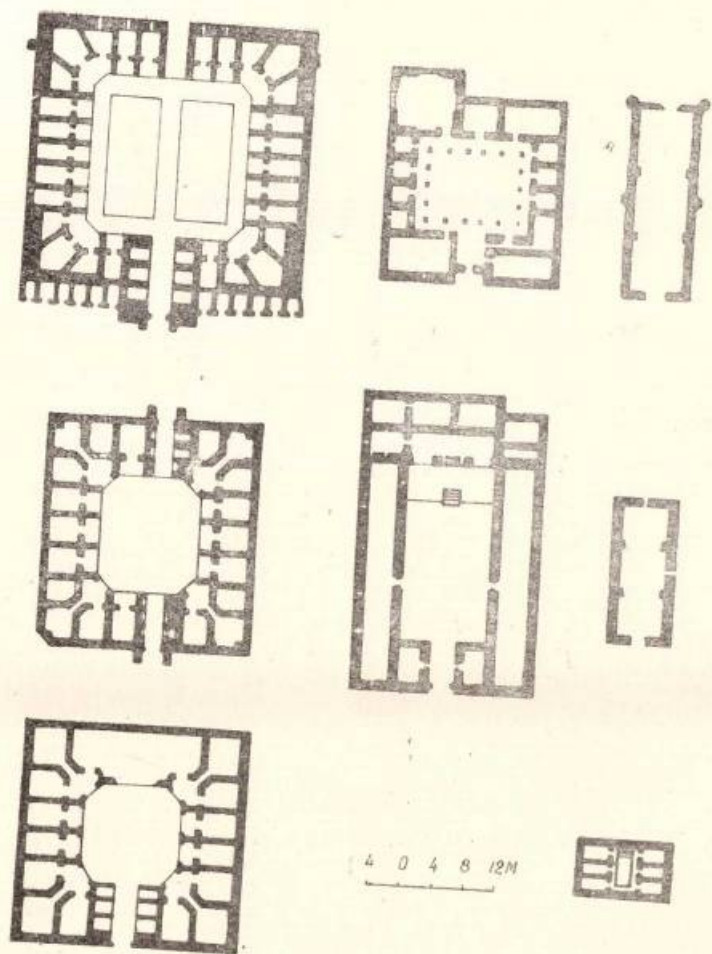

Рис. 44
Сравнительная таблица караван-сараяв, XVI—XVII вв.

нию. В структуре азербайджанских городов того времени караван-сарай и непосредственно с ними связанные торговые сооружения занимали следующее после жилых домов и мечетей место. Олига Челеби сообщает, например, о 200 караван-сараях в Тебризе⁷⁴.

Можно утверждать, что караван-сарай, пройдя до XVI в. длинный и сложный путь, сохранили к тому времени основные свои черты, сложившиеся в значительно ранний период.

Имеющиеся литературные данные, а также сами сохранившиеся памятники свидетельствуют, что караван-сарай, особенно в XVI—XVII вв. строились либо в городах, имевших торговые связи, либо на оживленных торговых путях.

Следует отметить различие между караван-сараями, расположенными в городах, и построенными на торговых путях. Это два основных типа караван-сараяв, существенно отличавшихся друг от друга, что объясняется, главным образом, различием их назначения. Караван-сарай, построенные в городах, предназначались не только для остановки караванов или отдельных путешественников на пути следования, но и для производства всевозможных торговых операций. В этой связи горские караван-сарайы в большинстве случаев строились с торговой частью города с необходимыми для торговых целей помещениями. Характерными в этом отношении являются дошедшие до нас караван-сарайы города Баку. Литературные источники отмечают многочисленные караван-сарайы в старой Шемахе, а также в ряде других городов как советского, так и Иранского Азербайджана. Несмотря на скудость сведений, эти источники с достаточной ясностью свидетельствуют о едином принципе в строительстве караван-сараяв по всей территории Азербайджана. Интересно отметить, что в работах ряда путешественников встречаются упоминания одинаковых названий караван-сараяв в различных городах. Например, о караван-сараях «Шахском», «Лезгинском» и «Мудгани» упоминается как в Баку, так и в Шемахе⁷⁵. Эти названия говорят о том, что купцы одной народности в чужих городах останавливались в каком-либо определенном караван-сараяе, который впоследствии назывался именем этой народности. Сбор купцов одной и той же страны в определенных кара-

ван-сараях обусловливался, наряду с другими, специализацией торговых операций караван-сараяв. Например, отдельные караван-сарайы в Баку, Шемахе и т. д. были известны по продаже специальных видов товаров. Шарден пишет по этому поводу: «...Стоит только пойти в соответствующий караван-сарай, в котором останавливаются караваны из тех мест; если же хотят купить что-нибудь в магазинах, например, индийские материи, сукно, бирюзу, то также отправляются в соответствующий караван-сарай, где их продают»⁷⁶.

Судя по некоторым сведениям, под шахскими или ханскими караван-сараями, богатство которых отмечают путешественники, подразумеваются караван-сарайы, принадлежавшие властям.

На торговых путях караван-сарайы строились на определенных расстояниях друг от друга. Литературные источники расстояния между караван-сараями определяют дневным переходом. В непосредственной близости или во дворе караван-сараяв устраивались источники питьевой воды. На Апшероне и прилегающих к нему территориях источниками питьевой воды служили овданы.

Пронхождение зданий караван-сараяв можно связать с теми типами жилых домов, в которых жилые помещения располагались по примеру небольшого двора. Подобный тип жилых домов с древних времен имел широкое распространение на Востоке. По этому принципу построены почти без исключения все караван-сарайы. Караван-сарай этого периода в целом имеют в плане прямоугольную форму. Встречаются караван-сарайы, которые при прямоугольном наружном очертании имеют восьмиугольный двор.

Таковыми были в общем как дорожные, так и городские караван-сарайы. Однако в XVII в. на Апшероне строятся небольшие, видимо, местного значения караван-сарайы, представляющие прямоугольные продолговатые помещения. Подобные сооружения являются своеобразным типом этого вида зданий, которые, судя по структуре и размеру, строились на второстепенных торговых путях и для продолжительного пребывания ограниченного количества людей.

С точки зрения планировки между караван-сараями, построенными в различных городах, различий почти не наблюдается. Планировка всех городских и большинства дорожных

⁷⁴ Путешествие О. Челеби (на турецком яз.), т. II. Стамбул, 1314 г. х., стр. 251.

⁷⁵ См. Я. Я. Стрейс Ук. соч., стр. 245.

⁷⁶ Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902, стр. 235.

караван-сараяв исходит из общего принципа периметрального расположения помещений вокруг внутреннего двора. Все помещения, за исключением угловых, при прямоугольном очертании плана, в основном, повторяют одну и ту же ячейку, которая представляет собой не что иное, как схему однокомнатного антового дома. Угловые помещения в различных караван-сараях решаются различно, в зависимости от оформления углов двора, иногда прямоугольного, а иногда восьмигранного очертания.

Строители бакинских караван-сараяв к решению углов здания подходили с глубоким пониманием строительного искусства. Они добивались компактности планировки углов, планного, красивого перехода от одной плоскости к другой. Мы имеем данные о существовании некогда в гор. Шемахе караван-сараяв, немного превосходящих бакинские как с точки зрения тонкости архитектурного искусства, так и размеров сооружений. Известный турецкий путешественник Оалия Челеби отмечает в Шемахе 44 благоустроенных караван-сараяв. Полное разрушение памятников Шемахи, к сожалению, не оставило нам данных, которые помогли бы восстановлению картины развития архитектуры и строительства караван-сараяв.

Судя по сохранившимся караван-сараям, в оформлении углов здания различаются два приема. Например, в караван-сараях Баку в углах размещены помещения, выполняющие одновременно функции композиционного и конструктивного перехода между смежных сторон застройки, создавая при этом цельность общей дворовой композиции здания.

Во дворе караван-сараяв в большинстве случаев имелся бассейн, который обычно располагался в центральной его части, являясь одновременно организующим элементом композиции двора. Некоторые путешественники отмечают устройство в ряде случаев в центральной части двора возвышенной площадки прямоугольной или многогранной формы в плане. Эта площадка в трудах путешественников именуется «махтааб»⁷⁷, что в переводе на русский язык означает синай, или сверканье луны. Можно предположить, что эти площадки предназначались как беседки для сбора постояльцев с целью вечернего времяпрепровождения, возможно, и для заключения торговых сделок.

Путешественники не дают подробного описания махтааба, ограничиваясь лишь упоминанием

наименованием возвышенной площадки. Махтааб можно представить себе сооружением наподобие kiosка с облегченной конструкцией, покоящейся на небольшом возвышенном стилобате. В караван-сараях без специального устройства в виде махтааб местом для общения людей могла служить часть двора около бассейна или в балаханах, располагавшаяся над воротными проездами.

В одноэтажных караван-сараях над входами во многих случаях устраивался второй этаж, где размещалось от одного до 3 помещений. Многие путешественники в своих записках именуя этот этаж балахана. Балахана имеет широкое распространение в народной жилой архитектуре Азербайджана и служит летней и парадной частью жилого дома.

Принцип построения внутренней дворовой стороны, независимо от времени и места строительства, общий для большинства караван-сараяв. Он, главным образом, заключается в обрамлении двора со всех сторон аркадой с метрическим чередованием арочных проемов. Принцип этот не меняется с изменением этажности караван-сараяв. В единственном двухэтажном, из четырех сохранившихся в Баку караван-сараяв, мы имеем полную аналогию в композиции обоих этажей, которые с четырех сторон охватывают двор двухъярусными арками. Хорошо найденные пропорции аркад, единство в масштабе составляющих элементов, цельность его общей композиции, создают хорошо организованное архитектурное окружение, отвечающее функциональному назначению караван-сараяв. Благодаря такому оформлению караван-сараяв, вступает в действие одно из самых сильных средств архитектуры — пространство. Двор не только функционально объединяет главные элементы сооружения, но его архитектурное решение превращает его в главный акцент всего сооружения. Полная симметрия внутренней архитектурно-пространственной композиции караван-сараяв легко определяет вертикальную его ось, которая еще сильнее акцентируется устройством бассейна или махтааба посреди двора. Выход со стороны двора решается в нейтральных формах, часто представляющих собой повторение чередующегося элемента аркады. Такой прием способствует сохранению единства внутренней пространственной композиции, не нарушая одновременно акцентирования входа во двор. Устройство входов на двух противоположных сторонах двора городских караван-сараяв создает лучшую связь внутреннего пространства их с прилегающими улицами и сильнее поддер-

живает ось симметрии здания. При устройстве двусторонних входов в бакинских караван-сараяв, бассейн в центре двора отсутствует.

Касааясь состава помещений, литературные источники упоминают, кроме жилых, лишь помещения для мясных и перовых животных и специальные складские и торговые помещения. Многие путешественники отмечают отсутствие оконных проемов в помещениях караван-сараяв со стороны улицы. Возможно, что такое положение до некоторой степени обусловливалось оборонительными потребностями загородных караван-сараяв и объясняется как мера предосторожности в условиях городских.

Уровень первого этажа караван-сараяв строился несколько выше уровня земли, и смежные помещения не имели между собой непосредственной связи.

Следует отметить, что в двухэтажных караван-сараях на втором этаже принцип объединения жилых ячеек друг от друга не выдерживался. Перед жилыми комнатами происходил сплошной проход по всему фронту застройки. Проход этот перекрывался сводом и во двор выходил аркадой, подобной аркаде первого этажа. Такая планировка применялась на втором этаже двухэтажных караван-сараяв для связи помещений второго этажа с лестницей, ведущей в первый этаж. При сохранении принципа планировки первого этажа потребовалось бы устройство отдельных лестниц из каждой ячейки второго этажа. Следует отметить, что решение первого этажа в виде отдельных ячеек-зйванов обеспечивало всем помещениям наличие достаточной раскрытой и в то же время затененной части — зйвана. Одновременно эти зйваны использовались в качестве торговых помещений перед комнатами нижнего этажа, служившими также и кладовыми-складами.

Наружная архитектура караван-сараяв характеризуется различными приемами в оформлении основного элемента фасада — входа. Вход в караван-сарай со стороны фасада в большинстве случаев подчеркивался порталом. Портальная композиция представляется собой стрельчатую нишу со значительной глубиной, либо углубленной в толщу стены, либо выдвинутой вперед пристройки к фасаду. Портал в сочетании с балахана составлял главный элемент композиции фасада, придававший сооружению известную выразительность. Стены угловых фасадов караван-сараяв обычно глухие, без оконных проемов.

Караван-сарай, сохранившиеся на территории Азербайджана, отличаются простотой и четкостью конструктивных решений. Конструк-

тивные приемы и архитектурно-планировочное решение взаимно обуславливают друг друга. Отдельные ячейки караван-сараяв в большинстве случаев состоят из прямоугольных помещений небольших размеров, перед которыми располагаются стрельчатые зйваны. Такое решение плана ячейки, при отсутствии строительного леса, связано с расчетом перекрытия помещений куполом или сводом. Перекрытие зйвана во многих случаях представляет собой продолжение перекрытия помещения. Иногда, впрочем, перекрытия в помещениях и зйванах отличаются друг от друга различными очертаниями сводов.

В разработке углов здания получила наглядное выражение взаимообусловленность архитектурно-планировочной и конструктивной сторон постройки. Угловые помещения в большинстве случаев имеют квадратную форму в плане, в первом этаже перекрываются крестовым сводом, а на втором этаже — куполом.

Крыши караван-сараяв почти без исключения делались плоскими с глинобитной кровлей. В большинстве случаев на крышу выводились специальные лестницы.

Таковы основные особенности караван-сараяв на территории Азербайджана в XVI—XVII вв.; ниже приводятся несколько примеров, наиболее характерных с точки зрения архитектуры и конструкции.

Торговый комплекс в Баку. Большой интерес представляет ныне несуществующий комплекс сооружений, занимавший в прошлом значительное пространство вдоль крепостной стены почти на берегу моря⁷⁸. Со стороны города все здания комплекса были расположены вдоль главной торговой улицы города. Торговая улица города, начинаясь у шемахинских ворот на северной стороне города, проходила через город сперва в юго-восточном, а затем в юго-западном направлениях и доходила до Сальянских ворот в юго-западной стороне города.

Комплекс состоял из шести сооружений. Здания, отмеченные нами на плане под № 1, 2, 5, 6, являются караван-сараями, здание № 3 представляет лавку, а здание № 4 — мечеть. С точки зрения уточнения функции этих зданий интерес представляет терминология, примененная для обозначения караван-сараяв. Они названы на самом чертеже торговыми караван-сараями, на генеральных планах города — «с

⁷⁸ План этого комплекса был обнаружен в ЦГБ ИК — ф. 349, ед. кр. 3, дело 3318. См. А. В. Соламова и др. Торговый комплекс в Баку (на азерб. яз.). «ДАН Азерб. ССР», т. XII, № 1, Баку, 1956.

⁷⁷ Путешествие Шардана по Закавказью в 1672—1673 гг. Тифлис, 1902, стр. 233.

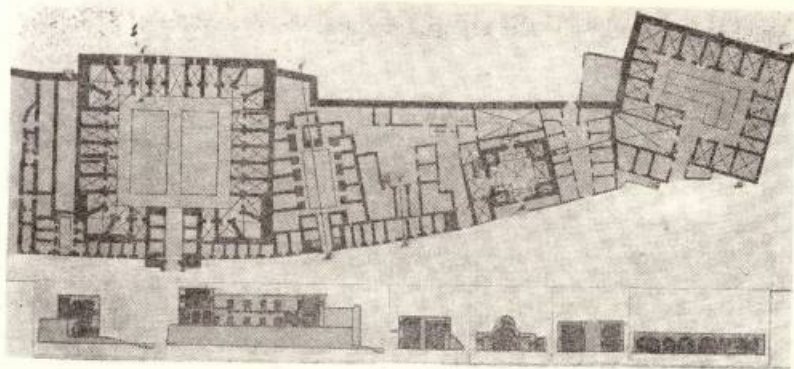

Рис. 45
Баку. Крепость. Торговый комплекс, XVII в. План.

товарами караван-сарай, а самое большое сооружение на плане 1796 г. — «караван-сарай для помещения».

Эти уточнения, а также расположение сооружений на берегу моря позволяют прийти к выводу, что они были связаны в первую очередь с морской торговлей. Это обстоятельство и объясняет наличие в этих караван-сараях одновременно складов и отсутствие помещений для животных. Сооружения комплекса носили в основном характер торгово-складских и жилых помещений.

В системе феодального Баку комплекс занимал важное место. Судя по структуре плана комплекса, можно предположить, что его строительство осуществлено не в один прием.

План здания № 1, называемого на других чертежах этого периода «ханским», во многом дополняет наше представление о караван-сараях, которое складывается при изучении дошедших до наших дней сооружений.

План караван-сарая квадратной формы. Два входа, расположенные со стороны городского базара и моря, составляли сквозной проход из города на набережную через двор караван-сарая.

Нет сомнения, что именно об этом караван-сараях идет речь у Гмелина, когда он пишет: «Караван-сарай заслуживает, чтоб об нем нечто упомянуть; он лежит подле самой гавани, и для того товары с судов в оной весьма способно носить можно»⁷⁹.

⁷⁹ Гмелин. Путешествие по России, ч. III. СПб., 1785, стр. 81.

Связывая городской рынок с набережной, строитель обеспечил повышение значения караван-сарая в городском организме. Ворота этого караван-сарая были одними из пяти ворот, ведущих в город. Двор его и размещение помещений повторяет обычную схему. Несколько своеобразно решены углы здания. Неправильную пятиугольную, а также трапециодальную форму плана помещений нельзя считать целесообразной для каменных перекрытий, оно нежелательно было и по архитектурным соображениям. Эта часть здания на фоне общего хорошо выполненного архитектурно-планировочного организма караван-сарая производит впечатление недоработанного узла. Из чертежа неясно, чем обуславливается увеличение почти в два раза толщины наружных стен в углах здания.

На чертеже дан единственный разрез рассматриваемого здания со стороны моря.

План караван-сарая и разрез позволяют ясно представить себе его дворовую композицию обычного типа, а фасад, видимо, был оформлен в духе ранее сложившихся традиций в строительстве подобного рода сооружений. В первом этаже караван-сарая были размещены складские помещения. Со стороны городского базара на плане по всему фронту фасада показаны небольшие помещения, которые не имеют связи с двором караван-сарая. Эти помещения повторялись дальше по всему фасаду и в других сооружениях комплекса и предназначались, очевидно, для торговых целей в качестве лавок.

Располагаясь в центральной части обрамленной к морю городской стены, комплекс хорошо обозревался с моря. Непосредственно перед комплексом выгружались товары, направлявшиеся в караван-сарай. Со стороны же города комплекс входил наиболее значительным компонентом в прослеживаемое по генеральному плану города деловую — торговую улицу, начинавшуюся у описываемого комплекса и кончавшуюся в районе «Девичьей башни», у другой, ныне сохранившейся группы караван-сарая. Напротив комплекса была расположена центральная пятничная мечеть — «Джума-мечеть».

Данных о дате строительства всех этих сооружений не имеется. Наиболее твердую базу для датировки комплекса представляет наиболее поздний из караван-сарая. Такого типа караван-сарай с характерными ячейками-зйванами были присущи концу XVI — началу XVII вв. К XVII же веку можно отнести и другие сооружения комплекса. Это, конечно, не исключает возможности отдельных переделок, которые могли быть выполнены в XVII в., а также в XVIII в.

Наряду с Дворцом ширваншахов и ныне не существующим дворцом баккинских ханов этот торговый комплекс являлся одним из крупнейших архитектурных сооружений феодального Баку. Значение комплекса как с точки зрения функциональной, так и градостроительной в феодальном Баку был большим. И лишь в начале нового этапа развития города — капиталистического, комплекс был снесен, уступив свое место новым сооружениям стремительно развивавшегося города.

Двухэтажный караван-сарай и «Крепости» в Баку. Весьма характерным как в архитектурно-планировочном, так и в конструктивном отношении является существующий в Баку двухэтажный караван-сарай. Он расположен несколько юго-восточнее «Девичьей башни», в непосредственном соседстве с торговой улицей старого Баку. Караван-сарай имеет два входа, расположенных на противоположных сторонах прямоугольного плана здания.

Общая планировка, взаиморасположение помещений и их состав в этом сооружении вытекают на основе общих принципов, характерных для караван-сарая. В плане первый этаж состоит из центральной открытой двора, окруженного по периметру расположенными в один ряд помещениями, перед которыми со стороны двора располагаются отдельные зйваны, ограниченные по бокам продолжением боковых стен комнат. На втором этаже порядок

расположения и размеры помещений повторяются без изменений. Но в месте расположения отдельных зйванов перед каждым помещением устроен общий проход, окружающий двор со всех сторон. Устройство сквозного прохода осуществлено при помощи арочных проемов, устроенных в аитовых стенах отдельных комнат. Таким образом, коридор состоит из пространственно объединенных ячеек, расположенных цепью.

На примере этого караван-сарая мы имеем образец умелого архитектурно-планировочного и конструктивного оформления угловых ячеек здания. Угловые помещения в обоих этажах в плане квадратной формы. В первом этаже они перекрываются крестовым сводом, а на втором этаже — куполом. Переход от квадратного основания к куполу достигнут постепенно: сначала квадрат переведен парусом в восьмиугольник, а затем уже в купол. Неправильная шестиугольная форма плана углового зйвана позволяет устройству удобной связи зйвана с выходящими на него тремя помещениями, создает плавный переход между смежными плоскостями дворового фасада и одновременно обеспечивает устройство легкоосуществимого купольного перекрытия с квадратным кессоном в центре. Наряду с этим такая форма углового зйвана помогает освещению как самого зйвана, так и выходящих на него помещений.

Две спальные лестничные клетки с юго-западной стороны непосредственно примыкают к входным вестибюлям. Расположение лестничной клетки у обоих входов обеспечивает удобную связь второго этажа одновременно со двором, городскими улицами и набережной. Обе лестничные клетки имеют своеобразное решение, совершенно отличное от решения современных лестничных клеток. Подобный тип лестничной клетки встречается в некоторых народных жилых домах, в культовых, общественных и дворцовых сооружениях феодального Азербайджана. В этом типе лестниц опорой лестничного марша служит сплошная стена, составляющая единое целое; в сущности, эта конструкция представляет собой стену со ступенчатым верхом.

В рассматриваемом караван-сараях такой тип марша с двух сторон огорожен стенами; свод перекрытия идет параллельно ступенчатой поверхности лестничного марша. Указанная конструкция лестничного марша позволила устройство над ней глубокой ниши со стороны входного вестибюля караван-сарая. Наряду с этим на противоположной лестничной

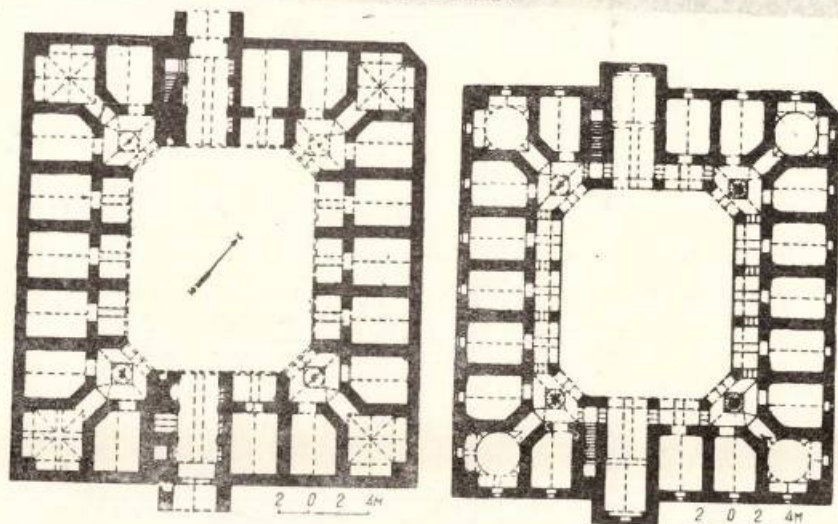
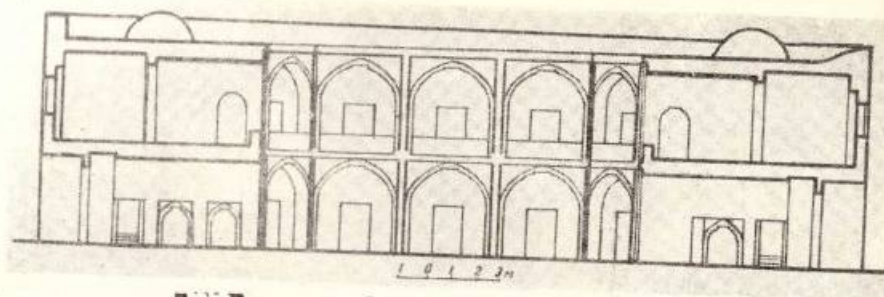

Рис. 46
Баку. Крепость. Караван-сарай двухэтажный (поперечный разрез), XVIII в.
Планы этажей.

клетке, в стене входного вестибюля устроены три неглубокие ниши. Устройство ниш на стенах входного вестибюля встречается как в ранних образцах, так и в караван-сараях, построенных даже в начале XX в. В некоторых караван-сараях эти ниши устроены в виде небольших помещений.

Огороженный со всех сторон двухъярусными аркадами двор, благодаря найденным масштабам арочных проемов, пространственной связи эрванов первого этажа и сквозного прохода второго этажа со двором и помещениями,

создает композиционное единство архитектурных форм со всем строением сооружения.

Входы в караван-сарай с обоих фасадов оформлены выступающими порталами на всю высоту здания и подчеркнуты глубокими арочными нишами в пределах высоты первого этажа; по обе стороны порталной ниши устроены каменные скамьи. Все помещения второго этажа имеют стрельчатые оконные проемы, обращенные на улицу. Арки окон высечены целиком из одного камня.

Простейшим образцом дорожных караван-

Рис. 47
Караван-сарай, сел. Ходжа Гасан.

сарая XVII в. является тип зданий прямоугольной в плане формы, состоящий из двух—трех секций. В сел. Балаханы на Апшеронском полуострове до наших дней сохранился один из караван-сараяв этого типа. В Центральном государственном военно-историческом архиве в г. Москве обнаружены обмерные чертежи подобного же караван-сарая, некогда находившегося в Баку за его крепостными стенами. По структуре плана эти караван-сарай в принципе почти ни в чем не отличаются друг от друга.

Каменный караван-сарай в сел. Балаханы в плане представляет собой удлиненный прямоугольник с отношением сторон примерно 1:3. Караван-сарай своим входным проемом ориентирован на северо-восток. Удлиненное помещение внутри делится на три части лопатками со значительным выступом. Лопатки из одной стены помещения стрельчатой аркой переходят к противоположной стене, разделяя пространство помещения на три части и устраивая его неприятную коридорообразную форму. Одновременно они укрепляют стены и перекрытия здания, работая как стрельчатый свод. По углам караван-сарая (за исключением главного фасада), и посередине боковых фасадов имеются глухие башни. Все они разного диаметра и суживаются кверху.

По центру главного фасада, над обрамлением стрельчатой арки входа вмонтирована

надпись. В надписи указывается построение караван-сарая в 1045 г. х. (1635/36). К этому же типу относится и караван-сарай в сел. Ходжа Гасан.

Караван-сарай вне крепостных стен Баку. Уникальными чертами отличается ныне не существующий караван-сарай, располагавшийся вне крепостных стен Баку. Обмерные чертежи этого сооружения обнаружены в Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве⁸⁰. На генеральном плане Баку, составленном в 1796 г. и найденном в том же архиве, имеется указание о месторасположении рассматриваемого караван-сарая за городскими стенами Баку, примерно на расстоянии 500—600 м.

Здание караван-сарая на чертеже называется «замком». Однако ознакомление с планом и разрезом сооружения позволяет установить, что в сооружении нет каких-либо оборонительных элементов, характерных для феодальных замков Апшерона. В то же время сооружение носит в себе основные черты караван-сарая с характерным замкнутым двором, вокруг которого сгруппированы помещения для постояльцев и загон для животных. На чертеже дан только план одного из этажей — по всей вероятности, первого. Важным фактом для истории архитектуры Азербай-

⁸⁰ ЦГВИА, ф. 349 (а) оп. 3, л. 3318.

бани является применение здесь свободно стоящих колонн. До настоящего времени единственным известным примером применения свободно стоящих колонн в азербайджанском средневековом зодчестве оставались колонны «Диванхане» во Дворце ширваншахов в Баку.

В разрезе рассматриваемого караван-сарая ясно различаются два яруса восьмигранных колонн, сходных по пропорциям с колоннами «Диванхане». В данном случае впервые констатируется двухъярусное расположение колонн в зодчестве Азербайджана феодального периода.

К какому периоду можно отнести это интересное сооружение? Ответить на этот вопрос точно — затруднительно. Чертежи не отразили архитектурных деталей, которые могли бы помочь уточнению датировки. Караван-сарай с подобной, но без обходных галерей, встречается начиная с XV в. Обходные же галереи более характерны для караван-сарая XVII в. Исходя из этого, дату сооружения этого памятника вероятнее всего можно отнести к XVII в.

Бани

Бани, как и по всему феодальному Востоку, были одним из наиболее распространенных общественных сооружений. Такое широкое строительство этих типов сооружений было связано с общественной жизнью стран феодального Востока.

Бани в городах Азербайджана так же, как и в других странах феодального Востока, помимо санитарно-гигиенических функций, одновременно выполняли функции своеобразных клубов, служили местом сборов жителей махаллы — квартала, где можно было обменяться новостями, отдохнуть и провести время.

Наряду с этим бани должны выполнять ряд функций, устанавливаемых шариадом, так как появление в мечети, совершение намазов, молитв и т. д. без омовения не допускалось. Для этого люди обязывались в установленном шариадом порядке совершать обряд омовения, называемый «гусул». Гусул часто совершался в бане и для этой цели здесь устраивались бассейны.

Следует отметить также использование помещений бани в ряде случаев в качестве места для проведения спортивных занятий. У некоторых авторов-путешественников, наряду с упоминанием об использовании бани для спортивных занятий, встречается также указание о существовании некогда в ряде городов Азербайджана специальных сооружений, предназ-

наченных для спортивных состязаний, называемых «зорхана». По имеющимся данным, зорхана были и в Баку, внутри крепостных стен, недалеко от здания Джума-мечети. По тем же данным, зорхана существовали в Шемахе, Нухе, Шуше, Гяндже и т. д. Бакнская зорхана существовала и действовала до начала XX в.⁸¹

Планы бань, в основном, состоят из двух больших квадратных помещений, расчлененных четырьмя пилонами или столбами на меньшие помещения. Одна группа помещений предназначается для раздевания и называется «чол», или «байыр», а другая — зал с группой помещений, называемых «ичери», предназначается для мытья. Раздевальня и зал для мытья или непосредственно примыкают друг к другу или же между ними помещаются в один и два ряда небольшие подсобные помещения. Мыльному отделению обычно с противоположной к подсобным помещениям стороны примыкают водоемы холодной и горячей воды, называемые «хазина».

В прошлые времена, когда в банях водопровод отсутствовал, вода черпалась непосредственно из водоемов. Из водоемов, по закону уравнения водяных столбов в сообщающихся сосудах, вода самотеком поступала во все углы бани. Водоем горячей воды обычно занимает среднее положение на продольной оси плана. Водоемы с холодной водой в угловых квадратных помещениях дополняют общий план бани до прямоугольника.

Следует отметить несколько примитивную, но своеобразную водонагревательную и отопительную системы старых азербайджанских

⁸¹ См. Г. К. Сарабский, Старый Баку (на азерб. яз.), Баку, 1958. Здания зорхана представляли собой центрально-купольные сооружения с большим, крестообразной формы в плане помещением. Этот тип планировки можно встретить в мечетях, банях, мавзолеях и даже в ряде случаев в дворцовых сооружениях. Они по организации размещения помещений были весьма сходными с планами бань. Каждое из больших квадратных помещений при помощи четырех массивных пилонов или же столбов делится на одно большое центральное квадратное помещение, четыре малых угловых квадратных помещения и четыре прямоугольных помещения, непосредственно примыкающих с четырех сторон к центральному квадратному помещению в виде креста. На полу центрального квадратного помещения устраивается специальная восьмиугольная площадка, предназначенная для спортивных занятий. Эта площадка несколько напоминает арену современных цирков и называется «гугут». Гугут имела специальное устройство пола в соответствии с проводимыми на ней спортивными занятиями. Мы говорим об общественно-спортивном значении зорханы в до-революционных городах Азербайджана, дабы было интересно архитектурно-планировочное решение этих зданий.

бани. Под бассейном горячей воды устраивается специальная топчанная камера, называемая «кухан», со сводчатым или купольным перекрытием; между помещениями бассейна с горячей водой и топчанной камерой на его перекрытии устраивается сквозное круглое отверстие. В бассейне с горячей водой на этом отверстии устанавливают обычно чугунный или медный⁸² подушарообразный котел. Для бесперебойной работы бани источник (куханчи) по опыту регулирует расход горячей воды; постепенно добавляя холодную воду, он сохраняет в бассейне постоянный уровень. Холодная вода поступает в водоем из общего водохранилища самотеком. В сохранившихся банях в большинстве случаев водохранилище представляет большой железный чан, установленный либо на крыше бани, либо на специально устроенных высоких постамах.

По свидетельству путешественников, топчан производилась на Апшероне, например, в Машатагах — нефтью⁸³, а в других районах — аронами или кизьяком. Следует отметить, что в бане отапливалось только мыльное отделение; отопление осуществлялось через жаровые каналы, устроенные под полом мыльной. Эти каналы были связаны одним концом с дымовой трубой, а другим концом с топчанной камерой таким образом, что горячий газ из топчанной камеры, пройдя через эти каналы, отдавал тепло, нагревая помещения, и охлажденный выходил через дымовую трубу наружу. Раздевальня нагревалась теплым воздухом, поступающим из мыльного отделения. Для урегулирования температурного режима в раздевальне большинства бань перед входом в нее устраивался специальный вестибюль. На примере довольно значительного количества сохранившихся бань можно отметить стремление углубить здание в землю. Ряд бань, за исключением куполов, целиком находится под землей. Это обстоятельство объясняется, главным образом, стремлением создать благоприятный температурный режим внутри бани во все периоды года.

Раздевальня и мыльное отделение имеют аналогичное планировочное и конструктивное решение. Эти отделения, как было сказано выше, представляют собой большие квадратные помещения, которые делятся на центральный квадратный зал, четыре угловых и четыре прямоугольных помещения. Связь между помеще-

ниями осуществляется различным способом. В большинстве бань, относящихся к более раннему периоду, угловые квадратные помещения, отделяясь глухой стеной от соседних, способствуют ясному выражению схемы крестообразного плана. В таких случаях связь угловых квадратных помещений с центральным квадратным залом осуществляется через дверные проемы, устраиваемые на четырех срединных углах зала. При таком решении центрально-квадратный зал приобретает форму, близкую к восьмиугольнику, а по некоторым данным известно, что иногда центральный зал имел в плане полную восьмиугольную форму. В сохранившихся в крепости гор. Баку банях: Гаджи Ганба, датируемой XV в., Касим-бека, относящейся, по нашему мнению, к еще более раннему периоду, именно так осуществлена связь угловых помещений с центральным квадратным залом.

Кроме названных внутри крепостных стен гор. Баку, сохранились еще две бани: баня Ага Миканла и баня Ага Зейнала, которые эксплуатируются до настоящего времени. Ответвления креста в плане азербайджанских бань обычно выделяются как отдельные помещения, раскрывающиеся со стороны центрального зала сплошным арочным проемом. Пол этих помещений обычно несколько выше уровня пола центрального зала раздевального отделения. Разница между уровнями полов этих помещений и центрального зала в большинстве случаев достигает 50—60 см. Посредине центрального зала обычно устраивали бассейн восьмиугольной, круглой или квадратной формы.

Во время работы бани в боковых прямоугольных помещениях, где раздеваются и оставляют свою одежду посетители, постилали циновку, которая затем покрывалась ковром. Под полом боковых помещений в стене со стороны центрального зала устраивались маленькие ниши для хранения обуви посетителя. Употребляемый нами здесь термин «раздевальня» не отражает полностью функций, которые возлагались на это отделение. В этой части бани люди собирались для беседы после мытья, пили чай, кушали, отдыхали и даже спали. В раздевальном отделении в ряде случаев встречалось устройство отдельных специальных помещений для почетных людей. Эти специальные помещения предназначались, в основном, для отдыха посетителя после купанья.

Здания бань по сравнению с другими видами общественных сооружений имели разно-

⁸² I. J. Lerche, Lebens und Reisegeschichte von ihm selbst beschrieben. Halle, 1791.

⁸³ Уд. соч., стр. 60.

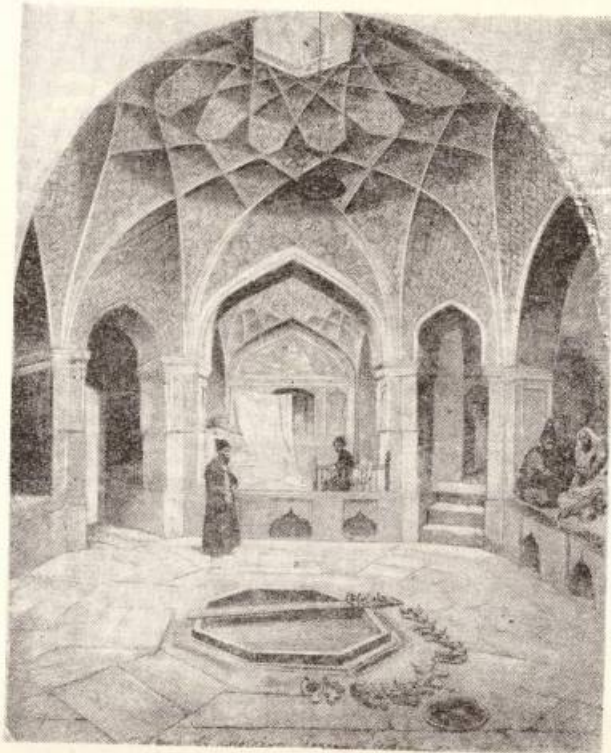

Рис. 48.
Шемаха. Интерьер бани XVII в. Рисунок XIX в.

стороннюю связь с жизнью народа. Наряду с вышеуказанными функциями бани, следует отметить еще одну ее связь с жизнью и обычаями населения. В банях часто проходил обряд свадебного омовения. За время мытья, вплоть до ухода из бани, в раздевальном отделении собиралась веселая толпа, играла музыка, танцевали, пели, угощали сладостями.

В соответствии с этим и другими назначениями бани, зодчие придавали иногда интерьеру раздевального отделения довольно парадный облик, применяя обычные декоративные средства и украшения стены росписями. В сохранившихся на территории Советского Азербайджана образцах бань мы не наблюдаем следов серьезных элементов оформления из-за

неоднократных перестроек и ремонтов. Однако многие литературные источники и зарисовки путешественников подтверждают, что некогда существовали бани с богато декорированным и мастерски оформленным интерьером раздевального отделения. Во многих банях Шемахи, Баку, Нухи и других городов Азербайджана стены раздевального отделения были покрыты росписью на различные темы.

В зарисовке Г. Г. Гагарина⁸¹ мы имеем пример богатого декорирования интерьера раздевального отделения бани, некогда существовавшей в Шемахе. Судя по этой зарисовке,

⁸¹ G. Gagarine, Caucase Pittoresque, Paris, 1837, tabl. XI.

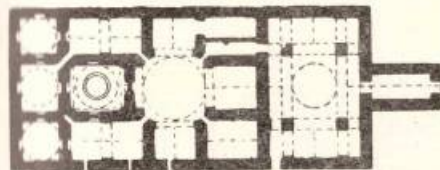
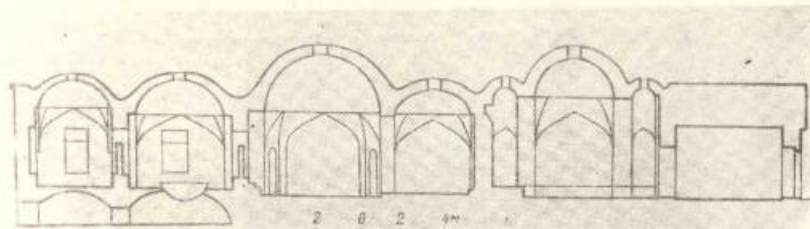

Рис. 49.
Декорация. Бани Гаджи Мирзы, XIX в.
Разрез и план.

зодчий, задавшись целью трактовать купольное перекрытие в легких формах, выбрал весьма оригинальную конструктивную схему и приемы ее отделки. Умелое применение богатых орнаментальных мотивов в оформлении интерьера подчеркивает архитектурно-пространственную композицию раздевального отделения бани. Отмечая оформление интерьера раздевального отделения, следует упомянуть также об архитектурной организации специального помещения для почетных посетителей. Оно представляло собой часть раздевального помещения, отделяясь от него, вместо глухой перегородки ажурным шебеке.

Планировочное и конструктивное решение мыльного отделения, как было сказано выше, имеет почти полную аналогию с раздевальным отделением, но здесь декоративное оформление отсутствует. Переход от раздевального отделения к мыльному почти всегда устраивается через специальное промежуточное помещение⁸², называемое «дахлиз» — вестибюль. Такой способ сообщения между двумя отделениями бани защищает раздевальное отделение от проникновения влажного воздуха мыльни. В случае непосредственного примыкания мыльного отделения к раздевальной, дахлизом служит

⁸² М. А. Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951, стр. 90.

одно из смежных угловых помещений в одном из обоих отделений. В ряде случаев в мыльном отделении выделяется специальное место, напоминающее отдельные номера в современных банях, которое называлось «халвати» — укромный уголок. Это место хорошо оборудовалось для индивидуального мытья отдельных персон. В ряде случаев для этой цели выделялся один из боковых концов в крестовом плане помещения. Другой боковой конец крестового ответвления предназначался для массажа.

Неотъемлемой частью мыльного отделения в азербайджанских банях следует считать бассейн. Бассейн предназначался для обрядового окунания после мытья. Месторасположение бассейна в мыльном отделении и его размеры встречаются в различных вариантах.

По наружным очертаниям здания бани обычно представляют собой вытянутый прямоугольник с ясно выраженной продольной осью. Но встречаются бани и с довольно сложным наружным очертанием. Наружный вид бань с углубленными в землю помещениями обычно представляет собой группу куполов, расположенных иногда почти на одном уровне с поверхностью земли. В банях с небольшим заглублением или же расположенных над землей иногда встречается довольно выразительное оформление фасадов. Основным элементом композиции главного фасада следует считать вход в баню, выполненный в большинстве случаев в виде портала. Оконные проемы в наружных стенах азербайджанских бань обычно отсутствуют. Внутреннее пространство помещений освещается либо через оконные проемы, устроенные у основания купола, либо через круглое отверстие в вершине купола. В композиции фасада иногда встречаются порталы весьма выразительной формы, которые совместно с глухой гладью стен и группой куполов создают определенный архитектурный облик бань.

Рис. 50.

Астаринский р-н, сел. Пенсар. Баня Мешад
Абуталиба. Разрез и план.

Следует отметить взаимосвязанность архитектурно-планировочной структуры бани с ее конструктивной схемой. Необходимость возведения всех конструктивных частей здания из местного камня подсказала как планировочную структуру, так и организацию внутреннего пространства бани.

Указанный выше способ расчленения помещений раздевального и мыльного отделений на малые составные части был связан с сложностью перекрытия больших пролетов каменным перекрытием. Купольное перекрытие нашло свое применение в перекрытии центрального квадратного помещения в раздевальном и мыльном отделениях бани. Переход от квадратного основания к куполу в банях встречается в виде парусов, тропов и редко столбчатых. Угловые квадратные помещения перекрываются также куполом, но во многих случаях встречается перекрытие в виде крестового свода. Ветви крестообразного помещения со стороны центрально-квадратного помещения, раскрываясь большим арочным проемом, перекрываются или крестовым или же стрельчатым сводом. Все остальные помеще-

ния бани также перекрыты куполами или сводами.

Все сказанное выше как в отношении архитектурно-планировочного решения, так и в отношении конструктивной части является общим в строительстве бань в дореволюционном Азербайджане. В изучении отдельных бань в ряде случаев нетрудно заметить некоторые присущие только им особенности. Эти особенности, по нашему мнению, связаны с индивидуальными чертами творчества зодчего-строителя и местными строительными условиями.

Баня Касим-бека, расположенная внутри крепостных стен гор. Баку, относится к типу бань с углубленными в землю помещениями. Наружный вид этой бани представляет собой группу куполов, расположенных на не очень высокой надземной части здания. Планировочное решение исходит из общего принципа организации внутренних пространств в строительстве бань. Раздевальный и мыльное отделения, непосредственно примыкая друг к другу, сообщаются через смежные угловые помещения. При этом дахлиз — прихожая в обоих смежных углах образуется объединением двух угловых помещений в одно общее помещение. Здесь схема креста в обоих отделениях бани получила выраженную форму. Центральный зал в обоих отделениях представляет собой квадратное помещение со срезанными углами, где устроены дверные проемы, ведущие в угловые помещения. По периметру центрального зала в обоих отделениях бани устроены водосточные каналы. Вход в баню устроен через специальный вестибюль. Благодаря значительной разности отметки улицы и пола бани, в вестибюльной части бани устроено значительное количество ступеней, превращающих вестибюль в лестничную клетку. Из вестибюля в раздевальное отделение попадают через одно

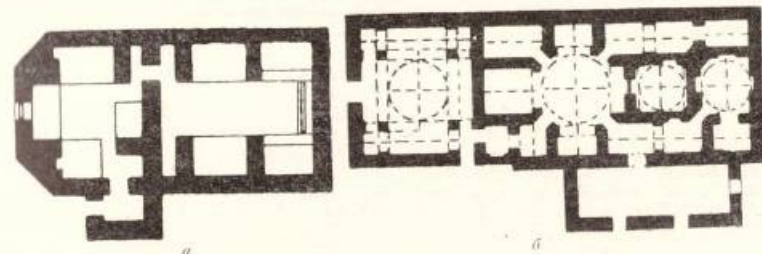
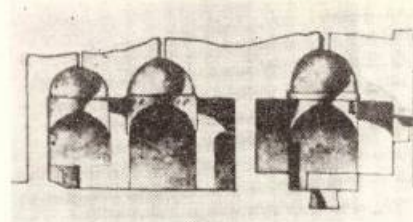

Рис. 51.

Исмаиллинский р-н, сел. Баскал. Баня, XVII в.
а — разрез б — план

из угловых помещений, расположенное со стороны улицы.

Мыльное отделение имеет аналогичную схему плана с раздевальным отделением. Здесь одно из крайних угловых помещений предназначается для массажа, а другое — для индивидуального мытья.

За продолжительный период существования бани подвергалась неоднократным перестройкам, что привело к значительному изменению ее первоначального архитектурно-планировочного облика.

На примерах бани **Ага Микаила** внутри крепостных стен гор. Баку и бани в сел. **Кишлы**, Аншеронского полуострова, датируемых XIX в., мы имеем образцы бань, несколько отличающихся от описанных ранее типов этих сооружений.

Характерная особенность рассматриваемого типа бань заключается в следующем: разделение раздевального и мыльного отделений на малые составные помещения осуществляется только столбами. Благодаря такой организации внутреннего пространства, крестовая форма плана обоих отделов бани уступает место ясно выраженному квадратному их очертанию.

Основной смысл такого плана заключает-

ся в расчленении перекрытия большого помещения на малые составные части, где перекрытия легче осуществимы. В обоих отделениях бани перекрытия при помощи столбов делятся над девять отдельных частей: центральная часть перекрывается большим куполом, четыре угловых части имеют купольное или сводчатое (крестовый свод) перекрытие и еще четыре боковых, по соседству с центральным куполом — сводчатое перекрытие.

В Ленкоранской зоне Азербайджана известно значительное количество бань, представляющих собой как бы комбинацию двух выше рассмотренных типов. Отличительная черта этих бань заключается в том, что их мыльное отделение строится по образцу первого типа, тогда как раздевальное отделение аналогично раздевальному второго типа.

Эти бани привлекают внимание своими четкими, ясными и компактными архитектурно-планировочными решениями. В талышских банях раздевальное и мыльное отделения обычно непосредственно примыкают друг к другу, а в качестве прихожей выделяется одно из угловых помещений мыльного отделения. Применение различных конструктивных приемов в раздевальном и мыльном отделениях способствует четкой различимости этих отде-

лений в плане. Конструктивный прием — введение дополнительных опор в виде столбов для облегчения устройства перекрытий обеспечивает простор в организации внутреннего пространства раздевального отделения. Если в мыльном отделении составляющие его части проявляются самостоятельными помещениями, то в раздевальном отделении они, сливаясь в одно целое, создают впечатление единого, пространственно хорошо организованного помещения.

К особенностям бани рассматриваемого типа следует также отнести значительную развитость их мыльного отделения по сравнению с раздевальным отделением.

Баня Абу-Тальба в сел. Пенсар Астаринского района. Мыльное отделение получило развитие не по продольной оси, как это имеет место в банях Гаджи Гурбана и Гаджи Мирзы в Ленкоранском районе, а в поперечном направлении. В связи с этим цельность наружного облика здания бани несколько нарушена.

Следует обратить внимание на устройство бассейна и горячего водоема в банях Гаджи Гурбана и Гаджи Мирзы. В этих банях под горячим водоемом с устройством котла выделяется, как уже было сказано выше, одно из оконченных помещений креста, расположенное по продольной оси на противоположной с раздевальным отделением стороне. По бокам горячего водоема расположены массажная и помещение индивидуального мытья. За горячим водоемом устроен бассейн в виде самостоятельного помещения. По бокам бассейна оба угловых помещения предназначаются в качестве холодного водоема.

Дворцовые сооружения

В начале XVIII и XIX вв. велось определенное строительство дворцовых сооружений для местных ханов. Это часто было связано и со строительством цитаделей вокруг ханских резиденций. Довольно значительное строительство вели карабахские, шекинские, кубинские, гянджинские и бакинские ханы.

Дворец шекинских ханов в Нухе является наиболее значительным архитектурным памятником XVIII в. Во дворце синтезированы многие виды народного прикладного искусства, в частности интересные образцы стеновой живописи XVIII—XIX вв.

На самом памятнике не сохранилось надписи о времени его сооружения, и в настоящее время наиболее вероятной датой его постройки

принято считать 1797 г., который приходится на период нухинского Мухаммед Гасан-хана⁸⁶.

Нухинский ханский дворец расположен в верхней, возвышенной части города. Дворец располагался внутри крепости — ханской цитадели и входил в состав комплекса сооружений, от которых ныне, кроме самого дворца, сохранился только бассейн, возможно, в перестроенном виде; перед главным фасадом уцелели старые деревья.

Судя по плану, составленному в 1853 г.⁸⁷, в цитадели размещалось значительное количество сооружений различного назначения для семьи хана и ханской челяди. Однако по этому плану невозможно определить былые назначения отдельных зданий, так как они здесь обозначены уже в соответствии со своими новыми назначениями — для нужд военного гарнизона. Кроме того, следует иметь в виду, что за период со времени вхождения Шекинского ханства в Россию до момента составления плана, несомненно, были возведены и новые сооружения.

Тем не менее, значение этого плана для выяснения характера прошлого окружения ханского дворца — большое. А в сопоставлении с дошедшими до нас описанием⁸⁸ общего архитектурного ансамбля дворца шекинских ханов, удается выяснить и прежнее назначение ряда зафиксированных в плане строений.

Прежде всего обращает на себя внимание правильная расстановка всей территории, строгое соблюдение и увязка осей различных сооружений, наличие трех композиционно самостоятельных садов и обилие бассейнов, большинство которых, как явствует из упомянутого описания, было с фонтанами. Большая часть входивших в комплекс сооружений представляла отдельные жилые здания, принадлежавшие членам ханской династии; эти постройки, по всей вероятности, были возведены в различное время. Упомянутые в описании застройки естественно отождествлять с теми указанными в плане зданиями, которые сгруппированы недалеко от дошедшего до нас зда-

⁸⁶ Л. С. Бретаницкий, Дворец шекинских ханов. «Архитектура Азербайджана (чертёж)». Баку, 1952, стр. 389.

⁸⁷ План крепости Нухи с показанием существующих и вновь предполагаемых строений. ЦГИА, ф. 3, оп. 25, д. 1479.

⁸⁸ «Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. по распоряжению Главнокомандующего в Грузии Ермолова генерал-майором Ахвердовым и статским советником Мотилевским». Тифлис, 1866. (См. Л. С. Бретаницкий, Дворец шекинских ханов, стр. 381—384. (Нухинскому дворцу посвящена обширная литература; основные труды приведены в библиографии).

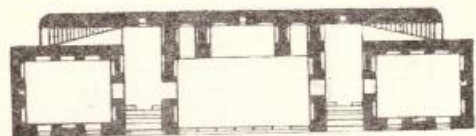
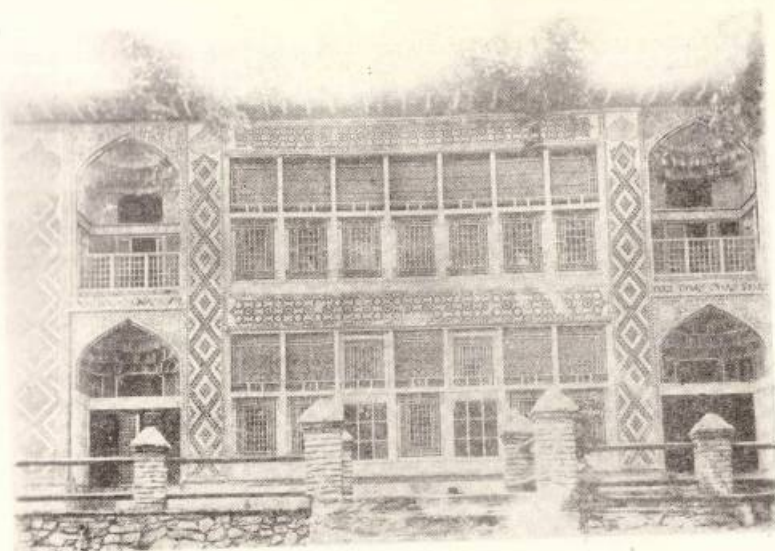

Рис. 52
Нуха. Дворец шекинских ханов, XVIII в.
а — план; б — фасад

ния дворца вокруг садов. Эта часть нухинской крепости, несомненно, была парадной.

Дворец шекинских ханов справедливо считается летним дворцом-навильонной, а здание, служившее зимним дворцом, находилось, по всей вероятности, среди указанных в плане жилых корпусов, сгруппированных вокруг садов. Здание рассматриваемого дворца занимало центральное положение внутри этой группы сооружений, хотя некоторые из них были, судя по плану, крупнее самого дворца.

Кроме существующего ниша перед главным фасадом сада, небольшой садик с прямоугольным фонтаном посреди примыкал и к заднему фасаду дворца.

Дворец шекинских ханов представляет собой двухэтажное здание, главным фасадом обращенное к югу. Планы этажей идентичны. Три помещения, расположенные в один ряд и отделенные друг от друга прихожими, — вот схема плана дворца, отличающаяся ясностью и простотой. Парадными помещениями дворца являлись расположенные в центре первого и второго этажей залы с глубокими нишами — одной широкой и двумя узкими у задней сте-

ны. Широкая ниша в зале первого этажа, очевидно, являлась местом официальных приемов.

Внутренней связи между этажами не существовало. На второй этаж поднимались по лестницам, расположенным сзади боковых комнат, со входами на боковых фасадах. Такое на первый взгляд неудобное расположение лестниц объясняется характером назначения сооружения, служившего летним дворцом. Вход в комплексе сооружений с зимним дворцом, летний дворец был связан с сооружением, расположенным со стороны северного фасада дворца. При этом важно отметить, что отсутствие внутренней связи между первым и вторым этажами вытекает из разделения дворца на две половины — парадно-гостевую и интим-

ную. Сохранились свидетельства о том, что зал нижнего этажа дворца назывался диван-хане⁸⁹.

Изоляция официальной части дворца от других его частей являлась обычной для феодального Востока и наблюдается даже в жилых домах. Таким образом, посторонние лица имели доступ лишь в нижний этаж дворца. Верхний же этаж был доступен исключительно лицам, непосредственно входившим в состав семьи хана, или обслуживающему персоналу. Эти лица были вхожи не только в рассматриваемый летний дворец, но и в расположенный за ним зимний. Для идущих на второй этаж летнего дворца со стороны зимнего помещения и предназначалась лестница с входом в нее с торцов здания.

Главный фасад дворца — южный, обращенный в сторону города. Архитектурные членения главного фасада четко отражают внутреннюю планировочную структуру дворца. Соответственно расположению помещений дворца, южный фасад — пятичастный, на нем выделены средние залы, боковые комнаты и прихожие, отделяющие залы от комнат.

Определяющей особенностью композиции главного фасада является решение наружных ограждающих поверхностей залов и комнат — здесь стены заменены сплошными витражными окнами — шебеке. Геометрический орнаментальный рисунок окон-шебеке с заполняющими их разноцветными стеклами прекрасно увязывается с орнаментированными плоскостями лопаток, членяющих фасад. На этом ажурном фоне контрастно выделяются глубокие ниши порталов; обрамляющие входы на первый этаж дворца и соответственно над ними расположенные балконы второго этажа. Таким образом, композиция главного фасада дворца характеризуется сочетанием трех элементов: орнаментированной стены, ажурных шебеке и пространственных порталов. В целом архитектура фасада представляет высокохудожественное выражение внутренней планировочной структуры и конструктивного решения дворца.

В интерьере дворца выдающийся интерес представляют росписи, привлекавшие внимание многих исследователей⁹⁰. Росписи размещены в двух залах обоих этажей и в двух крайних комнатах второго этажа. Наиболее ценны

они являются росписи залов как первого, так и второго этажей. Росписи занимают все плоскости стен, ниш, сталактитовые переходы от стен к плафону, а также плафоны в залах обоих этажей и комнатах второго этажа. Плафон зала первого этажа выполнен из резных деревянных элементов, составляющих геометрический орнамент.

Сохранившиеся во дворце росписи выполнены одновременно и ценность их различна. Наиболее ценные в художественном отношении росписи сохранились как в зале первого этажа, возможно частично относящиеся к XVIII в., так и в зале второго этажа.

Росписи дворца, в основном, могут быть разбиты на четыре группы: росписи геометрического и растительного рисунка, сюжетные росписи и росписи, где в растительные мотивы выделены изображения птиц. Эти четыре типа росписей, в зависимости от заполняемой ими плоскости, представлены различными композициями.

Основным видом композиций росписей во дворце шекинских ханов являются панно, заполняющие ниши и простенки. Это в основном композиции из растительных мотивов, иногда с включением изобразительных мотивов. От размещения такого панно в широкой нише или в узком простенке зависит тип композиции, принимающей в простенках вытянутый характер с традиционным вазоном внизу.

Особо необходимо отметить росписи так называемых сцен охоты и сражений, размещенных в зале второго этажа в виде фриза между первым и вторым ярусом ниш.

Росписи дворца шекинских ханов характеризуются в целом богатством колорита, широким применением золотистого цвета. Цветовое решение их основывается на применении локальных тонов. Выполнены они, как и вообще все стеновые росписи этого периода, теплой по гипсовому левкасу⁹¹.

Нам известны имена пяти мастеров-художников, расписывавших дворец шекинских ханов в различное время. По всей вероятности, наиболее ранней надо признать надпись с именем мастера-устада Абае Кули, лежащую на плафоне зала второго этажа. Надпись примечательна своей орнаментальной композицией, с двукратным повторением имени мастера в прямом и зеркальном изображении. Воз-

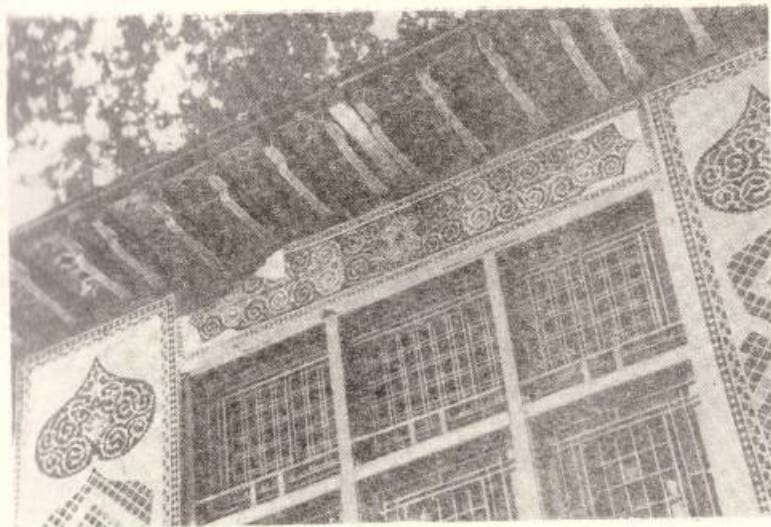

Рис. 53
Нуха. Дворец шекинских ханов. Фрагмент главного фасада.

можно, этот мастер был архитектором-строителем дворца⁹².

Ряд росписей зала первого этажа выполнен в 1895—1896 гг. художник-пагаш Мирза Джафар из Шемахи⁹³.

Многие дошедшие до нас росписи зала второго этажа были выполнены художником Уста Гамбаром из Шуши. Надпись с его именем и датой 1902 г. сохранилась в верхней части росписи одной из ниш зала второго этажа.

Кроме того, в нухинском дворце работали мастера Али Кули и Курбан Али из Шемахи, выполнившие, судя по местоположению надписей с их именами, росписи крайней комнаты верхнего этажа.

Дворец шекинских ханов был возведен в период упадка строительного дела в Азербайджане, однако именно дворец шекинских ханов показывает нам, что мастера, хранящие традиции прошлого, были способны создавать произведения высокого мастерства и в это время.

⁹² А. В. Саламадзе. К изучению стеновых росписей Азербайджана XVIII—XIX вв. «ДАН Азерб. ССР», т. X, № 6, 1954, стр. 446.

⁹³ Там же.

Ханский дворец в Баку. Не только в народе, но и в ряде публикаций еще до недавнего времени комплекс Дворца ширваншахов имевшийся ханским дворцом. Такое наименование шахского дворца имело определенные исторические корни. Дело в том, что еще до середины XIX в. в Баку, в старой части города действительно существовал дворцовый комплекс баккинских ханов. Не приходится удивляться, что после его сноса название ханского дворца перешло к дворцу ширваншахов, стоявшего заброшенным еще с XVI в. Исторически близкое наименование стало связываться с комплексом, принадлежность которого ширваншахам уже начинали забывать.

Сведения о дворце баккинских ханов мы обязаны сохранившимся обмерам начала XIX в.⁹⁴ — чертежам, датированным 30 октября 1809 г. Чертежи представляют подробные планы, фасады и разрезы большого жилого комплекса, названного «Ханский дворец и дома бежавших беков. Ханский дворец располагался по левую сторону при входе в крепость через шемахинские ворота.

⁹⁴ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3339, л. VI.

⁸⁹ «Описание Шекинской провинции...»
⁹⁰ Наиболее полное описание росписей дворца шекинских ханов см. И. М. Миклашевская. Стеновые росписи Азербайджана XVIII—XIX вв. «Искусство Азербайджана», т. IV, 1951, стр. 52—83.

⁹¹ И. М. Миклашевская. Стеновые росписи Азербайджана XVIII—XIX вв. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952, стр. 184.

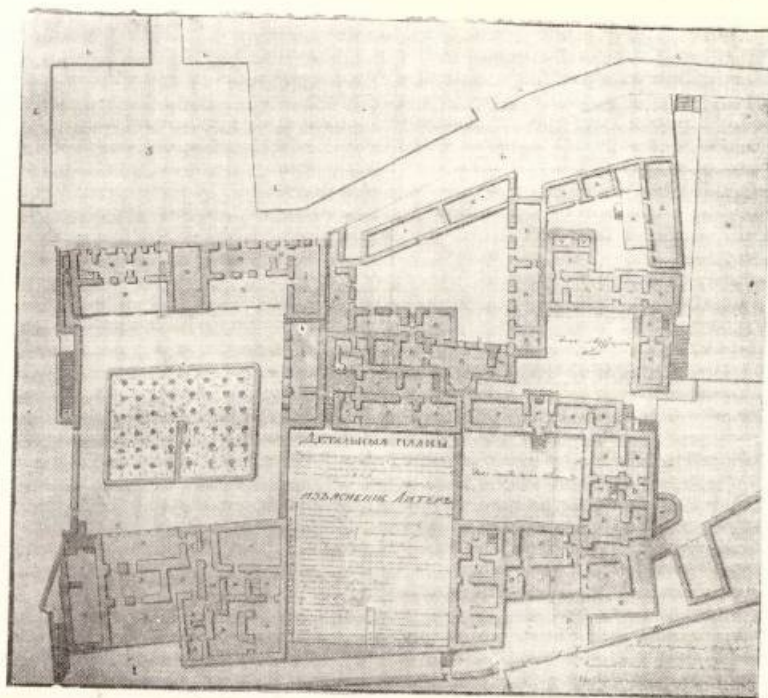

Рис. 54
Баку. Комплекс ханского дворца и домов двух беков, XVIII в.
План по обмерам начала XIX в.

Планы показывают нам обширный жилой комплекс, сгруппированный вокруг 5 дворов. Первый большой двор, очевидно, и являлся двором собственного ханского дворца — последние его находилась небольшой сад с бассейном. В пояснениях к планам этот сад отмечен как «бывшего хана сад». Два других двора названы «дом Абдурагим-бека» и «дом Мегди Кули-бека». Два остальных двора не обозначены.

Жилые корпуса, сосредоточенные вокруг дворов, представляли, судя по разрезам и фасадам⁹⁵, двухэтажные сооружения. По своей планировке жилые корпуса были двух типов. Одни из них запутаны по своей планировке и вызывают ассоциацию с планировкой дворца

ширваншахов. Вторая же группа корпусов представляет сооружения с однорядными помещениями.

Как видно из планов и некоторых фасадов, жилые помещения имели довольно большие окна, обращенные во дворы. Характерные деревянные стойки во втором этаже дома Мехти Кули-бека дают основание утверждать, что показанные на фасадах большие оконные проемы заполнялись деревянными шебеке. Во всяком случае заполнение в виде шебеке имели строенные окна балахана ханского дома.

Фасады основных корпусов могут быть кратко охарактеризованы следующим образом. Дворовый фасад собственно ханского дворца имел асимметричное решение, подчеркнутое соответствующим расположением входа на территорию двора, решенным в виде боль-

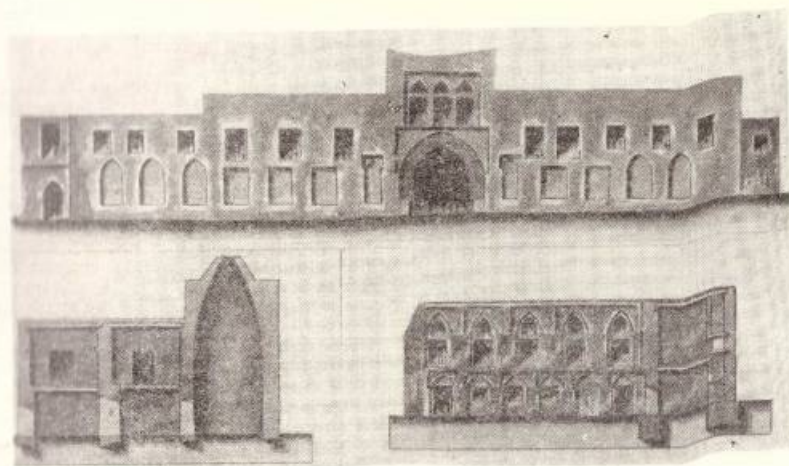

Рис. 55
Баку. Комплекс ханского дворца и домов двух беков. Фасады и разрезы по обмерам начала XIX в.

шого арочного проезда. Над ним помещалась балахана. По первому этажу глухие ниши, над которыми располагались прямоугольные окна. Фасад дома Мехти Кули-бека характеризуется расположением по нему трех ярусов проемов, хотя дом, как видно по разрезу, был двухэтажным.

Архитектурно наиболее разработанным был фасад дома Абдурагим-бека. Здесь характерно двухярусное арочное членение фасада. Этот прием весьма специфичный для культурного и общественного строительства XVII в. Не исключено, что этот дом является наиболее старой частью комплекса.

При всем своеобразии планировки и решения архитектуры фасадов дворец бакинских ханов имеет много общего с ашшеронским народным жилищем и некоторые аналогичные черты с жилищем Ордубада.

Сооружения комплекса были возведены из камня. Перекрытия на чертежах плоские, деревянные. Высокое купольное перекрытие отмечено только над одним небольшим помещением, выполнявшим роль прихожей.

Отсутствие вокруг территории дворца специальных оборонительных стен — цитадели, компенсировалось тщательным выбором места его расположения. С одной стороны, комплекс был близок к шемахинским воротам, а с другой — стены ханского дома непосредственно

выходили к морскому берегу. Таким образом, хану были обеспечены два пути спасения при возникновении опасности.

Наиболее вероятным временем строительства этого комплекса следует признать XVIII в., когда бакинские ханы приобрели относительную самостоятельность. Не исключено, однако, что часть комплекса, а именно дом Абдурагим-бека, была возведена еще в XVII в.

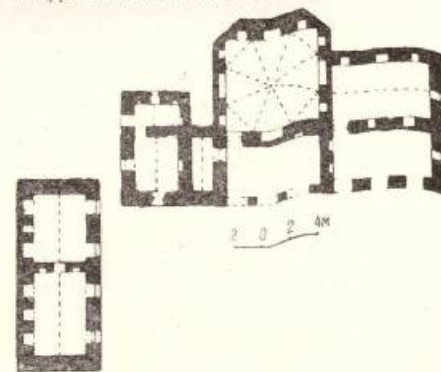

Рис. 56.
Агдам. Имарет Панах-хана, XVIII в. План.

⁹⁵ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, 3340, л. VII.

Рис. 57

Агдам. Имарет Панах-хана. Угловая ниша и тропы главного зала.

Во всяком случае в составленном в 1738 г. плане бакинской крепости⁹⁶ на этом месте отмечено сооружение, обозначенное как дворец.

Рассмотренный комплекс является одним из ханских дворцов, сооружавшихся в этот период во всех центрах ханств. Одновременно он расширяет наше представление о характере бакинского жилища XVIII в., образцы которого до нас не дошли.

Комплекс дворца бакинских ханов стоял, хотя бы частично, еще в начале 50-х годов XIX в. Об этом свидетельствует следующее сообщение: «В крепости стоит дом последнего независимого хана Баку, Гусейн Кули-хана. Это четырехугольник с большими воротами посредине — ныне жилище коменданта, устроенное в европейском вкусе»⁹⁷.

Дворец Панах-хана близ Агдама, дошедший до нас в сильно разрушенном состоянии, знакомит нас с еще одним типом ханских дворцов XVIII в. В данном случае мы имеем дело, собственно, с сооружением, далеким от парад-

ных дворцов. Это жилой дом феодального владельца еще находящегося на пути к возвышению.

Дом Панах-хана состоял из двух корпусов, поставленных перпендикулярно друг другу. Главный корпус представляет несколько сводчатых помещений, сгруппированных вокруг центрального купольного зала с эйваном перед ним, ориентированным на юг. Несомненно, зал с эйваном — это диван-хане — официальная половина дворца или дома богача.

Эйван-памятник был решен трехпролетной аркадой. Стрельчатые арки покоились на колоннах из цельного камня. В целом эйван имел вид портика — центрального входа в здание.

Главный зал был перекрыт восьмиугольным на тропях куполом с небольшим отверстием в виде фонаря на его вершине. В таком устройстве можно усмотреть связь с жилым домом типа «карадам» с отверстием в центре перекрытия для выхода дыма.

Дворец Панах-хана интересен как образец жилища, несущего в себе черты, связывающие его с бытовавшими в Азербайджане типами жилища. Элементы этой связи, с одной стороны, купольный зал с эйваном, а с другой — сводчатые комнаты, наличие многочисленных ниш, ориентация основных жилых сооружений к югу и др. С жилыми домами Ордубада и Ашшерона дворец связывает и стремление к периметральному, однородному расположению помещений.

В этой связи следует возражать авторам первой публикации сведений о памятнике, считавших боковой корпус мечетью⁹⁸.

Оборонительные сооружения

Как известно в XII—XV вв. на Ашшеронском полуострове велось значительное строительство оборонительных сооружений — замков с донжонами⁹⁹. Сооружение их обуславливалось, очевидно, частыми нападениями на открытые ашшеронские поселения со стороны моря, а также, возможно, известной самостоятельностью местных феодалов. С начала XVI в. с включением Ширвана в состав централизованного Сефевидского государства на Ашшероне замки не строятся. Получает рас-

⁹⁶ Дж. Александрович, И. Азимбеков и В. М. Сысоев. Евллах—Шуша. «Изд. Азербайджанского комитета охраны памятников старины, искусства и природы», вып. III, Баку, 1927, стр. 9.

⁹⁷ Е. А. Пахомов. Старинные оборонительные сооружения Ашшерона. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», т. 1, стр. 43.

пространение строительство крепостей и сторожевых башен в городах и сельских местностях¹⁰⁰. К этому можно добавить, что собственно и старые замки продолжали выполнять свои функции, где в моменты опасности скрывались жители сел. Вот что пишет автор XVIII в.: «В большинстве селений, расположенных вдоль моря, видны круглые и четырехугольные башни, окруженные стеной, с колодезем, куда загоняют скот, когда издали видят приближение грабителей»¹⁰¹.

Хотя XVI в. знаменовался в Азербайджане созданием централизованного государства сефевидов, однако это не привело к установлению в стране мирных условий жизни. Развернувшиеся османско-сефевидские войны, прервали Азербайджан в арену беспрерывных военных столкновений. Многие города, особенно северных районов страны, были превращены в крепости. С небольшими перерывами военные столкновения на территории Азербайджана продолжались до начала XIX в. Как бы ни менялся характер военных действий, оборонительные сооружения были неизбежными спутниками этой войны. Источники сообщают о возведении крепости одной и уничтожении другой стороной, о возобновлении и дальнейшем их разрушении в Гяндже, Шемахе, Баку, Нахичевани и Тебризе. Это строительство, на которое было затрачено так много средств, до нас почти не дошло, если исключить частично сохранившиеся стены Баку.

Но оборонительные сооружения возникли не только для борьбы с иноземными вторжениями. Они воздвигались и в период феодальных междоусобий во второй половине XVIII в. К этому периоду относятся нухинская и шуминская крепости, крепость на горе Фитдаг и некоторые другие. Возведенные наспех эти оборонительные сооружения после падения ханств быстро пришли в ветхость. Крепость Фитдаг была в разрушенном состоянии уже спустя десять лет после присоединения к России: «Теперь на одной горе видны в полуразрушенном состоянии только дворец, диван-хана, бани и дома ханских жен, на месте же прочих строений остались одни груды камней»¹⁰².

Оборонительные башни строятся в закавказско-белоканской зоне¹⁰³, где в силу родо-

¹⁰⁰ Е. А. Пахомов. Старинные оборонительные сооружения Ашшерона. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», т. 1, стр. 43.

¹⁰¹ L e r c h e, ук. соч., стр. 59.

¹⁰² Обозрение Российских владений за Кавказом. т. III, СПб., 1836, стр. 151.

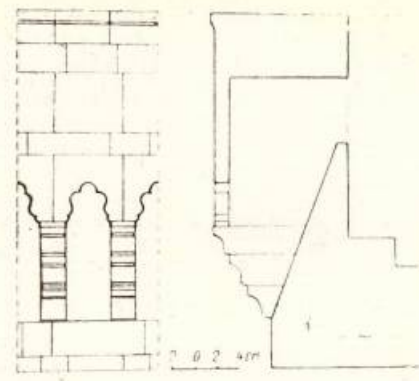

Рис. 58

Баку. Крепость. Фасад (а) и разрез машикулей (б).

вой розни была необходимость в обеспечении безопасности.

И, наконец, можно отметить оборонительные сооружения типа аскеранской крепости, которые выполняли определенную стратегическую задачу, перегораживая выгодные естественные рубежи.

Крепостные стены Баку, возникшие еще в XII в., неоднократно переделывались и возобновлялись вплоть до середины XIX в. В рассматриваемый нами период наиболее крупные изменения были произведены в середине XVII в. К этому времени бакинская крепость имела два ряда стен со рвом перед ними. Крепостные стены уходили в море, образуя перед городом нечто вроде небольшой гавани.

Из пяти ворот бакинской крепости главными являлись Шемахинские ворота и ворота, ведущие в гавань. Подробности устройства бакинской крепости хорошо прослеживаются по плану, составленному в XVIII в. и в начале XIX в. Эти планы анализируются в главе «Градостроительство», поэтому, избегая повторений, мы здесь не останавливаемся на них подробно. Отметим только, что бакинская крепость была значительно усилена русскими военными инженерами в начале XVIII в. путем пристройки шести бастионов к внешним стенам. Однако

¹⁰³ Л. Бретаницкий, Л. Мамиконов. Оборонительные сооружения Закавказья и Белоканского районов. «Памятники архитектуры Азербайджана (Сб. материалов)», вып. II, Баку, 1950, стр. 111—119.

после ухода русских они были заброшены. До окончательного присоединения Баку к России был разработан проект расширения бакинской крепости путем пристройки стен в районе нынешнего здания «Азнефти». Этот проект назывался «План части города Баку с назначением проектируемого по нему для охранения магазинов укрепления» и был составлен 10 июля 1796 г.¹⁰⁴. Однако этот проект не был осуществлен и бакинская крепость до 80-х годов XIX в. сохраняла свой облик, сложившийся еще в XVII в.

В дальнейшем в связи с ростом города стал вопрос о сносе второго, внешнего ряда стен. Зная существование закона о сохранении древних сооружений, город обосновывал необходимость сноса стен тем, что пространство между двумя рядами превращается «в настоящую клоаку и в источник эпидемий»¹⁰⁵. После довольно продолжительной переписки, наконец, императорское разрешение на снос стен было получено, и в 1883 г. стены были разобраны¹⁰⁶. При этом было признано необходимым перенесение с сохранением их прежнего вида так называемых ворот Зульфигар-хана на внешней стене. Однако при производстве работ, вместо переноса старых ворот, было осуществлено строительство вторых ворот, рядом с существующими шемахинскими и по их образцу, и таким образом возникли нынешние парные ворота крепостных стен¹⁰⁷ на площади Молодежи. Произведенные в 1952—1958 гг. реставрационные работы и раскрытие стен в районе площади Молодежи очень удачно включили старые стены в ансамбль реконструированных скверов и Коммунистической улицы.

Крепость на горе Фитдаг представляет собой наиболее типичный пример оборонительных твердынь, возводившихся в период ханства. Крепость до нашего времени не дошла. В 1945 г. местами можно было проследить только остатки стен и некоторых жилых и других сооружений. Довольно подробные сведения об устройстве оборонительной системы Фитдага¹⁰⁸ сообщает А. П. Фитунни, обследовавший кре-

пость в 1915 г.¹⁰⁹. Крепостные стены состояли из стен толщиной в 3 и высотой в 6 аршин и имели башни. В центре была устроена четырехугольная цитадель.

Как показывают данные, сообщаемые Фитунни, так и наши наблюдения, произведенные на месте в 1945 г., крепость Фитдаг представляла центральную укрепленную часть населенного пункта. Внизу крепости, на расстоянии нескольких километров имеются остатки довольно значительных сооружений. Фитунни приводит следующее интересное сведение: «В середине этих крепостных стен, как нам сказали, была цитадель ширванских ханов, по-видимому, последнее убежище Мустафа-хана Ширванского. Она была построена с тем расчетом, чтобы в ней можно было держаться даже в случае взятия нижней части крепости с поселением, чуть ниже крепости... Эти развалины хотя собою прежнего величия нисколько не напоминают, но видно, что это следы каких-то построек, вроде нескольких комнат, но совершенно разрушенных. Это, по-видимому, дворец Ширванского хана. Местные жители называют его Диванхале»¹¹⁰.

Работы по созданию укреплений Фитдаг велись в начале XIX в. весьма интенсивным образом, как явствует из следующего документа: «Мустафа-хан Ширванский на сих днях начал укреплять Фитдаг, вокруг которой строит каменную стену толщиной в 3 аршина азятских, а вышиною в 6 аршин и намерен укрепить башнями и замками... работа же началась сего месяца 15-го числа, на которой рабочих употребляется более 3000 чел.»¹¹¹.

На примере сооружения Фитдаг, пожалуй, лучше всего прослеживается расточительный, непроизводительный характер строительства в ханский период. Огромные средства и труд тысяч людей затраченные на строительство крепости, никакой роли не сыграли. В решительный момент Мустафа-хан не решился на оборону и нашел спасение в бегстве.

Крепость Аскеран — наиболее интересное и крупное оборонительное сооружение XVIII в. Оборонительная система Аскерана возникла в период становления Карабахского ханства как защитный заслон от нападений с низменности.

¹⁰⁴ ПГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3326.
¹⁰⁵ ЦГИА Грузии, ф. 7, оп. 1, д. 2128. «О сломке старой крепостной стены г. Баку».

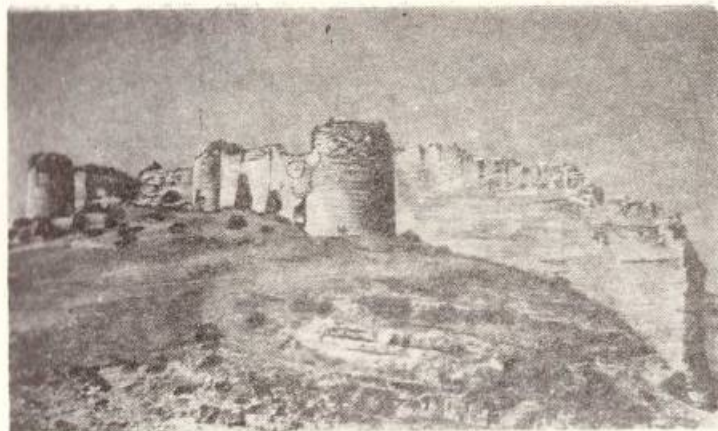
¹⁰⁶ Н. Радев. Северные ворота крепостных стен города Баку. «Памятники архитектуры Азербайджана (Сб. материалов)», Баку, 1950, стр. 37.

¹⁰⁷ Н. Радев. Ук. работа, стр. 39.

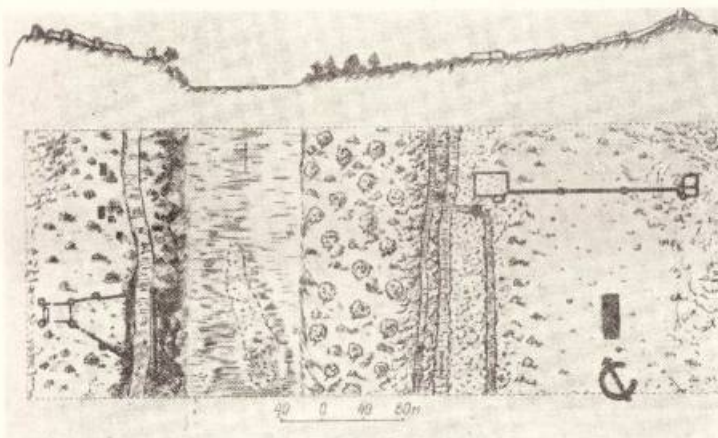
¹⁰⁸ Фитдаг — буквально Сивест-гора, название связано с характерным ухом, возникающим от звуков.

¹⁰⁹ А. П. Фитунни. История последней столицы Ширвана. «Изв. Азгостариса», вып. III, Баку, 1927, стр. 95.
¹¹⁰ Акты Кавказской археографической комиссии, № 787, рапорт подполковника Тихомировского генералу Тормасову от 18-го августа 1810 г. за № 82. (Приводится по А. П. Фитунни и Ук. сош., стр. 95).

¹¹¹ Там же.

а

б

Рис. 59

ИКАО. Крепость Аскеран, XVIII в. Юго-западные стены левобережных сооружений:
(а) — план; (б) — профиль крепостных сооружений

Аскеранская крепость построена таким образом, что перегораживает долину реки Каркарчай, оставляя проход только у реки. Такое местоположение Аскеранской крепости

разделило ее на два укрепления по обеим сторонам реки.

Правобережная часть крепости состоит из двойной стены длиной до 250 м с двумя баш-

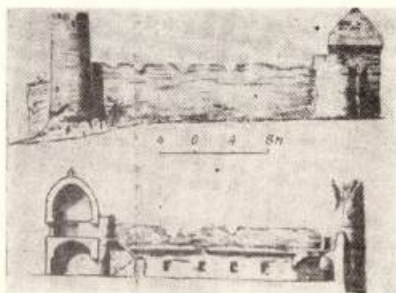
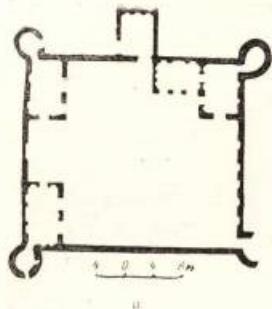

Рис. 60

Шуши. План замка Панах-хана (а) и замок Кара-Бекюв-ханым фасад и разрез (б).

пями посредине и прямоугольными опорными укреплениями по концам. Двойной ряд стен обеспечивал внутреннюю безопасную связь между узлами обороны, а также оборону крепости в случае прорыва врага через русло реки.

Левобережная часть крепости состоит из сочетания прямоугольного и трапециoidalного по форме фортов, объединенных в один оборонительный узел.

Сооружение крепости на удобном природном рубеже определило тесную увязку ее с окружающей природой, что во многом определяет впечатляющий архитектурный облик памятника.

Стены крепости, высотой местами до 9 м, имеют толщину до 2 м. Выполнены они из речного камня с довольно тщательной обработкой лицевой поверхности. Кладку оживляют ряды из постельного камня.

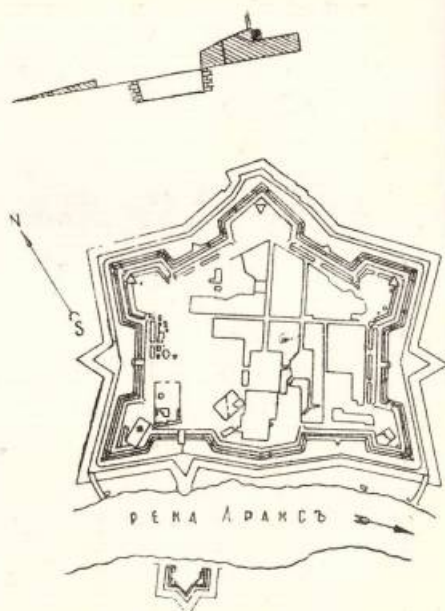

Рис. 61

Крепость Аббас-Абад близ Нахчевани. План и обмерам начала XIX в.

Мосты XVI—XVII вв.

Наряду с другими памятниками архитектуры сохранились и многочисленные мостовые сооружения. О некоторых из них лишь упоминается в трудах различных авторов-путешественников, иные исчезли бесследно.

Мостовые сооружения представляют во многих случаях конструкции очень смелые для строительной техники феодальной эпохи. В ряде случаев зодчие Азербайджана создавали образцы органического включения мостовых сооружений в окружающую природу.

Размещение мостов и широкое их строительство на территории Азербайджана следует связать с социально-экономическим развитием страны и его географическим расположением. Географическое положение Азербайджана — между Европой и Россией, с одной стороны, Ираном и Индией, с другой — привело к скрещиванию мировых торговых путей на его тер-

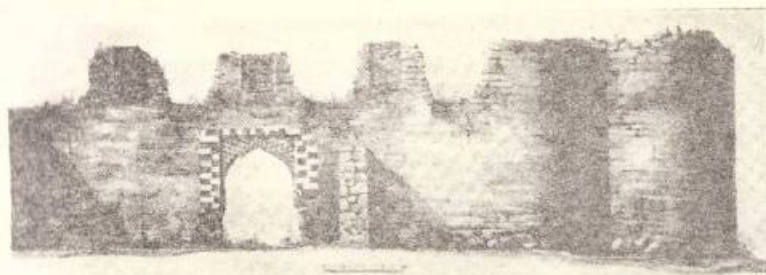

Рис. 62

Шуши. Северные ворота крепости XVIII в.

ритории. Торговые тракты, проходившие через страну, определили значительное развертывание строительства караван-сараяв. На этих же трактах возникают и мосты.

Мосты в этот период строятся, главным образом, на дорогах, связывающих между собой и с другими городами такие торговые центры как Баку, Шемаха, Гянджа, Тебриз, Ардебиль.

Изучение фактического материала показывает, что сохранившиеся на территории Азербайджана мосты, как с точки зрения их структуры, так и с точки зрения размеров, отличаются большой разнообразностью. Это в основном объясняется характером назначения отдельных мостов и природными условиями путей следования. В качестве примера мостов, построенных на крупных торговых путях через русло большой реки, можем указать на оба кудюфинских моста через реку Аракс. Следует отметить, что в ряде случаев (в основном в нагорных районах) встречаются большие однопролетные мосты.

При возведении мостов зодчие пользовались разнообразными видами строительного материала. Конструктивная схема и архитектурная структура мостов, наряду с техникой феодальной эпохи, обуславливается также строительными возможностями употребляемого материала. Разнообразные способы кладки из камня и кирпича — комбинированная кладка, подбор материалов по цвету, введение в бутонную кладку поясов из кирпича, облицовка тесаным камнем, уложенная чередующимися широкими и узкими рядами, — хотя существенно меняют художественный облик мостовых сооружений, но не определяют основной их структуры.

Применение каркасов в кладке мостов,

прокладок из кирпича, заключающих в рамки кладку из булыжника и колотых валунов, устройство волнорезов, использование под устои мостов выходов скал и т. д. — значительно увеличивало устойчивость мостов от воздействия внешних вод.

С точки зрения конструктивной схемы все сохранившиеся мосты состоят из повторения ячеек арочных пролетов, отличаясь между собой лишь очертаниями арок и количеством пролетов.

На территории Азербайджана известны мосты, решенные в зависимости от рельефа берегов и ширины русла рек, от одного до пятнадцатипролетного, длиной до 130 м. Мостовые пролеты перекрывались стрельчатыми арками; в некоторых местах архивольты арок в декоративных целях искусно облицовывались камнем чистой тески, резко отличного от облицовки тела самих мостов, чем рельефно подчеркивались мостовые отверстия. Многие из дошедших до нас мостов еще и в настоящее время находятся в хорошем состоянии и успешно эксплуатируются.

Мост через р. Зоголавай у гор. Шемахи¹¹². Из числа мостов, построенных в этот период, в первую очередь привлекает внимание именно этот мост своими размерами, законченностью архитектурного решения, а также тщательностью выполнения. К сожалению, землетрясение не пощадило этот мост как и многие другие сооружения Шемахи — он сильно разрушен.

В этом четырехпролетном сооружении внимание прежде всего привлекает большая ши-

¹¹² А. А. Улескерзаде. Посадка для сбора этнографического материала. «Изв. ААФАН СССР», 1938, № 3.

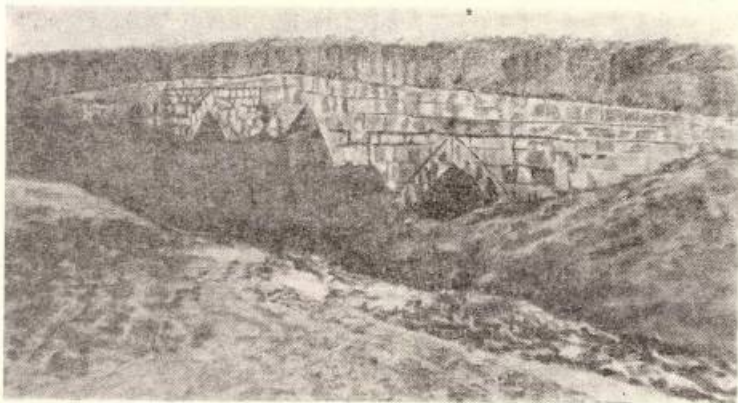

Рис. 63
Ахсу. Мост, XVI в.

рина мостовых устоев, вследствие чего мост имеет вид стены, прорезанной отдельными арочными проемами. Нет сомнения, что такое решение имело целью придать мосту максимальную устойчивость, главным образом, против сейсмических толчков, достигавших здесь катастрофической балльности. Характерной особенностью этого моста является также различная ширина его пролетов.

На мосту нет надписи, указывающей дату строительства; имеется лишь небольшая надпись с указанием, что мост ремонтировался в 1826 г. мастером Якубом, т. е. как раз в то время, когда гор. Шемаха начала восстанавливаться после вхождения Азербайджана в состав России¹¹³. Ряд особенностей сооружения дает основание отнести дату его строительства к периоду после падения государства ширваншахов, когда Ширван был включен в состав государства сефевидов. В этот период намечается влияние архитектуры южных областей Азербайджана на зодчество Ширвана. Мост также отражает эти влияния. Несмотря на сохранение традиционного для Ширвана характера кладки, ряд элементов уже приобрел черты более характерные для мостовых сооружений иранского Азербайджана — это видно, прежде всего, по форме арок, а также в при-

менении характерной формы волнорезов. В какое же время после падения ширванского государства был сооружен мост? Наиболее вероятными датами, учитывая историю города в XVI—XVII вв., следует признать середину XVI в. (40—60-е гг.) или же начало XVII в.

Мост через р. Ахсу близок шемахинскому мосту, но скромнее по размерам. Естественно, возникает соображение о возведении моста в Ахсу также в эпоху строительства шемахинского моста.

Ахсуинский мост трехпролетный, причем ширина пролетов, в отличие от шемахинского, одинакова. В силу однородности пролетов общий вид сооружения менее живописен. Но здесь легче воспринимается сам прием решения моста — чередование арочных проемов и волнорезов.

Средняя часть верхнего покрова моста устроена горизонтально и значительно выше уровня поверхности берегов реки. Обычно от обоих концов горизонтальной части полотна проезжей части моста спускается со значительным уклоном, в виде пандуса, соединяясь с берегом реки. В небольших однопролетных мостах такое решение приводит к так называемым «горбатым» мостам. Подобное решение поверхности моста связано, очевидно, с характером арочного пролета. При горизонтальном решении пришлось бы нагружать инертной массой «плечи» арки для выравнивания до горизонтали. Снизить же высоту арок средних про-

Рис. 64
Нах. АССР, сел. Газачи. Мост, 1551 г.

Рис. 65
Район г. Сальян. Мост «Кумлавар», XVII в.

¹¹³ А. В. Саваназадзе. «Искусство Азербайджана», т. V. Баку, 1956, стр. 257.

бетон невозможно вследствие значительного подъема уровня воды во время паводков. По краям проезжей поверхности устроен бордюр небольшой высоты, который, выступая с обеих боковых сторон от плоскости стены, служит как бы завершением архитектуры фасада. На обоих фасадах моста в простенках между проемами для защиты кладки от разрушительных действий потока воды, устроены специальные пояреты полувосьмигранной формы в плане, завершенные пирамидами той же формы.

На территории советского Азербайджана сохранилось довольно значительное количество мостов меньших размеров. Таких мостов много в нагорных районах, где они построены на многочисленных здесь горных реках; гораздо реже они встречаются в низменных районах.

В сел. Газаничи Нахичеванской АССР сохранился мост, переброшенный через р. Алинджачай, называемой местным населением «гоз-бел керчи» (горбатый мост). Этот мост, датируемый XVI в., до настоящего времени хорошо сохранился и успешно используется местным населением. Правда, для современных транспортных средств он малоприменим. Мост, по нашему мнению, представляет собой один из лучших образцов малых мостов Азербайджана. Мост построен из околотого бутового камня с предварительной отеской. Бордюр и арки выложены известковым камнем чистой тески. Благодаря этому они ясно выделяются на фоне негладкой поверхности стены, подчеркивают линии моста и его конструктивную основу.

Мост так называемый Кумлавар, расположенный вблизи райцентра Садлыны и относящийся к XV в., до настоящего времени хорошо сохранился. Мост имеет два небольших арочных пролета, сооружен из местного известняка и облицован хорошо тесаным камнем. Архитектурный облик моста из-за незначительности масштаба производит монументальное впечатление.

Овданы

Название «овдан» означает в переводе водохранилище. Эти обычно каменные сооружения состоят из надземной и подземной частей и предназначены для сбора и хранения питьевой воды.

На территории Азербайджана овданы в довольно значительном количестве встречаются на Апшеронском полуострове и соседних с ним местностях. Как известно, Апшерон и при-

легающие к нему территории очень бедны источниками питьевой воды; в таких условиях использование имеющихся грунтовых вод, пригодных для питья, является единственным способом разрешения вопроса водоснабжения. Структура овданов исходит из идеи создания небольших удобств в использовании подземных грунтовых вод, в частности, в предоставлении человеку непосредственного доступа к грунтовым водам; в этом отношении овданы много удобнее обычных колодцев.

Следует отметить, что все апшеронские овданы представляют собой источники для общественного пользования.

Овданы строились у магистральных дорог между населенными пунктами, а также на периферии населенных мест.

Зафиксированные на Апшеронском полуострове овданы относятся к различным историческим периодам. Имеются овданы, датируемые XV в., например, овдан в комплексе дворца ширваншахов в Баку. Сохранилось много овданов, построенных в течение XIX в.; строительство этих сооружений продолжалось вплоть до XX в.

Основным принципом структуры овданов является обеспечение непосредственного доступа с поверхности земли к подземному хранилищу воды. Соответственно этому сооружение состоит из трех частей: надземной части, лестницы и подземного хранилища воды.

Надземной частью овдана является обычно отрезок наклонного каменного свода, уходящего под землю; входной проем в овдан, чаще всего оформлялся порталом. При этом входной проем, как неизменное правило, был в стороне, противоположной направлению ветров¹¹⁴. Непосредственно за входом начинается одномаршевая лестница, которая спускается прямо к водохранилищу. В зависимости от глубины залегания грунтовых вод марш иногда делится на две или три части промежуточными площадками. У самого водохранилища иногда устраивается небольшая площадка, уровень которой поднят над водой с таким расчетом, чтобы во время половодья площадка не оказалась под водой. В ряде случаев вместо устройства площадки у водохранилища последние ступеньки делаются с широкими подступеньками. Стены лестничной клеточки каменные со сводчатым перекрытием, спускающимся параллельно лестничному маршу.

¹¹⁴ М. Д. Усейнов. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1961, стр. 92.

Соответственно функциональному устройству овданов, их архитектурная композиция имеет весьма своеобразный характер, выявляя наружу внутреннее их устройство. Надземная часть овданов открывается на фасад порталом, оформляющим входной проем. Расположенная за порталом часть, повторяя движение внутренней лестницы, наклонена к земле. В целом получается впечатление сооружения, возникающего из-под земли, что в известной мере выражает внутреннее устройство овдана.

Само водохранилище представляет собой или продолжение лестничной клетки в виде длинного помещения с горизонтальным сводчатым перекрытием или же расширенное круглое помещение с купольным перекрытием над каменным резервуаром.

В типологическом отношении различаются две разновидности овданов¹¹⁵.

1. Овданы для захвата подземной грунтовой воды. Этот тип овданов был широко распространен на Апшеронском полуострове. В некоторых случаях водохранилища этих овданов устраиваются в виде колодцев, которые выходят непосредственно на поверхность земли.

2. Овданы, рассчитанные одновременно и для сбора атмосферных осадков. Водохрани-

¹¹⁵ В. Точидлов. Об овданах Апшерона. «Изв. АН Азерб. ССР», 1951, № 1.

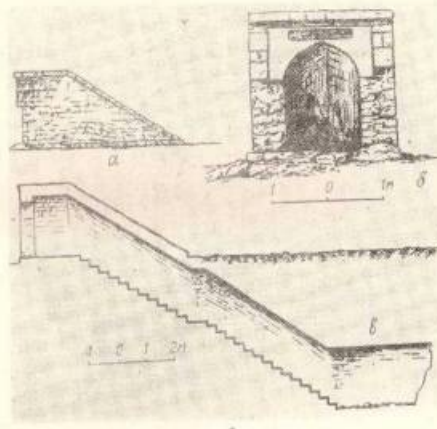

Рис. 66.

Овдан (общий вид).
а — фасад; б — произвольный разрез

лища этих типов овданов в расчете на сбор большого количества дождевой воды и снега устраиваются развитым объемом. В большинстве случаев такие водохранилища представляют собой в плане прямоугольник.

Характерным примером овалов может служить овал в сел. Балахана, построенный мастером Халигом из сел. Маштаги в начале XIX в.

В некоторых местностях Азербайджана, например, в Ордубадском районе, встречаются источники подземной грунтовой воды, которые имеют другое функциональное назначение. Это обстоятельство и способствовало планировочному и конструктивному отличию этих сооружений от овалов. Сохранившиеся в Ордубадском районе сооружения подобного типа расположены на приусадебных участках жилых домов и позволяют использовать не только источник питьевой воды, но и подземное помещение для хранения скоропортящихся продуктов в прохладном месте.

Эти сооружения предназначаются не для общественного пользования и в плане представляют собой квадратное подземное помещение с купольным перекрытием. Источник воды располагается в центральной части помещения, на стенах устраиваются глубокие ниши для хранения продуктов. С поверхности земли к помещению ведет специальная лестница.

По архитектурному оформлению весьма сходны с овальными снегохранилищами, так называемые «бузхана», буквально «ледохранилище». Бузхана имеется во многих районах республики, а также и в Баку.

До нас дошли несколько бузхана, построенные предположительно в конце XVIII в. К ним прежде всего относятся бузхана недалеко от сел. Сулут Исмаиллинского района у подножия знаменитой горы Фитдаг. Бузхана в Исмаиллинском районе — сводчатое каменное сооружение, почти полностью углубленное в землю. Бузхана очень больших размеров, построена из обожженного кирпича, сохранилась также в Джебранлинском районе.

Подводя итоги рассмотрению основных типов азербайджанской архитектуры в XVI—XVIII вв., прежде всего необходимо констатировать значительный объем строительства сооружений, предназначенных для удовлетворения общественных нужд городов и населенных пунктов — рынков, бань, караван-сараяв и др.

Это обстоятельство, с одной стороны, определило типологию самого строительства, а с другой — существенно влияло на характер архитектурного решения сооружений.

Многочисленная повторяемость одних и тех же сооружений содействовала выработке новых архитектурных средств, отличающихся от предыдущего периода простотой выполнения.

Строительство уникальных сооружений в этот период имеет место в очень ограниченном масштабе.

То обстоятельство, что центр тяжести строительства лежал, особенно в городах северного Азербайджана, не на уникальных сооружениях, а на сооружениях, связанных прежде всего с нуждами торгово-ремесленной части городов, определило рост торговой части последних, накладывая определенный отпечаток на развитие городов в целом. Именно эти особенности архитектурного развития являются главным в этом периоде, объясняющими характер архитектуры. Наиболее поучительный вывод из изучения архитектуры этого периода — это умение авторов, оперируя простыми средствами, создавать целесообразные и достаточно выразительные архитектурные произведения.

О жилище в этот период мы имеем лишь фрагментарные данные, не позволяющие набросать сколько-нибудь ясную картину его развития. Сильное развитие торгово-ремесленной части городов, безусловно, должно было сопровождаться довольно значительным строительством жилых домов. Имеющиеся у нас свидетельства путешественников XVII в. позволяют утверждать, что эти дома в целом были идентичны с теми, которые строились и позже — в XVIII в. По крайней мере это можно утверждать в отношении жилищ городов Гянджи и Тебриза, где путешественники отмечают наличие купольных домов, соответствующих известным нам жилым домам Гянджи.

Таким образом, к концу рассматриваемого в данной главе периода (XVII в.), архитектура Азербайджана в целом шла по пути успешного для своего времени разрешения задач градостроительства, возведения многочисленных жилых и иных сооружений. Мастера эпохи успешно справлялись с возникшими перед ними задачами.

К исходу XVII в. зодчество Азербайджана несло в себе все качества достаточно высокого развития.

Глава вторая ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

По данным исторических хроник и путешественников, мы имеем некоторое представление о крупнейших городах Азербайджана в рассматриваемый период — Тебризе, Ардебиле, Гяндже, Шемахе, Баку и Нахичевани. Эти сведения говорят о довольно оживленной торговой жизни перечисленных городов; в ряде случаев источники дают общее их описание, позволяющее сделать определенные выводы о характере планировки городов, о крупных архитектурных комплексах.

Большое значение в изучении градостроительства XVI—XVII вв. имеет ряд планов Баку, Гянджи и Шемахи, Нахичевани и Нухи, составленных в XVIII в. и в начале XIX в. русскими военными инженерами и ныне хранящихся в Центральном государственном военно-историческом архиве. Хотя эти планы фиксируют планировку этих городов к исходу XVIII в., однако они имеют значение, выходящее за пределы своего времени.

Известно, что в XVIII в. ввиду ряда причин экономического и политического характера города страны не только не расширялись, а наоборот подвергались значительному разрушению. Естественно, что в течение XVIII в. коренных изменений в планировочной структуре азербайджанских городов не происходило. Следовательно, планировка азербайджанских городов в XVIII в. в своих основных чертах мало чем отличалась от планировки тех же городов в XVII в. Поэтому дошедшие до нас планы, датируемые XVIII в. в значительной части могут быть признаны имеющими документальную силу и для XVII в., а в некоторых случаях даже и для XVI в. XVIII в. в целом был периодом упадка строительства в Азербайджане, ибо феодальный раздроблен-

ность и частые военные столкновения не способствовали развитию строительства в городах.

Такое положение накладывает определенный отпечаток на все развитие архитектуры. Проводившееся местными ханами строительство хотя и было связано с оборонительными и дворцовыми сооружениями, но монументальностью не отличалось. Однако положительной стороной его являлась связь с традициями местного строительства, умелое использование местных строительных материалов. Необходимая предательность дворцовых сооружений достигалась довольно широким применением декоративно-прикладных искусств для их оформления — стенная роспись, шевбе и др.

Строительная техника этого периода в сущности представляет повторение ранее сложившихся приемов, методов строительства и строительных материалов. Однако качество строительства значительно снизилось по сравнению с XVII в.

Проявление локальных особенностей в архитектуре в целом было положительным явлением, отражающим усилившееся влияние народного зодчества на всю архитектурную деятельность. Плодотворность этого влияния особенно ясно проявилась в архитектуре жилых домов, что принесло свои значительные плоды в последующем XIX в., в развитии новых прогрессивных типов жилья.

Эти источники позволяют в целом охарактеризовать состояние градостроительства в Азербайджане в наиболее характерное из рассматриваемых нами столетий — в XVII в.

Факторами, влияющими на структуру городов этого времени, на характер их застройки, являлись феодальный уклад общества,

но прерывные военные действия, ремесленно-торговой профиль их экономики при сохранении связи с сельским хозяйством части городского населения. Если эти факторы определяли общие черты городов, то природные условия и сочетания с конкретными историческими факторами, порождали те или иные отличия отдельных городов, сообщая им индивидуальные черты.

С феодальным характером общества было связано наличие почти во всех городах цитадели, где располагались сооружения, непосредственно связанные с обслуживанием правителя: дворцовый комплекс и укрепления, — главные компоненты этой части городов. В Азербайджане в XVI—XVIII вв. они известны под названием «Ичери Гала» («внутренняя крепость»), иногда «Бала Гала» («малая крепость»), или «верхняя крепость»), или же «Арк», как называлась цитадель Тебриза.

Второй, главной частью городов является располагаемая вокруг крепости застройка, т. е. то, что в Средней Азии называется «Шахристан» — собственно город. Эти части в большинстве городов обносились крепостными стенами, сильно теснившими городскую территорию. Однако почти во всех городах застройка выходила и за крепостные стены, образуя форштадты. В условиях Азербайджана здесь сельские частично население, связанное с сельским хозяйством, извозным делом — порожники — и торговлей. Назывались форштадты обычно «Байыр-шехер». Говоря о форштадте Шемахи, Овлия Челеби обозначает его тор-
тинном «варош» — واروش¹¹⁵.

Основная часть территории городов занимаемая жилыми кварталами, как внутри крепости, так и вне ее, делилась на так называемые «мехелле». Если крепость, цитадель и другие общего назначения элементы городов и какой-то мере возникали в результате единоразовых градостроительных мероприятий, то жилые районы складывались зачастую вследствие медленно протекавшего стихийного процесса.

Деление средневековых городов на мехелле диктовалось в первую очередь социально-экономическими причинами. Жителями мехелле были люди, объединенные по социальному, ремесленному принципу, а иногда по принципу землячества — в последнем случае, главным образом, при расселении в старых городах пе-

ресселенцев из других городов и районов страны. Оформительно мехелле в законченные градостроительные единицы способствовали сооружения в них, кроме жилища, обслуживающих население данной мехелле зданий — в первую очередь бань, мечетей, водоснабжающих устройств и др. Такая структура города, надо полагать, в какой-то степени диктовалась также тем обстоятельством, что феодальные города совершенно не обладали городским транспортом. При таком положении близость общественных учреждений приобретала немаловажное значение. Парадоксально, что в наш век развития интенсивного городского транспорта, застройка городов переводится на микрорайоны, чем-то напоминающие мехелле, на этот раз в какой-то мере и для спасения жителей городов от непомерного транспортного потока.

Одной из особенностей градостроительной культуры Востока, в частности Азербайджана, рассматриваемого периода, являлось то обстоятельство, что в городах центральное место занимает забота о благоустройстве своего уголка, своего двора. Ввиду того, что строительство в городах было, в основном, делом отдельных феодалов и частных лиц, а не городских общин, то забота о благоустройстве улиц и площадей города занимала второстепенное место. Главный компонент всякого города — его жилая застройка была обращена на улицу своими неприязнательными глухими фасадами. Лишь в градостроительных мероприятиях, предпринимавшихся центральной властью, мы видим стремление придать представительность возводимым комплексам и соответственно благоустроить территорию их. Таковыми являлись некоторые комплексы Ардебилля, Тебриза и центральная площадь Гянджи.

Очевидно, этой особенностью градостроительства Азербайджана объясняется часто противоречивая оценка, даваемая архитектуре ряда городов того времени различными авторами. Авторы, знакомые с городами бегло, так сказать, внешне, не имеющие доступа к внутренним дворам, дают скудную оценку, в противовес восторженным отзывам других, имевших возможность более близко ознакомиться с описываемым городом. Например, Искендер Муниш называет Тебриз — «городом, подобным району»¹¹⁶. По его словам, один из великих мого-

¹¹⁵ Искендер Муниш. Тарих-и Алам Арай-и Аббаси, стр. 225, 231. (Цит. по кн. А. А. Рахманин. Тарих-и Алам Арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, стр. 15).

лов Хумаюн, проводивший много времени при дворе Тахмасиба I, не пожелал вернуться в свою страну, не увидев Тебриза — города, пользовавшегося громкой славой¹¹⁶.

Однако отсутствие заботы об общегородских устройствах не затрагивало два элемента городского хозяйства — озеленение и водоснабжение. Здесь общегородские устройства были на должном уровне. Они частично проводились на средства правителей, частично за счет доходов крупных вакфов, а частично средствами отдельных пожертвователей на устройство водоснабжающих сооружений.

Зеленые насаждения имели вид не только многочисленных дворовых садов, но и общих зеленых массивов, имевших характер парков. Источники указывают на наличие таких садов, главным образом в Тебризе и Шемахе, но они имелись и в Гяндже, Ардебиле, Нахичевани. Но кроме этих «парков» общегородского пользования, встречаются озеленения центральных улиц и площадей, задачей которых являлось в первую очередь создание тени. Путешественники и источники с восхищением повествуют о таких озелененных аллеях в Ардебиле и Кирывабаде. Из этих целей применялись, главным образом, чинары. При этом отмечается прием посадки деревьев кучно по четыре; в Ардебиле, очевидно, такой прием обеспечивал наибольшее затенение пространства.

Водоснабжение городов находилось на довольно высоком уровне. Оно проходило по двум линиям. В городах, где садоводство было развито, было большинство, для обеспечения поливной водой устраивалась система небольших отводов от рек каналов — арыков. Таковыми отводами охватывалось подавляющее большинство домов. Питевой же водой города снабждались, как правило, системой кяргизных водопроводов — подземных каналов, подводящих воду к городам, зачастую из довольно далеких горных источников. Кяргизы обеспечивали города здоровой, чистой и прохладной водой. Они имелись в Тебризе, Ардебиле, Гяндже, Шемахе и др. На основе дошедших до нас материалов подробно охарактеризован кяргизная система Баку¹¹⁷. Но кроме этих основных источников водоснабжения городов, до-

¹¹⁶ Искендер, Муниш. Тарих-и Алам-и Аббаси, стр. 171. (Цит. по кн. А. А. Рахманин. Тарих-и Алам Арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, стр. 17).

¹¹⁷ А. А. Аляязде. Некоторые сведения о новобуржуазной кяргизной системе г. Баку. «ДАН Азерб. ССР», т. X, № 5, 1964, стр. 373—378. См. также А. Саламзаде. О бакинском водопроводе феодального периода. «ДАН Азерб. ССР», т. XII, № 3, 1956, стр. 225—231.

вольно широко были распространены колодцы и водохранилища типа «овдан» или «ердан».

Пользование в городах водой из открытых каналов и колодцев происходило только в периоды нарушения нормальной работы кяргизов, что происходило, в основном, во время войны и осады городов.

После беспрерывных военных действий XVI в., в XVII в. в условиях экономических связей между городами Азербайджана и развития торговли с другими странами, происходит довольно значительный рост городов¹²⁰. Города Азербайджана были не только центрами торговли, но и центрами ремесленной промышленности. Таким образом, развитие градостроительства в XVII в. было обусловлено наличием соответствующих экономических условий. Более или менее значительные градостроительные мероприятия были связаны с сооружением крупных культовых или же торгово-складных комплексов — караван-сараяв, рынков и др. В отдельных случаях центральные культовые и торгово-рыночные сооружения составляют единый комплекс. Такой характер площадей был довольно широко распространен во многих странах¹²¹. Эти комплексы организуют центральные площади или основные магистрали, в то время как остальные улицы городов представляют малоорганизованную сетку улочек.

В сущности, организация центральных площадей у крупнейшего культового сооружения было типичным для средневековых городов, а включение туда торговых сооружений — явление более позднее¹²².

Взаимосвязь торгово-рыночных комплексов с культовыми сооружениями, в первую очередь с главными пятничными мечетями, была обусловлена двумя различными причинами. В одних случаях такие центральные ансамбли городов возникали вокруг первоначально построенной Джума-мечети, причем торговые и иные сооружения, входившие в комплекс, составляли вакфиное имущество мечети — доходы от этих зданий шли на ее ремонт и содержание. В ряде случаев, наоборот, главные мечети строились на уже сложившихся торгово-рыночных площадях городов, как в центрах наибольшего скопления городского населения.

¹²⁰ Н. П. Петрушевский. Азербайджан в XVI—XVII вв., «Сб. статей по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949, стр. 286 и далее.

¹²¹ В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1930, стр. 163.

¹²² А. В. Букин, Л. А. Ильян, Н. Х. Поляков, В. А. Шкваркин. Градостроительство. М., 1945, стр. 95; А. В. Букин, История градостроительного искусства, т. I, М., 1953, стр. 238.

¹¹⁶ اوليا چايبي سياختنامهسى
том 2, Стамбул, 1896, стр. 296.

Сообщение Рашид-ад-дина о характере таких торговых комплексов, относящееся, правда, к более раннему периоду (XIV в.) представляется значимым и для интересующего нас XVII в. «Еще он приказал, чтобы у каждого ворот Тебриза внутри города, рядом с воротами, были построены караван-сарай, базар и бани (помещения) для карханэ и загон для (выючных) животных, и (повелел), чтобы каждый род купцов, прибывающих с разных сторон, выезжал (в город) через те ворота, которые для этой стороны предназначены и останавливались бы в тех караван-сараях, а тамговицк принимал бы их товары, (затем), сходя в баню, шли бы они в город и там располагались, пока тамговицк не осмотрит тюки и (их) оттуда не отправят»¹²³.

Ряд сообщений источников и путешественников, относящихся к XVII в., дают нам основание считать, что порядок расположения торгово-рыночных комплексов в XIV в., приводимый Рашид-ад-дином, был характерен и для XVII в.

К примеру остановимся на отведении караван-сарая для купцов определенной страны. Мы видим, что все источники XVII в. единогласно отмечают, что в городах каждый караван-сарай отводился для купцов определенной страны и т. д.

Сведения и фактические данные, имеющиеся по таким городам, как Тебриз, Баку, Шемаха и Гянджа, позволяют прийти к заключению, что именно торгово-рыночные комплексы составляют центры этих городов в XVII в. и вносят организующее градостроительное начало в их малоорганизованную в целом планировочную структуру.

В XVII в. преобладание строительства в городах торговых сооружений было связано с развитием в них вывозной и посреднической торговли¹²⁴.

Значительное влияние на характер планировки городов Азербайджана в XVII в. продолжают оказывать нужды обороны. Объединенные крепостными стенами городские территории были затеснены и этим определялась максимальная застройка внутрикрепостной территории, что не могло не оказывать определяющее влияние на планировку городов. Однако наряду с этим значительное строительство велось вне крепостных стен; характер этой застройки был различен в каждом городе, но

в целом она отличалась полной свободой в размещении. В застройку форштадтов городов включаются зеленые насаждения — сады и огороды.

Сказанное можно резюмировать следующим образом. Планировочная структура азербайджанских городов в XVII в. имеет общие особенности, несмотря на весьма большое различие в планировке отдельных городов. В этот период большинство крупных городов были окружены крепостными стенами. Внутри крепости выделяются резиденция местного владельца, торгово-рыночный комплекс с главной мечетью, образующие в этот период центры, и жилая застройка. Жилая застройка перебарывается часто и за крепостные стены, образуя форштадты.

Несмотря на всю беспорядочность уличной сети, все же удается проследить ее связь, так же как и линии крепостных стен с природными условиями местности, где располагался данный город. Направление линии берега моря, реки или сильный рельеф определяли главные, наиболее древние улицы, к которым затем примыкали остальные улицы по мере их возникновения. В рассматриваемом периоде сложившаяся ранее структура городов изменилась в том отношении, что были созданы центральные торгово-рыночные комплексы, которые вели к перепланировке некоторых городов. Районы жилой застройки, по всем данным, существенных изменений не претерпевают, хотя сами жилые дома, видимо, значительно развиваются, приспособляются к условиям городской застройки.

После значительного градостроительства, имевшего место в XVII в., намечается общий упадок в области архитектуры и строительства в XVIII в. «Почти сорокалетия (1709—1749) война, феодальные междоусобия, турки и иранские вторжения, крестьянские восстания — привели к огромному разрушению производительных сил во всем Восточном Закавказье. Во второй половине XVIII в. внешняя и внутренняя торговля сократилась до очень небольших размеров, города опустели. В конце XVIII в. ни один из городов северного Азербайджана не насчитывал свыше 6 тысяч жителей»¹²⁵.

История Азербайджана XVIII в. — это история почти непрерывных нашествий или внутренних столкновений. Все крупные города

Азербайджана подвергались разрушению. Шемаха была сожжена и уничтожена Надир-шахом. Новому городу — Шуше пришлось выдержать к исходу XVIII в. нашествие полчищ Ага Мохаммед-шаха, Гянджа пострадала в результате междоусобных столкновений.

В это время, когда разрушалось созданное в течение веков, естественно, не было места для сколько-нибудь значительных градостроительных мероприятий. Строительная деятельность в XVIII в. была направлена, в основном, на создание укреплений вокруг резиденций ханов. Интересы городов и городского населения приносились в жертву оборонительным задачам. Возникновение, например, Шуши, не имело ничего общего с экономическим развитием Карабахского ханства, город возник как удобная для обороны крепость. В дальнейшем в городе не было даже удобного места для нового строительства. «Что было выгодно для Панах-хана, преемников его и независимости столицы Карабаха, то служило во вред удобному городу... не имеющему места развиваться»¹²⁶.

Говоря о градостроительстве и о характере городов Азербайджана в XVIII в. следует однако отметить, что разделение страны на самостоятельные ханства было связано с преобразованием ряда городов и населенных пунктов и центрами административного управления и ремесленного производства, для удовлетворения местных нужд. В тех случаях, когда центрами ханства становились прежние крупные города — Шемаха, Гянджа, Баку, и т. д. — этот фактор не имел существенного значения. Если же центрами ханств становились малозначительные прежде населенные пункты, это вело за собой их расширение, главным образом, за счет поселившихся в них ремесленников и ханской челяди. Таковы были города Нуха и Шуша.

Тебриз

Наиболее крупным городом Азербайджана и одним из крупнейших в Передней Азии в тот период, несмотря на ряд перенесенных опустошительных нашествий, был Тебриз.

Цифры, приводимые различными источниками и путешественниками, характеризуют Тебриз XVIII в. как огромный город с населением в несколько сот тысяч, с многочисленными общественными, культовыми, торговыми сооружениями, утопающий в зелени садов. Об-

щее количество жителей города в различных источниках исчислялось различно, но во всяком случае достигало 300 000 человек¹²⁷. Историческая традиция единодушна в отношении основания города ко армянину Халифа Гарун-ар-Рашида в честь его жены Зубейды (VIII в.). Название города выводится от персидских слов «Таб-риз»¹²⁸ «освобождающий от лихорадки», что связывается с прекрасным целительным климатом города.

Город, однако, приобрел большое значение много позже, в период, когда он стал столицей государства Хулагуидов-Ильханидов. Особенного расцвета Тебриз достиг в период правления Хулагуида Газан-хана, когда были построены знаменитые районы Тебриза Газаний, или Шэнб-Газан и Руби-Рашида.

Сведения о крупных градостроительных мероприятиях этого времени приведены в ряде источников. Наиболее подробные данные содержатся в трудах визиря Газан-хана «Джаме-ат-таварих»¹²⁹.

Проведенные в Тебризе при Газан-хане работы по расширению города кратко, но хорошо сформулированы акад. В. В. Бартольд: «Тебриз при Газане был расширен до пределов, соответствующих столице обширного государства. Прежде стены города имели 6000 шагов в окружности; Газан велел окружить город вместе с окрестными селениями новой стеной, окружность которой равнялась 25 600 шагов по другому определению 4 1/4 фарсахам, т. е. немного менее 30 верст; вследствие его смерти эта постройка не была закончена. Подобно своему отцу, он любил селение *شبه*, которое при нем получило название *غازانیه* чаще оно называется *شبه غازان خان*, здесь Газан построил для себя мавзоль, который превзошел гробницу Султана Саиджара в Мерве, прежде считавшуюся у мусульман самой высокой постройкой... Его визирь, историк Рашид-ад-дин возвел постройку в одном из кварталов, который от него получил название *شبه رشیدی* или *رشیدییه* в восточной части города»¹³⁰.

Из письма Рашид-ад-дин своему сыну Хадже Са'д-ад-дину видно, что в Руби-Рашида были построены 24 караван-сарая, 1500 лавок,

¹²³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, стр. 228.

¹²⁴ И. П. Петрушевский, Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 296.

¹²⁵ И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI начале XIX в. Л., 1949, стр. 336.

¹²⁶ Газ. «Кавказ», 1857, № 56.

¹²⁷ И. П. Петрушевский, Ук. соч., стр. 292.

¹²⁸ О. Челеби, Ук. соч., стр. 246.

¹²⁹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, М.—Л., 1946, стр. 180, 190, 228 и др.

¹³⁰ В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 146—147.

30 000 домов, а также карханэ, изготавлившие шелковые ткани и бумагу, красильни, монетный двор и т. д.¹³¹.

В. В. Бартольд указывает также, что «Хамдаллах Казвини в 1339 г. утверждает, что столько высоких и красивых построек, как в Тебризе, не было во всем остальном Иране»¹³².

Город так сильно вырос, что некий путник мог бы обойти его только за четыре дня, утверждает Овлия Челеби¹³³. С того времени Тебриз — крупнейший город Азербайджана и один из важнейших центров азербайджанской культуры. В Тебризе возникла школа азербайджанской миниатюры, ставшая знаменитой на Ближнем и Среднем Востоке. Тебриз стал также архитектурным центром и центром развития прикладных искусств. Зодчие, художники, каллиграфы и другие мастера, выходящие из Тебриза приглашались во многие центры соседних стран для руководства ответственными сооружениями. Они работали в районах, простиравшихся от глубин Средней Азии на Востоке до Стамбула на Западе¹³⁴.

Значение Тебриза в течение XVI в. было велико не только в развитии архитектуры и искусства Азербайджана, город через многочисленных своих воспитанников оказывал влияние на развитие искусства в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

В XV в., в период, предшествовавший рассматриваемому нами, Тебриз был центром довольно интенсивного строительства, проводившегося Джахан-шахом Кара-коюнду и Узуни Гасаном Ак-коюнду. Годубая мечеть, построенная Джахан-шахом, затмила все прежние постройки Тебриза и обогатила город величайшим произведением мирового зодчества.

Посетивший город в 1506 г. итальянец с восхищением описывает дворец, построенный Гасан падишахом Ак-коюнду в 80-х годах XV в. «Я не могу обойти молчанием великолепный дворец, воздвигнутый великим султаном Ассамбеом (имеется в виду Узуни Гасан. — А. С.). Несмотря на то, что в городе существует большое количество больших и красивых сооружений, воздвигнутых его предшественниками, этот неподражаемый дворец всех их превосходит еще издали. Величие Ассамбе было

постолько значительно, что не имело равного во всей Персии. Дворец построен посреди большого и прекрасного сада, вблизи города. Дворец по-персидски назван «Хаштбехишт», т. е. «восемь раев»¹³⁵.

Казалось, что начало XVI в. предвещало Тебризу еще более блестящее будущее. Город стал столицей крупного централизованного Сефевидского государства, шахи которого к тому же покровительствовали искусствам. Однако вспыхнувшие турецко-персидские войны еще в первое двадцатилетие XVI в. привели к захвату города турками, значительным разрушениям, утону многих мастеров искусства. В течение XVI и в начале XVII в. Тебриз неоднократно захватывался турецкими войсками. Наиболее разрушительным было взятие города войсками Султана Мурада IV, который по словам О. Челеби, опустошил город¹³⁶.

Такая уязвимость Тебриза привела еще в середине XVI в. к перенесению столицы в Казвин, а в дальнейшем, при шахе Аббасе — в Исфагань. В силу этого Тебриз после второй половины XVI в. потерял многое от блеска и богатства, присущего столицам, но еще долго сохранял свое значение центра архитектуры и искусства и крупного торгового города. Несмотря на неоднократные разрушения, город каждый раз вновь восстанавливается и в течение всего рассматриваемого нами периода продолжает оставаться одним из крупнейших городов Передней Азии, с значительным фондом крупных общественных сооружений.

Учитывая большое значение Тебриза, особенно в системе обороны против турецких нашествий, сефевиды, видимо, предоставляли городу всякие льготы, стимулируя его восстановление. Искендер Муниш сообщает, что шах Мохаммед Ходабанде освободил тебризцев от податей, и это дало возможность жителям восстановить многое и украсить свои дома наилучшим образом¹³⁷.

Османско-сефевидские войны, начавшиеся с Чалдыранской битвы, вспыхивали каждые 5—10 лет. Войны происходили в 1533, 1538, 1548, 1555 гг. После передышки они возобновились в 1578 г., велась почти в течение десятилетия

и вновь вспыхнули с особой силой в начале XVII в., когда шах Аббас взлез на возвращение зинных турками земель, и продолжался с перерывами до 1639 г. Почти во всех этих войнах Тебриз пострадал. Поэтому, когда И. Муниш посетил Тебриз в начале XVII в., он был поражен огромными разрушениями в городе. «В 1585 и 1586 гг. были разрушены все прекрасные сооружения, покрытые бирюзовыми глазурами. Прекрасные резные окна и двери были использованы как дрова. Превратились в развалины, украшенные глазурами лавки, дома и бани»¹³⁸, печалится он.

Но за каждым восстановленным зданием следовало новое разрушение и вновь приходилось браться за приведение в порядок города.

Видимо, за период затишья в конце XVI в. город был отреставрирован, он производил благоприятное впечатление. Путешественники из Чехии так описывают свои впечатления: «Гавриз очень большой город с прекрасными домами, садами, храмами и банями, разукрашенными в турецком вкусе. Имея в окружности 5 немецких миль¹³⁹, он совершенно не укреплен и открыт для нападения, не имеет стены и выстроен весь, как уже было сказано выше, из камня¹⁴⁰ и немного разрушен. Посреди города находится большой старинный замок, окруженный двойной стеной и рвами»¹⁴¹.

Однако и сефевидские войска, в свою очередь, наносили городу немало разрушений. То, что было сделано в городе за годы затишья, было разрушено по указанию шаха Аббаса, вошедшего в Тебриз в 1603 г. «...Когда этот замечательный город находился во владении румийцев, они построили здесь прекрасные дома», — сообщает И. Муниш и далее продолжает, — «...вдохновенное сердце (шаха) сочло необходимым разрушить эти дома и стереть с лица земли постройки, годами приносящие выгоды румийцам и вообще уничтожить памятники румийцев»¹⁴². Это неоправданное разрушение «великолепных строений» города вызвало возмущение тебризцев¹⁴³.

Естественно, что в первую очередь восста-

навливались жилые дома, и лишь в периоды более продолжительного затишья сооружения общественного назначения. При таком положении вещей и при наличии в городе большого фонда крупных культовых и общественных сооружений прежних времен, таковые и рассматриваемое нами время, конечно, в большом количестве не создавались, хотя источники все же упоминают об отдельных значительных зданиях, возведенных в этот период. Немало усилий затрачивалось на строительство, восстановление и разрушение оборонительных сооружений. Османцы строили в Тебризе крепость вокруг сада «Хану бехиш» в 1584 г., которая была выстроена войсками в течение 20 дней, сообщает источник¹⁴⁴. В 1609 г., видимо, шах Аббас стал восстанавливать крепость Шэвби-Газани. Внутри крепости был воздвигнут ряд жилых домов и построена баня. Туда был вселен правитель Тебриза. Шах Аббас приказал разрушить старую крепость¹⁴⁵. Тот же источник сообщает о разрушении шахом Аббасом в 1611 г. построенной турками крепости в Рашидье, освободившее место шах распределил между военачальниками и приближенными, а затем возвел какую-то новую крепость¹⁴⁶.

После всех этих разрушений и переустройств к середине XVII в. Тебриз все еще был крупным благоустроенным городом. Картину города этого периода всесторонне и со знанием дела изложила турецкой путешественник О. Челеби.

Окончательная потеря Тебризом облик столичного города приходится на последние десятилетия XVIII в., после чего уже все посещавшие город говорят о его былом великолепии. Вот что писал Вильгельм фон Фрейганг, бывший в Тебризе в 1812 г. «Тебриз большой город, но при первом взгляде едва можно поверить, что он с точки зрения ранга, величия, богатства, мануфактур, торговли и по населению, которое достигает 100 000, является вторым городом Персии. Если в Тебризе не было бы великолепного базара и некоторого количества культовых сооружений, то эту широко расположенную массу небольших домов можно было бы принять за гигантскую деревню»¹⁴⁷.

¹³¹ А. А. Ализаде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 190.

¹³² В. В. Бартольд. Ук. соч., стр. 147.

¹³³ О. Челеби. Ук. соч., стр. 247.

¹³⁴ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана (на азерб. яз.). «Искусство Азербайджана», вып. V. Баку, 1956.

¹³⁵ A Narrative of Italian Travels in Persia in the XVI th and XVI th centuries trans. by V. Hakluyt Society. London, 1873, p. 173—175; приводятся по I. Stichoukine. Les peintures des Manuscrits Timurides. Paris, 1954, стр. 10.

¹³⁶ О. Челеби. Ук. соч., стр. 253.

¹³⁷ اسکندر منشی - تاریخ عالم آرای عباسی. Litogr. издание. Тегеран, 1314, г. х., стр. 225.

¹³⁸ Litogr. издание. Тегеран, 1314, г. х., стр. 231.

¹³⁹ Переводником допущена ошибка — в немецком тексте 3 миль. (См. Георгий Токтайдер. Краткое описание путешествия из Праги... немецкой текст 1608 г. Прага, 1908).

¹⁴⁰ В немецком тексте: «из глины и камня». — (А. С.).

¹⁴¹ Кокаш и Токтайдер. Путешествие через Московию 1602—1603 гг. Пер. с немецкого Алексея Станевича. М., 1896, стр. 33.

¹⁴² А. А. Рахмани, Ук. соч., стр. 97; И. Муниш. Ук. соч., стр. 151.

¹⁴³ Там же, стр. 98.

¹⁴⁴ Нухб-эт-таварих. Стамбул, 1276 г. х., стр. 159.

¹⁴⁵ И. Муниш. Ук. соч., стр. 548—585.

¹⁴⁶ Там же, стр. 560.

¹⁴⁷ Wilhelm von Freygang. Briefe über den Kaukasus und Georgien nebst angehängtem Reisebericht über Persien vom Jahre 1812. Hamburg, 1917, стр. 264.

Таким образом, в течение рассматриваемого периода (XVI—XVIII вв.) изменения в облике Тебриза являлись не результатом медленного процесса развития или продуманных градостроительных мероприятий, а следствием военных действий. Относительная стабилизация облика города, видимо, имела место к середине XVII в., после окончания турецко-персидских войн и после последнего, и, возможно, самого большого опустошения, произведенного войсками турецкого султана Мурада IV в 1636 г. Тавернье, французский ювелир и купец, писал об этом: «...Город был опустошен в 1638 г. турецким султаном Мурадом... но очень мало осталось, что не было бы вновь отстроено. Здесь имеется очень много хорошо построенных зданий с магазинами внутри, и много хороших двухэтажных караван-сараяв. Наилучшим однако является караван-сарай недавно возведенный Мирзой Савз...»¹⁴⁸.

Отмечается многочисленность ремесленников, занятых на самых различных производствах, что свидетельствует о возобновлении довольно интенсивного производства в городе. В подробном описании Тавернье города и старых примечательных его сооружений для нас интересно, с точки зрения характера градостроительной структуры города, — его указание о сосредоточении ряда крупных зданий вокруг базарной площади. «В Тебризе много красивых зданий вокруг базарной площади и близости от нее; среди них четыре или пять мечетей неопытной величины и высоты. Великолепнейшая и красивейшая среди них та, которая расположена со стороны дороги на Исфагань. Персы туда не идут, считая эту мечеть нечистой, как построенную суннитам, последователями Омара»¹⁴⁹. Здесь речь, наверное, идет о действительно великолепной тебризской Голубой мечети. В замечании Тавернье, что персы туда не идут, считая ее «нечистой», в сущности содержится указание еще на одну причину постепенного разрушения ряда крупных, в основном, культовых сооружений города — их запустение и заброшенность, которые были вызваны религиозным фанатизмом шиитского духовенства, запрещавшего, видимо, пользование построенными суннитами мечетями.

Итак, хотя в результате разрушений и прерываний, продолжавшихся в течение целого столетия, город сильно пострадал (уменьшилось население, был нанесен непоправимый

урон уникальным сооружениям), все же в середине XVII столетия он представляет собой большой город, с огромным количеством крупных сооружений, оживленной торговлей, широким ремесленным производством и интенсивной культурной жизнью.

Тебриз интересующего нас времени, XVI—XVIII вв., таким образом, пережил три периода в своем развитии: во-первых, время с начала XVI в. до середины того же века, когда, являясь столицей Сефевидского государства, Тебриз — крупнейший город Передней Азии, и несмотря на военные действия не только сохранивший свой выдающийся архитектурный облик, но и обогащавший его. Второй период охватывает время с середины XVI по конец XVII в., когда, несмотря на частые разрушения вследствие военных действий, он во многом сохраняет облик крупного города первого разряда. Третий период — это время упадка города, связанного с общим упадком экономической жизни в странах Передней Азии, ослабление Сефевидского государства с дальнейшими феодальными междоусобицами в Иране и, наконец, как следствие всего этого, упадок градостроительной культуры на Востоке, в то время когда в странах Западной Европы градостроительство вступило в полосу расцвета.

Теперь перейдем к характеристике Тебриза в середине XVII в., т. е. в период относительной стабилизации структуры и облика города. Значительный материал для этого представляет, как мы говорили выше, Овлия Челеби. Ниже нами сделана попытка обрисовать состояние города ко времени приезда О. Челеби в Тебриз. Общая городская территория делилась на «мехелле». Но деление города на кварталы — мехелле, судя по сообщению О. Челеби, носило несколько иной характер, чем в других городах Азербайджана. «Здесь мехелле — квартал называют дарваза. В городе до тысячи шестьдесят дарваза»¹⁵⁰. На отличие указывает не только само название кварталов (дарваза — ворота), но и непомерное количество их. Надо полагать, что в Тебризе «воротами» обозначались отдельные участки внутригородских районов. Правда, приводимые названия этих «ворот» носят довольно общий характер, например, среди них — Демешгийе (дамасские), Поли-баг, Мейхэвэран, Чахар-Минар, Шутрабан, Сорах, Хиябан, Сэрдаб и т. д.

В определяющемся делении города на районы некоторую роль, наряду со сложившейся

застройкой, играли, конечно, и естественные условия. Тавернье указывает, что через город течет небольшая речка, имеющая хорошую воду и называется Шейкая. Через эту речку переброшены три однопролетных моста, связывающие одну сторону города с другой»¹⁵¹. Упомянутая, например, наверху района Поли-баг («Садовый мост») получила свое название, очевидно, от одного из мостов.

Являясь городом, бывшим резиденцией многих государств, Тебриз еще в XVII в. имел много дворцовых сооружений и особняков, из числа которых наш любознательный автор называет как наиболее знаменитые дворцы Алахверди-хана в квартале Эмиргыз, Рустэм-хана и Бэнд-хана в квартале Рей, дворец для данов(?) вблизи мечети Узуи Гасана¹⁵² и др.

Многие тебризские дворцовые сооружения располагались посреди садов. Часто они намеренно возводились в приобитных популярности садах. Сады в системе города занимали вообще очень большое место; это мы увидим и ниже по данным другого источника — Катоба Челеби.

В сложении величественного облика центральных районов города культовые сооружения играли первостепенную роль. Это единогласно отмечают все источники. По данным Овлии Челеби, в Тебризе было 320 культовых сооружений, как он выражается, михрабов, имея в виду здания, имеющие михрабы, которыми обычно являются мечети, мусалла, медресе, текйе и другие культовые сооружения. Из числа этих 320 культовых зданий он 19 называет крупными соборными мечетями, построенными различными царствующими особами в прошлом. Древнейшей он считает мечеть Зубейде-хатун, стены и купол которой имели майоликовую облицовку. В числе старейших названа мечеть «Дэмшигийе» — дамасская. Шахской мечетью, очевидно, является знаменитая Голубая мечеть; название «Шахская» происходит, вероятно, от имени ее строителя Джахан-шаха. Отмечая величественность ее арки, сравнимой с Таги-Кесра (Ктесифон), богатство архитектурного декора, наш автор заключает: «входивший внутрь не хочет покинуть здание»¹⁵³. Мечеть, построенная Газан-багом, в прошлом находившаяся посредине благоустроенного сада, к XVII в. оказалась затесненной окружающей застройкой.

Далее он отмечает мечеть Узуи-Гасана, особо хвалит ее резные майоликовые украше-

ния, обрамления (ژبهلی), сталактиты (مقرنس) растительные орнаменты (اسلمی), надписи и тилпаны («تورجه»).

Напротив мечети Узуи Гасана размещалась мечеть шаха Аббаса, «очень искусно выполненная», как лаконично сообщает О. Челеби. Недалеко от мечети Узуи Гасан располагалась мечеть Шах Максуда и Большая мечеть (Млуджаме). Челеби утверждает, что в Тебризе было сорок семь больших медресе, где ко времени его приезда велось обучение. Такое большое количество медресе может быть следует объяснить тем, что О. Челеби включил в это число все мечети, где велось обучение богословно, а не только специально сооруженные медресе. Крупнейшим из медресе он считает построенный Джахан-шахом. Отдельно выделены у него около двадцати «домов чтения» корана.

Некоторые цифры О. Челеби слишком велики. Например, он утверждает, что в Тебризе было шестьсот школ для обучения детей и называет некоторые из них. Возможно, что его цифра и соответствует истине, поскольку речь идет не об отдельных, так сказать, «школьных зданиях», а о помещениях, большей частью об одной комнате, выделявшейся при различных зданиях для ведения занятий с детьми, отдельными лицами. Дервишских текйе-е, по сообщению О. Челеби, в Тебризе было 160. Как наиболее знаменитые он перечисляет Текйе-и Шэмси Тебризи, Текйе-и Буддагхан, Текйе-и Зейнеб, Текйе-и Агил, Текйе-и Мир-Гейдар и др.

Следующую группу сооружений, о которых дает сведения О. Челеби, составляют здания общественного пользования. Это прежде всего караван-сарай, которых в городе насчитывалось до двухсот, среди них караван-сарай Зубейде, Джахан-шаха, шаха Исмаила и т. д. Особо выделены сооружения, называемые им «Хан'ы». Известно, что в Турции этим термином обозначались постоянные дворы. Какие же функции выполняли тебризские «хан'ы»? Эти «хан'ы» судя по сообщению О. Челеби, устраивались дифференцированно. Он указывает на существование «хан'ы» для «ходжакав» خواجهگان имея в виду, очевидно, состоятельных лиц — эвадевар (купцов). Вторая группа подобных заведений предназначалась для «одиноких» «بحر دان», далее он расшифровал этот термин как «تکانه» — холостые. Судя по этим определениям, «хан'ы» несли функции гости-

148 J. B. Tavernier. Ук. соч., стр. 21.

149 Там же, стр. 22.

150 О. Челеби. Ук. соч., стр. 251.

151 J. B. Tavernier. Ук. соч., стр. 21.

152 О. Челеби. Ук. соч., стр. 251.

153 Там же, стр. 249.

нии, по ним, очевидно, могли пользоваться и местные жители, в частности холостые; в этом случае они выполняли роль «меблированных» комнат, сдаваемых на различные сроки. Семьдесят домов для купцов и сто десять домов для холостых составляли внушительное количество постоянных сооружений, рассчитанных на более продолжительный срок пребывания в них, чем в караван-сараях, что указывает на существование в городе большого числа лиц, приезжавших в Тебриз на длительное время или проживавших в городе как полупостоянные жители в качестве студентов, лиц, обучающихся ремеслу, различных представителей и т. д.

Тебриз отличался наличием огромного количества торговых сооружений. Они, наряду с культовыми сооружениями и караван-сараями, собственно, и являлись доминирующими объемно-пространственными элементами городской застройки. Овалы Челеби определяет общее количество лавок в семь тысяч. Он особо отметил крытый рынок города — «бэдистан», величественное, перекрытое белым куполом сооружение, «подобного которому нет нигде». Рынок имел две пары железных ворот, ведущих в чарши — перекрытые сводами торговые ряды. Многочисленность и добротность лавок и рынков города отмечает и другой турецкий историк этого периода Катиб Челеби¹⁵⁴.

Торговые сооружения, естественно, сосредоточивались вокруг большой базарной площади. Эта же площадь являлась местом наибольшего сосредоточения людей. Здесь же поэтому должны были производиться всякого рода оповещения, обычные для феодального восточного города. Во всяком случае прямое указание на это содержится в следующем сообщении Тавернье: «На мейдане, или на большой базарной площади вечером при заходе и утром при восходе солнца собираются специальные люди, которые, полчаса играя на трубах и барабанах, устраивают величайший шум. Они это проделывают на одной стороне площади, на специально возвышении, и нечто подобное происходит во всех центральных персидских городах»¹⁵⁵. Речь идет, несомненно, о нагараханах и о специальном оркестре, служившем для оповещения.

По сравнению с количеством других зданий общественного пользования О. Челеби называет относительно небольшое количество бань — двадцать одна баня. Правда, его фра-

зу, возможно, следует понять в том смысле, что он имеет в виду не все, а лучшие бани общего пользования, по его выражению «приятные». Тем более, что он далее отмечает наличие около «семисот дворцовых бань», очевидно, банных помещений во дворцах знати. В числе общих городских бань перечислены: баня Джахан-шаха около Голубой мечети, баня квартала Мир-мир, баня квартала Полбаг, баня-лед, бани кварталов Хиябан, Рей, Сорхаб и др.¹⁵⁶.

В числе тебризских сооружений общественного назначения входили также «имареты» — дома призерии в феодальных городах стран Ближнего Востока. О. Челеби называет четыре имарета — Кара Ягуба, Халифа Мутаввакула, Зубейда-хатун и Солтана Уаун Гасана, добавляя, однако, что они не имели содержания; это, очевидно, означает, что из-за отсутствия средств на их содержание они пустовали¹⁵⁷.

Тебриз был городом многочисленных садов, дворцовых садиков и озелененных мест для гуляний и пикников. О. Челеби называет увеличенную цифру — 47 000 садов. Но среди них он выделяет сад Ягуб-шаха, где тебризский хан дал в его честь званый обед. О. Челеби говорит, что этот сад настолько красив, что турецкий султан Мурад IV, приказав опустошить Тебриз, пощадил его, поручив охрану сада некоему Осман-аге¹⁵⁸. Наш автор особо останавливается также на описании аллен шейха Сефи — места проведения общественных сборов, конских и спортивных состязаний города. В частности, там проходили игры «човган» — род поло на лошадях, популярного на Востоке спортивного состязания. (Традиции этой игры сохранились в Азербайджане поныне. В частности, в настоящее время организованы спортивные команды в городе Кировобаде). Здесь же проходили, по его сообщению, действия, связанные с инсценировкой сцены гибели потомков Али и проведением ежегодных трауров по этому случаю.

В системе сооружений общественного пользования немаловажное место занимали устройства, связанные с водоснабжением Тебриза. Воду в город доставляли девять кягризов — подземных каналов¹⁵⁹. Кроме того, в го-

¹⁵⁶ О. Челеби, Ук. соч., стр. 254.

¹⁵⁷ Там же, стр. 255.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ О. Челеби на стр. 253 говорит о девяти кягризах, в то время как на стр. 250 речь идет о девятистах кягризах. Очевидно, во втором случае допущена опечатка.

роде имелось несколько тысяч колодезев, но вода их была хуже, чем вода кягризов, отмечает О. Челеби. По городу были проведены многочисленные оросительные каналы — арыки. Как по всех восточных городах, в Тебризе тоже были многочисленные благотворительные подораспределительные пункты — себли. По сообщению нашего автора, многие тебризские себли размещались в красиво оформленных сооружениях.

Наконец, наш автор с подлинным восхищением говорит о чистоте основных улиц и площадей города. «Имея обильную воду, они содержат в большой чистоте улицы и базары города — утром и вечером подметают, а затем поливают водой, что устраняет пыль и дает прохладу, так что даже в июле на улицах не страдаешь от жары»¹⁶⁰.

Уже Джон Белл, путешествовавший по этим краям в 1717 г. отмечает уменьшение территории города: «Тебриз большой и населенный... Его величина все еще внушительна, но он уже значительно уменьшился. Здесь находится еще многие достойные внимания остатки его бывшего блеска, ярко выступающие в одном старом храме, служащим теперь мечетью. Перекрытые поконты на многих великолепных столбах из порфира, которые почти целы. Их цвет зеленоватый с золотистыми и другими цветов прожилками»¹⁶¹.

В городе было много ковровых мастерских и фабрик, производивших шелковые и хлопчатобумажные изделия. Хорошо была развита торговля шелком-сырцом¹⁶².

Общая картина города того времени довольно ясно вырисовывается из описания Дж. Белла. «Улицы Тебриза узки и нерегулярны. Дома построены из глино-саманного кирпича, высушенного на солнце. Дворец наместника и еще некоторые подобные сооружения построены из камня и хорошо выглядят. Крыши домов плоские и на них устроены небольшие садики. Стены побелены и это придает им красивый чистый вид... Состоятельные люди имеют большие залы в передних дворах, покрытых большими четырехугольными камешными плитами, оштукатуренными гипсовым раствором и расписанными цветами; это немного стонг, но поистине красиво выглядит»¹⁶³.

Город был совершенно открытым и не имел оборонительных укреплений. По свидетельству Белла, в XVIII в. еще сохранилось здание нагарахана, отмеченное впервые Тавернье. «Одно большое здание предназначено для музыки, которая здесь, как и в Шемахе, исполняется утром и вечером».

И, наконец, мы имеем свидетельства, относящиеся к началу XIX в., когда Тебриз, будучи еще крупным населенным городом, уже напоминал «гигантскую деревню». Всюду развалины, «особенно в Тебризе, который из-за гражданской войны неопишимо пострадал и к тому же пятьдесят лет тому назад был почти совершенно разрушен землетрясением. Это было тем более разрушительно, что большинство домов в Персии построено плохо, из глины; большие, прочнее построенные дома средней высоты устояли против этого ужасного удара природы»¹⁶⁴. Далее наш автор отмечает, что хотя с того времени дома восстановлены, но они имеют жалкий вид, объясняемый тем, что их хозяева, боясь новых землетрясений, не хотели затрачивать больших средств, чтобы в случае нового несчастья иметь меньше потерь». В Тебризе опять появилась оборонительная стена, но «такая низкая и слабая, что не смогла бы устоять даже против небольшой вражеской атаки»¹⁶⁵. Достойным внимания оставался рынок города. «Базар Тебриза занимает центр города и, может быть, является красивейшим во всей Персии»¹⁶⁶.

Отмечается также наличие в городе большой общественной площади, такой обширной, что там была построена «тридцатитысячная кавалерия в боевом порядке»¹⁶⁷. Нам кажется, что речь идет о той части городской территории, которая отмечалась О. Челеби в XVII в., как место больших общественных мероприятий, гуляний и спортивных состязаний — Хиябан шейха Сефи.

Наконец, состояние города в начале XIX в. хорошо характеризует П. П. Муравьев, посетивший Тебриз в 1817 и 1827 гг. По его словам, в этот период в городе было от 70 до 90 тыс. жителей. «Крепость Тавризская имеет в окружности более пяти верст, может быть, и до семи. В южной оконечности оной находится цитадель, называемаяся Арк. В цитадели заключаются арсенал, литейный двор, где происходит литье орудий, цейхаузы, глав-

¹⁶⁴ Wilhelm von Freygang, Ук. соч., стр. 264.

¹⁶⁵ Там же, стр. 265.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же, стр. 266.

¹⁶⁰ О. Челеби, Ук. соч., стр. 260.

¹⁶¹ Dr. Johann Beilss, Reisen von Petersburg in Verschiede dene Gegenden Astens, Hamburg, 1787, стр. 53.

¹⁶² Там же, стр. 55.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ стр. 381. کاتب چلبی - جهان نما

¹⁶⁵ Тавернье, Ук. соч., стр. 23.

ный магазин и, помнится мне, колодезь или подземный водопровод»¹⁶⁸.

В заключение хочется отметить, что Тебриз более ярко, чем другие азербайджанские города, отражает процесс постепенного падения градостроительной культуры к XVIII в., обусловленный общей экономической деградацией в Иранском государстве, усугубляемый политической неустойчивостью, феодальной раздробленностью и междоусобицами.

Ардебиль

Будучи расположен на важном торговом тракте, город в средние века был одним из населеннейших городов Азербайджана. Однако город выдвинулся в первые ряды, превратившись в резиденцию главарей кызылбашских племен — ардебильских шейхов Сефиев. В начале XVI в., после завоевания сефивидами политической власти над всей Персией, Ардебиль перестал быть политической резиденцией, уступив это место Тебризу; но город не потерял своего значения, наоборот, ввиду роста торговли и превращения в династическую святыню сефидов он стал одним из крупнейших центров Сефевидского государства.

Сефевидские шахи всячески поддерживали свою вотчину — Ардебиль. Основным средством для этого являлось превращение мавзолея шейха Сефи — родоначальника династии сефидов — в крупнейшее место паломничества. Многочисленные вакфы шейха Сефи, наряду с многими наличными денежными поступлениями, представляли внушительную экономическую базу. В числе вакфов шейха Сефи были в Ардебиле 200 домов, 9 бань, 8 караван-сараяв и крупнейший в городе рынок Кайсерие со всеми лавками; кроме того, 100 других лавок, поступления от различных пожертвователей, 5 селений вокруг города. В Тебризе этому святилищу принадлежали 60 домов, 100 лавок, 2 селения; в Казвине — караван-сарай и лавки. Имущество шейха Сефи имелось также в Гиляне, Астаре, Мугане и многих других местах¹⁶⁹. В специально оборудованной и снабженной проточной водой кухне комплекса шейха Сефи ежедневно более

чем 1000 людей трижды в день получали горячую пищу.

Город Ардебиль в XVI—XVII вв. — в период правления сефидов — это прежде всего комплекс шейха Сефи со всеми его экономическими и идеологическими выгодами. Сефиды всячески усиливали религиозное воздействие места паломничества на массы, сами высказывали преувеличенное преклонение перед своими предками. Особенное старание в этом отношении выказывал шах Аббас, который при своем посещении шейха Сефи снимал свою обувь еще за полмили до города и шел босым¹⁷⁰. Во всех его многочисленных предположениях шейху Сефи стоит надпись «От собачки этого дома (бука, двери) Аббаса». Шах Аббас приказал на свои средства обшить серебром и золотом двери различных сооружений, заказал золотые светильники и т. д.

К середине XVII в., кроме главы дома шейха Сефи, в Ардебильском некрополе были похоронены шейх Садрэддин сын шейха Сефи, шейх Джунайд¹⁷¹ сын Садрэддина, Султан Гейдар сын Джунайда, шейх Гейдар один из сыновей Султана Гейдара, шах Исмаил сын шейха Гейдара, шах Тахмасиб сын шаха Исманла, шах Исмаил II сын шаха Тахмасиба, шах Мохаммед Ходабенде сын Исманла, Исманл-мирза и Хамза-мирза, а также шах Аббас¹⁷².

Таким образом, комплекс шейха Сефи был подлинным градобразующим фактором для Ардебиле. Это выразилось не только в том, что комплекс с многочисленными зданиями сгруппированными вокруг ряда дворов, образовывал целый район города и имел немаловажное экономическое значение, но и в том, что являлся центром, привлекавшим в город тысячи людей.

Признавая и подчеркивая исключительное значение для Ардебиле шейха Сефи, путешественники вместе с тем отмечают и торговое значение города. Тавернье пишет, что это не только место паломничества, но и крупный пункт торговли шелком, который поступает сюда не только из Гиляна, но и из Шемахи. Караваны с шелком насчитывают иногда 800—900 верблюдов. Отсюда шелк отправляется в Смирну и Константинополь. Поэтому Ардебиль место сбора купцов и здесь, как в

¹⁶⁸ Н. Н. Муравьева, Записки «Русский архив», 1889, кн. II, стр. 303. (Цит. по Ениколопову), стр. 153.
¹⁶⁹ O. Dapper, Beschreibung des Königreichs Persien Aus unterschiedenen alten und neuen Land- und Reisebeschreibungen..., Nürnberg, 1681, стр. 40. См. также Н. Л. Петрушевский, Вакфы имели Ардебильского Мазара в XVII в. Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР, т. I, Баку, 1947, стр. 24—39.

¹⁷⁰ Tavernier, Ук. соч., стр. 39.

¹⁷¹ Останки шейха Джунайда были перенесены из сел. Хазра в Кусарском районе, где он погреб, и на месте его погребения был построен мавзолей с мечетью (прим. автора).

¹⁷² J. B. Tavernier, Ук. соч., стр. 40.

Рис. 67.
Ардебиль, XVII в. Записки города из сочинения Тавернье.

Тебризе, можно найти товары любых сортов, включает Тавернье¹⁷³.

Ардебиль XVI—XVIII вв. — город средней величины, отличающийся довольно просторной планировкой и достаточно высоким для того времени уровнем благоустройства. Город имел хорошее водоснабжение. Отсутствие, судя по сообщениям источников, в городе укреплений («...в Ардебиле нет ни валов, ни стен, ни каких бы то ни было укреплений»¹⁷⁴) давало возможность избежать скученности застройки.

На планировку города определенное влияние оказывала также протекавшая через него речка. «Через город течет маленькая речка, называемая Valuchlu (видимо, от азербайджанского слова «балыглы» — рыбная), через которую переброшено много каменных мостов. Речка течет с юга. Перед городом разделяется на два рукава, один течет через город, а другой рукав падает за городом в речку «Карасу»¹⁷⁵. Речка давала возможность устраивать многочисленные отводы в виде каналов для орошения садов. Не указывая источник, В. В. Бартольд писал, что «вследствие обилия орошения еще путешественники XVII в. сравнивают Ардебиль с Венецией»¹⁷⁶.

Обилие хорошей проточной воды и достаточность городской территории позволяли разбить при каждом доме сад, обычно располагаемый во внутренней от улицы стороне участка. Улицы города были обсажены большими деревьями, образующими тенистый аллей. Восхищенный тон описаний приезжавших в город путешественников, по сравнению с подобными описаниями других городов Азербайджана, дает основание полагать, что Ардебиль как хорошо озелененный город — особо приятное зрелище. «Местность кругом красивая, здесь есть места для прогулок под большими деревьями, называемыми или чинар; деревья посажены прямо в линию, как по шнуру, и на определенном расстоянии друг от друга», — пишет Тавернье¹⁷⁷.

Для характеристики общей планировочной структуры города важно отметить, что Ардебиль имел довольно крупную центральную городскую площадь и несколько широких улиц. Система этих больших улиц, затем река и площади образовывали довольно четко оп-

ределенное деление Ардебилля на ряд районов, внутри которых пролегли кривые, узкие улицы. Хотя источники, которым мы следуем, и говорят только об улицах, нам кажется, что приводимые ими названия улиц, как и во всех городах Азербайджана феодального периода, означают названия районов городов (кварталов — мехелле), которые затем переносились на улицы, представлявшую основную артерию данного района.

«Город имеет наряду со многими маленькими улицами пять главных улиц — Дарване, Гавач, Ниардавар, Кумбалдан и Кафиркуче»¹⁷⁸, которые очень широки и обсажены высокими чинарами и другими деревьями, так что они дают в большую жару хорошую тень. Ардебиль имеет большую красивую площадь — площадь прогулок, или базарная площадь, так примерно 300 шагов в длину и половину этого расстояния в ширину; с обеих сторон площади расположены хорошо построенные лавки, среди них и лавки ремесленников»¹⁷⁹.

Стрейс сообщает названия и ряда других улиц и переулков города: Бандер-хан, Каманкер, Дегме-дагулур и улица Урзум и Магеле¹⁸⁰. Название последней улицы, где при передаче автором сохранено слово «магеле» (квартал, район), служит лишним подтверждением, высказанного нами выше соображения о том, что во всех этих названиях улиц мы имеем дело с названиями районов города. Некоторые названия Стрейсом явно искажены. Например, «Бандер-хан» явно является искаженным начертанием «Байындар-хана». Название как этого района, так и последнего — Урзуми магеле — правильно транскрибированы в плане города Ардебилля, приложенном к цитированному сочинению О. Дарпера. План этот является, очевидно, дополненным вариантом плана, приложенного к книге А. Озерия. Здесь последний район назван «Урзуми магеле», что скорее всего указывает на происхождение от названия города Урмия. Можно вывести это слово также от слова руми — греческий, малоазийский.

В упомянутом плане Ардебилля зафиксированы и указаны в экспликации следующие городские достопримечательности. Названы пять мостов — Хэфт-пул, Гейдар-Али, Ягуби, Беккиси (?), Кабалаи, Хэфтхан; шесть рынков и базаров: Большой базар, базары Нефт и Са-

хе (?), базар Кутфруш, крытый рынок, рынок Кайсерие. На культовых сооружениях помечены комплекс Шейха Сефи, комплекс Имамзаде, Адине-мечеть. Из светских сооружений названы: Монетный двор (Münzerey), жилище хана, жилище, предназначаемое для послов, мехмахане, госпиталь — Дарулшефа, кладбище, бани и караван-сарай.

Ряд сооружений в целом обычный для городов Азербайджана того времени. Однако здесь обращает на себя внимание наличие, кроме караван-сарая, специального помещения для размещения послов и отдельно мехмахане — гостиницы. Очевидно, что мехмахане предназначалось для останковки лиц, приезжавших в город не с торговыми караванами, а по другим делам.

Главная площадь Ардебилля размещалась почти в центре города и к ней тяготели все основные общественные сооружения. Непосредственно за площадью — мейданом, размещался крытый рынок, большое четырехугольное, перекрытое куполом, здание — Кейсарие, судя по описаниям и зарисовке — крупнейшее здание Ардебилля. Здесь продавались золотые и серебряные вещи, драгоценные камни и другие шелковые и другие товары¹⁸¹. Отсюда можно было через три портала попасть в крытые «даланы», где продавались более простые товары¹⁸².

Тавернье заметил связанность основных городских комплексов с главной площадью — «Мейдан, или базарная площадь большая и длинная; с одной стороны площади стоит хороший караван-сарай, построенный ханом. Есть достаточно удобные караван-сарай и в других частях города с красивыми садами вокруг, среди них Шахская, в которую проходит по аллее (Palemaile), обсаженной четверкой деревьев; в конце ее портал, через который попадают в сад».

Недалеко от главной площади была расположена также главная мечеть города. «В городе много хамамов, или бань и мечетей, самая большая и красивая из которых Месяжд Адине, расположенная на небольшом холме, лежащем почти в середине города; мечеть имеет довольно высокую круглую башню. Эта мечеть посещается в пятницу (в мусульманское воскресенье), отсюда и название мечети, так как Адине по-персидски — пятница. Перед мечетью расположен родник, который был устроен визирем Сару Ходжа иначе называемым

Мухаммед Рза. Вода проведена сюда с расстояния нескольких миль с гор, лежащих к юго-востоку от города по подземным каналам»¹⁸³.

И, наконец, на границе главной городской площади возвышался портал¹⁸⁴, ведущий на территорию архитектурного комплекса Шейха Сефи.

Как было сказано выше, Ардебиль имел хорошо налаженное водоснабжение. Кроме речной воды, город обильно снабжался хорошей питьевой водой кяргизами — «подземными каналами», как выражаются наши источники. Источником водоснабжения города служила гора Савалян. «Всю воду Ардебиль получает из этой горы. Очень чистая, вкусная и хорошо усваиваемая вода», — пишет Овлия Челеби¹⁸⁵.

Особое положение Ардебилля как вотивных сефевидов и то обстоятельство, что город был относительно меньше затронут турецко-персидскими войнами XVI—XVII вв., сохранили его от многократных разрушений, и поэтому Ардебиль, его сооружения и благоустройство, производили на приезжих более благоприятное впечатление, чем многократно опустошавшиеся другие города Азербайджана.

Нахичевань

Город блестящего исторического прошлого, один из крупнейших центров азербайджанской культуры. Исключительно велика роль Нахичевани в развитии азербайджанского средневекового зодчества. Достигнув своего наивысшего расцвета в XII в., Нахичевань в течение ряда столетий сохраняет свое значение центра нахичеванской архитектурной школы. Во многих письменных источниках сохранились восторженные описания Нахичевани периода ее расцвета.

Однако, Нахичевань постепенно отстает на задний план, особенно после того, как Тебриз последовательно становится столицей ряда азербайджанских государств; в Тебризу же переходит архитектурно-художественное первенство. Однако Нахичевань еще вплоть до XVII в. сохраняет свое значение одного из крупнейших городов не только Азербайджана, но и Ближнего Востока в целом, несмотря на происходившие в течение XVI—XVII вв. персидско-турецкие войны, в результате которых

173 J. V. Tavernier, Ук. соч., стр. 25.

174 Я. Я. Стрейс, Ук. соч., стр. 28.

175 О. Дарпер, Ук. соч., стр. 32.

176 В. В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 144.

177 J. V. Tavernier, Ук. соч., стр. 21.

178 Кафир куче — в переводе с азербайджанского означает «улица исперия»; очевидно, это был район, где проживали ипоперия — немусульмане.

179 О. Дарпер, Ук. соч., стр. 38.

180 Я. Я. Стрейс, Ук. соч., стр. 287.

181 О. Дарпер, Ук. соч., стр. 38.

182 Я. Я. Стрейс, Ук. соч.

183 О. Дарпер, Ук. соч., стр. 38.

184 О. Tavernier, Ук. соч., стр. 24.

185 О. Челеби, Ук. соч., стр. 272.

Рис. 68.
Нахичевань. План города, 1827 г.

Нахичевань часто оказывалась в центре военных действий. Непоправимый ущерб городу нанес шах Аббас, приказавший из чувства мести разрушить его¹⁸⁶.

Несмотря на происшедшие разрушения, Нахичевань еще в середине XVII в. являлась внушительным городом. Об этом свидетельствует описание турецкого путешественника Овлия Челеби. Давая название города в транскрипции «Нэхшиван» *نخسوان* и осмысленная это как «Нэзгин-джахан» *نقش جهان* украшение мира, Овлия Челеби добавляет, что в прошлом этот город красив, отмечая, что в прошлом он был еще красивее, но монголы разрушили многие сооружения и крепость Нахичевани. Город сильно пострадал также в период османо-персидских войн. Овлия Челеби считает, что в дальнейшем Нахичевань многого благоустроилась. Упоминания о знаменитых нахичеванских мавзолеях — отнеся однако их ошибочно к совершенно другому историческому периоду, — он считает, что ко времени его

пребывания в городе было 10 200 домов, около 70 культовых зданий, из них 40 мечетей, 20 мехмай-сараяв — очевидно, так обозначил он в данном случае караван-сараяв, 7 прекрасных бань, около 1000 лавок, добавляя при этом, что большинство зданий красивы.

Овлия Челеби особо останавливается на крупных мечетях, называя их райскими. При этом он отмечает, что некоторые мечети имеют купола, покрытые майоликой. Он говорит также, что в городе насчитывается тридцать три минарета.

Восторженно говорит Овлия Челеби о двух, видимо, посещенных им банях, стены которых покрыты сплошь глазурованными плитками, а полы — мрамором¹⁸⁷.

Если данные Овлия Челеби о количестве домов в городе верны, то над полагать, что и Нахичевани в то время было не менее 50 000 жителей.

Француз Тавернье, проехавший через Нахичевань приблизительно в то же время, ограничивается пространными соображениями о древности Нахичевани, отнеся основание горо-

да чуть ли не ко времени Ноа. Он подчеркивает, что район между Ереваном и Тебризом был опустошен шахом Аббасом, чтобы сдерживать турецкое нашествие. Среди зданий Нахичевани Тавернье отметил только большую, уже полуразрушенную мечеть, которая, по его словам, была одной из великолепнейших в Азии¹⁸⁸. Речь идет, очевидно, о мечети, которая стояла, полуразрушенная еще в начале XIX в. и входила, по-видимому, в комплекс сооружений, возведенных в XII в. зодчим Аджеми сыном Абубекра.

Однако Шарден, бывший в Нахичевани позже Овлия Челеби примерно лет на 20, дает не такую благоприятную картину города, какую рисовали его предшественники. Возможно, что за период, прошедший после посещения города Овлия Челеби, произошел упадок хозяйства, характерный для второй половины XVII в.¹⁸⁹.

«Нахичевань — большой разрушенный город: его скорее можно назвать грудой развалин, постепенно восстанавливаемых и заселяемых. Центр города в настоящее время возобновлен и обитаем; в нем большие базары в виде, как уже сказано, длинных галерей, или крытых улиц, по обеим сторонам которых расположены лавки, торгующие всевозможными товарами. В Нахичевани приблизительно две тысячи домов, пять караван-сараяв, имеются бани, рынки, большие заведения, где собираются курить или пить кофе».

«За городом видны развалины большой крепости и многих фортов, разрушенных Великим Аббасом в конце прошлого столетия. Отняв у турок Нахичевань и сознавая, что не в силах будет удержать в своих руках окрестные форты, Великий Аббас велел их разрушить и вывести оттуда население. Он поступал так всюду для того, чтобы помешать туркам укрепиться в крепостях и пользоваться отсюда жизненными припасами»¹⁹⁰.

О планировке Нахичевани некоторое представление можно получить по данным инструментально снятого плана города, датированного 30 июня 1827 г.¹⁹¹.

Первое, что можно отметить — это поразительный упадок города, по сравнению с

восторженными описаниями путешественников еще первой половины XVII в., например, Челеби. Из многих прекрасных монументальных сооружений города, упоминаемых нами, лишь некоторые нашли отражение в плане 1827 г. с указаниями типа: «Старая мечеть», «Разрушенное строение». Рассматриваемый план весьма близок по дате ко времени посещения города Дюбуа де Мошере (1834), который как раз говорит о «развалинах всех эпох» в городе.

Совершенно очевидно, что многие сооружения, стоявшие еще в XVII в. исчезли уже к исходу XVIII в., и город окончательно потерял свое былое значение. Следовательно, по этому плану можно сделать лишь некоторые общие выводы о характере планировки города в равные периоды.

Данные плана позволяют определить исторический центр города и назначение сооружений, составлявших его застройку.

Центром города являлся район, где расположен мавзолей Момини-хатуи. В этой части города, вокруг неправильной формы площади, группировался ряд комплексов. Это прежде всего комплекс главной мечети города с мавзолеем Момини-хатуи, комплекс торговых рядов, ханский дом, окруженный стенами с башнями, еще одна отдельно стоящая небольшая мечеть. Таким образом, основными компонентами архитектурного сооружения центральной площади являются культовые и торговые сооружения, что является, как указывалось выше, в целом характерным для городов Азербайджана в XVII—XVIII вв. Но в отличие от других городов, например, Гянджи, Баку — здесь в ансамбль центральной площади входила также цитадель с ханским дворцом. Это существенная особенность центра Нахичевани. Таким образом, если в других городах Азербайджана мы видим два главных градостроительных узла — цитадель правителя и рыночная площадь — то в Нахичевани они представляют один архитектурный комплекс. На эту центральную площадь прямо выходила дорога из Тебриза.

Жилая застройка Нахичевани была довольно разбросанной, что обусловлено прежде всего наличием садов вокруг жилых домов. Жилая застройка значительно гуще в юго-западной части города.

Еще в начале XIX в. Нахичевань был известен как город большого исторического прошлого. Посетивший город в 1812 г. В. Фрайганг так откликнулся на увиденное: «Нахичевань было местечко, которое неоднократно подвергалось разрушению. Персидские истори-

¹⁸⁶ А. Д. Рахмани. Ук. соч., стр. 102. Сведения из сочинения историка Гунабади, а. 343а.

¹⁸⁷ О. Челеби. Ук. соч., стр. 237.

¹⁸⁸ J. B. Tavernier. Ук. соч., стр. 16—17.

¹⁸⁹ История Азербайджана, т. 1, Баку, 1958, стр. 273.

¹⁹⁰ Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1673 гг. Пер. Е. В. Бокшовой и Д. П. Ноговича, Тифлис, 1902, стр. 297.

¹⁹¹ ЦГБИА, ф. ВУА, д. 22216. План города Нахичевани, снятый инструментально топографами I-го класса Гудель и Колоколовым в 1827 г.

ко утверждают, что ранее здесь насчитывалось 10 000 домов. Недалеко от города лежит значительная крепость, разрушенная Аббасом Великим после, как он отнял город от турок, так как считал, что она недостаточно прочна, чтобы ее восстановить... В настоящее время Нахичевань представляет трагические остатки бывшего Беска¹⁹².

Баку

Нефть, горящие газы и Баку уже более тысячи лет соседствуют в описаниях различных путешественников и в географических сочинениях. Несомненно, что Баку как город возник благодаря нефти и горящим газам и благодаря им же город довольно рано стал возникать в источниках, хотя еще долго после своего возникновения Баку оставался довольно незначительным населенным пунктом.

Есть сведения, что уже в 624 г. византийский император при своем вторжении «в район Баку разрушил много храмов, где персы поклонялись горящему газу»¹⁹³. Поэтому надо полагать, что правы те, которые связывают и происхождение названия самого города с этим обстоятельством, т. е. вешими огнями горящего газа. Они считают, что название Баку происходит от слова *Bak'hi* на одном из индийских языков, а именно на древнем гуджаратском означавшем «к огню». Можно думать, что у индусов, которые на протяжении веков были основными паломниками вечных огней, должно было возникнуть в связи с их поездками словосочетание «к огню», т. е. от «правляющийся к источнику огня».

Точек зрения на этот вопрос довольно много, но рассмотрение их не входит в нашу задачу. Интересующихся можно отослать к статье С. Ашурбейли, разбирающей происхождение названия города, исходя из версии, что Баку должен отражать название одного из племен, населявших Апшеронский полуостров и прочее.

С. Ашурбейли¹⁹⁴ давая свод транскрипций названия города в различные периоды, а также вкратце характеризуя высказывавшиеся различными авторами толкования этого названия, выдвигает свою точку зрения. По ее мне-

нию, название города Баку происходит от названия одного из племен, населявших Апшеронский полуостров, а именно от племени «бакан». На наш взгляд, название в Баку вечных огней горящего газа, поражающих воображение людей, делают наиболее приемлемым вышеприведенное толкование, которое связывает происхождение этого названия с понятием «огонь». Если филологически и исторически происхождение слова «Баку» удастся связать с названием огня у одного из народов — огнепоклонников, то это является наиболее убедительным объяснением. В этом случае скорее само название племени, должно быть объяснено как производное от ставшей известной еще в древности местности.

С X в. Баку уже город, упоминаемый арабскими источниками. К XI в. относится сохранившийся в городе монументальный минарет, так называемая Сынга Гала (1078 — г. н. э.); это свидетельствует о том, что Баку стал уже значительным городом. В XII в. Баку становится, хотя и на короткое время, резиденцией ширваншахов. Это могло быть связано с землетрясением 1176 г., причинившим Шемахе значительные разрушения и вынудившим население на короткое время переехать в Баку.

Город стал главным центром борьбы ширваншахов против нападений со стороны суши и моря. Баку обносили крепостными стенами *سورالمدينه*, как об этом повествует надпись на камне, недавно обнаруженная в проломе крепостной стены. Возможно, что именно в этот период была возведена также «Девичья башня»¹⁹⁵. Все эти мероприятия, несомненно, сильно усилили обороноспособность города. Мысль о значении Баку в XII в. как цитадели ширваншахов на берегу Каспийского моря проходит одним из лейтмотивов в касиде величайшего поэта Ширвана Хагани, восхваляющей ширваншаха Ахситана, сына Манучехра. Поэт писал, что «благодаря его благословению Баку сегодня подобен Бестаму в Хаваране (Хорасане)»¹⁹⁶. Баку сравнивается с Бестамом, который был сильно укрепленным городом¹⁹⁷.

Возможно, что именно «Девичья башня» с ее неприступным видом, возвышающаяся над городом, вызвала у Хагани сравнение Баку с Бестамом.

¹⁹⁵ А. А. Алескерзаде, А. В. Саламзаде. О надписи на Девичьей башне. «ДАН Азерб. ССР», т. XI, № 5, 1935.

¹⁹⁶ دیوان خاقانی شروانی تهران ۱۳۱۷ شمسی

¹⁹⁷ شامی - قاموس الاعلام ۱۳۰۶، стр. 31, т. II.

Рядумеемся, что ширваншах не мог пребывать в Баку без создания своей резиденции — дворца или замка. Не без основания сходятся исследователи на том, что это здание размещалось на месте, где в XV в. был возведен дворец ширваншахов. Таким образом, есть все основания прийти к заключению, что в XII в. уже определялась градостроительная структура Баку, так как налицо были уже такие важные компоненты этой структуры, как крепостные стены, «Девичья башня», мечеть и минарет Сынга Гала, резиденция ширваншахов на высоком холме. Эти компоненты были в числе определяющих градостроительных элементов вплоть до середины XIX в., когда с началом интенсивной застройки форштадта крепость уже перестала быть основной частью Баку.

Сведения о Баку, относящиеся к XIII—XIV вв. скудны. Датированный этим периодом ряд памятников, однако, свидетельствует, что Баку продолжал развиваться как город. Но перестав быть резиденцией ширваншахов, Баку, естественно, не является более средоточием усилий ширванского государства. Удивляет, что в это время (XIII в.) в непосредственной близости к Баку, в бухте возводится такое значительное сооружение — «Байдовские камни». Как свидетельствует огромное количество камней с надписью и разными человеческими и зооморфными украшениями, сооружение это мыслилось его создателями как ушальское. Хотя со дна моря уже поднято около 700 камней, к сожалению, отсутствующие звенья не позволили до настоящего времени расшифровать надписи, которые могли бы осветить многие стороны истории Ширвана, городов Баку и Шемахи, названия которых встречаются в фрагментах надписей¹⁹⁸.

Значительным этапом в развитии Баку явился XV в., когда в связи с повысившимся торговым значением города как порта Ширвана, а также избранным Баку в качестве резиденции здесь велось довольно значительное строительство. Мы не считаем, что ширваншахи из династии Дербенди полностью перевели столицу из Шемахи в Баку. Нам кажется, что Шемаха оставалась по-прежнему столицей, Баку же играл роль второй резиденции. (Соображения по этому вопросу изложены ниже при рассмотрении развития города Шемахи).

Наряду со строительством комплекса

дворца ширваншахов в Баку, ряда культовых сооружений, по-видимому, имели место некоторые меры по усилению и возобновлению оборонительных сооружений города, а также велась работа по обеспечению Баку лучшей питьевой водой. Есть основание полагать, что возникновение некоторых сооружений старого форштадта Баку имело место также в эту эпоху. Центр Баку тогда естественным образом тяготел к району, где был расположен дворец ширваншахов, а торговая часть города, вероятно, располагалась вне крепостных стен. XV в. был в целом для Баку периодом процветания и надо полагать, что наряду с дошедшими до нас культовыми и другими монументальными сооружениями, возводилось значительное количество жилых сооружений для довольно большой прослойки верхушки города.

Целый век благоденствия города закончился в 1501 г., когда войска шаха Исманила после долгой осады штурмом взяли Баку, разрушив крепостные стены и дворец ширваншахов. Другие сооружения комплекса избежали разгрома, но, как сообщают источники, были разрушены надгробия в усыпальнице ширваншахов, имевших, как показали раскопки 1947 г., богатую майоликовую облицовку.

После этого Баку как бы законсервировалось. Комплекс дворца ширваншахов оставался заброшенным. Только в конце XVI в. делались попытки восстановления комплекса, не доведенные, однако, до конца. По-видимому, только в XVII в. в Баку велось новое градостроительные мероприятия, которые были связаны строительством караван-сарая, рынка, возобновлением крепостных стен и т. д. Центр Баку после этого переместился в торговую часть города. Образовалась торговая улица, которая являлась единственным стержнем в запутанной бессистемной сети улиц.

В XVII в. и далее градостроительную структуру Баку удастся проследить по довольно подробным описаниям и имеющимся планам города.

Большой интерес представляют данные о Баку, зафиксированные в труде О. Челеби. Значение этих сведений определяется тем, что автору удалось изложить свои наблюдения в обобщенном виде, не отвлекаясь на описание деталей. О. Челеби отмечены политические и торговые связи Баку, простирающиеся до китайской границы. Он особо отмечает торговлю с русскими. «Московитяне постоянно приезжают в Баку, покупают здесь соль, нефть, шафран и шелк и вывозят в Московию. Московские

¹⁹⁸ Название Баку обнаружено ламп на одном камне, поднятом в период археологической кампании, видимо, в 1947 г. Шемаха встречается на одном из камней, поднятом в 1960 г.

¹⁹² Wilhelm v. Freytag's, Ук. соч., стр. 252.
¹⁹³ Г. Харат. Венецианец Марко Поло, М., 1956, стр. 114.

¹⁹⁴ С. Б. Ашурбейли, О названии города Баку. ДАН Азерб. ССР, т. XIV, № 9, 1958.

посланцы приезжают и остаются здесь в качестве заложников. Великие и собольи меха, рыбы, зубы и болгарский юфть вывозятся из Московии в Персию через Баку»¹⁹⁹.

Мы опускаем подробные сведения О. Челеби о нефтяных «промыслах» и о применении нефти. Здесь интересны детали о том, что нефть, в основном, добывалась с апшеронских озер, куда вытекала из-под земли, смешанная с водой. Нефть, которая «покрывает поверхность воды, как сливка, собиралась в бурдюки» и т. д.²⁰⁰.

Когда О. Челеби подъезжал к городу, из бакинской крепости производились артиллерийские залпы, в связи с тем, что с поздравлениями по поводу завершения работ по обновлению бакинских крепостных стен прибыли послы из крепостей московского царя — Астрахани, Пакхана, Серая и Хэмиды (?). Стрельба производилась для демонстрации им укреплений и освещения бакинской крепости. Это было в пятницу 1656 г. При первой же встрече О. Челеби поздравил бакинского хана с новыми крепостными стенами.

Дальнейшее описание О. Челеби Баку несколько расходится с установившимся представлением о единстве городской территории города, совпадающей с территорией, окруженной стеной. Для ясности наших дальнейших соображений целесообразно привести сообщение нашего автора по возможности в точном переводе²⁰¹. «Бакинская крепость... находящаяся на берегу Каспийского моря, построена на высоком холме и представляет красивую квадратную крепость. Внутренняя крепость имеет ворота, обращенные на запад. Ворота из нахичеванского железа. Периметр крепости семьсот шагов. Она имеет семьдесят башен и шестьсот зубцов. Высота стены сорок зира» *مكدر*. Поскольку крепость расположена на скалистом основании, она не имеет ровов. Внутри крепости семьдесят старых домов, покрытых земляной крышей. Имеется мечеть под названием мечеть Гейдар-шаха, не имеющая, однако, минарета. Нет признаков постоянных дворов, бань и др. Но находящийся на берегу моря большой рабат представляет благоустроенный город, имеющий до тысячи домов, сады, мечети, постоянные дворы, бани, крытый рынок и базар. Он обнесен с трех сторон крепостными стенами с тремя воротами. На север

обращены Гилянские ворота²⁰², на юг — ворота Баб ул-абваб (Дербентские). А западные представляют портные ворота. Здесь виднеется семь минаретов. Хотя и имеются три бани, но очень приятна баня Мирза-хана. Рынок и базар не очень красивы».

Таким образом, О. Челеби совершенно ясно говорит о двух обособленных территориях. Названная им внутренняя крепость — ичкала (штадель), оказывается, находится не внутри крепости, а вне ее, и город находится дальше «на берегу моря». Поскольку описание О. Челеби самого города правильно отражает основные особенности Баку, то у нас нет оснований усомниться в достоверности его сообщения о второй обособленной крепости ичкала — штадели. Но возникает вопрос, где находилась эта штадель, что она собой представляла и есть ли другие данные, подтверждающие сведения О. Челеби.

Следует отметить, что сведения о Баку, относящиеся к этому периоду, довольно скудны. Вообще в сообщениях о Баку внимание концентрируется на нефти, соли и шафране, а когда касается сооружений города — говорится в основном о дворце ширваншахов и «Девичьей башне». Материалы, всесторонне освещающие структуру города, относятся к более позднему периоду — к XVIII в. и позднее. В плане бакинского порта 1782 г. и плане города 1806 г., рассмотренных подробнее ниже, за крепостными стенами города показана существующая застройка. Близлежащая к городу застройка, состоящая из жилых сооружений, названных Бахрышегер и обнесенная стеной «ханского сада», по-видимому, и составляет остатки упомянутого О. Челеби городка.

Наличие в прошлом за городскими стенами Баку значительной застройки, подтверждается и другими данными. Дж. Белл, путешествовавший в начале XVIII в., говорит о двух «значительных» городах — Ашеруне и Баку, лежащих на расстоянии двух дней пути от Ниязабада²⁰³, где он высадился по пути в Шемаху. Можно думать, хотя мы и не настаиваем, что в данном случае речь идет о Баку и о его форштадте. Обозначение их Беллом как двух самостоятельных городов с различными названиями можно объяснить, если признать,

¹⁹⁹ О. Челеби, Ук. соч., стр. 102.
²⁰⁰ Там же, стр. 303.
²⁰¹ Там же, стр. 300 и 301.
²⁰² Следует отметить, что в описании Баку у О. Челеби страны света смутны. Непонятным образом юг у него назван севером и т. д. Например, он пишет, что Гилян находится на севере от Баку, а Шемаха — к востоку. Река Кура отмечена, как впадающая в море к северу от Баку и т. д. (стр. 301 и 302).
²⁰³ Дж. Белл, Ук. соч., стр. 35.

что Ашерун в данном случае является не чем иным, как искаженным Апшероном. В таком случае легко допустить, что наш автор принял Апшерон также за название города, а не полуострова и отнес его к другой части Баку.

Однако о городе Апшероне говорит и Лерх, помещая его в конце полуострова и называя его «заброшенным городком»²⁰⁴.

Что застройка форштадта Баку была в те времена весьма значительной, об этом свидетельствует и Лерх. Он писал: «Большие предместья, которые были опустошены русскими при осаде в 1723 г., вновь не отстроены. Еще стоят 2 караван-сарая, один из которых предназначен для чужеземцев, а другой — летом для больных»²⁰⁵. Но уже к первой половине XIX в. от старых сооружений вне крепости ничего не осталось. «От строений, о которых упоминает Гмелин, как-то: ханского дома за городом, развалин прежнего города Баку, старинного замка и других, не видно ныне ни малейших остатков»²⁰⁶.

Таким образом, наличие в прошлом обширной застройки вне крепости стен Баку подтверждается. Устанавливается также, что эти предместья были значительными до начала XVIII в., а после 1723 г. они сильно уменьшились в размерах, чем и объясняется то обстоятельство, что в дальнейшем они особо не упоминаются лицами, посетившими город. Судя по приведенным сообщениям О. Челеби, Лерха и Дж. Белла, можно заключить, что временем наибольшего расширения этого форштадта был период с середины XVII в. по начало XVIII в.

Лерх, посетивший город первый раз в 1734 г., посвящает несколько десятков страниц описанию Баку, его окрестностей, добыче нефти и другим сведениям, связанным с городом.

Некоторый интерес для нас представляет описание этого комплекса как фиксирующее состояние дворца ширваншахов в XVIII в.: «Задняя сторона довольно высока и здесь на горе виднеется древний шахский дворец, построенный Аббасом I. Это изумительное здание. Некоторые считают, что он построен Дарием вместе с самим городом. Плиты камня так пригнаны друг к другу, что швы едва заметны. Двери, порталы и окна необыкновенно искусно покрыты резьбой, и галлерей ажурной работы. Мечеть также украшена снаружи и изнутри, такова же и баня. Последние два со-

оружения служат сейчас складами. Эти драгоценные старые здания заслуживают быть срисованными, хотя местами разрушены. Крыша была из синих глазурованных камней (плит). Хорошие художники и скульпторы получили бы здесь много удовольствия. В городе нет реки, воду достают из родников; лучшая вода из шахского родника, вырубленного в скале на глубину 70 ступеней, она отдает нефтью, но здорова»²⁰⁷.

Любопытно следующее утверждение Лерха — врача по профессии, что «во всей России нет другого места с более здоровым воздухом. Здесь ни разу не свирепствовала чума. Если даже она возникла бы в воздухе, то несомненно была бы изменена и улучшена парами нефти, которая сжигается во всех домах вместо дров. От плотной копоти нефти все дома издали кажутся черными»²⁰⁸.

Приведенная ниже небольшая выдержка относится непосредственно к разбираемому нами вопросу о градостроительной структуре Баку: «Город имеет двойные стены и ров; внешние стены ниже и ров без воды. Стены нельзя сравнить с дербентскими. Нижняя, находящаяся у моря часть стены, теперь находится в воде, хотя еще 30 лет назад эта часть находилась на суше. Город почти круглый. Знаменитый полковник Гарбер пристроил к стенам еще 5 бастионов. Стены тянутся на полверсты. Над Дербентскими воротами вырезан городской герб, а именно — два льва, держащие бычью голову... Природа устроила здесь хорошую гавань, и суда могут причаливать вблизи стен»²⁰⁹.

В следующий свой приезд в 1747 г. Лерх обратил внимание на то, что шафрановых садов стало больше и они находились вблизи города.

Обращает внимание тот факт, что, как и О. Челеби, Лерх называет Дербентскими городские ворота, ставшие известными впоследствии под названием Шемахинских.

Это краткое, но точное описание было бы неоценимым для установления общей структуры города, если бы не были обнаружены недавно планы Баку, относящиеся к XVIII в. и дающие точную градостроительную структуру города того времени. Прежде чем перейти к рассмотрению этих планов, приведем свидетельство еще одного весьма наблюдательного иностранца, бывшего в городе в годы неспо-

²⁰⁴ J. J. Lerche, Lebens und Reisegeschichte von ihm selbst beschreiben, 1791, стр. 58.

²⁰⁵ Lerche, Ук. соч., стр. 43.

²⁰⁶ Обзорные Российских владений за Кавказом, т. IV, 1836, стр. 83.

²⁰⁷ Lerche, Ук. соч., стр. 44.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же, стр. 43.

Рис. 69
Баку. План крепости, 1723 г.

редственно предшествовавшие присоединению бакинского ханства к России. Мы опускаем высказывания Маршалла ложении порта и торговле фон Виберштейна о местоположении Баку²¹⁰. О самом городе он писал: «Город... небольшой, окружен стеной и башнями в принятом здесь характере, но отличается от других тем, что он окружен двумя рядами стен, перед которыми сохранились еще остатки сухого рва, прорытого еще во времена Петра Великого, так же как и некоторых бастионов и флешей... торговля города упала из-за постоянных войн и беспорядков в Ширване и в соседних провинциях, а больше всего из-за разрушения Шемахи»²¹¹.

Таким образом, как Шемаха и ряд других городов, Баку ко времени присоединения к России переживал период упадка.

Упомянутые выше планы Баку, одновременно состав-

²¹⁰ Любопытно, что, говоря о реке, ныне называемой Сугант (откуда название города-спутника Баку), он передает его в форме «Сугант», что, возможно, точнее передает первоначальное название реки. (См. Виберштейн, Ук. соч., стр. 34).

²¹¹ Там же, стр. 35.

лявшиеся русскими инженерами в XVIII и начале XIX вв., представляют ценные данные по истории и планировке города и по не сохранившимся памятникам архитектуры.

Значение этих планов велико. Благодаря им с документальной точностью устанавливаются совершенно неизвестные до сих пор подробности планировки города, а также уточняются некоторые вопросы, вызывавшие до сих пор споры. Наличие нескольких планов, охватывающих также период с начала XIX в., в середине столетия позволяют определить также ранние этапы роста Баку вне крепостных стен в течение первой половины XIX в.

Наиболее ранним планом, которым мы располагаем, является «План города Баки», датированный 1723 г.²¹². В сущности этот чертеж представляет не план города, а крепост-

²¹² ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3322.

Рис. 70
Баку. План города, 1738 г.

ных стен. Однако, несмотря на это, из данного плана удается извлечь ряд весьма важных сведений.

Прежде всего данный план позволяет решить вопрос о том, сколько рядов стен окружали город. Зарисовки некоторых путешественников XVII и XVIII вв. как будто указывают три ряда стен, в связи с чем существовало мнение об окружении города тремя рядами стен. На первый взгляд, на рассматриваемом плане также изображены три ряда стен. Но профили разрезов по крепостной стене ясно показывают, что город был окружен двумя рядами стен. То, что обычно воспринималось как третий ряд стен, представляет стенку рва, окружавшего город по всему периметру крепостных стен. Очевидно, на зарисовках, сделанных в период, когда рвы не были заполнены водой, стенка рва воспринималась как третий ряд стен.

На плане отмечены шесть ворот, ведущих внутрь крепости. Трое из ворот показаны на берегу моря и вели в город через сооруженный — торговый комплекс²¹³, располагавшийся здесь вдоль крепостных стен. Двое других ворот вели в город по суше. Один из этих ворот сохранился доныне — это Шемахинские ворота. Ведущие к этим воротам дороги названы «Дорога к Апшерону» и «Дорога к Шемахе». Вторые ворота располагались в районе нынешней улицы Чкалова. Эти ворота назывались Сальянскими. У них соединялись две дороги, названные «Дорога по деревням» и «Дорога к реке Куре». Примерно в районе нынешнего Нагорного парка отмечены «Огороды шафрановые».

Особо ценным является четкое графическое указание характера выдававшейся в море части бакинских крепостных стен. Углубляясь в море примерно на 30 м с запада и востока, крепостные стены образовывали нечто в виде закрытой с боков гавани. Внутри крепости указаны два сооружения — «Девичья башня» и замок, остатки которого ныне находятся во дворе здания Академии наук Азербайджанской ССР.

Следующим по времени выполнения является «План бакинской крепости и ситуации», составленный по записям Центрального государственного военно-исторического архива в 1738 г.²¹⁴. Этот план, подписанный инженером подполковником Людвигом Хав-

²¹³ А. Саламзаде. Торговый комплекс в «Крепости» Баку. «ДАН Азерб. ССР» (на азерб. яз.), т. XII, № 1, 1956.

²¹⁴ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3324.

тунь, фиксирует не только крепостные стены, но и застройку города.

В числе сооружений обращает на себя внимание наличие трех зданий, отмеченных как дворцы: С — Дворец, Д — Царско дом, Е — Шаховы палаты. Здание, указанное под литерой Е является дворцом ширваншахов. Сооружение, названное «Царско дом», было расположено к северо-западу от «Девичьей башни» и до нас не дошло. Отмеченный под литерой «С» дворец, по всей вероятности, является недошедшим до нас Дворцом бакинских ханов, известный нам по обмерам начала XIX в.²¹⁵.

Далее, план 1738 г. показывает нам, что в период между 1723 и 1738 гг. бакинская крепость была усилена шестью бастионами, названными на рассматриваемом плане «...перед российскими воротами, азовско бастион, Пинтербургско бастион, Московско бастион, бастион перед Пересичскими (Шемахинскими. — А. С.) вороты, фелманц».

Близок к рассмотренному плану как по дате, так и по манере исполнения план Баку 1740 г.²¹⁶. На этом плане интересными подробностями являются указания около города близ моря колодцев, «из которого нефть идет», а также «шафрановых садов».

Весьма любопытно следующее пояснение к отмеченному в бухте сооружению: «Старо замок стоит под водой, которого токмо видет башни из-под наружу 3 фута». Нет сомнений, что это сооружение так называемые «Банловские камни». Являясь ранней графической фиксацией этого примечательного памятника, данное сообщение важно также с точки зрения выяснения состояния памятников XVIII в. в связи с указанием, что башни поднимались над водой на три фута.

Расходится с сведениями других авторов и рассмотренными планами города описание Баку, данное английским путешественником Брюсом, приехавшим в Баку в августе 1723 г.: «...Он очень сильно укреплен тремя стенами, расположенными одна за другой, каждая с башнями; они делят город на три самостоятельные части, внутренняя стена стоит на возвышенном месте в виде крепости и господствует над остальными: она снабжена многими медными пушками. Губернатор со своим гарнизоном занимает эту часть; внешняя стена

²¹⁵ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3339; обмерный чертеж этого дворца имеет надпись: «Детальные планы дворца ханскому и двум безавшим бекам...».

²¹⁶ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3325.

морями защищена железной пушкой, а ворота успешно охраняются отрядами...»²¹⁷.

Здесь автор не только ошибочно сообщает, что город окружен тремя рядами стен, но утверждает, что стены делили город на три самостоятельных части. Однако как мы видели при рассмотрении современных этому сообщений планов Баку 1723 и 1735 гг., город был окружен двумя рядами стен, причем они находились так близко друг от друга, что никак не могли делить город на «самостоятельные части». Возможно, что говоря о трех частях города, Брюс имел в виду как самостоятельную часть города также форштадт и территорию Дворца ширваншахов.

1747 г. в Баку побывал известный английский путешественник Джон Кук, хирург в русском посольстве князя Голицына в Иране. Но его описание города, касающееся в основном крепостных стен и Дворца ширваншахов, ничего нового к уже известным нам фактам не добавляет, а лишь указывает, что построенные русскими в 1723 г. бастионы к тому времени уже были заброшены, «...хотя они и были в хорошем состоянии...»²¹⁸.

То же самое можно сказать и о сведениях другого английского путешественника Джорджа Форстера, интересных нам только тем, что, по его словам, к тому времени наружная стена крепости с восточной стороны оказалась частично под водой²¹⁹ вследствие подъема уровня моря. Это произошло значительно раньше 1784 г. и, как видно, уже план 1738 г. зафиксировал изменения, происшедшие после составления плана 1723 г.

Остановимся на следующем по дате чертеже — «План бакинского порта описан и вымеры в бытность там Российской эскадры в 1782 году».

Из данных этого плана наиболее интересными и новыми являются следующие. Так называемые «Банловские камни» названы «Крым сараем», — очевидно, караван-сарай. Между берегом и этим сооружением дана глубина моря — $3\frac{1}{2}$ сажени.

За крепостными стенами показано сооружение, названное «Загородной ханской дом». По всей вероятности, это резиденция хана. Наконец, весьма интересной подробностью

²¹⁷ Bruel Peter Henry... his travels in Germany, Russia, London, 1782, p. 321.

²¹⁸ Цит. по С. Б. Ашурбейли — «Баку XVI—XVIII вв. по описаниям путешественников». Изв. АН Азерб. ССР» (отд. общ. наук), вып. 1, № 1, 1947, стр. 68.

²¹⁹ С. Б. Ашурбейли. Уж. соч., стр. 70.

²²⁰ Там же.

является указание на большие городские ворота — ворота, ведущие в город со стороны моря через караван-сарай, названный «Ханским». Вероятно, название «ханский караван-сарай» было связано с тем обстоятельством, что доходы его поступали непосредственно в ханскую казну. Возможно даже, что операции по взиманию различных торговых сборов с купцов, приезжавших в город морским путем, производились здесь. Караван-сарай этот входил в число зданий торгового комплекса.

В 1796 г. в связи с пребыванием в Азербайджане Экспедиционного корпуса генерала графа Зубова были сняты несколько чертежей и планов города Баку. Остановимся лишь на одном плане, датированном 1796 г. и подписанным «инженер-полковник и кавалер Христиан Трузсон»²²⁰. План довольно подробно фиксирует бакинскую крепость, планировку города и его окрестности; отмечает основные памятники архитектуры. Ряд планов, составленных позже — в начале XIX в., по всем данным, брали за основу данный план, добавляя те или иные подробности. Текст сопровождающий этот чертеж гласит: «План города Баки с лежащего около него в ситуациию. Изъяснение литер: А. Армянская церковь, В. Мечети, С. Ветхой шахской дом, Д. Ханской дом, Е. С товарами караван-сарай, F. Караван-сарай для помещения казенного провианта, G. Мечеть, назначенная также для хранения казенного провианта, H. Рынок, I. Обывательское строение, K. Колодцы.

Вне крепости: L. Замок, M. Мечеть, N. Незакрытой сарай и около него забор, O. Обывательское строение, P. Колодцы, Q. Кладбище и особые могилы, R. Водосточные трубы, проведенные из родников гор в крепость в колодцы, S. Бунты с названным провиантом, T. Пристань для выгрузки оного, U. Нефтяные колодцы, V. Огородные места».

Здесь мы не коснемся ряда зафиксированных по плану в городе и вне крепостных стен ценных архитектурных памятников, которые частично рассмотрены в первой главе работы. Отметим сейчас отсутствие на данном плане углублявшихся в море крепостных стен, что это имело место на плане 1723 г. Стены в дальнейшем не указываются и на других планах. Таким образом, напрашивается естественный вывод о сносе или разрушении этих стен к исходу XVIII в. Здесь показаны лишь остатки западного «фланга» их.

²²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, л. 21 665.

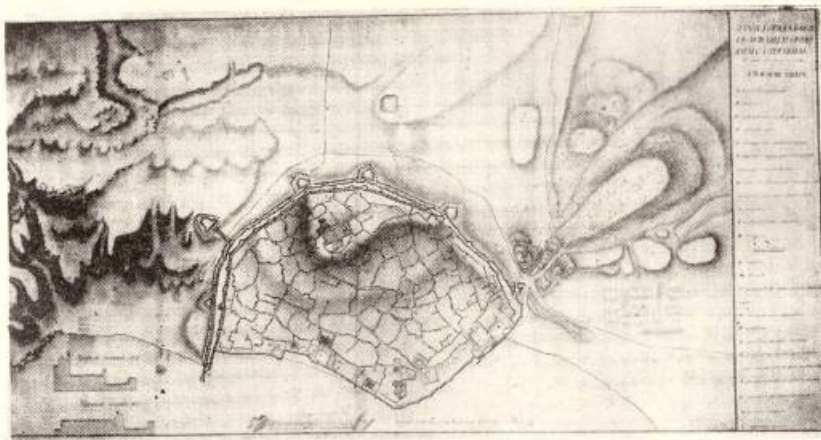

Рис. 71
Баку. План города, 1796 г.

К северу от крепости изображены многочисленные небольшие сооружения, названные в пояснении к плану обывательскими строениями. Судя по числу строений, это был целый жилой район, выросший вне городских стен. К северо-востоку от этих строений показан небольшой комплекс архитектурных памятников, а к западу от них — ряд погребальных сооружений.

Привлекает внимание указание линии водопровода, доставлявших в город воду, а также многочисленные колодцы, отмеченные как внутри крепости, так вне крепостных стен. Так как колодцы на плане имеют вид удлиненной формы строений, то можно уверенно сказать, что в данном случае под колодцами подразумеваются овданы.

В плане 1796 г. ясно обозначена главная улица Баку того времени, которая долгое время сохраняла свое значение в качестве таковой. Очевидно эту улицу имел в виду Эйхвальд, когда писал, что: «...я могу рекомендовать в Баку только одну улицу, которая неизвестными в геометрии линиями идет от Шемахинских ворот и пересекает почти весь город в направлении к морю, ту самую улицу, по которой я любил гулять вечерней порой при свете ярких бакинских звезд»²²¹.

²²¹ Путешествие Г. Эйхвальда. Библиотека для чтения, т. 26, ч. II. Спб, 1839, стр. 218. То же см. Березин, Путешествие по Дагестану и Закавказью, Казань, 1849.

Следующим по времени планом Баку, составляющим специального рассмотрения, является составленный поручиком Розье «План города Баку с показанием Окрут лежащей ситуации. Снят месяца октября 1806 года».

Отмечены следующие сооружения города: «Ханский дом. Шах Амир Халилова древ. замок. Калыс Хонзар. Большая башня. Джебехан, Башня где и арсенал. Брешь Батарея Российских войск в 1723 году. Главная мечеть. Загороженные ворота Бибейбат. Караван-сарай. Колодцы. Воденые ворота. Персидские кладбища. Башня бешхула...».

В отличие от плана 1796 г. здесь жилые строения на форштадте показаны расположенными значительно ближе к крепости в виде двух обособленных населенных пунктов. Группа строений непосредственно у крепости носит название «сел. Бахрышегер», очевидно, искаженное азербайджанское словосочетание «байыршехер» — внешний город, форштадт. Другая группа строений — северо-западнее первой, носит название «сел. Хальфедам».

Первая группа строений и дала в дальнейшем название всей застройке вне крепости, и население Баку поныне называет все, что вне крепости («Ичари шехер»), «байыршехером».

На форштадте отмечен ханский сад с оградой и крестообразной формы сооружением в центре сада. Ханский сад со строением внутри, интересный сам по себе, обращает на себя

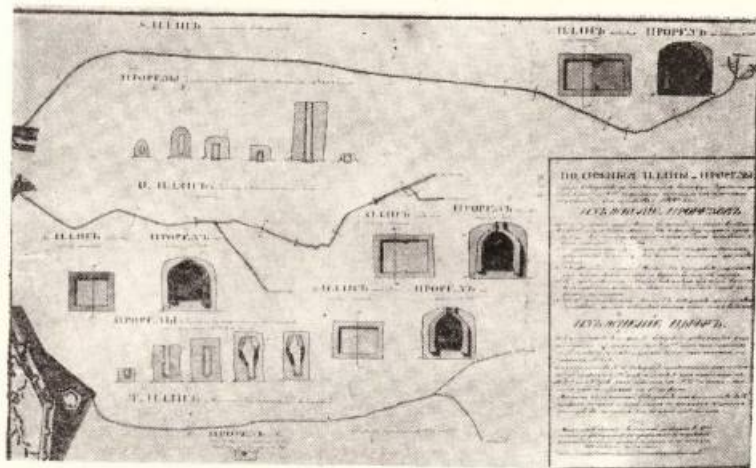

Рис. 73

Разрезы по линии водопроводов

В приведенных материалах нет прямых указаний на дату сооружения каждого из водопроводов. Однако названия водопроводов, по нашему мнению, позволяют установить время их сооружения.

Шахский водопровод, несомненно, был построен в XV в. Естественно, что строительство в XV в. в Баку зданий дворцового комплекса для ширваншахов обуславливало организацию его водоснабжения. Так как основные сооружения комплекса этого дворца относятся к 30—40 годам XV в., то, вероятно несколькими годами раньше был сооружен шахский водопровод. Раньше потому, что датируемые 30—40 годами сооружения — шахская мечеть и усыпальница, — возникли, очевидно, несколько позже после перевода резиденции ширваншахов в Баку. Таким образом, строительство Шахского водопровода мы относим к 20 годам XV в.

Мамедкулиханский водопровод может быть связан с именем того Мамедкули-хана, который был бакнским ханом в 1791—1792 гг.²³⁰ Третий из водопроводов носит имя последнего бакнского правителя — Гусейнкули-хана.

Нам кажется, что эти водопроводы были

названы именами указанных ханов в связи с проводившимися в период их правления ремонтами. Водопроводы же, вероятнее всего, были сооружены раньше, в XVII в., когда значение Баку как торгового города возросло и в нем развернулось значительное строительство.

Это предположение подтверждается тем, что Гусейнкулиханский водопровод в составленном в 1854 г. плане²³¹ назван частным водопроводом, проведенным шемахинским жителем Ага Микаилом. Такое переименование может быть объяснено тем, что, очевидно, заброшенный водопровод был отремонтирован и восстановлен Ага Микаилом.

Таковы данные о водоснабжении Баку в рассматриваемый нами период.

Ряд же планов Баку, датированных 1810 г. и позже, весьма ценные для прослеживания основных этапов роста и застройки форштадта города после присоединения Азербайджана к России и рассмотрены в соответствующей главе.

Кировабад

Кировабад, как и ряд других крупных исторических городов Азербайджана, подвергшийся многократным разрушениям, каждый

²³¹ ЦГВИА, ф. 349 (а), оп. 3, д. 3481.

раз восстанавливаемый, в историческом развитии неоднократно менял свое название. Первый период своего исторического развития город прошел под названием Гянджа. После занятия Гянджи русскими войсками в 1804 г. город был переименован в Елисаветполь. С 1918 г. город вновь стал называться Гянджой и, наконец, в 1935 г. был переименован в Кировабад в честь С. М. Кирова.

Письменные источники хотя и называют чаще всего VII или IX в., но время основания не относится к какой-либо определенной дате. Археологические раскопки показывают, что на месте Гянджи существовало древнее поселение, постепенный рост и расширение которого привели к сложению крупного города²³². Надо полагать, что уже в VII в. это поселение стало называться Гянджой (по-пехлевийски — сокровищница, казначейство) в силу своего богатства. Не лишено основания и предположение об идентичности городов Арран и Гянджан — о названии Гянджи Арраном в более ранние периоды²³³.

В связи с этим уместно провести параллель с Шемахой, которая первоначально называлась Ширваном, в последующем это название применялось только в отношении области, центром которой являлся город. В данном случае Арран стал далее применяться только в отношении области — средней, низменной части Азербайджана. Любопытно отметить, что мастер Мухаммед сын Махмуда, строивший в Амасии (Малая Азия) в первой половине XIII в., был уроженцем Аррана²³⁴. Если при этом иметь в виду, что мастера обычно называют в своих исбах города, а не области, то указание мастера на Арран, как на место своего происхождения, представляет определенный интерес.

В X в. Гянджа уже крупный город — столица Шаддадиев. В 1063 г. Гянджа окружалась крестовидными стенами²³⁵ с рвами и железными воротами. К началу XII в. Гянджа уже шла в первом ряду городов Передней Азии. Однако росту и благосостоянию города был нанесен ужасный удар катастрофическим землетрясением 1139 г., когда, по явно преувеличенным данным источников, погибли свыше 200 000

²³² И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Гянджи (родина Низами). Баку, 1949, стр. 101.

²³³ Там же, стр. 95.

²³⁴ Donald N. Weber. The architecture of Islamic Iran. New Jersey, 1955.

²³⁵ Ахмед ибн Лютфуллах. Джами ад-дувал, Труды Исламской истории АН Азерб. ССР, т. XII, Баку, 1957, стр. 218.

жителей. Несмотря на малоприемлемость в смысле своей достоверности, эта цифра все же свидетельствует о величине и об огромной населенности этого города.

Один из величайших умов средневековья, поэт и мыслитель Низами был уроженцем Гянджи. Катастрофе, постигшей родной город, он посвятил стихи, заканчивающиеся следующими строками:

«Все сломал он стекло. И под небом угрюмым
Сотни выступов стен наземь рухнули с шумом
Тьма сокровищ пропала. Но поминим дрожь!
В эту ночь на субботу исчезла Гянджа!»²³⁶.

Однако Гянджа оправилась после этой катастрофы. В течение XII и в начале XIII в. Гянджа — крупнейший центр производства, торговли и культуры.

Следующий удар городу был нанесен монгольским нашествием. Во время второго похода в Азербайджан им удалось после длительной осады взять город штурмом. Гянджа была почти полностью разрушена, и впоследствии, хотя и восстановленная, она уже не достигала прежнего блеска.

Проводившиеся в 1938—1940 гг. археологические раскопки на территории старой Гянджи помогли выяснению общих контуров старого города и выявили фундаменты ряда его сооружений. Наличие трех рядов мощных крепостных стен указывает, видимо, на быстрый рост города, границы которого расширялись по мере роста его значения и увеличения населения²³⁷.

Наряду с обнаруженными остатками крепостных стен, мостов, гидротехнических сооружений и прочего, представляла большой интерес характерная гянджинская смешанная кладка кирпича и камня, сообщавшая сооружению города своеобразный колорит²³⁸.

В течение XIV—XV вв. Гянджа оставалась значительным городом, но сведения о ней встречаются реже. Сведения о городе учащаются с XVI в., когда в связи с увеличением торговли шелком, с одной стороны, и непрерывными османо-сефевидскими войнами — с другой, многие города Азербайджана, в том числе и Гянджа, оказались в центре военных и политических событий.

²³⁶ Низами. Искендер-наме. Пер. К. Липскеровой. М., 1953, стр. 582.

²³⁷ И. М. Джафарзаде. Ук. соч.

²³⁸ И. П. Щербляки. Архитектурный облик Гянджи в XII в. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». Под ред. С. А. Дадашева и М. А. Усейнова. М.—Баку, 1947.

²³⁰ П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, стр. 280.

В 1587 г. Гянджа была захвачена турецкими войсками под командованием Фархад-пашы. Турки сразу приняли меры к укреплению города — была построена крепость. Город оставался в руках турок до 1606 г., до осады воеводскими войсками шаха Аббаса I. Осада города продолжалась четыре месяца и лишь после того, как были пушены в ход специально отлитые большого калибра пушки, крепость была взята 6-го июля 1606 г. Продолжительность осады, применение крупных орудий, а также минных подкопов, показывают, что город сильно пострадал во время осады и штурма.

Источники утверждают, что после занятия Гянджи шах Аббас приказал перенести город на новое место. По нашему мнению, речь могла идти о строительстве нового центра Кировабада, о котором ниже будет сказано, а не о перенесении всего города.

С нашим толкованием данных о перенесении города в начале XVII в. не расходится как будто и сообщение А. Бакиханова, который писал: «Шах (Шах Аббас I. — А. С.) перенес город Гянджу из прежнего места одним фарсахом (6—7 км) выше, где ныне находится площадь, обсаженная чинарами. Мечеть и караван-сарай остались после него великодушными памятниками. План их составил известный в Персии ученый шейх Багу-Еддин»²³⁹. Как видно, здесь речь идет о площади и о сооружениях, ее обрамлявших.

Думается, что после землетрясения 1139 г. и после разрушения города монголами в 1231 г., старая часть города восстанавливалась частично и продолжала существовать параллельно с новой частью. Территория примерно совпадала с нынешней территорией города. Окончательно старый город был заброшен, надо полагать, в конце XVI и начале XVII в. — после строительства турками крепости и основания шахом Аббасом нового центра города. В связи с этим вопросом представляют интерес путевые записки Арсения Суханова, проезжавшего через эти места в 50-х годах XVII в. Суханов пишет: «...в 17 день (июль 1652 г. — А. С.) приехал в Гянджу в обед, стали в караван-сарай. В 18 день поехали невеликими людьми, отъехав с версту, приехали на Старую Гянджу; место было гораздо велико, населено, и град был другой около его, и посад гораздо-велик был, старый-де шах разорил, тому лет сорок. Посреди посада, подле самого города, была река

велика, а ныне переведена на иное место. Град и всяко зданье по почву разбиты; однако мечеть стоит цела. От того места мало отъехав, почевали на поле...»²⁴⁰.

Суханов определенно указывает, что этот старый город был razoren шахом лет сорок назад. И это его сведение в целом соответствует истине. Однако, судя по тому, что сооружения были «по почву разбиты», т. е. до фундамента, едва ли можно думать, что все это произошло за 40 лет. До такого состояния старый город мог дойти только за очень продолжительный срок. Таким образом, в середине XVII в. старая Гянджа представляла давно заброшенное в основной части городище. Замечание А. Суханова на то, что это старый город «шах-де разорил», указывает на то обстоятельство, что еще в начале XVII в. часть городища была используема.

Неоднократно цитированный нами ранее турецкий путешественник О. Челеби, по пути из Еревана в Баку проезжавший в 1647 г. через Гянджу, называет ее большим городом, «крепость которого однако разрушена шахом». По его словам, в городе было шесть тысяч домов²⁴¹. Из расчета 7 человек на дом население города к тому времени можно определить примерно в 40 тысяч. Он отмечает наличие в городе множества садов, ряда общественного пользования сооружений, особо выделяя благоустроенность рыночного комплекса. В числе упоминаемых общественных сооружений постоянные дворы, бани, крытый рынок и «Имарет», что, судя по сообщениям о других городах, означал дом призрения. Вокруг города сплошные сады шелковичного дерева. «Гянджинская подкова, гянджинское железо так же знамениты, как и гянджинский шелк»²⁴².

К концу XVIII в. Гянджа — центр ханства с сильными укреплениями и «весьма немалый купеческий город»²⁴³. Чтобы взять в свое время гянджинскую крепость, Надир-шах вынужден был просить у русских помощи, приславших ему артиллерию и офицеров из Баку²⁴⁴.

Выше мы говорили, что планы азербайджанских городов XVIII в. в своих основных чертах мало чем отличались от планов тех же городов в XVII в. Поэтому дошедшие до нас

²³⁹ Прокснитариус Арсения Суханова 1649—1653 гг. «Православный валаевский сборник», т. VII, СПб, 1889, стр. 103—104.

²⁴⁰ О. Челеби. Ук. соч., стр. 286.

²⁴¹ Там же, стр. 287.

²⁴² Бурнашев. Описание областей Азербайджанских в Персии и их политическое состояние, Курск, 1793, стр. 11.

²⁴³ Lerche. Ук. соч., стр. 56.

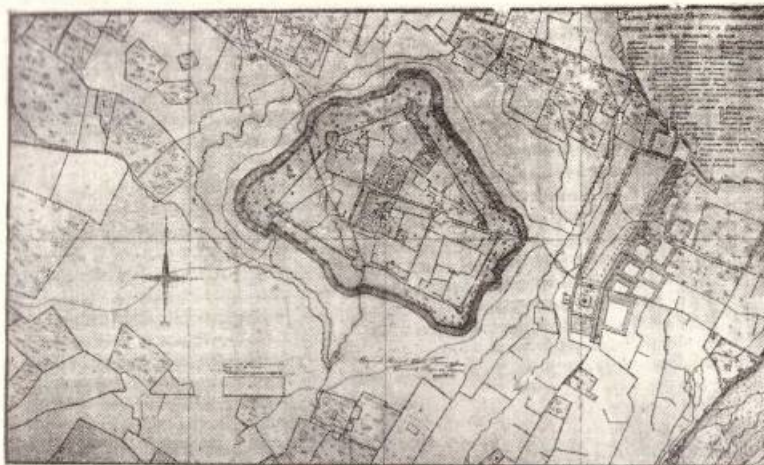

Рис. 74
Кировабад. План крепости Гянджи, 1797 г.

планы, датируемые XVIII в., могут быть признаны имеющими документальную силу и для XVII в., а в некоторых случаях и для более раннего периода. Это утверждение получает свое подтверждение на примере Гянджи.

Одним из наиболее интересных планов подобного рода является «План крепости Гянджи с показанием около лежащей экспланады и части форштадта»²⁴⁵. На плане имеется надпись: «Инженер-майор Иван Гартинг. Крепость Гянджа 24 февраля 1797».

Из даты чертежа можно сделать вывод, что этот план был составлен во время похода корпуса графа В. А. Зубова²⁴⁶, продолжавшегося с 1796 г. примерно до марта 1797 г., так как к марту уже был закончен вывод войск корпуса В. А. Зубова из Закавказья по повелению Павла I²⁴⁷.

Рассматриваемый план дает возможность следующим образом охарактеризовать Гянджу к исходу XVIII в. Город занимал обширную территорию, что было отчасти результатом наличия многочисленных садов. Делится на крепость и на форштадт, но в отличие, например, от Баку

того времени, форштадт здесь представлял не случайно разбросанную застройку, лишённую всяких защитных застав. Гянджинский форштадт включал центральный архитектурный комплекс города, многочисленные жилые постройки и сады. Он был обнесен глинобитной стеной.

Гянджинская крепость была неправильной шестиугольной формы. Внутри крепости вели двое ворот, расположенные на крайних восточной и западной сторонах. Внешние связи крепости осуществлялись тремя дорогами, обозначенными: 1) «Дорога в Ереван», 2) «Дорога в Шушу» и 3) «Дорога к реке Кура и в Тейлис». Обходящая крепость с северной стороны обходная дорога в виде полуокружности соединяла все три дороги между собою.

Крепость имела два ряда стен с расстоянием между ними, доходившем до 70—80 м. Основной стеной являлась внутренняя с шестью бастиями. Наружная стена имела довольно редко расставленные башни. Обширные сады и строения, расположенные вне крепости, на форштадте, были защищены только глинобитной стеной, также имевшей башни.

В самой крепости центральную часть занимала резиденция хана в виде цитадели. В плане помечен один бастион этой цитадели и в

²³⁹ А. К. Бакиханов. Гюкстан Ирам. Баку, 1926, стр. 98.

²⁴⁵ ЦГВИА, ф. 349, оп. 12, д. 6055.

²⁴⁶ В. Н. Левинтов. Очерки из истории Азербайджана в XVII веке. Баку, 1948, стр. 185.

²⁴⁷ Там же, стр. 188.

литерах указано: «Оставленная цитадель». Очевидно под этим подразумевалось, что цитадель к моменту составления плана города была оставлена.

Резиденция хана состояла из целого комплекса сооружений, включавшего несколько жилых зданий и продолговатое сводчатое сооружение, обозначенное как «каменная со сводами галерея, ведущая к ханскому строению»; оно имело специальные ворота, ведущие в цитадель. В комплексе входили внутренние дворы с несколькими фонтанами. Кроме того, в комплексе отмечено сооружение, названное «старый разрушенный каменный дворец».

Внутри крепости обращает на себя внимание наличие прямых улиц. Основные направления их — с северо-запада на юго-восток, почти с севера на юг.

Между двумя рядами стен крепости указаны какие-то сооружения, названные в пояснениях к чертежу «землянки, сделанные жителями во время осады крепости грузинским царем и шушинским ханом». Это замечание, по нашему мнению, указывает на то обстоятельство, что жители форштадта во время военных действий переселились в пространство между двумя рядами крепостных стен, проживая в этих землянках.

Важным дополнением к плану 1797 г. следует признать план «Крепости Гянджи», составленный в 1804 г.²⁴⁹ По всем данным, этот план является копией с плана 1797 г. с некоторыми дополнениями. Здесь показаны оборонительные сооружения, которые предполагалось добавить к Гянджинской крепости — шесть бастионов, пристроиваемых к наружной стене и связанные с внутренней стеной. Очень важным для нас являются названия бастионов-башен внутренней стены. По часовой стрелке, начиная от восточной башни, они названы: 1) Капу, 2) Ширали-бек, 3) Джафар-бек, 4) Юхары ханы, 5) Кафар-бек и 6) Каджи-хан. Около «Юхары ханы» находились главные ворота крепости, а около башни «Капу» ворота, названные в плане 1797 г. «тифлисскими». Это очевидно позднейшая приписка, так как сделана она карандашом.

Размеры города были значительны; город рос во все стороны от крепости, поэтому в рассматриваемом плане 1797 г. представлялась возможность показать только часть форштадта. Характерным для форштадта является наличие многочисленных садов, перемежающихся строениями.

Наше представление о Гяндже в целом значительно пополняется данными и некоторых других чертежей того времени, также хранящихся в ЦГВИА. Это прежде всего «План города Елисаветполя»²⁴⁹, очевидно, составленный уже после 1804 г. Выполненный карандашом и местами обведенный тушью план остался незаконченным: на план не была нанесена центральная часть города. Здесь мы видим весь контур глинобитных стен города с башнями, расстояние между которыми колеблется от 200 до 500 и более метров. И, наконец, мы имеем отдельно выполненный чертеж юго-восточной части города²⁵⁰. Этот чертеж также датирован 24 февраля 1797 г. и подписан инженер-майором Иваном Гартингом. Здесь интересными подробностями плана являются обширный «ханский зверинец» и «ханский сад». Под ханским зверинцем, очевидно, подразумеваются охотничьи угодья или заповедный лес, принадлежавший хану.

С точки зрения изучения истории градостроительства Азербайджана наиболее важными являются данные плана 1797 г., о крупном архитектурном комплексе, расположенном на форштадте города. Данный комплекс является, несомненно, главным архитектурным ансамблем, который группировался вокруг Джума-мечети, сохранившейся до наших дней. Площадь, вокруг которой располагались здание мечети и другие сооружения, имела неправильную четырехугольную форму с размерами в среднем 65 × 320 м и тянулась длинной стороной в направлении с северо-востока на юго-запад. Здание мечети занимало юго-западную, узкую сторону площади. Здесь ширина площади уменьшалась до 54 м, расширяясь на противоположной стороне до 85 м. Площадь по своему контуру была обсажена деревьями. Северо-западная и юго-восточная стороны были застроены сводчатыми помещениями лавок. С юго-восточной стороны за лавками был расположен ряд сооружений с замкнутыми дворами. Часть из них на плане отмечена как базары, а некоторые как «шелковые и бумажные фабрики». Северо-западная сторона площади занималась базаром, квадратным в плане, с главным входом, ориентированным на площадь.

Вокруг здания мечети зафиксировано медресе. За зданием мечети имелось кладбище, а с западной стороны, в непосредственной близости к ней стояла баня.

²⁴⁹ ЦГВИА, ВУА № 21938.

²⁵⁰ ЦГВИА, ф. 418, д. 763.

Эти данные, извлеченные из вышеуказанных чертежей, документально рисуют общую картину Гянджи к концу XVIII в., по город в целом выглядел, очевидно, почти таким же и в XVII в. Что это действительно так, выясняется из сравнения описаний города, относящихся к XVII в. или к рубежу XVII и XVIII вв. Вот описание аббата Аврела Филиппа²⁵¹: «Гянджа — один из лучших городов Персии, расположен на прелестной равнине... Множество ручьев, протекающих там, которыми с выгодой пользуются для орошения садов, занимающих большую часть города, не мало содействует тому, чтобы сделать почву окрестностей прекрасной и плодородной. Персы называют этот поистине восхитительный уезд не иначе, как цветником империи. Базары, или рынки, расположенные в центре города, самые красивые и самые великолепные из всех, какие я видел на Востоке. Не говоря уже об их необыкновенных размерах, они все очень хорошо покрыты сводами и всякий род товаров занимает свою определенную часть их. Так как расположение Гянджи очень выгодно в торговом отношении, то в ней во всякое время встречаешь громадную толпу всяких иностранцев».

²⁵¹ Avrelle Philippe, Curieuse Reis durch unterschiedene Staaten in Europa und Asia. Hamburg, 1705, стр. 76.

Рис. 75.
Кировабад. План центральной площади города по чертежу XVIII в.
(а) Фрагмент крепости по фото XIX в.

Отмеченные в приведенной выдержке особенности города полностью согласуются с данными его плана. В «базарах, или рынках, расположенных в центре города» нельзя не узнать зафиксированный в плане архитектурный ком-

блике вокруг площади Джума-мечети. Сравнительно план этого комплекса с описанием, убеждает, что А. Филипп не преувеличивает, когда говорит «об их необыкновенных размерах». Действительно, это целый городок, занимавший площадь в несколько гектаров. Восхищение А. Филиппа «самыми красивыми и самыми великолепными из всех на Востоке» рынков и базаров, доказывает, что отделе сооружений, входивших в этот комплекс, было уделено большое внимание. «Множество ручьев», упоминаемое в описании, несомненно представляли не естественные ручьи, а искусственные оросительные каналы-арьки. Действительно, на план 1797 г. нанесено несколько каналов, пересекающих город в самых различных направлениях. Лишь одному из этих каналов дано пояснение в «изъяснении литер» с указанием, что это «канавка, проведенная сквозь крепость». Входя в крепость с южной стороны, канавка пересекала ее и у северо-западной части крепостных стен соединяла с другими канавками. Судя по всему, этот канал в первую очередь использовался для ирригации ханской цитадели. На это прямо указывает пояснение к литере «О», обозначающей на плане точку пересечения этого канала со стеной: «место, где вода в город входит для ирригации фонтанов». В данном случае имеются в виду, очевидно, фонтаны специально отмеченные в плане внутри ханской цитадели.

Голландский путешественник начала XVIII в. Корнелиус де Бруин в следующих выражениях описывает Гянджу, правда, на основе сведений, полученных из вторых рук: «Город Канджа удаленный от Шемахи на 50 лье, в четыре раза больше чем она, в нем много каменных зданий, большинство в два этажа, красивые широкие улицы, brave базары и красивые караван-сарай, большой и обширный дворец губернатора; через город протекает красивая река; в нем много садов... изобилие фруктов... так что город может считаться одним из лучших во всей Персии»²⁵².

Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что зафиксированная на публикуемых планах конца XVIII в. планировка Гянджи имеет документальное значение и в отношении выяснения архитектурно-планировочного облика города в XVIII в. При общем ластойном характере градостроительства в XVIII в. такое положение — сохранение об-

щего облика города неизменным в течение целого века — нас не должно удивлять.

Имея в настоящее время ряд планов города Баку XVIII в., планы города Шемахи, составленные в начале XIX в., располагая описанием ряда современников, мы имеем возможность установить значительное превосходство Гянджи XVII—XVIII вв. над другими городами северного Азербайджана того времени. Устанавливаются значительные размеры Гянджи с весьма продуманной правильной планировкой, наличие в городе крупных архитектурных комплексов, существование развитого для своего времени городского благоустройства, обилие зелени.

К концу XVIII и в начале XIX в. в период русско-персидских войн Кировабад оказался в центре военных действий. После кратковременного пребывания русских войск в городе в 1796 г., правитель Гянджи, державший персидскую ориентацию, усилил оборону города, превратив его в далеко продвинутой форпост Персии в Закавказье. В 1804 г. после месячной осады Гянджа была взята штурмом и переименована в Елисаветполь. Командовавший русскими войсками князь Цицианов установил штраф в 1 рубль серебром за употребление старого названия города²⁵³.

В ходе военных действий, однако, Гянджа была оставлена русскими войсками, а затем окончательно занята после елисаветпольского сражения, происшедшего 13 сентября 1826 г. между русскими и персидскими войсками.

Вхождение Азербайджана в состав России, имевшее прогрессивное значение для развития страны, было опутимо прежде всего в области градостроительства. Однако и Кировабаде, как и в других городах Азербайджана, исключая Шемаху, изменения архитектурного облика и планировочной структуры города относятся ко второй половине XIX в., к пореформенному периоду. До этого облик Гянджи оставался прежним, скорее даже регрессировал. Дело, видимо, в том, что старые порядки содержания города были нарушены, а новые еще не вступили в действие. Кроме того, надо иметь в виду, что в начале XIX в. по тридцатые годы Гянджа находилась в самом центре военных действий, естественно, самым отрицательным образом влиявших на состояние города. А состояние его, судя по сохранившемуся описанию того времени, было неприглядным. В заключительной части

этого описания констатировалось: «1) величайшая неопрятность; 2) недостаток присмотра за каналами, которые засоряясь, наводняют и продолжают иногда весьма долго времени узкие с высокими стенами улицы и заражают воздух дурными испарениями; 3) теснота улиц, в которых высокие стены домов препятствуют движению воздуха; 4) орошение водой городских садов, расположенных на большом пространстве; 5) портящиеся в летнее время воду Гянджинки»²⁵⁴.

Санитарному состоянию Гянджи и ее благоустройству особый вред наносился заблаговременным территории города при орошении садов. В мероприятиях, рекомендованных в связи с необходимостью улучшения сложившегося положения, предлагалось: «...не разводить в огородах, которые расположены в городе и селениях, табаку, хмеля, чалтыка, льна и хлопчатой бумаги; осушить посредством каналов болотистые места, особенно находящиеся поблизости жилищ...». В 1835—1836 гг. были начаты работы по восстановлению кягриза, «подземного канала, дающего в летние жары прохладную и здоровую воду. Он испорчен был Лжеват-ханом Гянджинским»²⁵⁵.

Гянджа того времени состояла из трех основных частей — собственно Гянджи, из обширного раскинувшегося на левом берегу района Багманлар, славившегося своими садами, и так называемого Килсекеит, находившегося на правом берегу. Весь город, включая Багманлар, имел в окружности 17 верст. Город изобилывал зеленью. «Во многих улицах посажены чинары, вербы и другие деревья, которые густые ветви, в виде свода, висят над улицей и в удивительные летние жары дают отрадную тень; по всем улицам проведены каналы для протока воды»²⁵⁶.

В городе в то время было 2000 домов и при них более 1300 садов с фруктовыми деревьями и виноградниками.

В течение этого периода Гянджа по своему административному и экономическому значению отставала от Шемахи, Нухи и Шуши. Благоприятные условия для сравнительно быстрого развития города появились после образования в 1868 г. Елисаветпольской губернии и преобразования города в ее центр.

Однако развитие города, связанное с разрывом в нем довольно интенсивным

строительством, определено не только его административным значением как губернского города, но и экономическим развитием всего района в целом, возросшим производством зерна, шелководства, хлопководства и других отраслей сельского хозяйства в Елисаветпольской губернии²⁵⁷. Гянджа становится одним из крупнейших центров хлебной торговли в Закавказье.

В результате роста значения и экономики города, в 80-х годах XIX в. в Гяндже проводится ряд градостроительных мероприятий, которые рассмотрены нами в главе о прогрессивных последствиях вхождения Азербайджана в состав России для развития его архитектуры.

Шемаха

Очень немногие города имеют такое богатое событиями и связанное с падением и новым подъемом прошлое, как Шемаха — один из древнейших городов Азербайджана. Шемаха занимает в истории и в истории культуры Азербайджана исключительно важное место. Многие до настоящего времени лжившиеся вопросы истории страны и особенно ее культуры связаны с Шемахой. Всестороннее изучение истории города несомненно внесет очень многое и воссоздание общего процесса развития материальной и духовной культуры Азербайджана.

Своеобразие истории города определяется не только частыми изменениями в социально-политической судьбе его, но и теми катастрофическими землетрясениями; которые иногда более существенно влияли на судьбу города, чем крупнейшие социально-политические изменения. Эти катастрофические землетрясения не только сыграли роковую роль в постепенном падении значения города, но также явились причиной исчезновения данных, которые могли бы послужить сегодня базой для воссоздания его истории и архитектурного облика. Исчезли не только сооружения города, но и многочисленные письменные источники, связанные с самим городом — многовековым центром государства ширваншахов. Поэтому такое большое значение приобретают описания путешественников, часто являющиеся единственным источником наших знаний о Шемахе.

На территории Шемахи не проведено еще археологических раскопок. Имеющиеся дан-

²⁵² Cornelis de Bruin, Reizen over Moskou door Perse en Indie, Amsterdam, 1711, стр. 104.

²⁵³ Л. Бретаницкий, А. Саламадзе, Кировабад, М., 1960.

²⁵⁴ П. Флоровский, Елисаветпольский округ. «Обзорные Российских владений за Кавказом», ч. II, СПб., 1836, стр. 333.

²⁵⁵ Там же, Ук. соч., стр. 357.

²⁵⁶ Там же, Ук. соч., стр. 357.

²⁵⁷ И. Л. Сегаль, Сборник сведений о Елисаветпольской губернии, Тифлис, 1902, стр. 43.

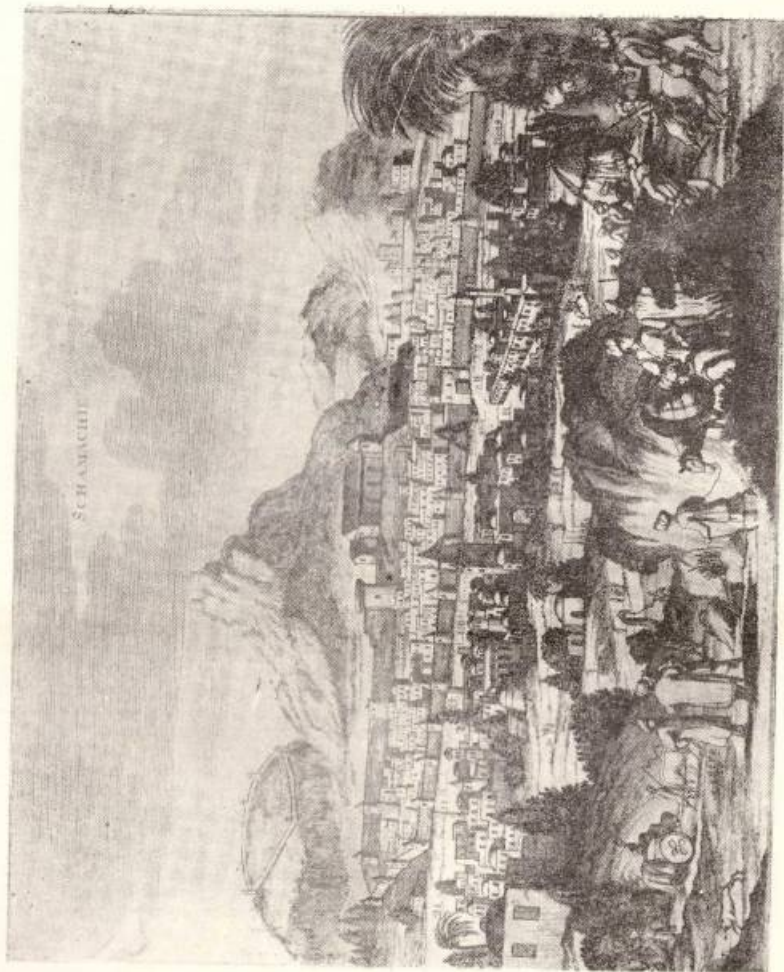

Рис. 76
Шемаха. Зарисовка из книги Адама Османли, XVII в.

ные сейчас позволяют довольно точно определить территорию, раскопки на которой несомненно дали бы значительный материал об архитектурных сооружениях города.

Прежде чем перейти к изложению данных, рисующих градостроительную структуру города в XVI—XIX вв., попытаемся кратко резюмировать основные данные, относящиеся к истории развития Шемахи до XVI в.

Некоторые исследователи, например, С. Броневский, склонны отождествлять Шемаху с древним городом Камехия²⁵⁸.

Историческая же традиция относит основание города к сасанидскому периоду. В качестве основателей города называют сасанидских царей Ануширвана или Ездегерда. Во всяком случае город известен еще до завоевания Азербайджана арабами, но под названием Ширван. Название города Ширван обычно связывают со сведениями об основании его Ануширваном²⁵⁹. После завоевания Азербайджана арабами, город на некоторое время становится резиденцией местных правителей, а в дальнейшем и арабского наместника²⁶⁰. К этому времени, очевидно, относится изменение названия города и он становится известным как Шемаха. Наиболее распространенное мнение объясняет слово «Шемаха», как словосочетание «Шам + Ахи», т. е. составное от слова «Шам» (арабское название города Дамаск) и арабского слова «Ахи» означающее «брат», «подобный». Таким образом, слово «Шемаха» должно объясняться как «подобный Дамаску». По мнению делающих такой вывод, город могли так называть арабские переселенцы из района Дамаска²⁶¹ в Сирии. Можно предполагать, что название города происходит от арабского

слова «Шэмэхэ» — شَمَخْ — быть высоким²⁶², которое в дальнейшем приняло форму شَمَخِي.

Существуют и другие соображения о названии города²⁶³.

Расцвет Шемахи до рассматриваемого на-

²⁵⁸ С. П. Зелинский. Описание города Шемахи Тифлис, 1896, стр. 2.

²⁵⁹ حاجی زین العابدین شیروانی - بوستان السیاحه تهران ۱۳۱۵, стр. 318.

²⁶⁰ В. Догл. Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. Mem. del'Academie, VI serie, t. IV.

²⁶¹ См. О. Челеби. Ук. соч., стр. 294.

²⁶² Арабско-русский словарь. Сост. проф. Х. К. Бартолов. М., 1957, стр. 522.

²⁶³ Шарифли. Из истории города Шемахи (на азерб. яз.). «Ив. АзФАН СССР», 1944, № 8. См. также С. П. Зелинский, Ук. соч.

ми времени был связан с периодом правления ширваншахов кесранидов. Став столицей самостоятельного государства, Шемаха приобретает большое значение как политический, культурный и торговый центр. В XII в. культурное значение города распространяется далеко за пределы Ширвана. Как Низами в Гяндже, так и Хагани в Шемахе воплощает в себе высокий уровень культуры Азербайджана. Уже в этот период землетрясение влияет на судьбы города. В 1176 г. происходит зафиксированное источниками катастрофической силы землетрясение. С этим обстоятельством связано, вероятно, кратковременное перенесение в конце XII в. резиденции ширваншахов в Баку.

Подробное и последовательное рассмотрение данных, относящихся к периоду до XVI в., не входит в нашу задачу. Хотелось бы коснуться лишь одного вопроса. В настоящее время принято считать, что в XV в. резиденция ширваншахов была перенесена в Баку. Такое мнение основывается на возросшем в XV в. значении Баку и строительстве здесь комплекса дворца ширваншахов. Нам однако кажется, что эти факты надо толковать в том смысле, что Баку к тому времени приобрел значение второй резиденции ширваншахов, и Шемаха отнюдь не была оставлена как столица. Иначе нам трудно объяснить то, что путешественники XV в. указывают на Шемаху как на столицу Ширвана.

Во всех войнах XV в. неприятельские войска направляют свой удар на Шемаху — столицу государства. Осуществляя свой поход на Ширван в 1500 г. шах Исмаил также идет на Шемаху, где находился и ширваншах Фаррух-Яссар. В Баку же правителем был сын ширваншаха — Гази-бек²⁶⁴. Именно такая дислокация сил показывает, что Баку был лишь второй резиденцией, и Шемаха продолжала оставаться основной столицей государства. Этот вывод важен для истории градостроительства Азербайджана в том смысле, что дает основание предполагать, что Шемаха в течение XV в. должна была являться центром большого строительства — монументальных сооружений, не менее значительных, чем в Баку.

Конец XV в. явился рубежом в истории Шемахи. Поражение войск ширваншаха в борьбе с шахом Исмаилом, взятие Шемахи и Баку сразу поставили Ширван в вассальную зависимость от государства сефевидов, но до 1537 г. Ширван сохраняет свою фактическую независимость. У нас нет данных, которые поз-

²⁶⁴ История Азербайджана, т. 1, стр. 225.

могли бы нарисовать картину Шемахи в эти годы.

С 1538 г. Ширван становится провинцией Сефевидского государства. Первым наместником — беглярбеком назначается брат шаха Тахмасип I — Алхас-мирза. После периода, последовавшего за мятежом Алхас-мирзы против центральной власти, беглярбеком Ширвана стал глава племени Устджлу Абдулла-хан. С правлением Абдулла-хана связан значительный период мирового развития города и возрастание его значения, что видно из того факта, что Абдулла-хана часто называют королем. Вот что пишет английский купец А. Дженкинсон: «Я прибыл 18-го того же месяца (августа. — А. С.) в город, называемый Шемаха (Shamaku), в вышеозначенной стране Гирканин, иначе называемый Ширваном. В этом прекрасном королевском городе (курсив наш. — А. С.) мне было отведено помещение, а товары разгружены. На следующий день, 19-го, я получил приказание явиться к королю по имени Абдулла-хан»²⁶⁵.

Очень важным обстоятельством является тот факт, что в дальнейшем говоря о ряде городов, даже о таких как Тебриз и Казвин, Дженкинсон не применяет эпитет «прекрасный город». Это может быть объяснено только прекрасным состоянием Шемахи ко времени приезда англичанина туда в 1562 г. Ему вторит другой англичанин Джеффри Дэкэт, побывавший в Шемахе на несколько лет позже: «Шемаха — лучший город во всей Мидии; главнейший товар этой страны — шелк-сырец, которого великое множество в городе, лежащем в 3 днях пути от Шемахи и называемом Арраш»²⁶⁶.

Таким образом, во второй половине XVI в., ко времени возобновления турецких нашествий на Азербайджан, Шемаха переживала период расцвета. Многочисленные, возведенные из прекрасного тесаного камня капитальные здания города производили на иностранцев самое благоприятное впечатление.

Начавшиеся опустошительные войны не могли не оказать отрицательного влияния на торговлю и рост города. Обосновавшись в 80-х годах в Шемахе, турки были озабочены в первую очередь ее укреплением. В 991 г. х. (1583 г. н. э.) было начато строительство шемахинской внешней крепости, завершённой, по сообщению

источника, в 45 дней²⁶⁷. Далее автор сообщает, что «в течение нескольких дней было совершенно возведение башен и валов цитадели». В связи с этим сообщением возникает вопрос о том, имел ли город укрепления до этого?

Если присмотреться к сведениям об истории Шемахи до этого времени, внимание привлекает одна деталь. При нападении врагов на Ширван и Шемаху ширваншахи обычно не дают боя в самом городе; они обычно запираются в крепости «Гюлистан» или «Кале-и бургурд». Сейчас нам трудно объяснить причину такого поведения правителей Ширвана, но для нас важен сам факт, откуда, очевидно, необходимо сделать вывод, что Шемаха не имела крепостных стен до 1587 г., но, по-видимому, город имел укрепленную цитадель и ранее, поскольку источник говорит о возведении внешней крепости, а говоря о цитадели отмечает возведение башен и валов. Очевидно, в отношении цитадели речь шла о возобновлении уже существовавших сооружений. Наше соображение об отсутствии внешних укреплений в Шемахе до конца XVI в. и связанная с этим тактика оставления города при приближении врага, еще более убедительно воспринимается при анализе иного поведения защитников города в дальнейших событиях.

По сообщению Искендера Мушши, когда шах Аббас в 1607 г. осадил Шемаху, «несмотря на отвоёвание Баку и Дербенда, турецкий гарнизон в Шемахе продолжал стойко сопротивляться. Наконец, город был взят штурмом»²⁶⁸. Осада Шемахи продолжалась несколько месяцев²⁶⁹. Это стало возможным только благодаря вновь построенным мощным укреплениям.

Не требует особых доказательств, что сооружение крепостных стен оказывает существенное влияние на структуру города. Поэтому можно констатировать, что к исходу XVI в., в связи с укреплением города Шемаха приобрела новые градостроительные черты, судя по описаниям, определявшие общий облик города на протяжении почти всего XVII в.

Уже Искендер Мушши отмечает сложившийся характер структуры города. Он говорит о построенной османами крепости и других укреплениях столицы Ширвана, о ее разделении на две основные части: «южную — обиталище

бедных райатов, и северную — месторасположение дворцов и домов бывших шахов и правителей»²⁷⁰. Он отметил, что к началу XVII в. каждая из этих частей была превращена турками в отдельные крепости, соединенные между собой. Северная сторона города считалась, по его словам, неприступной крепостью²⁷¹.

После взятия Шемахи шах Аббас, как и в ряде других городов Азербайджана, приказал снести внешние стены города. Вообще в период войны с османской Турцией шах Аббас вел политику «выжженной земли». Он уничтожал не только крепости, но практиковал и выселение населения целых городов. Его действия не могли не привести к падению значения ряда городов и едва ли его дальнейшее строительные мероприятия, о которых так много говорят историки, могли компенсировать им же разрушенное.

Одним из наиболее ценных свидетельств об общем облике и состоянии Шемахи в первой половине XVII в. являются данные А. Олеария, члена голландского посольства к Иранскому шаху: «Раньше она имела гораздо большую окружность и до 5000 очагов, но очень уменьшилась во времена шаха Аббаса вследствие войн с турками. Она состоит из двух различных частей, которые обе были окружены стенами. Так как шах Аббас заметил, что турки больше нападали на защищенные и укрепленные места, стараясь занять их, и проходили мимо открытых местечек, и так как он полагал, что крепости, лежащие не у границ или проходов, но посредине страны для него более вредны, чем полезны, он велел сам снести укрепления в южной части, которая имела наиболее сильную стену, так что она лежит теперь вроде открытого местечка. В том же роде было поступлено и с большими городами Тебриз, Нахджуан (Нахичевань) и Кендже»²⁷².

И далее: «Северная часть несколько меньше; она лежала у холма и окружностью почти столь же велика, как Лейпциг. Окружена она каменной, но плохой стеною без особого рва, так что и при закрытых воротах можно пробраться в город. В городе 5 ворот. Улицы в обеих частях очень узки и низкими каменными, глиняными и земляными домами»²⁷³.

Следует отметить, что как цитированное, так и дальнейшее описание А. Олеария совпа-

дает с зарисовкой города Шемахи, приложенной к его книге. Однако не согласуется с его сообщением о плохом состоянии стен, их плохой вид на зарисовке. Ценно сообщение А. Олеария и о шемахинском базаре: «На южной стороне города имеется большой рынок или «базар» с несколькими различного вида крытыми улицами, в которых помещаются их лавки с разными товарами: пестрой бумажной тканью, шелком, серебряной и золотой парчой, луками, стрелами, саблями и другой ручной работою; все это можно купить по дешевой цене. Тут же на рынке 2 нактауза, или гостиница двора с разными ходами и каморками, куда являются чужие купцы и торгуют оптом. Один из них называется Шах-караван-сарай. Здесь останавливаются русские, торгующие оловом, медью, юфтом и соболями. Другой называется Лезги-караван-сарай, куда заходят черкаские татары»²⁷⁴.

Менее точны сведения Олеария в отношении отдельных сооружений города, например, о банях, число которых, по его словам, всего три.

Соответственно сообщению Олеария о разделении города на северную и южную части, в его рисунке северная часть города показана совершенно обособленной, окруженной стеной. В северной части города наиболее крупным объемом является ханский дом (Des Chans Haus), затем дом Калентара.

Между северной и южной частями города изображен пустырь, отмеченный как скотный базар (Viehe Marckt). В городе обозначена одна широкая улица, названная «дорога к базару» (Weg zum Basar). В этой части города показаны упоминаемые в тексте Шахский и Лезгинский караван-сарай, судя по рисунку, представлявшие собой обычного типа городские караван-сарай с прямоугольными внутренними дворами с аркадой.

Хорошими дополнениями к описанию А. Олеария являются сведения турецкого путешественника Оалия Челеби, бывшего в Шемахе примерно на 20 лет позже, и русского путешественника О. А. Котова.

Оалия Челеби отмечает, что цитадель города находится в хорошем благоустроенном состоянии. Нижняя же крепость, сообщает он, местами разрушена. В городе, по его подсчетам, около 7000 благоустроенных домов, имеющих плоскую земляную кровлю²⁷⁵. Он отметил важную градостроительную особенность

²⁶⁷ Мухамед бин Мухаммед. Нухбет тебрих. Стамбул, 1276 г., стр. 153.

²⁶⁸ Цит. по кн.: А. А. Рахмани. Тарихи Алям Арай-и Аббаси как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, стр. 111.

²⁶⁹ Там же, стр. 110.

²⁷⁰ А. А. Рахмани. Ук. соч., стр. 110.

²⁷¹ Там же, стр. 148.

²⁷² А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 462.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ А. Олеарий. Ук. соч., стр. 463.

²⁷⁵ О. Челеби. Ук. соч., стр. 296.

²⁶⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М.—Л., 1937, стр. 113.

²⁶⁶ Там же, стр. 255.

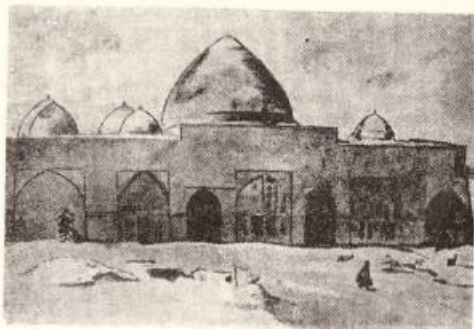

Рис. 77
Шемаха. Мечеть. Из зарисовок худ. Г. Гагарина. XIX в.

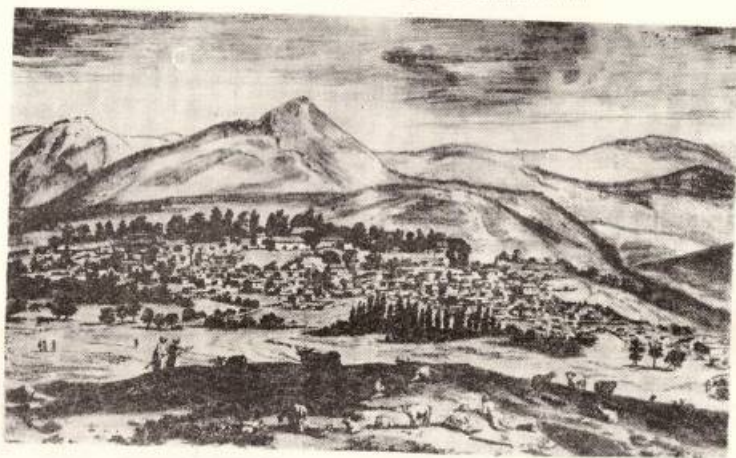

Рис. 78
Шемаха. Зарисовка из книги Данпера. XVII в.

города — перед каждым домом течет ручеек, несомненно, это арыки, т. е. искусственные каналы. По его словам, город имеет бесчисленное множество садов и дворовых садиков. Видимо, для их орошения и предназначались арыки.

Овлиа Челеби утверждает, что город делился на 26 районов. Называет из них он только два — Мейдан и Шануран — примечательных, по его словам, типично украшенными домами. Это видимо, районы, заселенные бо-

гачейшими жителями города. Как во всех своих сообщениях, Овлиа Челеби дает точную цифру культовых сооружений города, говоря, что в городе 70 михрабов. В это число, очевидно, входили мечети, медресе, текийе и другие подобные сооружения. Он определяет количество медресе цифрой 7. Перечисляет по названию четыре крупнейших мечети, наиболее посещаемой из которых является «Большая мечеть», расположенная в форштадте (варош) и построенная в сефевидское время. Эта ме-

веть имела бассейны во дворе, шадран и вокруг двора — худжри (кельи) для проходящих духовное учение.

Город имел одну трапециевидную *محارت طعام* построенную шахом Ходабанде²⁷⁶, сорок школ для детей и 7 бань. Наилучшей по местоположению и по внутренней вентиляции была «Бани Шабуди» *شابدی حمامی* с несколькими отдельными номерами, бассейнами и фонтаном. Находившиеся за крепостью бани Казан-хана, Фарадж-хана и расположенная вблизи крепости бани Хасан-хана также относились к числу наиболее известных бань. Кроме этих общих бань, в каждом саду имелись баня и бассейн.

В отличие от других путешественников, обычно называющих очень скромные цифры караван-сараяв (порядка семи), Овлиа указывает на наличие «до сорока четырех каменных караван-сараяв»²⁷⁷, до двухсот лавок, тут же отмечая отсутствие в городе крытого рынка. Особо отмечает он благоустроенность кофеен Шемахи.

Сведения О. А. Котова любопытны некоторыми отсутствующими у других данными. Он пишет: «...а кругом города ров и ворота железом обиты, а посад и ряды и караван-сарай стоит за городом. А в Шемахе семь караван-сараяв, все каменные и воды на всех, а текут из столбов каменных, привожены из гор по подземелью, а стоят караван-сарай промеж рядами Тезичел (?)»²⁷⁸ армянской на том и русские люди торгуют, лязгинский, гиланский, бухарской и иные караван-сарай и местом велик... Да от Шемахи же с полагача на полночь стоят два сада шахов, сад да шемахинского хана, а в них всякие овощи и всякие цветы и поляты в них каменные и воды в каменных ерданях (ердань — резервуар)»²⁷⁹.

В сообщении Котова наиболее ценными для нас являются указания на наличие ровов и железных городских ворот и на хорошо налаженное водоснабжение города. Даже эти краткие данные не оставляют сомнений, что Шемаха снабжалась водой системой кягрнза, подобно бакинской²⁸⁰. Особенно интересен при-

водимый им термин «ердань», объясненный издателями как резервуар. Надо полагать, что этот термин происходит от азербайджанского слова — *жер* — земля, в данном случае: «хранилище в земле». Несомненно, что мы имеем здесь дело с тем, что известно на Аншероне под названием овдан.

Приводимые описания А. Олария, О. Челеби и О. А. Котова в совокупности с зарисовкой города, сделанной Оларием, дают довольно ясную картину большого благоустроенного оживленного города. Не лишена, конечно, интереса и оценка современниками количества жителей Шемахи. Указание Овлиа Челеби на 7000 домов, казалось бы, дает основание определить население города примерно в 40—50 тысяч человек. Другие же источники позволяют считать, что в Шемахе было значительно больше населения. Вот что пишет аббат Аврил Филипп, бывший в Шемахе в 80-х годах XVII в.: «Шемаха, которая была одной из знаменитейших и населеннейших городов Персии, из своего цветущего состояния, в котором еще несколько лет назад находилась, пришла ныне в упадок. Сильное землетрясение, происшедшее лет 12 тому назад, превратило город в развалины. Рухнуло от 5 до 6 тысяч домов, под обломками погибло так много жителей, что теперь жителей не больше половины того, что было раньше. Все же в городе еще насчитывается от 50 до 60 тысяч жителей; и, может быть, во всем государстве нет другого места, где было бы столько чужестранцев. Здесь большое количество армян, индусов, москвитян, грузин, греков, турков, *Circassier* (?) и много других народов. Из-за великолетия страны отовсюду здесь оседают. Из-за скопления такого разного народа, мы пожелали здесь учредить миссию»²⁸¹.

По оценке А. Филиппа получается, что население города до землетрясения достигало 100 000 человек, что кажется вполне достоверной цифрой, если учесть, что всего 12 лет после землетрясения город имел такое многочисленное население, являясь главным пунктом международных связей Сефевидского государства.

В преувеличенных тонах о шемахинском землетрясении сообщает Тавернье: «Однако при моей последней поездке в Тавриз слышал, что город был перевернут вверх дном (*von Oberst zu unter*) свирепым землетрясением»²⁸².

²⁸¹ Avrille Philippe, *Uk. соч.*, стр. 80 и 81.
²⁸² J. B. Tavernier, *Vierzig-jährige Reisebeschreibung in dreym Theilen. Nürnberg, 1681, кн. 3, глава II*

²⁷⁶ О. Челеби, *Ук. соч.*, стр. 296.

²⁷⁷ Там же, стр. 297.

²⁷⁸ Возможно, надо читать — *кягрнза*; таджик — *кягрнза*.

²⁷⁹ М. Перовский. *Хождение на Восток* О. А. Котова в первой четверти XVII в. СПб., 1907, стр. 12.

²⁸⁰ А. В. Саламзаде. О бакинском водопроводе феодального периода. «ДАН АН Азерб. ССР», т. XII, № 3, 1956.

По всем данным речь идет о землетрясении, происшедшем в январе 1669 г., когда, по определению академика Абиха, погибло до 8000 человек²⁸³.

Резюмируя сведения, почерпнутые из источников, относящихся к XVII в., можно констатировать, что, несмотря на то, что после XVI в. Шемаха теряет значение политико-административного центра и военной крепости, город продолжает занимать важнейшее место как центр торговли и ремесленно-промышленного производства, чем и была обусловлена многочисленность населения города и внушительный фонд капитальных зданий в городе. Кроме основного предмета торговли, — шелка, авторы упоминают и многие другие предметы, которые в городе не только продают, но и производят. «А товары в Шемахе всяки, шелков много крашено и сыру, а шолк в Шемахе красят, а сырой шолк родится около Шемахи по деревням», — говорит О. А. Котов²⁸⁴. А. Оларий, как видим, дает большой список товаров, включая в него текстильные и металлические изделия, различные изделия, украшенные вышивкой. Обилие разнообразной сельскохозяйственной продукции отмечает Овдия Челеби и др.

Через Шемаху шла также большая часть торговли нефтью и солью, добываемых в Баку. Специи, которые занимали в торговле того времени большое место, шли через Шемаху в соседние страны, особенно в Россию. «Специи из Индии идут в большой город Шемаху, а из этого места в Баку... Здесь специи погружают на суда и везут в Астрахань»²⁸⁵.

Шемаха долгое время оставалась важным центром еще и потому, что посольства и различные политические и торговые миссии, направлявшиеся в Персию из европейских стран и из России, в течение всего XVI и XVII вв. проходили через Шемаху. Особенно важное значение для Шемахи имели оживленные торговые связи с Россией. Она служила также пунктом, через который поддерживалась связь России с Грузией²⁸⁶. В это время Шемаха — подлинный дипломатический и консульский пункт. Политическое значение города наилучшим образом характеризуется той ролью, ко-

торую шемахинский Хосров-хан сыграл в середине XVII в. в конфликте России с Персией. В наиболее критический момент этого конфликта, в 1653 г., под его командованием было отдано войско Гянджинского, Эриванского, Ардебильского, Тавризского ханств и других областей. Хосров-хан выступал с самостоятельными дипломатическими акциями²⁸⁷.

После упоминаемого землетрясения Шемаха так и не смогла достичь прежнего уровня развития.

Проводившееся в конце XVII и начале XVIII в. строительство явно уступило по качеству предыдущему строительству. Положение усугубилось еще совершенными в 1712 г. нападениями на Шемаху войск Гаджи Давуда и Сурхай-хана. Разрушения и грабежи сопровождалась гибелью значительной части населения²⁸⁸.

Проезжавший через город в этот период русский посол Волынский рисует довольно безотрадную картину: «Город величеством в длину версту на 2, а поперец будет на версту, тошю (?) жило часто и дворя тесны, строение имеют большая часть из диких камней, однако ж между тем есть и мазанки. Около строения фортеции никакой нет, только в середине города один замок небольшой старинный, но кроме того некоторые башни, также как де и стены уже развалились...»²⁸⁹.

Город все же восстанавливался и, судя по сведениям Дж. Белла, посетившего город в 1722 г., Шемаха была еще внушительным городом с оживленной торговлей, в котором много иностранцев. «Город лежит на склоне простирающейся на юг горы. Город значительной величины, но дома построены плохо, за исключением домов хана, знатных чиновников и купцов»²⁹⁰.

Из различных подробностей, сообщаемых Беллом о городе, привлекает внимание, не известное по другим источникам сообщение, о стоящем выше города, на вершине горы, особом здании со многими окнами и галереями, откуда два раза в день при восходе и заходе солнца «дается концерт с длинными трубами, барабанами и свирелями, который поднимает страшный шум»²⁹¹. По этому описанию не трудно установить, что речь идет о так назы-

ваемом «нагарахана», — специальных зданиях в городах Востока, предназначенных для государственных оркестров. Подробное описание устройств нагарахана мы находим у Овдия Челеби²⁹².

Единственным нам известным упоминанием о минаретах Шемахи является указание Белла на «высокие колонны» при мечетях. При высокой сейсмичности города, естественно, минареты подвергались разрушению в первую очередь.

Полоса военных столкновений, развернувшихся за обладание Азербайджаном между Турцией и Россией, а затем между Турцией и Персией, разрушая экономику, самым отрицательным образом отражается на судьбах Шемахи. Этот период в истории Шемахи завершается, пожалуй, самым тяжелым на всю историю города ударом. Захаватив в 1734 г. Шемаху, Надир-шах беспощадно расправился с городом и его жителями за их помощь лезгинам.

Вот что пишет английский путешественник и историк Персии периода Надир-шаха Гюней: «Он (Надир. — А. С.) решил город разрушить до тла, перебить большую часть жителей. Так как те, которые больше всего его обидели, бежали в горы, после короткого предупреждения он приказал жителям, которым удалось пережить его гнев, отправиться на запад от города в Ахсу, где им разрешалось построить новый город; после этого он разрушил местность (город)». Дальнейшие слова Гюнея звучат эпитафией погибшему городу. «Шемаха была долгое время одним из наиболее известных городов в этой части света; она была густо населена, имела вдоволь все необходимые средства для жизни. Ее положение было приятным и ее торговля простиралась далеко.»²⁹³ и т. д. и т. д.

В сущности, с этого периода история Шемахи — это история нового города, близ нынешнего Ахсу, получившего название Новая Шемаха. Для истории градостроительства данные, относящиеся к Новой Шемахе очень интересны, поскольку город возник в течение короткого времени и отразил в себе, так сказать, градостроительные установки того периода.

Наиболее всестороннее описание Новой Шемахи дает Лерх. По его сообщению, новый город имел форму удлиненного четырехуголь-

ника в $\frac{3}{4}$ версты длины, $\frac{1}{4}$ версты ширины, или 1080 шагов. Из четырех ворот города открывались только двос. Укрепление города состояло из высокой стены и 32 полукруглых башен «Они построены из глинобитной и небольшого количества кирпича и не толсты, так что любой пушечный выстрел может открыть большую брешь». За крепостными стенами имелась площадка шириной в 40 шагов, окруженная глинобитной стеной, высотой в одну сажень, и затем узкий заболоченный ров, идущий кругом, который, однако, мог быть заполнен водой из реки, текущей с гор к городу, и из которой в город был проведен канал²⁹⁴. В своем дальнейшем описании Лерх характеризует улицы города, где могли проходить только выючные животные. По его словам, дома города глинобитные, за исключением дома хана и бани. Он отмечает три плохих караван-сарая. Дается описание бани.

Особо отмечен у Лерха квартал ремесленников, работающих в своих лавках, среди которых он называет медников, кузнецов, сапожников, шорников, оружейников. Тканей, по его словам, изготавливается мало, за исключением шелковой ткани различных расцветок.

Гюней о Новой Шемахе, Гюней писал, что «этот город кажется богаче и населеннее Дербенда и Баку...». По его описанию, город имел вдоволь ворот с северной и южной сторон. Гюней отмечает три замощенных улицы, «идущих в одном направлении и прерываемые перекрестком, образующим четырехугольную площадь, служащую базаром, где мы видели несколько пушек. Город имеет хорошие сады и виноградники»²⁹⁵.

Однако беспокойная история Шемахи и в дальнейшем продолжала оставаться таковой. Население Новой Шемахи не раз пыталось вернуться в старый город, но вновь приходится оставлять его и возвращаться к мало благоустроенному городу около Ахсу. В частности, Старая Шемаха была заселена в период путешествия Гмелина, когда город находился во власти Фатали-хана Кубинского. Гмелин сообщает ценные сведения о Старой Шемахе, начавшей заселяться. По его словам, тогда в городе проживало до 1000 семей²⁹⁶. «Я не могу сказать, что там нашел хоть одно здание, находящееся в порядке. Имеющиеся здания сложены из глины и необработанного камня,

²⁸³ Записки Кавказского отделения императорского географического общества. Приводятся по С. П. Зезинскому, уч. соч., стр. 7.

²⁸⁴ О. А. Котов, Уч. соч., стр. 12.

²⁸⁵ Э. М. Шахмалдиев. Сообщения итальянца об экономическом состоянии в первой четверти XVII в. «Уч. зап. АГУ», 1956, № 1.

²⁸⁶ Посольство князя Мышешко и дьяка Ключарева в Казетию 1640—1643 гг. Тифлис, 1928, стр. 46 и сл.

²⁸⁷ Евгений Зевакин. Азербайджан в начале XVIII века. Дополнение. Конфликт России с Персией в середине XVII столетия. «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», вып. IV, Баку, 1929, № 8.

²⁸⁸ История Азербайджана, т. I, стр. 292.

²⁸⁹ Евгений Зевакин, Уч. соч.

²⁹⁰ J. Bell's. Reisen von Petersburg in verschiedene Gegenden Asiens. Hamburg, 1787, стр. 45.

²⁹¹ J. Bell's. Уч. соч., стр. 45.

²⁹² О. Челеби, Уч. соч.

²⁹³ Herren Jonas Hanwey. Beschreibung der neuesten Reichsveränderungen in Persien. Hamburg und Leipzig, 1754, стр. 285.

²⁹⁴ Lerche, Уч. соч., стр. 318 и 319.

²⁹⁵ Гюней, Уч. соч., стр. 285.

²⁹⁶ Gmelin Reise durch die Rubl and zur Untersuchung der drey Natur, стр. 63 и 64.

одно- и двухэтажны. Общественные здания, в том числе мечети, которых очень много, и караван-сарай заслуживают небольшого внимания, но нечто особенное по своей величине и объему представляет расположенное в верхней части города на горе жилище хана. Эта верхняя часть горы укреплена и окружена поврежденной местами стеной, вокруг которой идет вал с поставленными в нем пушками. Слева от горы, на которой стоит жилище хана, есть большой рынок, где продают различные ягоды и особенно садовые фрукты. На одном конце этого рынка находится базар или лавка.

Шемаха делится на девять слобод, которые называются:

Incharie Kala, Saran Torpach, Kala Basar, Dschuda Melle, Iman Melle, Maidan Melle, Schanpiri Melle, Kalandibi, Naragatsch.

Указание Гмелина на разделение города всего на девять слобод — мехелле, сильно расходится с тем, что мы читаем у Овлия Челеби в 50-х годах XVII в. — 26 мехелле. Это расхождение может явиться результатом неточности авторов. Но естественнее предположить, что уменьшение количества районов города явилось результатом уменьшения города за прошедшие между двумя сообщениями 120 лет, в течение которых город неуклонно приходил в упадок.

Несмотря на значительно искаженную транскрипцию районов города у Гмелина, не представляет больших трудностей установление правильного названия их: Incharae Kala — несомненно Ичери Гала — цитадель города. В Saran Torpach — легко узнается существовавший до начала XX в. район города Сары Торпах — желтая земля. Район Kala Basar есть Гала базар — Крепостной базар, очевидно, названный так по находящемуся близ крепости базару, упоминаемому многими авторами. Dshuda Melle, по всей вероятности, Джухуд мехеллес — еврейская слобода. Iman Melle — один из наиболее известных районов, правильное название «Имамлы мехеллес». Происхождение этого названия скорее всего надо связать с наличием в этом районе города мавзолеев типа, известного также и по другим городам Азербайджана, Имамзаде.

Названия двух районов, сообщенных Гмелиным, совпадают с названными у Овлия Челеби в качестве наиболее благоустроенных — это Мейдан мехелле и тот, который назван у Гмелина «Шанпири». Этот последний район у местного населения и назывался еще до не-

давнего времени Шаширлы. Правильному пониманию происхождения названия этого района помогает транскрипция слова у Овлия Челеби — «Шалуран». Вероятно, первоначальными жителями его являлись переселенцы из города Шеберан — Шауран.

Район Kalan-dibi (несомненно надо признать как Гала-доби — находящееся у крепости и, наконец, Nag-agatsch — это Нарагач (гранатовое дерево).

Автор конца XIX в. зафиксировал в Шемахе 15 мехелле, в числе которых упоминаются 7 из названных Гмелиным²⁹⁷.

Одними из ценнейших свидетельств о прошлом Шемахи были вчерашние и наблюдения Маршалла фон Биберштейна, посетившего Старую Шемаху в 1796 г. Он констатировал упадок торговли в областях, примыкавших к Баку, связывая это с «войнами и смутами в Ширване, а главным образом из-за разрушения Шемахи». Говоря о самой Шемахе, Биберштейн писал: «Прежде шемахинский хан был важнейшим правителем в Ширване и его столица была знаменита по величине и богатству жителей, главнейшим источником которых была торговля шелком с внутренней Персией. Теперь этот хан далеко уступает в могуществе ханам Дербента и Кубы, и от Старой Шемахи не видно ничего, кроме далеко простирающихся развалин».

Отдав дань прошлому городу, Биберштейн далее высказывает ряд соображений о характере архитектуры Шемахи, обнаруживая при этом большую наблюдательность.

«Городские стены во многих местах еще довольно хорошо сохранились; хотя они занимают на склоне горы пространство, окруженностью в несколько верст, но выглядят так, что город в старые времена простирался как на горе, так и внизу много дальше, чем сейчас. Характер архитектуры (Bauart) и укрепления Старой Шемахи точно таковы, как здесь приняты и как сейчас видно в Дербенте, Кубе и в Баку; но город, видимо, был богаче массивными общественными зданиями. Когда смотришь на прекрасные сложенные купола мечетей, возведенных из тесаных камней, особенно с большим вкусом построенных каменных лавок, большую часть которых время и злоба разрушителей еще только частично погубили, то приходится удивляться, как Гмелин, который видел город еще заселенным, мог говорить, что все имеющиеся здания сложены из глины и из необработанного камня и что ни

²⁹⁷ С. П. Зеллинский. Ук. соч., стр. 10.

одно из общественных зданий не заслуживает внимания»²⁹⁸.

Приведенное наблюдение Биберштейна весьма важно для истории архитектуры города Шемахи. Биберштейн заметил стилистическую общность архитектуры городов Ширвана, объединяемых в настоящее время термином ширвано-ахшеронской архитектуры. В данном случае наблюдение Биберштейна, если и не добавляет ничего нового к известным уже фактам и выводам, то все же интересно как первая, хорошо сформулированная для своего времени, констатация этой общности. Ценою для нас сообщение Биберштейна и в той части, где он заявляет, что Шемаха, видимо, была богаче массивными общественными зданиями, чем Баку и Дербент²⁹⁹. Это единственное свидетельство, подтверждающее теоретически высказанные соображения о том, что наиболее значительные сооружения ширвано-ахшеронской архитектурной школы должны были находиться в Шемахе³⁰⁰.

Так к исходу XVIII в. выглядела Шемаха, город исключительно богатого исторического прошлого, превратившийся на рубеже XIX в. в развалины.

Новый подъем города, последовавший в течение XIX в., явился результатом вхождения Азербайджана в состав России и прогрессивных последствий этого для градостроительства в Азербайджане. Факты, связанные с восстановлением Шемахи в XIX в., рассмотрены в VI главе настоящей работы. Здесь же мы ограничимся кратким рассмотрением некоторых фактических материалов, фиксирующих Шемаху в XIX в., по представляющих, как увидим, некоторые фактические данные о прошлом города.

Найденный в Центральном государственном военно-историческом архиве³⁰¹ план гор. Шемахи датируется 1844 г. «По старой Шемахе план местности с показанием вновь предполагаемого замка взамен предполагавшейся

²⁹⁸ Marschall von Biberstein. Beschreibung der Länder Zwichen Filben Terek und Kur am Kaspischen Meere. Frankfurt am Main, 1800, стр. 35 и 37.

²⁹⁹ Приводимый Л. С. Брегашиным перевод (см. К изучению градостроительной культуры средневекового Азербайджана XII—XV вв. «Искусство Азербайджана», вып. VII, Баку, 1959, стр. 91, сноски 2) этого текста страдает искажениями оригинала. Оказалась искаженной и мысль Биберштейна о том, что Шемаха была богаче других городов общественными зданиями.

³⁰⁰ А. В. Саламзаде, А. А. Садыгзаде и др. Некоторые памятники Шемахинского района. «Памятники архитектуры Азербайджана» (сборник материалов), вып. I, 1948, стр. 67.

³⁰¹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, д. 57.

крепости 3-го класса. Г. Тифлис 1844 года». Таким образом, план этот не преследовал прямую цель показа существующего города, тем не менее в плане показаны новые кварталы застройки и в этом смысле он весьма ценен для характеристики города в первой половине XIX в.

Новая застройка представляла прямоугольную сетку улиц с нарезанными удлиненными прямоугольными кварталами. Если учесть, что город начал застраиваться с 1824 г., то отмеченные строения, надо полагать, возникли в течение 20-летнего периода.

Какие факторы определили планировку вновь застраиваемого города, направление его улиц?

Судя по тому, что застройка со всех трех сторон охватывает наиболее возвышенную часть города, расположенную на холме, этот естественный фактор, возможно, совпадающий также и с историческим центром города, и определил направление улиц, расположенных параллельно или перпендикулярно к падению рельефа холма.

План содержит также некоторые данные о прошлом города, о его исторических памятниках. В план нанесен весь контур крепостных стен. В экспликации к плану в разделе существующих зданий названы «остатки ханского дворца», о которых имеем сведения, относящиеся к 30-м годам XIX в.: «В Шемахе уцелел еще дворец хана, простой архитектуры, но, как можно судить по некоторым признакам, заключавший в себе богатые украшения. При дворце находится порядочный сад, в котором некогда были фонтаны»³⁰².

Данные этого плана в части памятников прошлого в известной степени можно уточнить по рисунку «Вид старой Шемахи. Снятой с северной стороны»³⁰³. Рисунок этот не имеет даты, но по идентичности с подобным рисунком, изображающим Баку, смело может быть отнесен к началу XIX в. Во всяком случае на это указывает хотя бы то обстоятельство, что если в плане 1844 г. окружающие город крепостные стены показаны как «следы старинной городской стены», то на рисунке мы видим еще сохранившиеся почти на всю высоту стены. К тому же на рисунке еще нет кварталов новой застройки. Таким образом, рисунок относится к более раннему периоду, чем план города, даже ранее 1806 г., так как по некото-

³⁰² Обзорные Российских владений за Кавказом, т. III, СПб., 1836, стр. 155.

³⁰³ ЦГВИА ВУА, коллекция 418, д. 808.

ршим сведениям, шемахинская крепость была разрушена землетрясением в 1806 г.³⁰⁴ Наряду с крепостными стенами, имеющими четырехугольные башни, на рисунке можно отметить четыре группы монументальных сооружений. В юго-восточной части рисунка виднеется значительный по объему комплекс с куполами, вероятнее всего, знаменитая шемахинская Джума-мечеть. Северо-восточнее от нее изображена другая мечеть с минаретом, обычного для Ширвана типа. В центре города на холме высятся крупное с куполом здание и, наконец, в северо-восточной части города видны следы окруженного стенами комплекса.

Другой план Шемахи, датированный 30 июня 1847 г., показывает значительный рост города по сравнению с тем, что было зафиксировано в плане 1844 г. В течение трех лет площадь вновь застроенной части города увеличилась почти в два раза. Это еще до того, как город стал губерским центром. Таким образом, описание Шемахи 1846 г. не преувеличено там, где речь идет о новых современных постройках, разделенных правильными широкими улицами с мостовыми и тротуарами³⁰⁵.

Еще в 1828 г., когда только что было начато восстановление города, землетрясение дало знать о себе, и город немало пострадал. Это землетрясение произошло 28 июля 1828 г. Данные об этом оставались неизвестными, поэтому мы приводим некоторые архивные сведения. Вот что писал о нем ширванский комендант фон Ашеберг Тифлисскому военному губернатору³⁰⁶, «26-го числа поутру было слабое колебание земли, пополудни примерно усилилось, будучи сопровождаемо легкими ударами, а в 12 часов ночи произошел столь сильный удар, что многие строения начали рушиться. В продолжение остального времени до утра земля не переставала колебаться, и около 8-го часа опять последовал удар, который хотя был несколько легче первого, но поврежденные строения не могли стоять и рассыпались... Утро 28-го числа вселяло надежду, что бедствия кончились. Жители, удалившиеся прежде за город, начали стекаться. Каждый спешил обозреть свой дом и старался вытаскивать заваленные пожитки. Но как ошиблись все в своем ожидании! Вечером в исходе

7-го часа сильный удар потряс землю. Жители, объятые страхом, бежали за город; здания валнулись с ужасным треском и шумом, от разрушения коих город покрылся густой пылью в виде непроницаемого тумана и т. д.»

Разрушения, причиненные городу, были значительны. Был учрежден специальный комитет для определения размеров разрушения и убытков. По материалам этого комитета тифлисский губернатор писал императору рапорт от 25 августа 1828 г. В этом рапорте, между прочим, говорилось не только о разрушениях в городе, но и в близлежащих селах. В Шемахе было совершенно разрушено 247 домов и 30 лавок, повреждено 197 домов и 20 лавок³⁰⁷.

Роковым для Шемахи оказалось землетрясение 1859 г., происшедшее в период, когда, казалось, город уже окончательно оправился от несчастий прошлого. Землетрясение 1859 г. нанесло Шемахе сильный ущерб, но не оно, в конечном итоге, явилось непосредственной причиной падения значения города, а перенесение губернского центра из Шемахи в Баку; это окончательно решило многовековое соперничество между Шемахой и Баку в пользу последнего.

Первоначальный сильный удар шемахинского землетрясения 1859 г. произошел 15 мая, но оно продолжалось до 18 июня. Несколько более легких ударов было в течение июля месяца, которые, однако, привели к полному разрушению ранее поврежденных домов. Специальная комиссия установила, что из 5412 городских строений 2161 оказались совершенно целыми, а остальные 1463 строения могли быть исправлены. В числе разрушенных зданий было 500 двухэтажных каменных домов, 400 отдельных или помещаемых в пяти караван-сараях лавок. Упомянуты 31 баня, из которых 14 остались целыми, остальные были повреждены в той или иной степени, в том числе 7 бань были разрушены полностью. Из 21 мечети совершенно разрушенными оказались три.

Когда в связи с землетрясением в Шемахе стал вопрос о перенесении губернского центра в Баку, все доводы экономического и административно-политического характера были за Баку. Именно исходя из этого, Кавказское наместничество ставило вопрос о превращении Баку в центр губернии. Однако, как явствует из документов, само губерское начальство было за оставление губернского центра в Ше-

махе, хотя всячески завуалировало свое мнение. В ответ на письмо наместника Кавказа от 8 июля 1859 г.³⁰⁸ с предложением об избрании Баку в качестве губерского города взамен Шемахи, шемахинский губернатор, признавая все выгоды положения Баку, писал: «...необходимо уже подробнее обсудить... и какие он имеет невыгоды. К сожалению, последние являются в довольно значительной степени.

Во 1-х, Баку не имеет хорошей пресной воды, не имеет вовсе леса, сенокосных и пастбищных мест и даже удобной земли для огородов, а все это представляет важное неудобство для развития большого города». Далее идет перечисление многочисленных неудобств, с которыми было связано устройство губерского города в Баку — тут и отсутствие хороших земель для застройки, теснота улиц, неудобных для экипажей и т. д. Одним из серьезных доводов были климатические условия Баку... и т. д. «Таким образом, приняв в соображение все вышеприведенные обстоятельства, я осмеливаюсь доложить в. с., что для Баку будет гораздо выгоднее иметь со временем особое градоначальство, а для Шемахи и губерских ее учреждений будет выгоднее избрать особую местность, более удобную для здоровья и жизни и более свободную для устройства в ней большого города»³⁰⁹.

Далее идет подробное, прямо-таки страстное изложение доводов за оставление губерского центра в Шемахе. Из этого длинного и любительного документа, приведем некоторые выдержки, касающиеся сейсмостойкости старых сооружений и необходимых в будущем мер для предотвращения больших разрушений. «Что же касается до силы подземных ударов, то степень оной может быть определена почти положительно как из опыта прежних веков, так и из последнего события. Летописи говорят, что около 200 лет тому назад, при Султан Сулейман-шахе погибло бесчисленное множество людей и разрушился весь город, но здесь есть мечети, которые существуют более 200 лет, следовательно, их не разрушило тогдашнее сильное землетрясение; по рассказам известно, что в 1828 г. землетрясение продолжалось здесь около 40 дней, и Шемаха разрушилась почти совершенно, а между тем многие помнят, что в ней сохранились тогда и означенные мечети и каменные

дома, выстроенные комендантом; в настоящем году землетрясение было одно из самых сильных... город действительно разрушился совершенно, но среди развалин не только опять стоят неповрежденными старые и уже ветхие мечети...»³¹⁰.

На будущее предлагается ввести строгую регламентацию строительства, включая составление проектов, применение цемента, низких строительных крыш, допуска к строительному делу только квалифицированных каменщиков и т. д.

По словам бакинского губернатора, самым правильным было бы оставить губерские учреждения на месте. Тем не менее, он далее указывал, ссылаясь на мнение местных жителей, три пункта, как на возможные для перенесения Шемахи — на местечко на реке Гердман в 40 верстах от Шемахи, на Сальяны и на Зардоб.

Эту часть своего донесения шемахинский губернатор заканчивает весьма выразительной фразой: «В пользу же Баку не было ни одного голоса»³¹¹. Шемахинский губернатор добавлял далее: «...Я в особенности склоняюсь к мысли об избрании местности на реке Гердмане и могу речуться, в. с., что туда переселятся не только значительные капиталисты из Шемахи, но даже перейдут многие из Шушинского и Нухинского уездов и т. д.»³¹².

Однако старания шемахинского губернатора Гархан-Моуравова ни к чему не привели, и 25 сентября 1859 г. поступило предписание кн. Барятинского, гласящее: «По случаю разрушения г. Шемахи от бывшего землетрясения, поручаю в. с. немедленно распорядиться о переводе всех шемахинских губерских присутственных мест в Баку, согласно предложению моему...».

Шестого декабря 1859 г. последовал «Высочайший указ Правительственному Сенату» о перенесении «Управления теперешней Шемахинской губернии и всех находящихся там губерских учреждений сей губернии из гор. Шемахи в гор. Баку» и об именовании предъ Шемахинской губернии Бакинской губернией. Шемаха стала уездным городом Шемахинского уезда³¹³.

Несмотря на землетрясение и перенесение центра губернии из города, Шемаха начала оправляться и производила на приезжавших

³⁰⁴ С. П. Зелинский, Ук. соч., стр. 5.

³⁰⁵ «Шемаха в настоящее время (отрывок из письма). Газ. «Кавказ», 1847, № 4, см. также А. В. Саламзاده, Прогрессивное значение присоединения Азербайджана к России для развития его архитектуры в XIX в., «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956.

³⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 1105, д. 80, лл. 1—2.

³⁰⁷ ЦГИА ГрузССР, ф. 1105, д. 80, лл. 14—15.

³⁰⁸ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. XII, Тифлис, 1904, документ № 325, стр. 390.

³⁰⁹ Акты, т. XII, документ 327, стр. 391.

³¹⁰ Акты, т. XII, стр. 392 и 393.

³¹¹ Там же, стр. 394.

³¹² Там же.

³¹³ Акты, т. XII, документ № 335, стр. 398.

благоприятное впечатление. Анонимный автор, приехавший в Шемаху через два года после землетрясения, рисует картину разрушения, но не запустения.

«Хорошо построенные каменные дома образуют широкие и открытые воздуху улицы, как и красивый базар, имеющий необыкновенно широкий проезд. Землетрясение 1858 г. оставило свои тяжелые следы в виде некоторых развалин; на некоторых улицах стоят только отдельные вновь построенные дома, в то время как виднеется множество домов, лежащих еще в виде груды камней. На одной улице остались только два дома и то с поврежденными крышами... После землетрясения осталось только немного минаретов, на которые еще вообще можно было подняться, и то были с разрушенными макушками и украшениями.

Вообще во время этой прогулки опустошение, произведенное землетрясением, выступало вперед глазами во всем своем объеме, и так как за прошедшие четыре года сравнительно мало сделано для восстановления разрушений, то Шемаха еще долго будет страдать от его последствий»³¹⁴.

Нуха

Город стал называться так сравнительно недавно. Трудно даже указать точное время, когда город приобрел это название. Некоторые местные старожилы объясняют слово «Нуха», как производное от названия города Хой. По их мнению, Нуха означает Но-хой, т. е. Новый Хой. Во всяком случае Нуха как новое название города укрепилось после вхождения города в состав России. Известно, что в начале XIX в. ханом Нухи являлся Джафаркули-хан из Хой³¹⁵. Это было 1221 г. х. (1806—1807)³¹⁶.

В прошлом же Нуха известна как Шеки. Расположение города на отрогах кавказских гор, сравнительно далеко от центральных районов страны, обеспечивало Шеки, если не полную независимость, то во всяком случае автономно. Старый город располагался значительно ниже теперешнего места в долине реки Кичи. На нынешнее место город был переве-

ден в 1772 г. после катастрофического селевого потока, разрушившего его.

Об архитектуре старого города у нас почти нет сведений. Можно опираться лишь на сведения, сообщаемые о Нухе О. Челеби. По его данным, красивая шекинская крепость, возведенная из камня, была расположена на холме. Крепость имела двое ворот, называвшихся Ширавские и Гянджинские. В городе было три тысячи домов, семь мечетей, среди которых обращала на себя внимание мечеть Мирза Али, расположенная на рыночной площади, и две мечети в крепости. Город располагал постоянными дворами и банями и небольшим рынком³¹⁷. По этим данным, Шеки в то время состоял из крепости и довольно обширной застройки вне нее, где было много садов, в которых производился «бесплодный шелк». Население города достигало примерно 20 000 человек, если исходить из сообщенного О. Челеби количества домов (3 тыс.).

Живописное местоположение нынешнего города, сильно пересеченный рельеф предопределил и характер планировки и немало повлиял и на характер его застройки. Разница отметок между южными и северными частями территории достигает 450 м. Сложившаяся к исходу XVIII в. структура города не претерпела существенных изменений и к середине XIX в. Нуха представляла живописный массив зеленых насаждений с выглядывающими из-за деревьев домами.

Друг Пушкина, генерал Раевский восторгался живописным видом Нухи в письме от 25 октября 1826 г.: «Я нахожусь в лагере в двух переходах от Нухи, столицы Шекинского ханства... Страна, которую я проезжаю, восхитительна, наш лагерь стоит в лесу гранат, тамарисков, чинар... Нуха чудесна, это Бахчисарай в большом масштабе... В ней 14 000 жителей, 3000 домов и живописное расположение у подножия Дагестанских гор...»³¹⁸.

Нуха в общем воспринимается как красивый уголок природы, куда вкраплены сооружения. Конечно, причина этого, наряду с своеобразием горного пейзажа, кроется и в особенностях планировки, органически увязанной с природой. Почти каждый дом был окружен садом и забором, «оттого и улицы нухинские не окаймляются рядами домов, а вьются

изгибами между стенами заборов и изгородей»³¹⁹.

На общий характер планировки Нухи значительное влияние оказали именно условия сильно пересеченной местности. Направление улиц определялось отрогами Большого Кавказского хребта. Ряд улиц шел параллельно рельефу возвышенности, находящейся севернее города. На формирование центральных районов и главной улицы города влияло направление Гурджанчай и Дегирманарх. Эти и некоторые другие особенности планировки города прослеживаются в плане Нухи, составленном в 1852 г.³²⁰.

Указанный план зафиксировал деление на районы — мехелле, названия которых с сохранением транскрипции, данной на чертеже, следующие: А. Юхари баш, В. Гянджали мяглысы, С. Дабахи, Д. Пайдумлы, Е. Чайкрах, F. Талакент, G. Когиякент. «Юхари баш» — название верхней части города, где располагалась крепость.

Кроме этих районов, составлявших сам город, к городу непосредственно примыкали предместья — Доды, Нуха-кишлак и др.

Непосредственно городская территория делалась в целом на две части. В верхней части располагалась нухинская крепость, торговые здания и рынки города; нижний район был в основном занят жилыми домами. Этот район переходил в Нуха-кишлак.

Ввиду сильнопересеченной местности Нуха не имела развитой системы проточных каналов. Проточную воду заменяли реки. Питьевой водой Нуха обеспечивалась из реки Киччай и из Кичджели-Башлинских водоемов. Кроме того, в крепости были колодцы, вырытые на случай, если бы неприятель отвел воду, проведенную из Курджана³²¹. Ант. Кулассовский писал: «Водопроводы нухинские по простоте устройства, удобству и дешевизне их заслуживают большого внимания. Для этого высоко в ущельях вода захватывается большого диаметра глиняными трубами, положенными в землю и скрепленными известковым цементом. В местах, где трубы должны разделяться, устраиваются крошечные резервуарчики объемом в кубический аршин. Каждый из этих резервуарчиков выложен внутри же-

вым кирпичом и в него открывается одна из труб большого калибра, а из него выходят две, а иногда и три трубы меньшего калибра; последние разделяются таким же точно образом в свою очередь и так вода проводится на все улицы и площадки и во дворы многих домов, где и выливается из трубных отверстий, обделанных наконечниками, под которыми подставлены большие глубокие корыта, выделанные из цельного грецкого ореха и часто скованные железом. Такая легкость проводить воду доставляет возможность иметь здесь при желании как перед домом, так и в самом доме, сколько угодно фонтанов»³²².

Таким образом, основные градостроительные черты Нухи определялись прекрасными природными условиями, удачной увязкой застройки с природным окружением, участком зелени в качестве одного из ведущих компонентов в сложении градостроительного облика города, хорошей обеспеченностью города питьевой водой, доставляемой водопроводом из горных труб. Еще одна сторона отличала Нуху — это относительная, по сравнению с другими, опрятность города. Эта особенность Нухи подчеркнута в описании города, данном в середине XIX в. А. П. Зиссерманом: «Город очень живописно расположен при истоке небольшой горной речки; строения скрываются в зелени садов, изобилующих огромными ореховыми и тузовыми деревьями. Главная улица, тянущаяся в гору на расстоянии почти двух верст, оживлена множеством лавок и мастерских, в которых по азиатскому обычаю работы производятся открыто, нередко перед кучкой праздных жителей... Некоторые улицы вымощены, остальные усеяны мелким щебнем от природы, и поэтому грязь в Нухе никогда не бывает, редкое и неопценное достоинство, к сожалению, так мало встречающееся в русских городах. Вообще Нуха картинностью местоположения, относительной опрятностью, оживленностью, отсутствием душливого жара, вечерним шелканьем и пересвистами множества соловьев по садам, оставляет весьма приятное впечатление»³²³.

Нухинская крепость, расположенная в верхней, возвышенной части города, представляет ханскую цитадель, в ее черту не входили

³¹⁹ Ант. Кулассовский. Город Нуха в медико-топографическом отношении. «Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом». Тифлис, № 11, 1871, стр. 15—44.

³²⁰ ЦГБИА, Ленинградский филиал, ф. 3, оп. 25, д. 31589 (нов. № 1477).

³²¹ Ант. Кулассовский. Ук. соч., стр. 27—28.

³²² Ант. Кулассовский. Ук. соч., см. там же. С. Г. Овалесов. Старинные водопроводы в Нухе. «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1928, № 6, стр. 127—132.

³²³ А. П. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1. СПб., 1879, стр. 318—319. Цит. по Л. С. Брегаташскому — Дворец шекинских ханов, стр. 345.

³¹⁴ Ип. Caucasus, 1862, стр. 180.

³¹⁵ Хаджи Сейд Абдулгамид. Родословная шекинских ханов и их потомков. См. «Из истории шекинского ханства», Баку, 1938, стр. 62.

³¹⁶ Керим Ага Фатех. Краткая история шекинских ханов. См. там же, стр. 52.

³¹⁷ О. Челеби. Ук. соч., стр. 289.

³¹⁸ Архив Раевских, т. 1. СПб., 1908, № 178. Н. Н. Раевский (Мл.) родителем, стр. 295. Цит. по Л. С. Брегаташскому — Дворец шекинских ханов. «Архитектура Азербайджана» (Очерки). Баку, 1952, стр. 344.

«строения общегородского пользования. Расположение крепости удачно не только с военно-стратегической точки зрения, но и в силу благоприятного микроклимата этой части территории города. Ввиду характера рельефа занимаемой крепостью территории, контуры крепостных стен весьма урезаны. В этом замесловатом направлении стен некоторые местные старожилы хотят усмотреть стремление лодочного начертать имя Нухинского Мохаммеда Хасан-хана арабским алфавитом.

Дата возведения нухинской цитадели точно не известна, но промежуток времени, когда она была возведена, должен быть ограничен периодом, примерно, между 1770—1784 гг., но не позже. Приводимая Л. С. Бретанинским выдержка из газеты «Кавказ», где говорится, что: «В 1790 г. Усейн-хан построил в нем обширное укрепление, около 500 сажен в окружности, в виде неправильного многоугольника с входящими и исходящими углами...»³²¹, не может быть принята по соображениям, изложенным ниже.

Дело в том, что в 1790 г. Гусейн-хана в живых не было. Он был убит в 1780 г.³²², а по другому сообщению, в 1784 г.³²³. Хотя указанные авторы и расходятся в дате смерти Гусейн-хана, но согласны с обстоятельством его убийства. «Через некоторое время, воспользовавшись удобным случаем, Хаджи Абдулкадир вместе с шекскими и аранскими беками, *застав Хусейн-хана в нухинской крепости, убили его в 1194 г. х. (1780)* сделался ханом...», — пишет Керим Ага Фатех. Другой наш автор так излагает события: «Хаджи-хан пробыл там (в Дар-докке) некоторое время; затем тайно послал в Нуху группу людей с нухинцем Хаджи Расул-беком, который *внезапно ворвался в нухинскую крепость и в схватке ранил Хусейн-хана. Захватив крепость, он послал...*» (курсив мой. — А. С.).

Таким образом, не остается сомнений, что нухинская крепость существовала еще при жизни Гусейн-хана, убитого, во всяком случае, не позже 1784 г. Если учесть, что Гусейн-хан стал шекским ханом в 1184 г.³²⁴ (1770—1771), то можно с уверенностью утверждать, что цитадель была построена Гусейн-ханом

значительно раньше, надо полагать, в первые же годы его правления. Известно, что полунезависимые ханы Азербайджана этого периода в силу непрерывных феодальных междоусобиц, чреватых внезапными нападениями, в первую очередь возводили цитадели, за стенами которых скрывались. Наиболее вероятной датой строительства, если принять версию о перенесении Нухи на новое место в 1772 г.³²⁵, надо признать, в силу указанного соображения, именно 1772 г. Собственно со строительства крепости и должна была начаться застройка города на новом месте. Эта исходная дата может служить для нас также отправным пунктом при определении времени сооружения некоторых других зданий, размещавшихся внутри крепости.

Как показывает план крепости Нухи «С показанием существующих и вновь предполагаемых строений» от 26 февраля 1853 г., внутри крепости размещалось довольно большое количество сооружений, число которых к моменту составления плана достигало почти пятидесяти лет, прошедших с присоединения Нухи к России до момента составления указанного плана, в застройке крепости произошел ряд изменений, однако они не могли за это время быть настолько кардинальными, чтобы сколько-нибудь значительно изменить общую планировочную структуру комплекса. Изменения сводились, в первую очередь, к приспособлению некоторых зданий для новых нужд военного гарнизона, а также к строительству нескольких небольших помещений для хозяйственных целей, которые в перечне сооружений плана обозначены под номерами с 15 до 21. Следовательно, можно утверждать, что указанный план без существенных изменений планировочного характера донес до нас состояние нухинской ханской цитадели. План показывает нам, что в отличие от стихийно сложившейся застройки города, где руководством для градостроителей являлось природное строение местности, нухинская цитадель была тщательно распланирована с композиционной увязкой расположенных здесь дворца и ряда жилых корпусов, а также садов, бассейнов, фонтанов и т. д. В плане отмечено 9 бассейнов с указанием водопроводных линий, подводивших к ним воду. В отличие от хан-

Рис. 79
Нуха. План города, 1853 г.

ских цитаделей или усадеб других городов Азербайджана нухинская цитадель отличалась простором в расположении сооружений внутри крепостных стен.

В настоящее время нет достаточных материалов для установления назначения всех, располагавшихся в крепости сооружений, так как в плане они обозначены под новыми названиями. Но сличение этого плана с ранее опубликованным описанием плана нухинской крепости, составлены в 1819 г.³³⁰, позволяет

убедиться, что основными компонентами застройки цитадели являлись различные жилые покои ханской семьи. Мы приведем некоторые выдержки, опускаем детали описания: «С правой стороны корпуса (имеется в виду нынешний дворец. — А. С.) по линии пять покоев разной величины и с разными сенцами, а с левой — шесть покоев такие же. Параллельно корпусу, на левой стороне ворот, со входу мечеть домашняя ханская со штучным и выкрашенным потолком... С правой стороны ворот пять же небольших покоев... Вправо во фланг главного корпуса отделения сего альков, до половины сверху и потолок расписанный финифтью и позолотено... По сторонам маленького дворника, от главных покоев к алькову закрытого с двух сторон параллельно стенами,

³²¹ Газ. «Кавказ» (15/V 1848) заметка «Нуха», (Цит. по Л. С. Бретанинскому. Дворец шекских ханов, стр. 346.

³²² Керим Ага Фатех. Ус. соч., стр. 49.

³²³ Хаджи Сейд Абдулгамид. Уж. соч., стр. 60.

³²⁴ Хаджи Сейд Абдулгамид. Уж. соч., стр. 60.

³²⁵ Версия эта кажется правдоподобной уже хотя бы потому, что в Нухе нет сооружений предыдущих эпох.

³³⁰ ЦГВИА, Ленинградский филиал, ф. 3, в. 25, ед. кр. 1479.

³³⁰ Опубликовано в «Описании шекской провинции, составленном в 1819 г. по распоряжению главнокомандующего в Грузии Ермолова генерал-майором Александром и статским советником Могилевским». Тифлис, 1866 (Цит. по Л. С. Бретанинскому — Дворец шекских ханов, стр. 382 и 383).

... две небольшие покои также параллельно
или другому через дворик, *расписанные жи-
лищами и с золотом, без дверей и с подвешен-
ными окнами*, испорченные и требующие по-
правки... Сзади алькова *покой также распи-
санный*, имея в алькове три окошка без стекол
и в противную сторону окошко подъемное из
разноцветных стёкол, мелко набранных. В по-
кое зеркала, вделанные в стену, выбиты, дру-
гие совсем вынуты. С одной стороны, покой
небольшой для поклажи, а с другой — жилой
покой; под низом три небольшие людские по-
коя, имея небольшой дворик; со входу справа
место для сада, огороженное плетнем. Это
построение Джафар Кули-хана³³¹ в втором
отделении дома, занимаемом женою Измаил-
хана, с проходом маленький дворик, с которого
влево... далее покой с выкрашенным потолком,
из коего вход по лестнице каменной в верхнее
жилище; в нем прихожая, влево один покой,
*вправо зала расписанная и с таким же потол-
ком*. Посредние залы мраморный небольшой
подзем... (курсив наш. — А. С.)³³².

Далее идут описания еще нескольких жи-
лых строений, подтверждающих, что отмечен-
ные в плане нухинской крепости 1853 г. соору-
жения представляли многочисленные дома
ханской семьи, а дворец шекинских ханов
являлся парадным летним павильоном.

Развернувшиеся сейчас работы по рестав-
рации самого дворца и нухинской крепости
сохранят эту историческую часть Нухи.

После присоединения Шекинского хан-
ства в градостроительной структуре Нухи не
произошло заметных изменений. Город разви-
вался и расширялся, особенно в связи с раз-
витием шелкоматальной промышленности, но
при этом сохранял в основных частях свою
ранее сложившуюся планировку. Застройка
города в конце XIX в. жилыми домами город-
ского типа хотя и изменяла вид его отдельных
уголков, но существенно не повлияла на об-
щий колорит, сформировавшийся еще до 60-х
годов прошлого века.

³³¹ Речь идет, видимо, о Джафаре Кули-хане Хай-
ском, который был назначен царским правительством
ханом Нухи в 1807 г. после того, как последний нухин-
ский хан из дома Челеби — Селим-хан эмигрировал в
Персию. (См. Керим Ага Фатех, Ук. соч., стр. 52).

³³² Измаил-хан, сын Джафара Кули-хана, ханствовал
3 года. Умер примерно в 1818 г. После в Нухе было
учреждено комендантское управление, ханов не было.
Приводимое описание составилось непосредственно после
смерти Измаил-хана. (См. Хаджи Сеид Абдул
Гамид, Ук. соч., стр. 62).

Шуша

Возникновение и развитие Шуши в
XVIII в. связано с образованием и усилением
Карабахского ханства. Именно на примере
истории возникновения Шуши хорошо просле-
живаются основные тенденции градострои-
тельства XVIII в., в котором обеспечение
обороненности центров феодальных вла-
дений занимало главное место.

Опасаясь правителей Ширвана и Шеки,
«Панах-хан, чтобы иметь безопасное место,
где бы мог укрыть свое семейство и имуще-
ство и в то же время иметь верный твердый
оплот против враждебных ханов», основал в
1161 г. х. (1748) крепость Бант, которая была
окружена рвом. Внутри крепости были постро-
ены: мечеть, базар и бани³³³.

Панах-хан Карабахский, не удовлетворив-
шись крепостью Баят, задумал построить себе
новую резиденцию. Была основана крепость
Тарвакут, известная ныне под названием Шах-
булагы. Около большого родника в Шахбула-
ге была построена крепость (1752), сооруже-
ны мечеть, базар, площадь и баня³³⁴. Однако
дальнейшее развитие событий не дало уве-
ренности в неприступности и этой, сравнитель-
но небольшой крепости. Панах-хан, который в
период беспорядков в Иране расслонился с
большинством соседних ханов, теперь с воца-
решием в Иране Мохаммед Хасан-хана, что
могло привести к совместным действиям про-
тив Карабахского ханства, решил построить
сильную крепость. «Опытные и предприимчи-
вые советники Панах-хана» посоветовали по-
строить крепость «на веки вечные среди гор,
в непроходимом, неприступном месте, чтобы да-
же самый сильный враг не смог осадить ее.
Дорога к крепости с одной стороны должна
быть открыта к илатам, которые будут нахо-
диться в горах; не должна быть прервана
связь [и] с магалами³³⁵».

Так была основана крепость Шуша, по-
стпие на неприступном месте. Это ранее со-
вершенно пустынное место за довольно
короткое время стало подлинной твердыней
Карабаха. Панах-хан построил для своей
семьи «просторные здания и высокие двор-
цы»³³⁶. Крупными сооружениями Шуши, воз-

³³³ Мирза Джамал Джаваишир Кара-
бахский, История Карабаха, Баку, 1959, стр. 68.

³³⁴ Мирза Джамал Джаваишир Кара-
бахский, Ук. соч., стр. 70.

³³⁵ Там же, стр. 72.

³³⁶ Мирза Адигезал-бек Карабаг-нама, Ба-
ку, 1950, стр. 63.

веденными в XVIII в. Ибрагим-ханом, были
крепостные стены города (1783—1784)³³⁷,
большая мечеть (1768—1769), перестроенная
позднее его дочерью Гевхар-Ака и ставшая
известной под ее именем.

Шуша называлась первоначально Панах-
абадом по имени своего основателя Панах-ха-
на. Сохранились отчеканенные в 1794—1795 гг.
в Шуше при Ибрагим-хане монеты. В качестве
места чекана указан Панахабад³³⁸.

Есть сведения, что строительством в Шу-
ше непосредственно руководил сам Молла
Панах Вагиф, крупнейший поэт XVIII в., быв-
ший ближайшим советником Ибрагим-хана,
«ведующий всеми делами страны, прочной
опорой его государства», — сообщает Мирза
Адигезал-бек³³⁹.

Гарадаги в своих записках (тезкире), от-
мечает, что Вагиф, обладавший разнообразны-
ми знаниями, владел также инженерной
наукой. Здание гарема Ибрагим-хана, всякие
сооружения для него и членов его семьи, а
также городские стены возводились под его
руководством³⁴⁰, что подтверждает и А. Берже.

В силу своеобразных природных условий
Шуши планировка города приобрела иные
черты, чем, например, в Баку. Эта особенность
застройки города была подчеркнута еще совре-
менниками, отмечавшими его быстрый рост.
«Что было выгодно для Панах-хана, преемни-
ков его и независимости столицы Карабаха,
то служило во вред уездному городу, созна-
ющему ныне, что важно счастливо и безопасно
жить и не под защитой обрывов и крепостных
стен, но не имеющему места раздвинуться, не-
смотря на замечательную охоту своих граж-
дан строиться. Дома, и хорошие, прочие ка-
менные дома, растут ежегодно, как грибы, и
по причине холмистой неровной местности
растут в самом живописном беспорядке»³⁴¹.

Мы в настоящее время располагаем лишь
одним планом шушинской крепости, датиро-
ванным 1856 г.³⁴² и совпадающим по времени
с приведенным описанием. Судя по этому пла-
ну, живописный характер застройки Шуши,

³³⁷ Дата эта, очевидно, относится к перестройке и
расширению. Крепость была основана, как указано вы-
ше, в 1754 г. (См. Мирза Джамал Джаваишир
Карабахский, Ук. соч., стр. 101).

³³⁸ А. В. Рагимов, Клад восточных монет XVIII в.
«ДАН Азерб. ССР», т. II, № 10, 1946, стр. 451.

³³⁹ Мирза Адигезал-бек, Ук. соч., стр. 78.

³⁴⁰ Цит. по Г. Арслани, История литературы Азербай-
джана XVII—XVIII вв. (на азерб. яз.), Баку, 1956,
стр. 272.

³⁴¹ Гаа, «Кавказ», 1857, № 56.

³⁴² ЦГИА, ф. 349 (л.), оп. 44, д. 679.

однако, не переходил в беспорядочность. Обра-
щает на себя внимание ряд четко расплани-
рованных прямых улиц, вносящих организу-
ющее начало в организм города.

Мы располагаем сведениями о развитии
в XVI—XIX вв. еще ряда городов Азербай-
джана — Мараги, Шаберана, Ниязабада, Ар-
ша и др. Однако данные о них не добавляют
принципиально нового к уже приведенным
сведениям о градостроительстве Азербайджа-
на исследуемого периода.

Подытоживая сказанное, можно констати-
ровать, что градостроительство Азербайджана
в XVI—XIX вв. прошло через несколько эта-
пов, которые были весьма четко связаны с
основными историческими периодами разви-
тия страны.

В XVI в. отдельные градостроительные
мероприятия проводились, главным образом, в
городах южного Азербайджана. Существен-
ных изменений в градостроительной структуре
городов не происходит.

XVII в. отмечается значительным разви-
тием ряда городов, созданием в них крупных
центральных комплексов. В этот период цент-
ры городов тяготеют к его торговой части. В
ряде случаев теряют свое значение прежние
центры, группировавшиеся вокруг цитадели
правителей. Именно в XVII в. складываются
главные улицы ряда городов.

В этом отношении характерным примером
может служить Баку. Если в XV в. центр горо-
да находился непосредственно у дворца шир-
ваншахов, то в XVII в. им становится район
расположения караван-сараяв и рынков меж-
ду Джума-мечетью и «Девичьей башней». К
этому центру непосредственно примыкал двор-
ец бакинских ханов, располагавшийся у се-
верных ворот города.

XVIII в. был периодом упадка градострои-
тельства. Ввиду феодальной раздробленности
и частых военных столкновений строительство
в городах ограничивается возведением оборо-
нительных сооружений. Некоторое развитие
получает дворцовое строительство для новых
местных правителей.

При всей тяжести условий феодальной
раздробленности во второй половине XVIII
столетия в силу независимости ханств намети-
лась тенденция к оживлению градостроитель-
ной деятельности, связанной с превращением

ряд населенных пунктов в центры ханств. В этот период ханские цитадели вновь становятся центром городов.

XIX в. знаменуется значительным развитием градостроительства. Наступивший после присоединения Азербайджана к России период мирного развития страны в связи с ростом экономики создал условия для восстановления и развития ряда городов — Шемахи, Баку, Гянджи, Нухи и Шуши. В этот период в раз-

витии городов отмечаются новые явления. Градостроительство в Шемахе в 1824—1859 гг., в Баку, начиная с 1810 г., и других проводится на основе генеральных планов. Заложенное в ряде генеральных планов начало по учету исторически сложившегося лица городов было положительным явлением. Однако эти начала теряют свое значение к концу XIX в., когда стихийность застройки городов становится общим явлением.

Глава третья

ЖИЛЫЕ ДОМА

Систематическими данными о развитии жилища в Азербайджане мы располагаем начиная с XVIII в. И хотя имеется мало сведений о развитии жилища в Азербайджане в более ранние периоды, можно утверждать, что дошедшие до нас жилые дома отражают многие черты более ранних, предшествовавших им образцов. Известно, что народное зодчество в течение продолжительного периода развития нарабатывает наиболее рациональные планировочные, конструктивные и композиционные приемы, составляющие основу довольно устойчивых типов жилья, существующих долгое время.

Именно в силу этой преемственности в развитии жилья и значения его в общей системе архитектурного развития, было признано целесообразным данные о жилище объединить в пределах отдельной главы, выделяя из других групп сооружений, что позволяет лучше понять характерные черты жилища Азербайджана в целом, а также оттенить то новое, что появилось в жилище в течение XIX в. после вхождения Азербайджана в состав России и постепенного внедрения более современных типов жилья.

Разнообразие природных условий областей Азербайджана от низменных и степных просторов до высокогорных районов, многообразие производственной деятельности населения страны определяли формирование архитектуры народного жилья, отличающейся разнообразием форм и планировочных приемов, соответствующих местным условиям.

Народное зодчество, существующее в XIX в. рядом с официальной монументальной архитектурой, отражающей идеологию господствующего

класса, демократично по своему характеру. К народному зодчеству в полной мере применимо высказывание Ленина о двух культурах в пределах классовой национальной культуры: «В каждой национальной культуре есть хотя бы не развитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящиеся и эксплуатируемая масса...»³⁴³.

Созданные многими поколениями народных зодчих типы народного жилища в дальнейшем сыграли определяющую роль в создании новых типов жилища, связанных в своем росте с развитием торговли и ремесла.

С народным жилищем непосредственно связаны также жилые дома богатых слоев населения.

Преемственность в последовательном развитии жилища демонстрирует немало наслоений, отражающих продолжительный период формирования рассматриваемых жилых построек XVIII—XIX вв. Народные жилища отражают обычно своеобразные для различных областей страны художественные и строительные традиции, выработавшиеся поколениями народных мастеров-строителей. Наряду с этим, однако, следует отметить, что во многих сельских районах еще в XIX в. сохранились пережиточные типы некоторых примитивных — полупещерных и полужемляных — видов жилья. Среди них надо особо отметить «карадам», о которых речь будет ниже.

Народное жилье главным образом связано с сельским строительством. Но те или иные видоизменения этого сельского жилья состав-

³⁴³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 8.

ляют основу полугородского типа жилья, которыми застраивались города Азербайджана в XVIII и даже в XIX в.

Рассматривая народное жилище интересующего нас периода, следует подчеркнуть, что, несмотря на типологически общие признаки жилища, характерные для определенных областей страны, классовая дифференциация населения наложила очень ясный и во многих случаях определяющий отпечаток на развитие тех или иных разновидностей жилых домов. Многие разновидности азербайджанского жилища, как мы увидим при рассмотрении конкретных образцов, возникли только в результате классового расслоения. Таковыми, в первую очередь, следует признать жилища дома полугородского типа в уездных центрах, не говоря уже о крупных или особо богатых отделанных домах бековского сословия в таких городах, как Шуша, Нуха, Шемаха и др.

Общими для народного жилища почти всех районов Азербайджана являются: наличие айвана или крытого балкона, учет при постановке дома на участке наиболее благоприятной ориентации айвана, обычно на юг, решение интерьера комнаты с применением многочисленных ниш, тахта, или джамухадан, полук — называемых раф, или ламэ, камин — бухары и т. д. Однако эти общие особенности народного жилища Азербайджана в условиях различных районов получают ту или иную трактовку и значимость в общем организме дома.

Эти общие особенности жилища Азербайджана, четко прослеживаемые с XVIII в., естественно, имеют своими истоками традиции домостроения, выработавшиеся еще задолго до этого времени.

Одним из дифференцирующих признаков народного жилища по районам является их различная конструктивная характеристика. Купольное перекрытие в жилище Кировабада, сподчатое перекрытие в ашшерском, плоское перекрытие в низменных и, наконец, скатное перекрытие в жилищах нагорных районов значительно влияет на формирование архитектурного облика народного жилища этих районов. Не меньшее разнообразие представляют и конструкции стен. Тесаный камень, булыга, обожженный кирпич, кирпич-сырец представляют главнейшей стеновой материал. Мы имеем также примеры комбинации различных материалов, главным образом булыги и обожженного кирпича, встречаемых в Кировабаде и Закавказье-Белокавказской зоне. Необходимость антисейсмических мероприятий вызвала к жизни каркасно-фахверковую конструкцию

в Нухинском и конструкцию стены с деревянными прокладками в Шемахинском, Исмаиллинском и в некоторых других районах.

* * *

Значительное влияние на планировку и формирование архитектурного облика селений оказывает сильный рельеф местности. Расположенные по склонам гор селения имеют четко выраженную направленность с ориентацией почти всех домов по склону. Селения на большом рельефе, естественно, сгущены.

Умелым использованием рельефа и других естественных факторов, например, реки, включением зеленых насаждений в общий пейзаж селений, а также целесообразной ориентацией достигается органическая связь поселений с окружающей природой.

В низменных районах небольшие жилые дома, окруженные хозяйственными строениями, обычно значительно удалены друг от друга и разделены прусадебными участками или фруктовыми садами.

В целом, при выборе места для селений большое значение придавали возможности наилучшим образом ориентировать здания; учитывалось направление господствующих ветров, наличие близости реки и других естественных факторов.

Характерной чертой планировки поселений дореволюционного Азербайджана являлось расположение жилых зданий, как правило, в глубине участка с главным открытым фасадом, обращенным внутрь двора или сада. Если же в силу каких-либо причин жилое здание и примыкало к улице, то только своими глухими стенами без оконных и дверных проемов. Вход в дом в большинстве случаев располагается также со стороны двора.

Интересные образцы народного жилища XVIII—XIX вв. сохранились в Закавказском, Нухинском, Ордубадском, Кубинском, Конахкендском, Шушинском, Кировабадском районах и на Ашшероне.

В свое время социальные условия в Закавказском районе породили тип жилища оборонительного характера. Для народных жилищ Кубинского, Конахкендского и некоторых других районов характерны умелая постановка жилища на сильном рельефе с использованием нижнего этажа для хозяйственных нужд, компактность плана, широкое при-

менение деревянных конструкций и разных оригинальных украшений.

Сохранившиеся образцы кировабадского жилища XVIII в. характеризуются купольными перекрытиями и обилием в стенах комнат ниш, создающих своеобразную пространственность внутри помещений.

Жилые дома Ордубада значительно отличаются по планировке от жилых домов других районов. Характерной особенностью домов Ордубада является наличие распределительного, обычно восьмиугольного в плане, вестибюля. Оформленный со стороны улицы в виде портала вход в вестибюль представляет значительный архитектурный акцент. «Балахана» — верхняя комната также составляет своеобразную принадлежность ордубадского жилища.

Жилые Ашшерона характерно аскетичностью архитектурного образа, отсутствием айвана, каменным сводчатым перекрытием, вызванным отсутствием строительного леса. Архитектура фасадов домов очень проста. Только на фасадах домов более зажиточных владельцев встречаются декоративные детали — тиги, ниши, каменные водосливы и т. п.

Высокий художественный уровень народного зодчества Азербайджана проявляется не только в умении мастеров соответственно местным условиям решать объемную и планировочную композиции народных жилищ, но и в богатстве средств архитектурного декора; декоративные средства сосредоточиваются на айване и в интерьере гостевой комнаты.

Прежде чем перейти к рассмотрению образцов жилища, сохранившихся начиная с XVIII в., попытаемся в самых общих чертах обрисовать основные типы жилища более отдаленных периодов, несомненно, оставивших свой след на последующих типах.

Родовой и односемейный дом эпохи бронзы — известные по раскопкам в Ханларском районе³⁴⁴, так же как и пещерные жилища Кубатлинского, Конахкендского и других районов³⁴⁵ представляют наиболее древние типы жилища.

Развитые типы пещерных жилищ, судя по мидийским скальным гробницам, пройдя через этап пещеры с искусственной обработкой плоскости фасадной стороны³⁴⁶, дают начало ан-

товому дому³⁴⁷, в дальнейшем ставшему господствующим типом.

Широко распространенным типом древнего жилища в Азербайджане, имевшим аналоги в Грузии и Армении³⁴⁸, являлись так называемые «карадамы». Карадамы, как пережиточное явление, встречались еще в XIX в. в ряде районов Азербайджана. Не исключена вероятность формирования антового дома на базе трансформации карадама в своем развитии.

Карадамы встречались трех типов — подземные, полуподземные и надземные; последние представляют наиболее развитый вид. Характерной особенностью карадамов является своеобразная конструкция перекрытия в виде деревянного ступенчатого купола, опирающегося на четыре мощных деревянных столба, расположенных у стен или посредине помещения. Поверх этой конструкции укладывался сплошной настил из распиленных пополам бревен; настил покрывался слоем мелких ветвей, поверх которых шел плотный слой земли.

Вверху перекрытия оставалось небольшое квадратное отверстие, служившее для освещения и выхода дыма из очага, расположенного в центре помещения, обычно квадратного.

Наличие даже в карадамах надземного типа обычно лишь одного проема — дверного, служит показателем того, что подземный карадам, в котором устройство оконных проемов исключалось, является первоначальным типом, а полуподземные и надземные карадамы — разновидности более поздней формации.

Вследствие сильного заглубления подземных карадамов в землю вход в них представлял собой крытый узкий наклонный коридор, и весь карадам с внешней стороны напоминал небольшой земляной курган. Внутреннее убранство карадамов было очень скромно. Стены подземных карадамов обычно обкладывались грубообработанным камнем. Копоть из очага с течением времени покрывала опорные столбы и балки блестящим и твердым, темным налетом. Собственно, от этой черноты и произошло название карадам, по-азербайджански означающее «черное помещение»³⁴⁹.

Изменение социально-экономических условий и отчасти постепенное поредение лесных

³⁴⁴ Я. Н. Гуммель. Археологические очерки. Баку, 1940.

³⁴⁵ И. М. Джафарзаде. Древняя история Азербайджана. «Изв. АН Азерб. ССР», 1944, № 3.

³⁴⁶ См. Всеобщая история архитектуры, т. 1, М., 1944, стр. 242.

³⁴⁷ А. В. Саламзаде. Архитектурные памятники Азербайджана древнейшего периода. Рукопись. Науч. архив Ин-та архитектуры и искусства АИ Азерб. ССР, зав. М. И. Ильин и др. Древнейшие типы жилища Закавказья, М., 1944, стр. 14.

³⁴⁸ Кара — черный, дам — помещение, строение.

населен, определяли появление и развитие новых, более прогрессивных форм жилья, в которых только задняя, а частично и боковые стены были врезаны в косогор. Здесь отсутствуют внутренние опорные столбы перекрытия, подобного перекрытию карадама, и вся конструкция облегчена. Основной нижний квадрат ступенчатого купола опирается непосредственно на стены здания. Верхнее отверстие служило лишь для освещения, а дым из очага выводился посредством специального дымохода.

Так, кратко можно резюмировать сведения о древнейших типах жилья в Азербайджане. Недостаточность археологического изучения не представляет в настоящее время возможности систематически проследить этапы формирования типов жилья, рассматриваемых в работе. Наиболее близким по времени и по типу к жилью XVIII—XIX вв. по архитектурной характеристике является жилье, обнаруженное во время раскопок на территории дворца ширваншахов. Это жилье типа, характерного для Аншерона, относится к периоду не позднее XIV в.³⁵⁰

По сохранившимся описаниям становится ясным, что встречаемые нами в XVIII в. жилища оформились нагорного равнины. «Большинство зданий Тебриза построено из обожженного кирпича. Частные дома большей частью в один, самое большое в два этажа. По сводчатому перекрытию выполняется земляная кровля, сверху обмазанная глино-саманным раствором и побеленная известью»³⁵¹.

Но еще сохранились и формы жилья, характерные для козачников-скотоводов. Вот описание такого жилья, относящееся к началу XVIII в. «Зимой хорошо укрытая кибитка также теплая как изба (Stube). Посреди делают яму, туда кладут достаточно угля, всю ночь кибитка теплая. Войлок, свисающий широкими полосами, кругом крепко связан так, что ее ветер не может так качать, как палатку. Очень удобно, что в деревянный каркас можно вешать разные вещи и одежду»³⁵².

Несмотря на накопление значительного фактического материала по жилым домам XVIII—XIX вв., до настоящего времени не сделана еще попытка общей типологической характеристики азербайджанского народного жилища. Довольно подробно разобранный

А. В. Саркисовым³⁵³ так называемый антовый дом не охватывает всех видов жилья.

Шагом вперед в рассмотрении типов жилища XVIII—XIX вв. следует признать работу А. А. Садыгзаде³⁵⁴. В основу своей классификации А. А. Садыгзаде кладет характер расположения жилых комнат — однокоридные или двухкоридные жилые дома, с соответствующим разнообразием. В этой классификации антовый дом составляет группу однокоридных домов. Предлагаемая классификация правильно раскрывает процесс постепенного зарождения двухкоридного дома, представляющего основу распространяющегося типа жилья уездных городов Азербайджана в XIX в. Автором раскрыты и социально-хозяйственная обусловленность такого развития. Однако следует подчеркнуть и связь этого процесса с развитием городов в XIX в.³⁵⁵ Предложенные до настоящего времени типологии строятся, главным образом, на изучении жилья отдельных зон Азербайджана, что, естественно, определяло их неполноту. При разработке вопросов изучения народных жилищ Азербайджана в целом классификация их должна базироваться на всех выявленных, широко распространенных типах жилья, бытовавших в течение XVIII—XIX вв.

В предлагаемой нами типологии за основу взяты, главным образом, планировочные особенности зимних жилых помещений, но вместе с тем учтен характер летних и сочетание их с зимними помещениями. Однако и такой подход к задаче был бы односторонним, если не принять во внимание конструктивные особенности, которые в некоторых случаях являются в сущности определяющими.

Необходимо подчеркнуть, что конструктивные и планировочные особенности складывались на основе естественно-природных и социально-экономических условий. Следовательно, приняты в предлагаемой типологической классификации признаки понимаются нами как исторические, а не как исключительно внешние признаки. Каждый из типов жилья является результатом длительной эволюции. Исходя из изложенных принципов, можно выделить следующие основные типы жилья.

³⁵³ А. В. Саркисов. Народное жилье нагорных районов Азербайджана. «Архитектура Азербайджана» (очерки), Баку, 1952.

³⁵⁴ А. А. Садыгзаде. Архитектура сельского жилья для нагорных районов Азербайджана (канд. дисс.).

³⁵⁵ А. В. Саламзаде. Ст. в сб., посвященном исследованию прогрессивных последствий вхождения Азербайджана в Россию для развития его архитектуры в XIX в. «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956, стр. 255—272.

бытовавшие в течение XVIII—XIX веков: 1) дома типа «карадам»; 2) дома антового типа; 3) купольные дома — «гюмбелли эв»; 4) дома с однокоридным расположением жилых помещений без эйвана. Самостоятельную группу внутри этого типа составляют однокоридные дома с «вестибюлями»; 5) дома с двухкоридным расположением жилых помещений.

Для домов типа «карадам» и «купольные дома» решающим признаком является конструкция их перекрытий. Остальные же виды жилья различаются по характеру расположения жилых помещений и их взаимосвязью.

Перейдем теперь к более подробной характеристике народного жилища XVIII—XIX вв., представляющего антовым домом с эйваном. Этот тип народного жилья дает наибольшее количество разновидностей.

Наряду с жильем Кубинского района, в эту группу могут быть включены дома Нухинского, Закальского, Кусарского, Конахкендского и отчасти Дивичинского районов. Город Куба дает нам также примеры домов полугородского типа, правда, относящихся в основном к концу XIX в. Именно в жилье городов Кубы и Шуши прослеживается формирование городского типа домов на базе народного жилища антового типа.

Антовый дом по своей основной структуре представляет большую жизненность как в смысле своих художественно-композиционных качеств, так и в смысле своей, если можно так выразиться, социальной гибкости.

Первоначальная ячейка такого типа дома — небольшая комната с эйваном и глухими боковыми стенами представляла в то же время минимум жилья беднейших слоев сельского населения. Чрезвычайная простота, лаконичность, но вместе с тем архитектурная выразительность этой разновидности жилого дома строится на контрасте глубоко затененного эйвана с ограничивающими его стенками — антами. Все элементы такого дома функционально оправданы и необходимы, художественно выразительны.

Увеличение числа жилых помещений, не изменяя сущности этой первоначальной ячейки, с одной стороны, дает место более сложному архитектурному композиционному, а с другой — изменяет социальную характеристику дома. На основе антового дома возникают жилые дома очень затененных слоев населения, вплоть до жилых домов полудворцового характера в Шуше.

В результате усложнения антового дома возникают разновидности с Г- и П-образным

расположением жилых комнат. Эти разновидности встречаются как в одноэтажных, так и в двухэтажных вариантах. Количество комнат на каждом этаже обычно не превышает двух-трех.

Изменение архитектурной характеристики этого типа жилища можно поставить в прямую зависимость от изменения количества комнат и их взаиморасположения. Если в однокоридном жилом доме основным архитектурным акцентом является затененная лоджия — эйван, то с увеличением числа комнат при сохранении в чистоте антового построения в архитектурной обработке дома появляются колонны, поддерживающие кровлю эйвана и придающие всей композиции большие живописности и выразительности.

Разновидности с фланкированием лоджии эйвана с комнатами (Г- и П-образная конфигурация расположения жилых комнат) имеют несколько иную архитектурную характеристику фасада в результате появления по сторонам эйвана значительной стеной плоскости с оконными проемами. С появлением оконных проемов в композиции фасадов проявляется такой сильный акцент как шебеке, заволаживающие оконные проемы.

Таким образом, в рассматриваемом типе жилья так же, как и в его разновидностях, типологические особенности в значительной, решающей степени определяют архитектурную характеристику дома. Это результат органичности самого пространственного приема. Архитектурные детали и декоративные средства акцентируют архитектурное решение, часто определяют степень художественной разработанности здания.

Следует отметить, что ввиду небольшого объема жилых зданий, каждая архитектурная деталь в их композиции играет важную роль. Такие элементы, как окна, двери, балконы, конструкции перекрытия, размеры камней кладки и т. п. с уменьшением здания почти или вовсе не изменяются; отдельные детали уменьшенного здания может приобрести доминирующий характер во всей композиции³⁵⁶. В качестве таких определяющих деталей в народном жилье Азербайджана надо отметить в первую очередь деревянные резные колонны с подбалками и заполнение оконных проемов шебеке.

Значение и ведущая роль эйванов в пространственной композиции логически влечет за

³⁵⁶ А. В. Саркисов. Народные жилища в нагорных районах Азербайджана. «Архитектура Азербайджана» (очерки), Баку, 1952, стр. 582.

³⁵⁰ В. И. Левантов. Раскопки на территории дворца ширваншахов. «Памятники архитектуры Азербайджана», вып. I, Баку, 1946.

³⁵¹ Lezche. Ук. соч., стр. 21.

³⁵² Там же, стр. 312.

собой сосредоточение именно на них декоративных элементов.

В некоторых районах значительным компонентом архитектурного облика жилых домов выступает сама плоскость стены, возведенная из естественных камней. Особенно характерно в этом отношении народное жилье Закатальского и Белоканского районов с красивым сочетанием в кладке булыги с обожженным кирпичом. В богатых известковым камнем районах (Маразы, Шемаха) в облицовке иногда применяется тесаный камень.

Полхромия в народном жилье Азербайджана на фасадах применяется редко. Характер цветового пятна иногда носят витражные окна «шебеке», заполненные разноцветными стеклами небольших размеров. Значительно чаще полхромия в виде стальных росписей применялась в интерьере богатых домов (жилая дома Шуши, Лагича, Нухи).

На иных композиционных приемах основано архитектурное решение жилища, встречаемого, главным образом, в Ордубаде. Здесь фасады строятся на контрасте почти глухой стеной поверхности с довольно крупным по масштабу порталом.

Таким образом характерные особенности основных, наиболее распространенных в Азербайджане типов и разновидностей жилища. При рассмотрении жилища по районам эти общие положения конкретизированы примерами сохранившихся характерных образцов народного жилья.

Жилища Нахичеванской АССР. Жилища Нахичеванской зоны были одними из наиболее интересных в Азербайджане. Здесь свою роль сыграло то обстоятельство, что Нахичевань была долгое время крупным городом и центром архитектурной школы. Но жилые дома, относящиеся к периоду ранее XVIII в., в самом городе Нахичевани до нас не дошли. Приводимое описание относится к началу XIX в.

«В Нахичеванском округе дома строятся в один этаж, и обнесены вокруг каменной стеною; у богатых обыкновенно главный фасад обращен к северу, в сад или на небольшой двор с бассейном проточной воды, либо с канавкою, выложенною камнем; в этом отделении находятся приемные комнаты, которые бывают иногда совершенно открытые, с небольшими только перилами, а чаще с одним во всю стену решетчатым окном, украшенным разноцветными стеклами. Стены в комнатах оштукатуриваются и выбеливаются, но редко красятся; лепная работа видна только на камнинах. Убранство комнат состоит единственно

в коврах, которыми устилается весь пол. За приемными комнатами или на особом дворе делаются у мусульман помещения для гарема, где проводят они большую часть времени. На низменных местах главным материалом служит глинистая земля, перемешанная с рубленой соломой и мелким булыжником; из этой массы стены выводятся на поверхность земли; в гористых же — дома строят из дикого камня и песчано-глинистого сланца, углубляя в землю почти на аршин. Крыши на всех домах плоские; в стенах делают небольшие ниши, в которых складывают разные вещи; вместо печек служат камини; окон не делают, а свет проходит в комнату через отверстие, сделанное сверху и служащее так же для выхода дыма; крытый в земляном полу широкий глиняный кувшин с боковой трубою, служит печью для приготовления хлеба. В некоторых селениях беки имеют особые для гостей помещения, состоящие из одной комнаты с камином и небольшими окнами. Такие комнаты устраиваются обыкновенно в конюшнях на некотором возвышении, отделяясь от них перилами для того, чтобы можно было всегда иметь перед глазами лошадей, которых страстно любят»³⁵⁷.

Наиболее интересные образцы жилища сохранились в городе Ордубаде, втором по величине городе Нахичеванской АССР.

Уже в середине XIX в. Ордубад был значительным городом, и в 1854 г. в нем имелось свыше 800 частных домов, при них, кроме того, 63 мечети, 335 садов и много других зданий³⁵⁸. В XIX в. население Ордубада наряду с земледелием и виноградарством было занято ремеслом и торговлей. Вместе с местной была значительно развита и торговля с другими городами Закавказья, России и даже Персии. В основном вывозились сушеные фрукты.

Классовая дифференциация населения сказывалась в различной степени развитости жилых домов, архитектурное решение которых отличается многообразием. Наряду с жилым домом, состоящим всего из одной комнаты, встречаются жилые дома — особняки городского типа из 7—8 жилых комнат.

Простейшим видом жилого дома, получившим значительное распространение в самом городе и в некоторых близлежащих к городу селениях, был однокомнатный домик с кухней и верандой. Это — дома беднейших слоев населения.

³⁵⁷ Обзорные росписи владений за Кавказом. т. IV, СПб., 1836, стр. 318 и 319.

³⁵⁸ Кавказский календарь на 1855 год, стр. 396.

Встречаются и другие, более развитые примеры таких простейших домов, имеющих две жилые комнаты. Как в первом, так и во втором случаях легко заметить сходство планировки с антовым домом нагорных районов, с характерной группировкой помещений по сторонам айвана.

В Ордубаде сложился тип более зажиточного дома полугородского типа. Такой дом отличается значительной сложностью плана и характерным взаиморасположением помещений. Организующим звеном плана таких домов обычно является восьмиугольной или шестиугольной, редко прямоугольной формы «вестибюль». Из вестибюля входы ведут в основные составные части жилого дома. Количество внутренних входов в вестибюль иногда достигает пяти; один из них связывал вестибюль со двором, обеспечивая связь хозяйственных помещений с улицей. Доступ же в жилые помещения осуществляется как непосредственно из вестибюля, так и через двор. В первом этаже располагается часть жилых комнат и основные хозяйственные помещения.

Это планировочное своеобразие ордубадских домов, по существу однообразное в условиях затесненной застройки и вследствие небольших размеров и случайных конфигураций участков, привело к довольно большому числу вариантов решений. Мы видим в одних случаях компактные по планировке дома, с весьма узким фасадом, в других домах расположение помещений по двум сторонам участка или же даже обстройку небольшого внутреннего двора — со всех четырех сторон.

Видимо, затесненностью участков необходимо объяснить те случаи, когда два дома имеют один общий вход. В таком случае один из домов размещается на уличной стороне, а другой — в глубине участка.

Не менее характерным является организация двора земельного участка. Размеры участков колеблются от 400 до 800 м²³⁵⁹. В условиях жаркого климата большое значение придается созданию в летнее время прохлады во дворе. Высокие глинобитные стены, изолируя дом от улицы, одновременно способствуют созданию микроклимата, обеспечивая затенение части двора. На участке большинства домов имеются «чешме» (буквально: родник) — небольшие бассейны, на 3—4 м углубленные в землю.

^{359—360} И. Л. Вартанесов. Жилые дома Ордубада XVIII—XIX вв. «Памятники архитектуры Азербайджана», вып. II, Баку, 1950, стр. 61.

Спуск к чешме осуществляется по сводчатому лестничному проходу.

Фруктовые деревья, виноградники, бассейны с проточной водой, чешме, ниши на внутренней стороне ограждающей стены создают значительный уют и прохладу дворов жилых домов³⁶⁰. Характерно также устройство специальных прохладных помещений «союгхана». Так называются небольшие перекрытые куполом подземные помещения; иногда устраиваемые у родника. Союгхана используется также и для хранения продуктов.

В тесной связи с планировочной структурой народного жилья Ордубада находится и архитектурная обработка домов. Для уличных фасадов характерны почти глухие стены с небольшими проемами. Объединяя в один объем портал и верхнюю комнату «балахана», народные зодчие сумели создать значительный архитектурный акцент, строя его на контрасте глухой стены с обработанной порталной частью.

Однако уличные фасады ордубадских домов второстепенны. Главным фасадом жилых домов следует признать дворовые, на разработку которых обращается основное внимание. Особенно богаты здесь шебеке.

В убранстве ордубадских домов внимание уделяется не только шебеке и оформлению портала, но и таким мелким металлическим поделкам, как дверные петли и накладки, шляпки гвоздей, дверные молотки и ручки.

В интерьере жилья наибольшее внимание обращается на украшение комнаты бухары. Некоторые дома украшены внутри стеной росписью. Как элемент убранства интерьера весьма эффектно также шебеке. Хотя шебеке встречается почти во всех районах Азербайджана, однако наиболее распространены они именно в ордубадском жилье.

Главным стеновым материалом в ордубадском народном жилище является кирпич-сырец. Обожженный кирпич применяется для возведения ответственных конструкций — арок, ниш, сводов. Все стены покрываются штукатуркой теплого оттенка. Крыши плоские с глино-земляной засыпкой. Для стока дождевой воды делают небольшие уклоны на сторону двора и улицы. Фундаменты зданий из булыжного камня.

Примером простейших домов Ордубада может являться дом Аббаса Керимова. В доме жилая комната и кухня сообщаются непосредственно с айваном. Обращает на себя внимание почти квадратная форма айвана. Значительное внимание уделено здесь организации плана и выделению на фасаде основного жи-

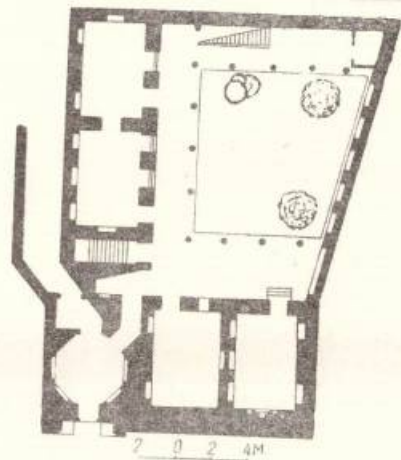
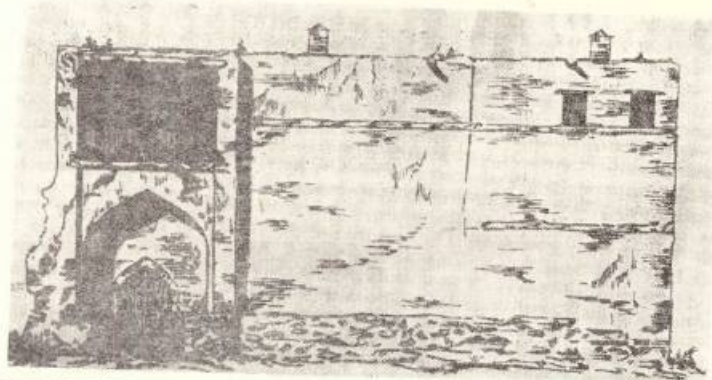

Рис. 80

Орубад. Жилой дом по ул. Шаумяна, 85. Главный фасад и план.

лого помещения дома. Шибке жилой комнаты занимает всю торцовую стену и преобладает на фасаде как основной элемент, оттесняя на второй план эйван.

Стены дома толщиной в 90 см выложены из кирпича-сырца. Кровля земляная. В конструкции кровли применена шпалка, поверх которой насыпана глина³⁶¹. Дом, очевидно, построен в середине XIX в.

³⁶¹ П. Л. Виртанен. Ук. соч., стр. 76.

Усложненным вариантом этого типа домов является жилой дом в сел. Верхние Азулисы. Жилая часть дома состоит из двух комнат и прихожей между ними. За комнатами расположено длинное, без проемов, помещение — амбар, сообщающийся только с прихожей. Обращает на себя внимание большая глубина жилых комнат, тем более, что торцы комнат обращены на эйван, т. е. на затененную сторону.

Одним из примеров двухэтажных домов, в которых может быть прослежена связь с домами с эйванами, является дом № 85 по ул. Шаумяна. Конфигурация плана дома в виде буквы Г, позволила вместе с ограждающей с двух сторон стеной создать небольшой замкнутый двор. Из восьмиугольного вестибюля имеется проход на эйван и оттуда во двор и на лестницу, ведущую на второй этаж. Эйваны, огибающие жилые комнаты как в первом, так и во втором этажах, создают дворовый фасад дома, аналогичный жилым домам других районов Азербайджана.

Развитым по плану и характерным по решению как уличного, так и дворового фасадов является дом № 13 по ул. Шаумяна. Внутренняя планировка дома отличается удобной взаимосвязью жилых и хозяйственных помещений. Через восьмиугольный в плане вестибюль — вход в сени. Имеется возможность попасть во двор и непосредственно в хозяйственные помещения, размещенные только на первом этаже. Специальная лестница из вестибюля ведет прямо в балахана, расположенную, как обычно, над вестибюлем.

В жилые помещения можно попасть толь-

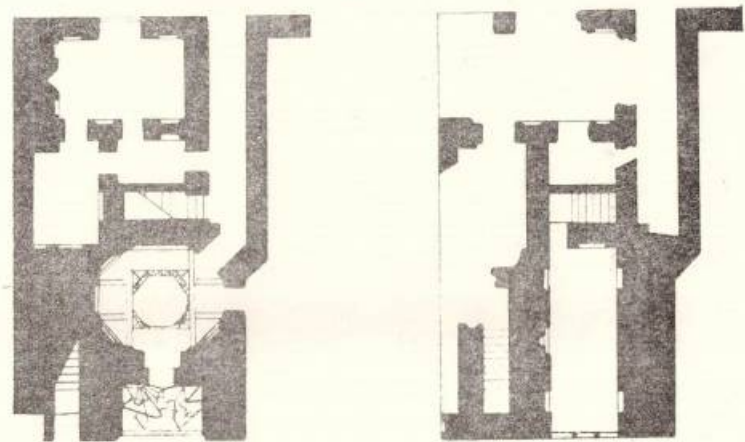
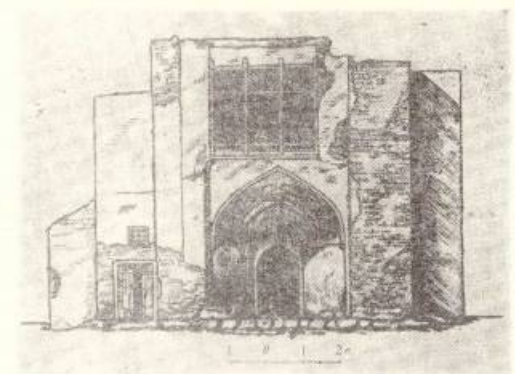

Рис. 81

Орубад. Жилой дом Мамеда Исмаила огли, XIX в. Главный фасад и планы этажей.

ко со двора через небольшую проходную, по обе стороны от которой расположено по одной жилой комнате на каждом этаже. На обоих этажах перед жилыми комнатами со стороны улицы размещены кладовые; возможно, что одна из них, имеющая очаг, служила зимней кухней.

Примыкающая непосредственно к вестибюлю хозяйственная группа состоит из поме-

щения для скота и кухни с «стандиром». Хозяйственная группа одноэтажная.

Уличный фасад дома представляет характерный образец двухэтажного жилого дома с уже отмеченным противопоставлением входной группы и глухой стены. Полную противоположность представляет дворовый фасад с большими витражными окнами жилых комнат первого и второго этажей. При составлении

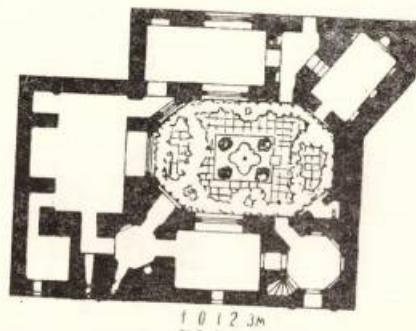
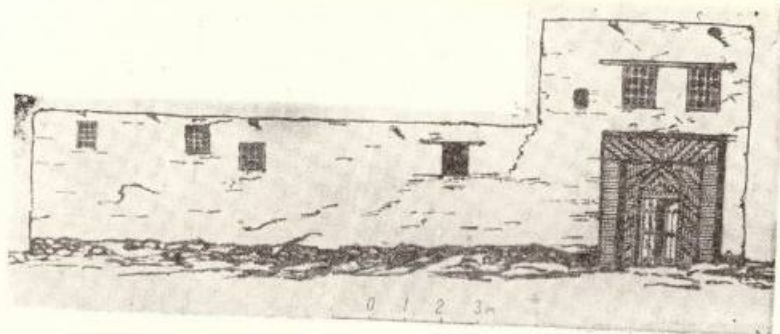

Рис. 82

Ордубад. Жилой дом по ул. Азизбекова, 4 (XIX в.).
Главный фасад и план.

уличного и дворового фасадов привлекает внимание также различная художественная обработка стены. Выступающие лопатки и крупные оконные проемы придают дворовому фасаду характер каркасной конструкции.

Типичным примером дома, обращенного своим узким торцом на улицу, а широким фасадом во двор, может служить дом Мамеда Гасан оглы, а также дом на ул. Шаумяна, 72. В этом доме наиболее ярко выражен пример компактного решения плана. В габариты вытянутого прямоугольника весьма умело вписаны все жилые и хозяйственные помещения. Прямоугольный вестибюль имеет пять проемов — вход с улицы, два проема, ведущих на участок, и проемы, связывающие вестибюль с лестницей и одной из жилых комнат первого этажа, расположенной непосредственно за

первой и имеющей подчеркнута продолговатую форму. С этой большой комнатой сообщаются два небольших хозяйственных помещения. Две верхних комнаты составляют парадную часть дома. В большой комнате обращает на себя внимание альков — и небольшой эйван на северо-западной стороне здания.

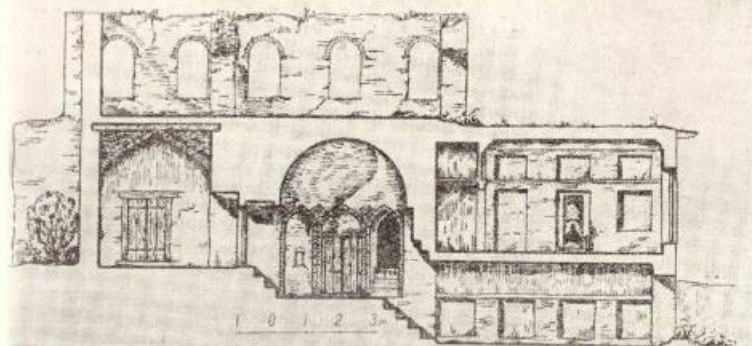
Основные хозяйственные помещения, а также стойла для скота размещены в сводчатом подвальном этаже дома.

Расположение дома на участке отличается своеобразием, заключающимся в том, что участок разбивается на две части, расположенным поперек домом.

Вследствие небольшого протяжения уличного фасада композиция строится не на противопоставлении обработанного входного портала скромной плоскости стены, как обычно на уличных фасадах жилых домов Ордубада, а на симметричной композиции с подчеркиванием значения входного портала.

Очень характерным примером ордубадского жилого дома с внутренним двором является дом № 4 по ул. Азизбекова. За исключением очень небольшого отрезка двор со всех сторон охвачен жилыми и хозяйственными помещениями. В центре двора небольшой бассейн с фонтаном; двор озеленен и аккуратно вымощен обожженным кирпичом. Замкнутость, небольшие размеры и удобное устройство превращают двор в основную жилую часть дома в летнее время.

Из жилых домов Ордубадского района отметим еще дом в сел. Верхние Акулисы, представляющий пример, близкий архитектурному решению жилых домов других нагорных районов, где эйван является основным элементом композиции дома.

Жилые Кировабада. Наибольший интерес представляют жилые дома купольного типа, так называемые «гюмбезли эв»³⁶², построенные предположительно в XVII—XVIII вв.

В зависимости от конфигурации плана перекрываемых помещений изменяется также и характер купольных перекрытий. Квадратные в плане помещения перекрываются стрельчатными куполами, а вытянутые прямоугольные помещения — сводами двойной кривизны с арками-нервюрами, опирающимися на продольные стены. Купола над квадратными помещениями средней части также укрепляются двумя нервюрами. Как купольные, так и сводчатые с двойной кривизной конструкции в центре замыкаются вторым меньшим куполом. Происхождение вторых куполов, возможно, связано с наличием в наиболее древних домах этого типа световых отверстий, которые в позднее время в связи с освещением помещений через окна стали закрываться этими куполами³⁶³.

Вторая группа домов, имеющая ряд разновидностей, характеризуется в конструктивном отношении плоским перекрытием, хотя в некоторых домах еще сохраняется стрельчатое междуэтажное перекрытие. Простые дома купольного типа сохраняют одностороннюю застройку без эйвана. Более развитые дома представляют примеры домов с эйванами.

³⁶² Н. А. Джеванширова, Т. И. Мамедханли, Н. А. Рудман. Жилые дома Кировабада XVII—XIX вв. «Памятники архитектуры Азербайджана» (Сб. материалов). Баку, 1950, стр. 64—71.

³⁶³ Не лишено интереса, что в монументальной архитектуре также «закрывающиеся» купола имеются в шахматских мавзолеях Едди гюмбез начала XIX в.

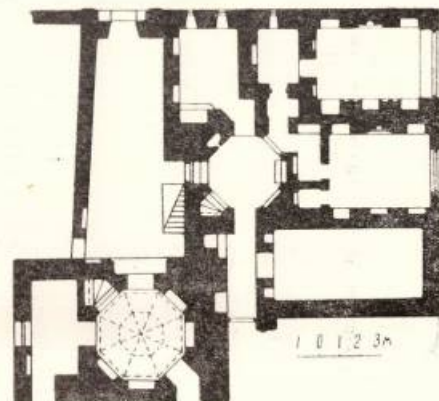

Рис. 83

Ордубад. Жилой дом по ул. Шаумяна, 62 (XIX в.).
Разрез и план.

Дома этой группы с эйваном и без него имеют более развитые фасадные членения и обычно усажены деталями из обожженного кирпича.

В купольных домах в отличие от простых фасадов решению интерьера уделено больше внимания. Роспись купола и фриза весьма обогащают интерьер.

Жилой дом по ул. Низами, тулик 5, дом 33, представлял одну комнату, перекрытую куполом. В дальнейшем к дому был пристроен эйван. Интерес, вызываемый этим домом, оп-

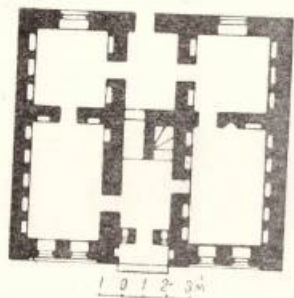
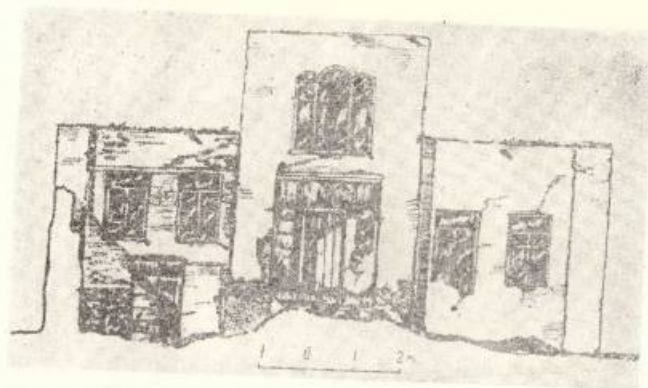

Рис. 84

Нахичевань. Жилой дом по ул. Шаумяна, 2 (XIX в.). Главный фасад и план.

ределяется как конструкцией перекрытия, так и прекрасной организацией интерьера, внутренность которого оштукатурена гажей и покрыта росписью. Небольшая комната имеет полки (ляма), ниши типа «тахта» и «джама-хулан», две «бухары», расположенные по осям перпендикулярных к фасаду стен. В стену вделаны шкафы с расписанными дверями. Над полкой проходит широкая полоса росписи в виде фриза, состоящего из двух узких окаймляющих кромок и широкой средней полосы с характерными для азербайджанских стеновых росписей членениями в виде арочных обрамлений. Росписи широких арок, повторяющие известные мотивы вазона и птиц, в данном случае, несмотря на условность самой композиционной схемы, трактованы весьма реалистично.

Жилище Закатальского и прилегающих районов. На склонах Большого Кавказа и в частности Закатальско-Белокавказском районах в свое время не только долго сохранялись феодальные отношения, но и существовали своеобразные родовые общины — «джаматы». Связанные с этим социально-политические и бытовые условия, наряду с живописной и вместе с тем суровой природой, наложили определенный отпечаток на характер архитектуры народного жилища.

Особенности местного строительного материала, несомненно, также существенно влияли на архитектурный облик жилых домов указанных районов.

Глубоко укоренившиеся древние обычаи, сохранявшие отпечаток патриархального уклада, сказались на поселениях района, носивших характер изолированности по родам.

Жилые постройки населенных пунктов обычно были разбросаны на значительном расстоянии одна от другой и иногда защищены башней или небольшой крепостной стеной. Размещенные на свободных участках жилые сооружения не имеют замкнутого двора, лишены хозяйственных построек и находятся в непосредственной близости от башен, куда в минуту опасности укрывались жители со всем своим имуществом и домашним скотом.

Архитектура жилья, тяготеющая к монументальности форм, с применением в кладке стен крупных, грубо околотых камней горных пород, булыжника и кирпича органически связывается с горным пейзажем.

Аркады открытых веранд с глубокими тенями, массивы наружных лестниц, своеобразный рисунок кирпичной кладки, смешанной

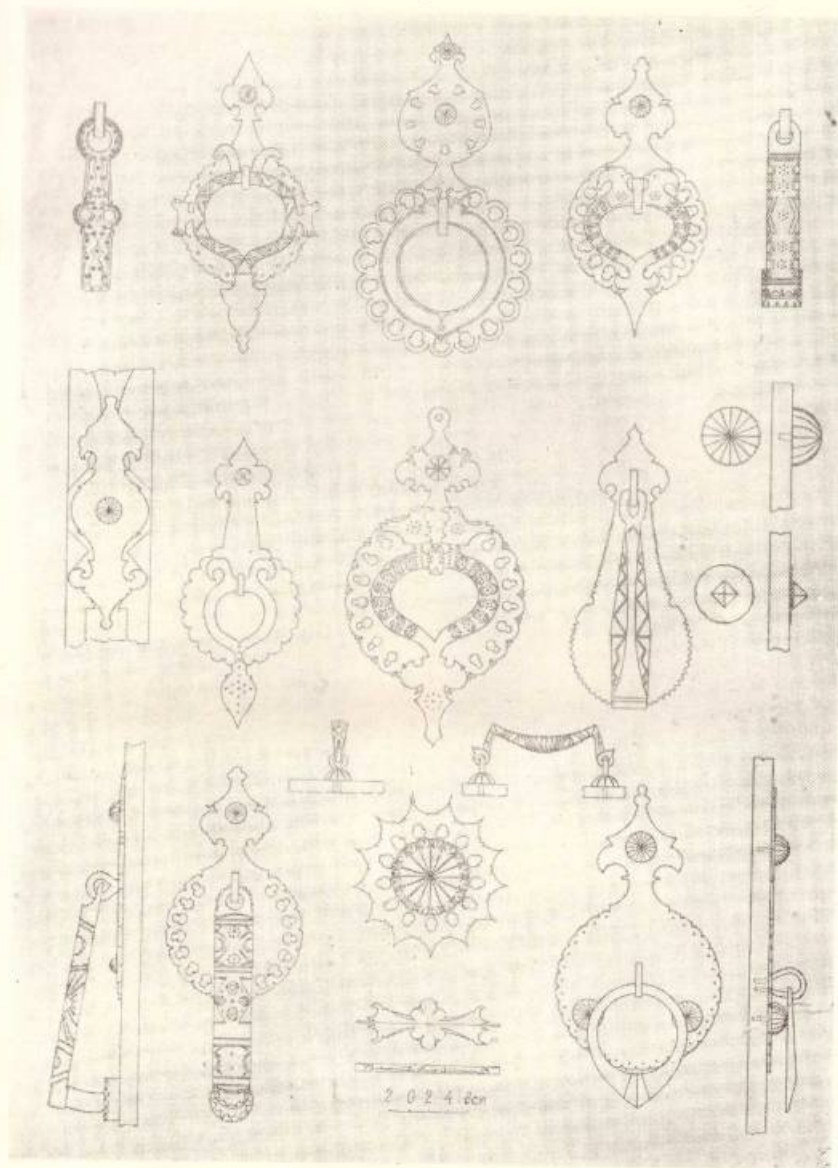
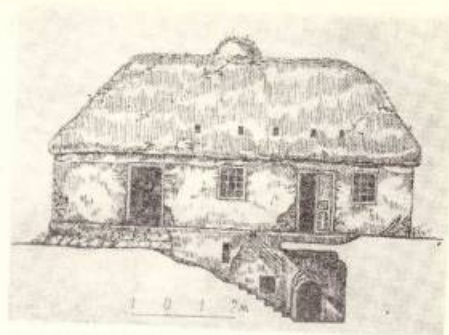
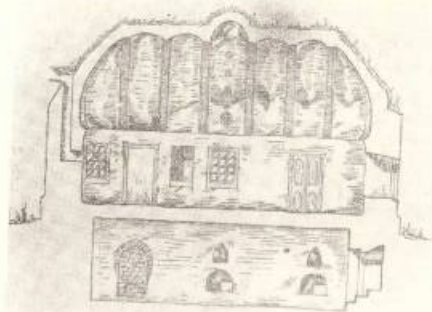
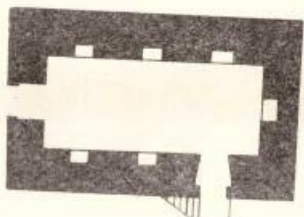
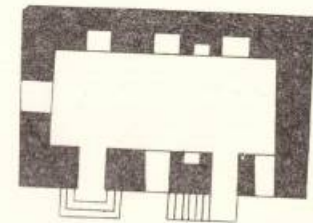

Рис. 85

Ордубад. Накладные металлические детали дверей.

б

1 0 1 2 3 м

а

Рис. 86

Кировабад. Жилой дом «Гюмбелли эви» по ул. Мясникова, 51 (XVIII в.).
а — в плане этажей; б — разрез

с кладкой из рваного камня и булыжника, сочетание серо-зеленой гаммы камня с бурокрасным цветом кирпича и черепицы на фоне зеленой растительности, создают насыщенную цветом архитектуру, присущую только этим районам Азербайджана.

Работы по изучению народного жилища в этих районах позволили установить несколько разновидностей с различными вариациями³⁶⁴.

Основным архитектурным элементом в одноэтажных и двухэтажных жилых постройках является открытая веранда главного фасада с массивной, одно- и двухрусной аркадой либо с деревянной колоннадой на втором этаже.

В отличие от других районов Азербайджана, где строго придерживаются южной или юго-восточной ориентации, здесь ориентация зданий различна.

В сложении облика некоторых типов народного жилища Закавказского и Белокан-

³⁶⁴ С. Датиев, Д. Мотев, Жилье XVIII и XIX вв. Закавказского района. «Памятники архитектуры Азербайджана» (сб. материалов), т. II, Баку, 1950.

1 0 1 2 м

1 0 1 2 м

а

Рис. 87

Кировабад. Жилой дом «Гюмбелли эви» по ул. Комсомольская, 24/а (XVIII в.). Фасад.
а — в плане этажей; б — разрез; в — внутренняя или внешняя стена; восточная ориентальная резьба по камню

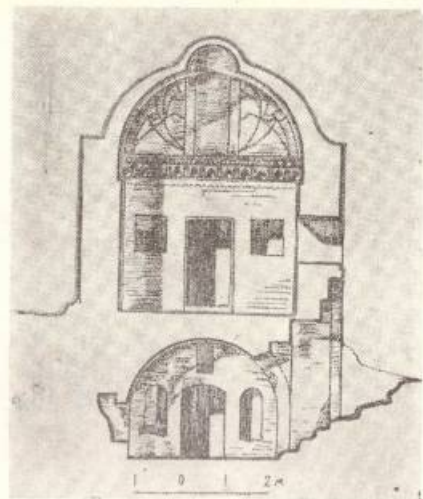
ского районов значительную роль сыграла необходимость учета возможности защиты жилого дома от частых нападений. Этой цели прежде всего служили надвортные сооружения, сообщающие облику некоторых жилых домов ясно выраженный замковый характер.

В организации интерьера жилых домов Закавказского района важно подчеркнуть отсутствие полок — рэф и наличные ниши (джамахудан) только в виде исключения. В интерьере домов делают часто громадные «бухары» с приспособлениями для подвески котлов и вертела.

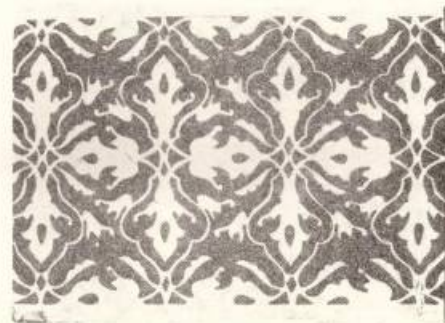
Кладка стен из рваного камня, булыжника и кирпича ведется на известково-алебастровом и глиняном растворах.

Кровля двускатных крыш черепичная или соломенная. Сохранилось много образцов жилья, начиная от простых домов, кончая двухэтажными многокомнатными домами сельских богачей. Данная выше общая характеристика жилья Закавказского района в зависимости от степени развитости того или иного дома получает конкретное воплощение.

На примере однокомнатного жилого дома

б

Мамедова в сел. Талы 2 можно судить о наиболее простом виде жилища. Одноэтажный дом получил четкое архитектурное воплощение со свойственной для этого района декоративной кладкой. Довольно крупная крыша придает всей композиции собранность. Вследствие небольших размеров дома эйван его не загроможден каменными стойками и в виде опор применены изящные деревянные колонны.

Наиболее распространенной разновидностью жилого дома в этих районах можно при-

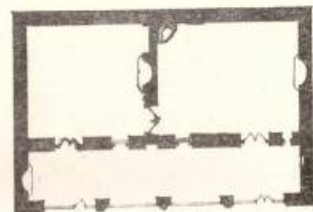
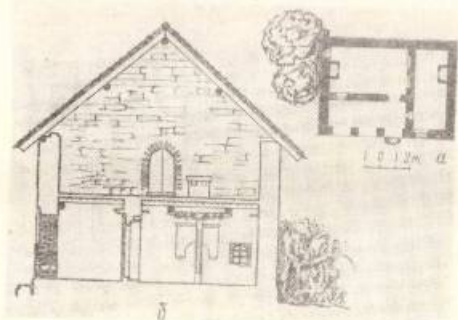
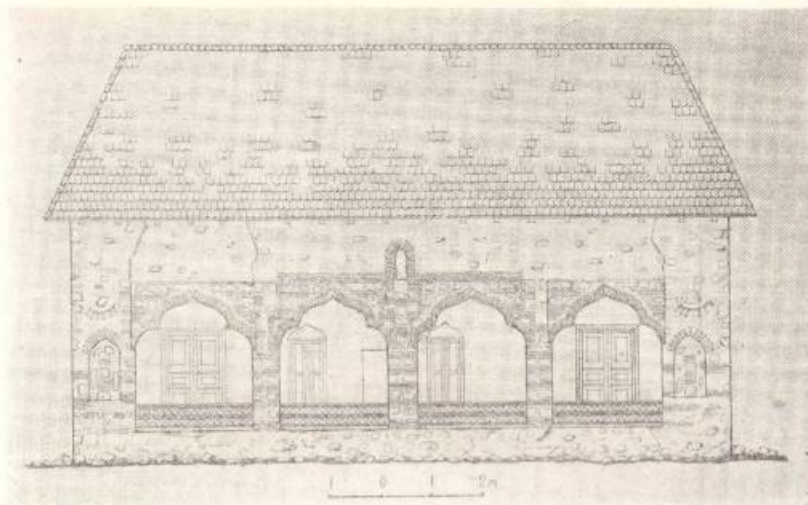
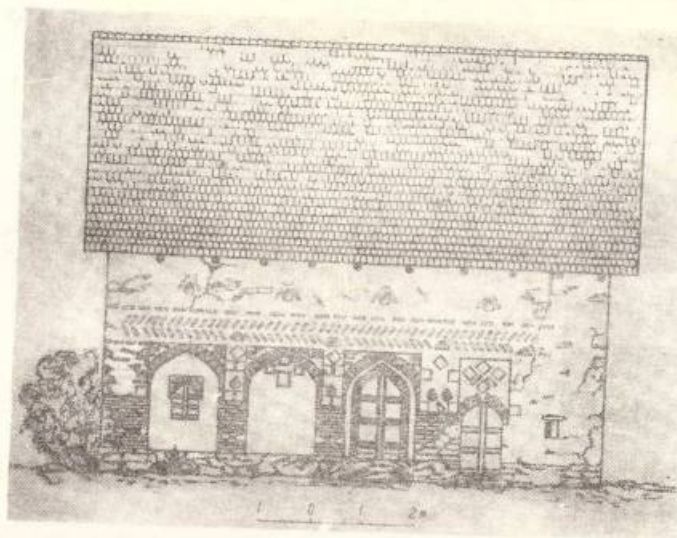

Рис. 88

Закатальский р-н, сел. Талы, дом 2. Жилой дом Кардашева, XIX в. Фасад, а — план, б — разрез

знать одноэтажный двухкомнатный дом и характерным примером может служить дом Абакар оглы в том же селении. Здесь привлекает внимание тщательная разработка аркады эйвана. Как вообще в подобных случаях оформления эйвана небольшой дом приобретает монументальный и даже неприступный вид. Дома Гусейнова и Кардашева в том же

селении лишь незначительно отличаются от дома Мамедова по внешнему облику. В подобных домах одна из комнат жилой, а другая используется для хозяйственных нужд.

Примером более развитого одноэтажного жилья может служить дом Араблинского, также в сел. Талы 2. Этот дом до произведенной перестройки имел симметричный фасад с широкой центральной аркой.

Из более ранних, относящихся, по-видимому, к началу XIX в., двухэтажных домов упомянем дома Джарулла Агаева, Исмаила Агаева в сел. Талы 2 и дом у Чингиз Кала в Джарах.

Изолированные в плане друг от друга комнаты дома Джарулла Агаева сообщаются только через эйван. Первый этаж отведен под хозяйственные помещения: для мелкого скота, сена и др. На второй этаж ведет открытая бежовая каменная лестница. Характерным для архитектуры дома является трактовка эйвана с фасадной стороны в виде отделенных друг от друга арочных ячеек. Такой прием несколько напоминает решение дворовых фасадов азербайджанских караван-сараяв.

Жилой дом Исмаила Агаева представляет двухэтажный вариант обычного одноэтажного двухкомнатного дома. Фасад дома производит очень цельное и художественно убедительное

впечатление. Сочетание здесь мощной аркады первого этажа эйвана с изящной деревянной колоннадой эйвана второго этажа, представляет один из наиболее удачных композиционных законченных примеров.

Рядом индивидуальных особенностей отличается жилой дом у башни «Чингиз кала» в Джарах. На наш взгляд, прежде всего важно отметить наличие во втором этаже двух обособленных эйванов. Такая планировка дома дала возможность равноценно решить два его фасада. Фасад короткой стороны с двухъярусной аркадой в обычных для Закатальского района формах следует признать главным. Торцев эйвана другой стороны выходит на этот фасад и открытое пространство между кровлей и двухъярусной аркадой придает дому значительную пространственность.

Жилища Кубинского и прилегающих Кусарского и Конахкендского районов. Прямоугольные по обшей конфигурации жилые дома этих районов состоят обычно из группированных вокруг эйвана жилых помещений. Здесь встречаются почти все возможные варианты подобной планировки. Вследствие резко выраженного рельефа местности увеличение числа помещений жилого дома достигается предпочтительно за счет этажности, а не увеличением габаритов. В некоторых случаях, следуя релье-

фу местности, дома с одной стороны одноэтажны, а с другой имеют два этажа.

В двухэтажных домах первый этаж, как правило, отводится для хозяйственных нужд, а второй — исключительно для жилья. Лестницы на второй этаж обычно открыты и ведут в эйван второго этажа. В некоторых случаях лестницы расположены отдельно.

Жилые дома Кубы интересны также и с точки зрения формирования полугородского типа. В таких домах фасад, обращенный на улицу, является главным, в котором эйваны исчезают и появляются балконы.

Рис. 89

Закатальский р-н, сел. Талы. Жилой дом Мехтева Мухаммеда, XIX в. Фасад и план.

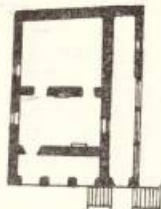
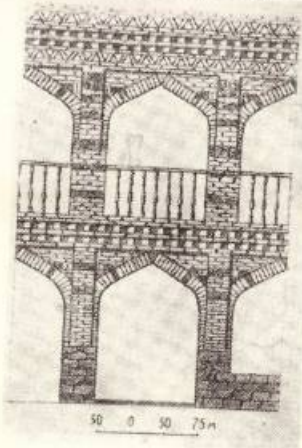
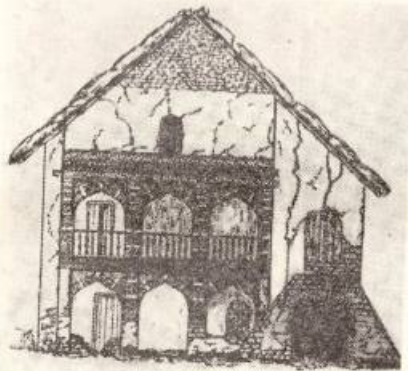

Рис. 90
Зокатавский р-н, сел. Джары. Жилой дом
у башни Чинги-Кала, XIX в. Общий вид
с башни.

а — фасад; б — план этажей; в — цокольный этаж

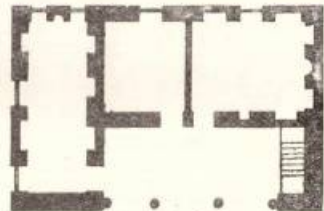
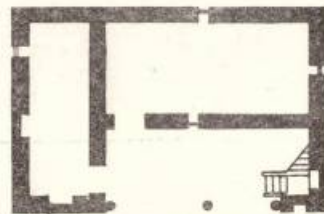
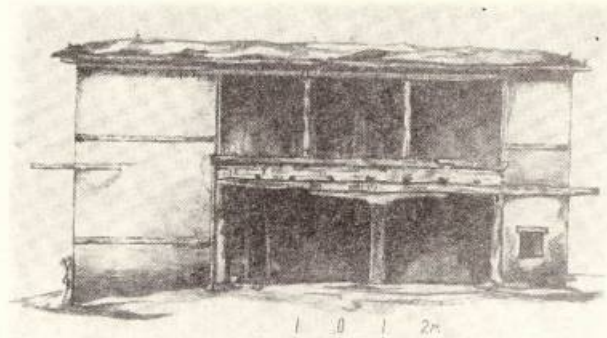

Рис. 91

Кубинский р-н, сел. Красная Слобода.
Фасад и планы этажей.

Жилой дом Рахимова в сел. Гиль Кусарского района представляет тип двухэтажного дома с различным решением каждого из этажей. Расположение дома на косогоре определило решение первого этажа однородным. Во втором же этаже перед жилыми комнатами имеется эйвал, расположенный над нижними помещениями. Сообщение между этажами осуществляется фронтально расположенной

Жилые Конахкендского района, неся в себе основные черты, присущие домам рассматриваемых районов, в то же время дают некоторые новые решения, например, спаренные жилые дома, рассчитанные на две родственные семьи. Здесь план дома весьма существенно влияет на трактовку его фасада, который оказывается расчлененным на две самостоятельные части с одинаково расположенными опорами, поддерживающего кровлю эйвана³⁶⁵.

Дома обычно располагаются на участках небольших размеров, площадью от 200 до 700 м².

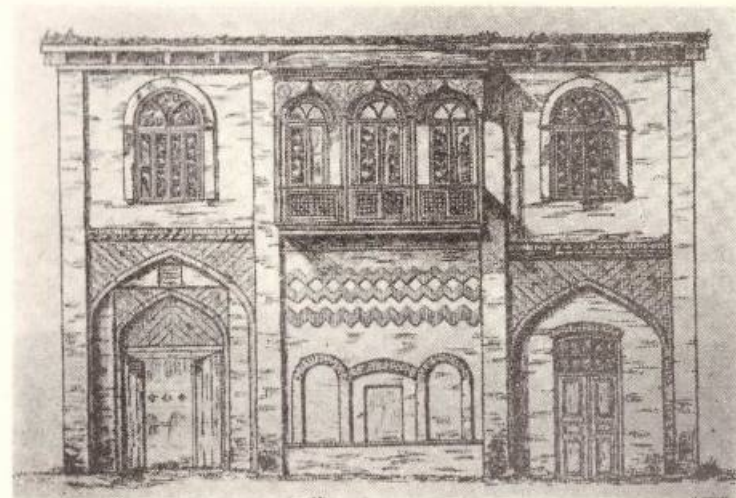
Хозяйственные постройки немногочисленны³⁶⁶. В двухэтажных домах они размещены в самом жилом доме. В целом план дома сохраняет прямоугольную конфигурацию.

Народные жилища этой группы районов возведены, в основном, из кирпичя-сырца (29×9 см) или жженого кирпича. Сырцовые сооружения, как правило, оштукатурены глино-саманным раствором.

В равной степени распространены как плоские, так и скатные крыши. Элементы архитектурного убранства выполнены, в основном, из дерева — это, главным образом, колошны и подбалки. В Кубинском и прилегающих районах не нашли применения шебеки и росписи стен жилых домов, распространенные в других районах Азербайджана.

³⁶⁵ А. В. Саркисов. К изучению народного жилища Азербайджана (жилища Конахкендского района). «ДАН Азерб. ССР», т. 5, № 5, 1949.

³⁶⁶ А. В. Саркисов и М. Иманов. Некоторые типы народного жилища Кубинского и Кусарского районов. «Памятники архитектуры Азербайджана» (сб. материалов), т. 1. М.—Баку, 1946, стр. 91.

открытой лестницей. Простая и логичная композиционная схема этого дома наиболее выукло несет в себе черты, присущие подобным домам с различными этажами. Декоративные элементы — деревянные детали с резьбой.

Для домов с внутренней лестницей характерно появление башнеподобного объема лестничной клетки. Примером может служить жилой дом в Красной слободе Кубинского района. В теперешнем своем виде дом сложился в результате пристройки к старому дому из обожженного кирпича лоджии-эйвана с лестницей, заключенной в объеме³⁶⁷. В лестничной клетке размещены также «тендир» и кладовые. В планировке и архитектурном облике этого дома привлекает внимание глубокий эйван во втором этаже, по существу, главное помещение дома в летние месяцы.

Примером характерного для Копахкендского района дома с делением жилья поперечной стеной на две равные ячейки может служить жилой дом Кутесниова в сел. Хаши. Здесь обычный двухэтажный дом с односторонней застройкой первого этажа во втором этаже имеет поперечную стену, делящую эйван на две половины. Этот прием был обусловлен выделением старшего сына после его женить-

бы, однако в этой поперечной стене оставляется проем, который по существу объединяет весь этаж. Таким образом, независимо от намерения строителей, эта стена имеет больше архитектурное, нежели функциональное значение. Вместо длинного монотонного ряда колонн, эйван на своем протяжении оказывается расчлененным на две небольшие ячейки. Характерна также расстановка колонн — посредине колонна с подбалкой, а по сторонам простые деревянные столбы.

Жилые Шуши. Крепость Шуша, бывшая столицей Карабахского ханства, владения которого распространялись на низменный и на горный Карабах, в XIX в. стала одним из центров торговли. Население быстро росло с выделением значительной прослойки зажиточной бековой, кунеческой части и ремесленничества. Таким образом, имелись условия для интенсивной застройки города.

Для общего архитектурного облика Шуши характерна живописность застройки, согласующаяся с своеобразным горным пейзажем. Восточная часть города обладает сравнительно спокойным рельефом, а западная часть, застраивавшаяся позднее, возвышается амфитеатром. Капитальная застройка города в значительной мере обуславливалась использованием прекрасного строительного камня, в изобилии имеющегося в районе Шуши.

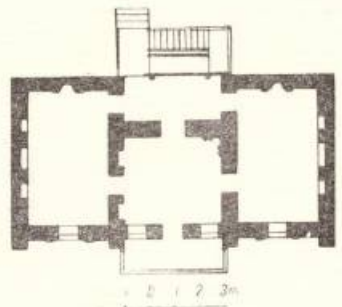
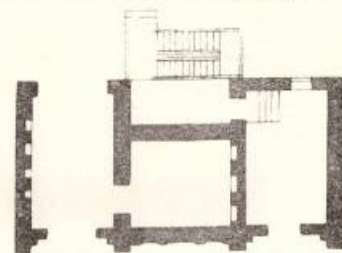

Рис. 92
Куба. Жилой дом по ул. Советской. Общий вид и планы этажей.

³⁶⁷ А. В. Саркисова, Народные жилища нагорных районов Азербайджана (нап. дисс.), Институт архив. Ист.-архитектуры и искусства АН Азерб. ССР

Рис. 93
Куба. Жилой дом по ул. Хачинской. Общий вид и планы этажей.

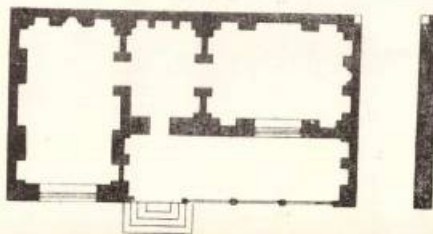
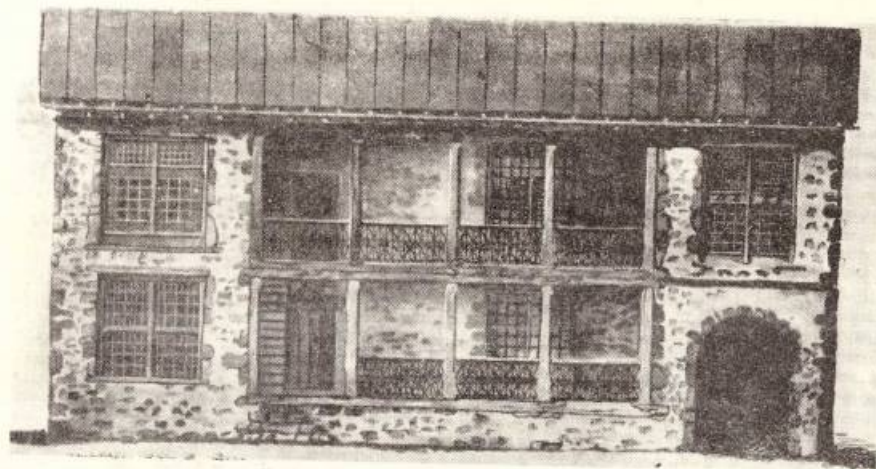

Рис. 94

Шуши. Жилой дом по ул. Физули, 18 (XIX в.). Фасад и план первого этажа.

Значение архитектуры жилых домов прежде всего определяется тем, что она представляет одно из важных звеньев развития в Азербайджане в XIX в. городского жилья.

В застройке Шуши XVIII—XIX вв. обращает на себя внимание многообразие решения жилых домов, причем, наряду с жилищем развитого городского и даже дворцового типа, в районе Шуши продолжал жить еще такой ранний тип, как «карадам», так называемый «карабахский каменный карадам», являющийся развитым видом этого типа жилья. Примером такого карадама может служить находящийся в сел. Бююк Каладираси. Это сооружение близ Шуши представляет в плане близкий к квадрату прямоугольник с характерным для

карадамов перекрытием из пирамидально уложенных поперечных и продольных брусьев, с накатом из жердей и хвороста и утрамбованный земляной засыпкой по ним. Выступающие наподобие аэтов продолжения двух боковых стен ограничивают по сторонам эйван²⁶⁸.

Обычный же рядовой тип шушинского жилья по своей архитектурно-планировочной характеристике довольно близок к жилью подобного типа в других районах Азербайджана.

В плане домов шушинских домов наблюдаются три основных вида конфигурации: прямоугольная, Г-образная и П-образная. Расположение помещений в них большей частью однорядное. Вышележащие этажи обычно повторяют план первого этажа или ему соответствуют. Это относится и к эйванам верхних этажей, если они не являются выносными на столбах или консолях, как например, в доме Гаджи-Амира или Гаджи Зала.

В более поздних домах выделяются парадные, гостевые комнаты, обычно размещаемые в верхнем этаже. Иногда же гостевая комната организуется в виде самостоятельного объема, наподобие «балахана» в ордубадском жилье.

²⁶⁸ Описание жилища Шуши и прилегающих сельских местностей дано по материалам публикации А. В. Саркисова (Архитектура народного жилища в горных районах Азербайджана, «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952) и его же совместно с А. Дилалеем статьи в сборнике материалов «Памятники архитектуры Азербайджана», вып. II, Баку, 1950.

В большинстве случаев первый этаж шушинского дома отводится под хозяйственные помещения — кухни, кладовые, а при ограниченности участка используется и как помещение для скота.

Жилой дом Шуши, независимо от числа комнат (если их больше одной), преимущественно представляет собой двухэтажное строение, что, по-видимому, объясняется условиями неспокойного рельефа, ограничивающего возможности горизонтальной застройки. Связь между этажами обычно осуществляется по наружным каменным или деревянным лестницам.

В планировке шушинского дома обращает на себя внимание наличие между жилыми комнатами, расположенными в ряд, небольших комнат, наподобие прихожей с входами оттуда в соседние помещения, называемые в народе «гавхана»²⁶⁹, и не только в Шуше. «Гавхана» надо читать как «габхана», т. е. посудная. Тогда становится ясным, что эти помещения до некоторой степени выполняли роль кухонь.

Для архитектуры жилых домов Шуши и прилегающих к ней сельских местностей характерна подчиненность плановому решению и вытекающая отсюда ясность и лаконичность композиции. А поскольку принципы компоновки планов шушинских строений более или менее единообразны, то и в архитектурном их облике, естественно, соблюдается известное единство.

Фасады, выходящие на улицу, как правило, обладают архитектурно обработанным входом или проездом во двор, включаемым в объем сооружения, или отдельно стоящими воротами, если двор находится рядом, а не позади дома.

В купеческих домах, в нижних этажах которых обычно располагались торговые и складские помещения, первый этаж фасадов мог решаться в крупных формах — широкими или прямоугольными проемами в лавку.

В отношении ранних примерах жилых домов уличный фасад выглядит более замкнуто, оконные проемы сравнительно небольших размеров и редко расставлены, а в некоторых случаях заменены глухими нишами принятых здесь очертаний. На уличных же фасадах более поздних построек наблюдается значительно большая раскрытость и пластичность, оконные проемы становятся больше и расставляют-

²⁶⁹ И. А. Сирван. Сельские поселения и крестьянское жилище Нахичеванской АССР. Баку, 1959.

ся чаще, а в некоторых домах, особенно у зажиточной части населения, на этих фасадах появляются огромные витражные окна «шебеке» и более или менее нарядно обработанные выносные балконы.

Эта относительная открытость уличного фасада является чертой городской или полугородской застройки и объясняется значительным экономическим развитием города и сравнительно большой бекской, торгово-ремесленной и зажиточной прослойкой.

В противоположность уличному дворовый фасад, обработке которого уделяется особое внимание, решается очень раскрыто и строится на контрасте массивной каменной стены живописной полигональной кладки с сочным цветотеневым пятном просторного эйвана и цветным рисунком оконных «шебеке», местами превращающихся в огромный узорный витраж.

Интерьер шушинского жилья по своему характеру почти ничем не отличается от интерьера любого другого района Азербайджана. Те же полки — «ляме», ниши — «тахча» и «джамухадаи» и те же, в зависимости от степени зажиточности хозяев, более или менее богато оформленные «бухары». В парадных помещениях богатых домов довольно часто встречается весьма интересная по композиции и краскам роспись, наносимая в виде вставок на потолок, стены и откосы проемов, а в отдельных случаях и сплошь их покрывающая.

В конструкциях, применяемых в шушинском жилом строительстве, ясно выражена веками сложившаяся мудрость народного мастера, максимально использовавшего все возможности местных материалов: замечательный строительный камень, строительный лес и гаж.

Кладка стен велась из бутового камня. В более зажиточных домах применялись полигональная кладка, придававшая стене очень приятную фактурность. Большое внимание уделялось тщательной обработке и профилировке таких элементов, как карнизы, тяги, архивольты, различные обрамления и пр.

Примером характерного решения уличного фасада является дом по Коммунистической улице, № 24. Это как раз дом купеческого типа с торговыми помещениями в первом этаже.

Бутовая кладка фасадной стены сочетается с живописной известково-глиняной обмазкой, придающей особый колорит его облику; в первом этаже фасад прорезан тремя большими арочными проемами — входами в лавку, во втором — симметрично расположенными проемами окон и перемычками полуциркулярного

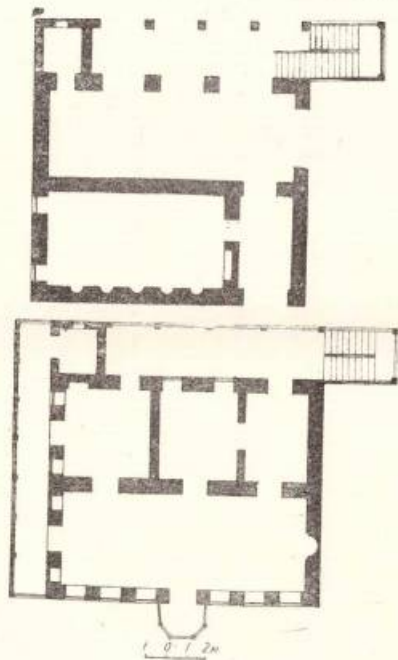
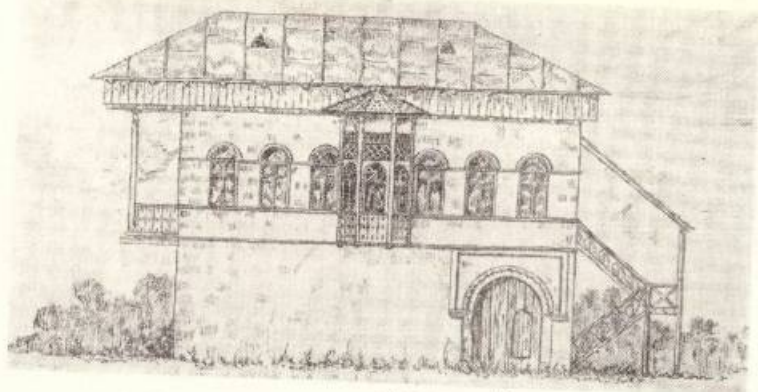

Рис. 95
Шуша, Жилой дом Мехмандаровых с эркером, XIX в.
Фасад и планы этажей.

очертания. Несложного профиля каменный пояс, проходя на уровне верхней четверти окон, оконтуривает их, создавая обрамление их арок, и членит верхнюю часть фасада.

Как пример очень живописного и вместе с тем характерного решения дворового фасада можно привести дом по ул. Физули, № 18 с планом П-образной конфигурации. Материал и характер кладки стен здесь те же, что и в предыдущем доме.

Чрезвычайно интересен как образец богатого жилого дома Шуши, дом № 4 братьев Мехмандаровых расположенный на так называемом «новом участке» города.

План этого дома по абрису — почти квадратный. Из четырех комнат второго этажа три выходят на веранду тыльной стороны дома, а четвертая, представляющая собой зал с эркером, выходит на лаконичный главный фасад. Несмотря на отсутствие симметрии, этот фасад создает впечатление гармоничности и уравновешенности частей, а легкий парящий эркер и хорошо обработанный портал въезда живописно дополняют убранство фасада. Боковая же деревянная лестница и веранда второго этажа, расположенные на боковых фасадах, не утяжеляют их. Особое место в архитектуре этого дома занимает зал, хорошо освещаемый и богато украшенный росписью, главным образом, растительного характера.

Другим примером дома развитого городского типа является выстроенный в 1849 г. трехэтажный дом Гаджи Кули.

В этом доме помещения четко дифференцированы по назначению. Кроме обычно выде-

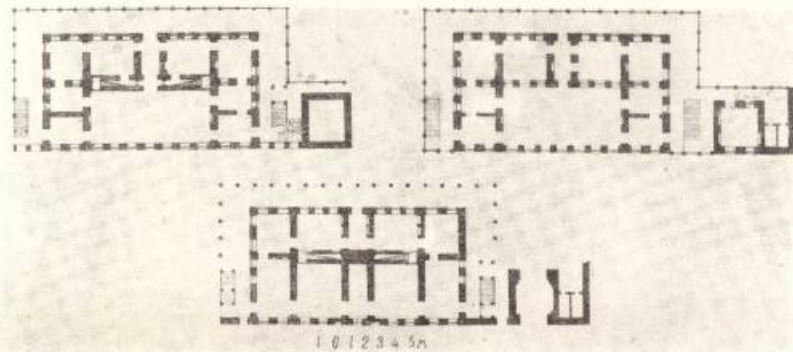
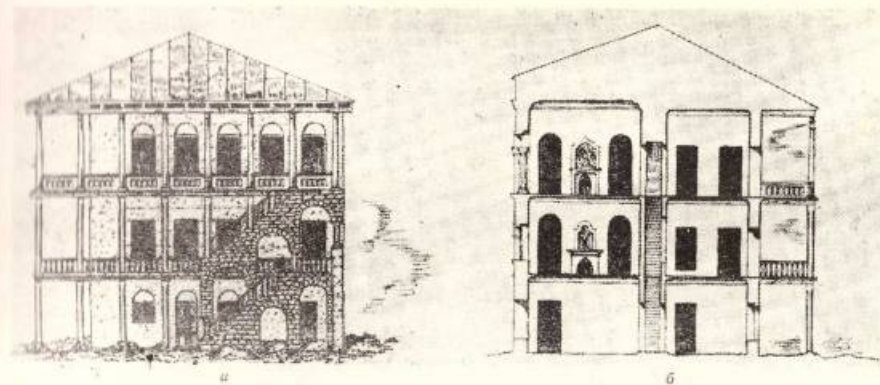

Рис. 96
Шуша, Жилой дом Гаджи Кули, XIX в.
а — боковой фасад; б — поперечный разрез; в — планы этажей

ляемых гостиных комнат и зале, здесь уже имеется комната-столовая, а следовательно, и комнаты для сна; для сообщения с первым этажом имеются «черные» и парадные лестницы.

Удлиненный прямоугольный план этого дома интересен расположенной по его продольной оси внутренней служебной лестницей, соединяющей первый, служебный, этаж со вторым, где находится большая столовая и жилые комнаты. Третий этаж дома целиком парадного назначения, состоит из большого зала и гостиных, расположенных по трем его сторонам. Во двор здание обращено трехъярус-

ной верандой, на которую ведут каменные открытые лестницы, расположенные в торцах дома.

Обращенный на улицу фасад этого дома характеризуется убывающими сверху горизонтальными членениями с размещением на этом фоне крупных композиционных пятен — лоджий, окон, забранных цветным «шебеке», порталом проезда.

В отличие от большинства шушинских домов, дом Гаджи Кули характерен большим количеством часто размещенных окон во всех этажах.

Несколько обособленной группой в заст-

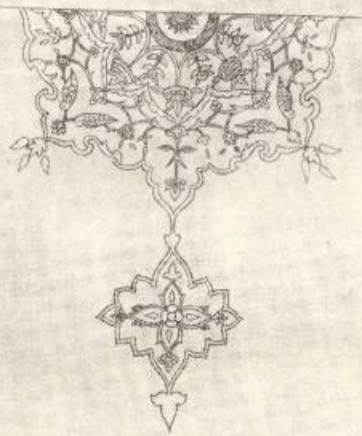
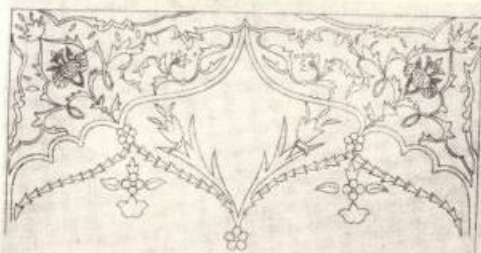

Рис. 97

Шуша. План жилого дома Сефи-бека (XIX в.) и орнамент росписи потолка.

ройке Шуши стоят дома дворцового типа, такие, как дворец карабахских ханов, именуемый в народе домом Натаван, и другой, называемый домом Асад-бека. Несмотря на дворцовый характер этих зданий, в них можно проследить отражение специфических черт народной жилой архитектуры.

Жилище Апшерона. Если не считать немногих данных, относящихся собственно к городу Баку — архитектура жилища Апшерона XVIII—XIX вв. известна, в основном, как архитектура сельского дома. Что жилище Баку существенно не отличалось от жилья апшеронских сел, видно из следующего описания, относящегося к середине XIX в.: «...Среди маленькой бухты представляется запутанная масса серых домов с плоскими крышами, покрытыми черной смолоу, все это окружено стенами. На улице нет окон. Вся внутренняя сторона дома, обращенная на двор или в сад, состоит из непрозрачной деревянной решетки, из которой вынимаются отдельные части и образовавшиеся таким образом отверстия составляют окна и двери. Иногда от этого образуются совершенно открытые балконы. Жилища женщин и прислуги имеют оконные отверстия без стекол»³⁷⁰.

Оригинальное по своей самобытности и лаконичной выразительности апшеронское жилище отразило в себе все особенности условий, в которых оно зародилось и развилось.

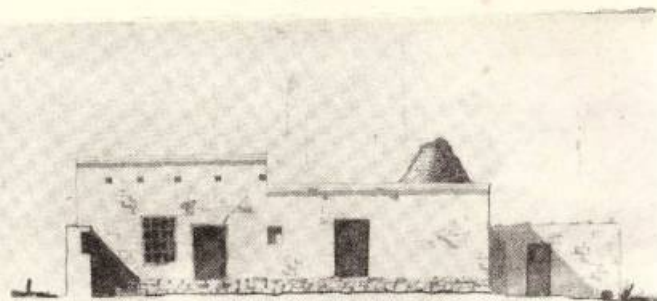
Природно-климатические условия, совершенно исключительные для Азербайджана, и замкнутый характер хозяйства сыграли большую роль в формировании апшеронского дома и определили его конструктивное решение.

Продолжительное и жаркое лето, засушливость, сильные северные зимние и характерные для лета удушливые южные ветры, отсутствие строительного леса при изобилии прекрасных известковых камней и извести — вот те природные факторы, которые определили развитие апшеронского народного жилища.

Все эти условия влияли не только на методы домостроения; сама планировка жилого дома, ориентация, размеры и взаимосвязь жилых помещений, организация летних и подсобных приобитают черты, не встречаемые в других районах Азербайджана.

Если, например, в других районах Азербайджана замкнутость в организации усадебного участка являлась результатом, главным образом, исторически сложившегося быта и религиозных предрассудков, то здесь

³⁷⁰ А. фон Гакстгаузен. Кавказский край, ч. II, СПб., 1857.

она в значительной мере вызвана еще и местными климатическими условиями, в частности — сильными ветрами, несущими с собой шуршание пыли и песка и заставляющими население защищать свои дома и дворы высокими глухими оградками.

Невыносимая летняя духота в закрытых помещениях вынуждала жителей, в особенности к вечеру, все свои дела, свой сон и отдых переносить во двор, иначе говоря, превращать двор в дополнительное жилище. И в этих условиях замкнутость участка стала естественной необходимостью.

Сильнейшие ветры и палящее в течение всего лета солнце в Азербайджане как нигде требовали от народных мастеров Апшерона особого внимания к правильной ориентации жилых сооружений. Для Апшерона наиболее благоприятной ориентацией являются восточная и юго-восточная, которые, как правило, довольно строго выдерживались; так, в районе Маштагов, Бильяга, Бузовнов, Шувелин подавляющее большинство домов ориентировано на восток.

Обычно дом состоит из двух или трех, чаще из двух жилых комнат, одна из которых, как правило, выделяется как парадная, а кухня и помещения для хозяйственных нужд и скота составляют единое целое с жилым домом, если не организуются в виде отдельной пристройки.

Специфичным для Апшерона является устройство кухни. Частые ветры и дефицитность топлива заставили жителей бережно относиться к его расходу, и даже в теплое время пользоваться очагом в закрытом помещении. Поэтому кухня в апшеронских домах в большинстве случаев является самостоятельной комнатой с очагом и тандиром; при этом кухня иногда делается больших размеров, чем

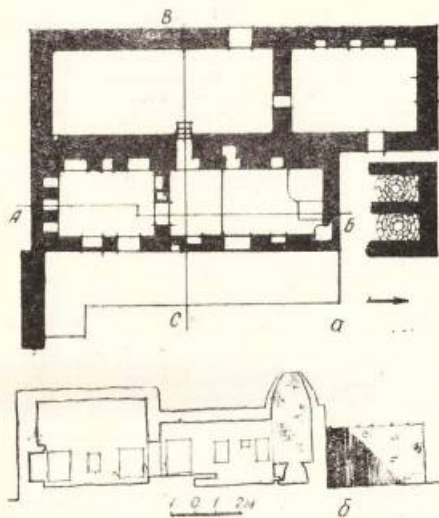

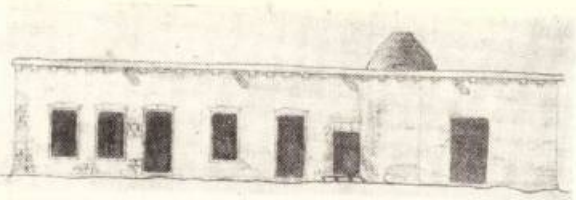
Рис. 98

Апшерон, сел. Мардакян. Жилой дом Рамазана Ханлар оглы.

а — план, б — разрез.

обычная жилая комната, так как в зимнее время она служит местом постоянного пребывания семьи. В некоторых домах, как, например, в доме Рамазана Касим оглы в Мардакянах, в кухне даже предусматривается специальное деревянное возвышение, на котором во время холодов проводит свое время семья³⁷¹.

³⁷¹ А. Я. Шурин и др. Старое народное жилище Апшерона. «Советская этнография», 1954, № 4.

При рассмотрении планов ашеронских домов бросается в глаза большое количество очень глубоких ниш (тахча), значительно расширяющих пространство комнат.

Интересным явлением в планировке ашеронского жилища является специально оборудованная и снабженная водостоком ниша, так называемая «обра», или «суахан», приспособленная для купанья. «Суахан» обычно устраивается в помещении, отведенном под кухню³⁷².

Выделяется специальная ниша для светильника. Особенностью старого жилища Ашераона является отсутствие почти обязательных для жилищ других областей Азербайджана крытых эйванов и замена их простыми площадками — секи, приподнятыми на 30—50 см выше уровня земли, что, по всей вероятности, объясняется отсутствием строительного леса для устройства навеса. Возможно, и встречавшиеся в прошлом лишь у самой обеспеченной части населения эйваны выполнялись, вероятно, в каменно-сводчатой конструкции. Как явление массовое, крытые эйваны на Ашереоне — дело значительно более позднее, возникшее уже после вхождения Азербайджана в состав России³⁷³ и связанное с бурным промышленно-капиталистическим ростом Баку и зарождением усадеб уже дачного характера.

Что касается этажности, старое жилище Ашераона сравнительно редко поднимается выше одного этажа. Если во втором этаже и бывает какое-то жилое помещение, то это чаще всего гостевая комната, так называемая «балахана», такая комната чаще всего имеет выход на крышу дома, служащую летом спальней для всех его обитателей.

³⁷² «Обра» отмечалась еще И. П. Щербляским (См. «Памятники азербайджанского зодчества эпохи Ислама», Баку, 1943, стр. 35); название «суахан» приведено впервые А. Я. Нуриевой.

³⁷³ См. статью А. В. Саламзаде, «Искусство Азербайджана», вып. V, Баку, 1956, стр. 267.

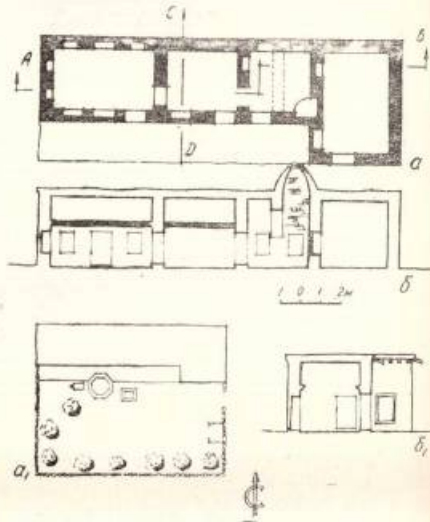

Рис. 99
Ашереон, сел. Бюль-Бюли. Жилой дом по ул. Крестьянской, 101. — планы, 95 — разрез

Лаконичная архитектура старого ашеронского дома целиком подчинена плановому его решению и лишена декоративных элементов.

Как правило, на улицу здание выходит своей задней глухой стеной, лишенной какого-либо оформления. Главный, дворовый фасад большей частью совершенно лишен всяких элементов декоративности и членений и прорезан лишь входными и оконными проемами, редко чем-нибудь подчеркнутыми. Иногда встречаются двойные окна, когда над большим нижним окном помещается второе, меньшее с арочной перемычкой.

Лишь даредка, как, например, в доме по

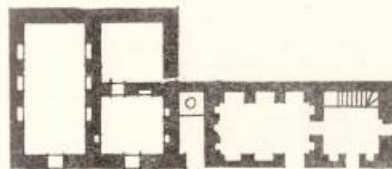
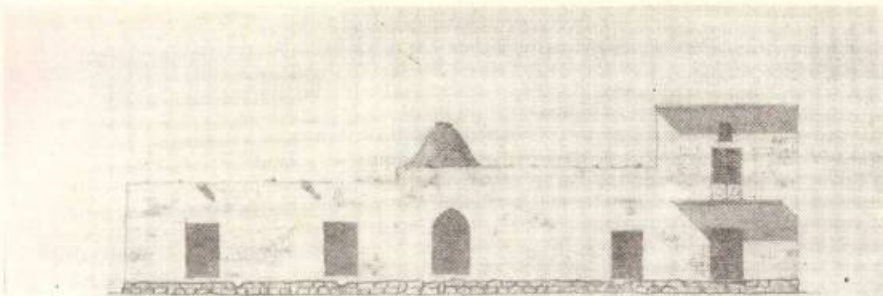

Рис. 100
Ашереон, сел. Бузюны. Жилой дом Карамалихана, XIX в. Фасад и план.

Крестьянской улице, № 1 селения Бюль-Бюли, наблюдается введение на главном фасаде таких элементов, как небольшой карниз на изящных кронштейнах, водосливные желобки, приятного профиля резные деревянные наличники окон и дверей и др. Дождевая вода с плоских крыш отводится при помощи стильных «лавалач» и каменных «таргуй» своеобразной профилировки, нередко ornamentированных³⁷⁴. И тем не менее, несмотря на такую скульптурность обработки и даже некоторую сухость, фасады ашеронских домов благодаря своей конструктивной оправданности по своему выразительны. Это впечатление подкрепляется удачно найденными пропорциональными отношениями, живописной расстановкой разной величины проемов, оригинальным сочетанием плоской крыши с одним или двумя своеобразными, срезанными конусообразно дымоходами — «баджа».

Интерьер ашеронского дома характерен для интерьера азербайджанского народного жилища вообще. Исключением является отсутствие в жилых комнатах обычного для других местностей Азербайджана каминя — «бухары». Объясняется это, видимо, своеобразием

³⁷⁴ М. А. Усейнов, Памятники азербайджанского зодчества, М., 1951, стр. 81.

топлива, не допускающим устройства, кроме кухонного, еще какого-либо очага в доме.

В этом отношении характерно описание очага, даваемое путешественником Лерхом в XVIII в. Он писал: «Во всех домах в кухнях 1 или 2 емкости наполнены нефтью, откуда ее достают железной ложкой и поливают ею очаг и котел, в котором должны готовить; очаг подсыпан сухим песком или землей. Затем зажигают очаг бумагой или соломой, и он горит сильным пламенем. Перемешивают землю железным прутиком и потом по мере надобности брызгают нефтью, пока еда не будет готова. Так же поступают, когда хотят печь хлеб, но при этом надо добиться, чтобы печь стала очень горячей»³⁷⁵.

В комнатах без очага зимой прибегали к помощи «мангала» — жаровни, используя специальное устройство — «юрси»³⁷⁶.

Участок, на котором располагается ашеронский дом, как правило, огражден каменной стеной, высота которой в большей степени зависит от материальных возможностей застройщиков: более обеспеченные изолировали свои участки от улицы высокими оградами. Здесь и противоположность парадности входов и проездов в домах Нахичевани, Ордубада и других городов вход на участок ничем не подчеркивается, а, наоборот, скорее сливается с каменной поверхностью забора, являя собой лишь маленькую деревянную калиточку. Парадные ворота на Ашереоне появляются с конца XIX в.

Участок чаще всего прямоугольной формы, короткой своей стороной обращенный на улицу, скудно озеленен, но почти всегда имеет два—три тенистых нижирвоных или тутовых дерева, дающих летом возможность укрыться от

³⁷⁵ Лерх, Ук. соч., стр. 45.
³⁷⁶ А. Я. Нуриева, Ук. соч.

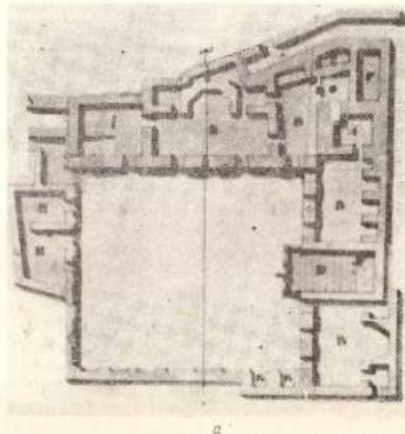
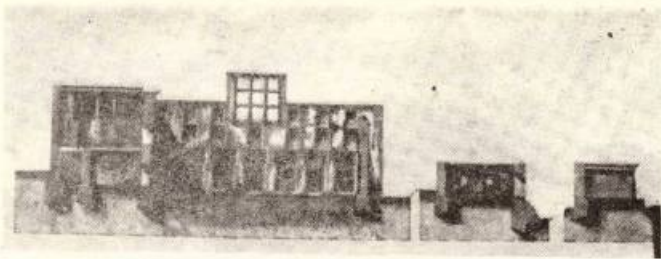

Рис. 101
Баку. Жилой дом Мехрали-бека, XVIII в.
а — план; б — фасад; в — профиль

палатич лучей солнца. В каждом таком дворе, как правило, имеется колодец, а иногда и бассейн.

Отсутствие на Апшероне строительного леса и обилие отличного строительного камня содействовали развитию конструкций, максимально использующих камень, чем и объясняется широкое распространение здесь сводчатого перекрытия, оригинальные купольные конструкции «баджа», устраиваемые над тендиром.

Стены домов выкладываются целиком из бутового камня на известковом или глиняном растворе, толщиной 70—80 см, одинаковой для наружных и внутренних стен, и штукатурятся

снаружи и изнутри глиняным раствором с последующей известковой побелкой.

Крыши плоские, с очень небольшим уклоном, покрыты глинобитным слоем, промазанным сверху жирной глиной; вода с кровли стекает по каменным водосточкам. Над кухней обычно располагаются один или два купола в виде срезанной скафы с отверстием для дыма и проветривания — так называемая «баджа». На крышу ведет постоянная каменная или приставная деревянная лестница. Полы в комнатах глинобитные.

Характерные образцы старого апшеронского жилья сохранились в селениях Амираджаны, Кала, Маштаги, Мардакяны, Бузовны и ряде др.

О развитых типах апшеронского и бакинско-го жилища мы имеем лишь некоторые данные.

О старых бакинских жилых домах XVIII в. состоятельных слоев населения некоторое представление дает дом, принадлежавший Мехрали-беку. Дом известен по обмерному чертежу, датированному 30 октября 1809 г. Ко времени обмера дом был занят лазаретом³⁷⁷.

Двухэтажный дом застройки охватывал двор с двух сторон. Две другие стороны двора были обнесены стенами, обработанными нишами. Таким образом получался замкнутый двор напоминающий дворы ордубадских домов. Сходство увеличивалось характером архитектуры дворового фасада, композиция которого завершалась балахана с шебеке.

В целом по своей планировке дом Мехрали-бека может быть отнесен к однокоридорным домам с «вестибюлями». Однако в отличие от ордубадских домов здесь «вестибюль» имеет простую прямоугольную форму; отсюда лестница вела в верхний этаж.

³⁷⁷ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3341.

Как по планировке, так и по решению фасада рассмотренный дом очень близок к сооружениям комплекса дворца бакинских ханов, рассмотренного в первой главе работы. При этом следует подчеркнуть, что в отличие от ордубадских домов, данный дом, судя по плану, со стороны уличного фасада был еще более замкнутым. Здесь отсутствует портал, обязательный для домов Ордубада.

О богатом доме местного маштагинского феодала начала XVIII в. нам рассказывает Лерх: «27-го мы прибыли в Маштаги, являющийся наилучшим населенным пунктом из числа находящихся вокруг Баку. Здесь жил знаменитый Дарга Султан, большой видный мужчина и храбрый солдат, однако дважды выходивший из повиновения. В следующем году он должен был явиться к Тахмас Кулихану, который нуждался в нем как в хорошем солдате... Его жилище большое, внутри и снаружи превосходно украшено гипсовыми фигурами. В его прекрасном саду были два каменных бассейна. Он угостил нас по персидскому обычаю, дал по княжески 50 превосходных блюд.

Здесь еще много других красивых домов. По пятницам здесь большой базар, который аккуратно посещается торговцами из Баку»³⁷⁸.

Жилище Нухи и Нухинского района. Современный Нухинский район с центром в городе Нухе, некогда бывшей столицей Шекинского ханства и называвшейся Шеки, расположен у южных предгорий Кавказского хребта, в красивой местности с мягким климатом и плодородной почвой. Этот богатый сельскохозяйственный и скотоводческий район, известный, в особенности, шелководством, в рассматриваемый период был одним из экономически развитых районов Азербайджана.

Перенесение Нухи на нынешнее место во второй половине XVIII в. и последующее довольно интенсивное жилищное строительство, произошедшее в течение относительно короткого времени, в сочетании с живописным природным фоном, сообщает общему облику единство и характерное только для Нухи своеобразие.

Богатство окружающего зеленого массива вместе с колоритными нухинскими постройками, с их глубокого затененными эйванами, обрамленными белой плоскостью стены, или в более поздних постройках, выполненных из кирпича в сочетании с грубо околотой речной булыгой, придали городу присущий ему облик.

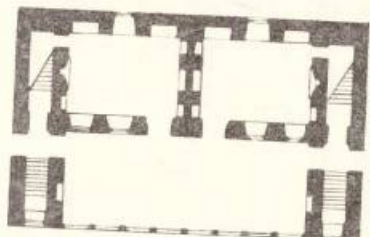
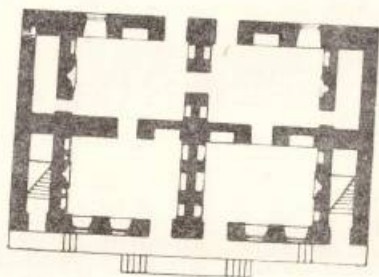
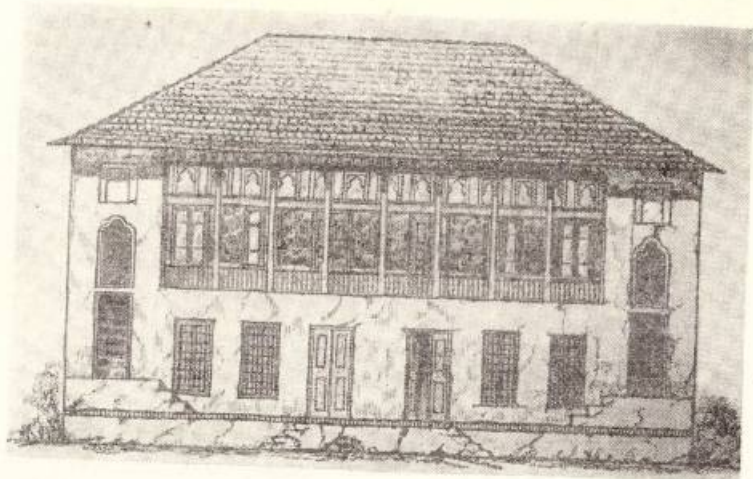
³⁷⁸ Лерх, Уж. соч., стр. 59.

Народное жилище здесь впитало в себя все особенности развития хозяйственной специфики этого богатого шелководческого района. Это, как правило, изолированная усадьба, утопающая в зелени фруктовых садов и шелковицы. Сам дом в плане обычно прямоугольной конфигурации ставится на плотно утрамбованную и облицованную камнем или кирпичом площадку, со стороны двора выступающую в виде террасы — секи апшеронского жилья. Глухие стены боковых фасадов обращены на улицу. Главный фасад, ориентированный обычно на юг или юго-восток, обращен во двор. Планировка самого дома характеризуется однокоридорным расположением жилых комнат, перед которыми обычно располагается эйван. Иногда, когда здание ставится в глубине участка, на заднем его фасаде появляется другой эйван, но однокоридорное расположение комнат при этом не меняется.

Вторым наиболее характерным видом нухинского жилья является двухэтажный однокоридорный жилой дом без эйванов. В таких домах планировка первого и второго этажей хотя и совпадает, но резко меняется характер обработки фасадных стен, решаемых на вышележащем эркере в виде сплошных окон «шебеке».

Немаловажное значение в формировании облика нухинского дома имеет высокая скатная крыша, являющаяся следствием обилия осадков и специфической хозяйственной особенности района, требующей устройства чердаков для сушки и хранения фруктов, а также для содержания шелковичных червей.

Основным композиционным центром домов наиболее распространенного антового типа является глубокий эйван, контрастирующий или со светлой, гладко оштукатуренной, или, как уже упоминалось, с красочной кирпичной в сочетании с камнем и штукатуркой стеной. Благодаря мягкому климату Нухинского района большую часть года эйван является основным местом пребывания обитателей дома; это обстоительство и делает эйван центром внимания зодчего при создании архитектурного облика жилья. Деревянные колонны, подбалки, барьер, потолок, кронштейны эйвана тщательно обрабатываются и профилируются. Вверх его деревянной колоннады часто оформляется стрельчатыми, а иногда трехлопастными арками. Такими же арками обрамляются дверные и оконные проемы. Стены эйвана зачастую рассматриваются как часть интерьера дома и соответствующим образом обрабатываются.

1 0 + 2 3 м

Рис. 102

Нуха. Жилой дом Гаджи Мустафы, XIX в. Фасад и планы этажей.

В домах, где зйван отсутствует, центром композиции фасада на втором этаже являются «шебеке», также очень любимые нухинцами и часто по цветам и рисунку представляющие высокую художественную ценность.

Элементы убранства интерьера комнат традиционные для азербайджанского жилья — богато декорированный «бухары», симметрично которому размещаются ниши — «тахча» и «джамухадан», обработанные лезвием или резным по гаже обрамлением. В домах зажиточных слоев населения стены и потолок частично, а иногда и сплошь покрываются росписью или резным по гаже орнаментом, большей частью растительного характера, с вкраплением изображений крупных цветов, птиц и т. п.

Конструкции, применяемые в жилых постройках Нухи и Нухинского района, примерно те же, что и во многих других районах азербайджанского предгорья. Специфичным для Нухи является деревянный каркас, закладываемый внутрь стен, который обеспечивает устойчивость против сейсмических ударов.

Очень интересен и типичен для Нухи XVIII и первой половины XIX в. двухэтажный дом Гаджи Мустафы по уд. Низами, 35.

План дома, отличающийся четкостью и организованностью, представляет собой прямоугольник с соотношением сторон 1:2. Особенностью этого дома является умелое сочетание двухрядного расположения помещений

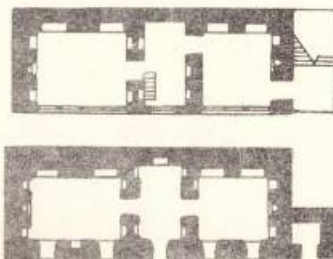
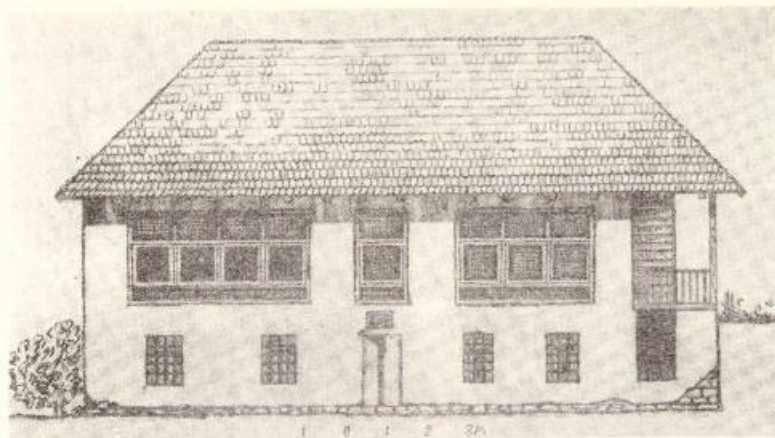

Рис. 103

Нуха. Жилой дом Шавалиева Шириня, XVIII в. Фасад и планы этажей.

и первом с однорядными жилыми комнатами во втором этаже. В первом его этаже расположены четыре комнаты, сообщающиеся между собой и имеющие кроме того самостоятельные выходы на обе стороны дома. Во втором этаже находится две комнаты и расположенный перед ними со стороны двора зйван.

Решение фасада этого дома представляет собой очень умелое развитие возможностей, заложенных в планировочной структуре дома. Получилась четкая композиционная схема, выразительность которой вытекает, в основном, из убедительно найденного места зйвана. При этом следует, однако, отметить, что симметричность композиции достигнута отнюдь не обязательным двухсторонним расположением лестниц. Однако не исключено, что наличие двух лестниц связало со стремлением выделить гостевую половину дома.

Стена первого этажа, расположенная под зйваном, прорезана дверными и оконными проемами хороших пропорций, размещенными в приятном ритме относительно вертикальной оси дома. Приподнятая над землей и выступающая вперед площадка, на которой поконится здание, представляет как бы стилобат дома и вместе с хорошо организованной системой лестниц придает зданию устойчивость и общую уравновешенность.

Внутри зйван имеет уютный, жилой вид. Это достигнуто обработкой стен зйвана мотивами, характерными и традиционными для интерьера жилых комнат. Потолочные балки,

украшенные орнаментом, вынуждены вперед в виде изящных вырезных кронштейнов, поддерживающих свес крыши. Деревянные прямоугольные колонны тщательно обработаны фасками и заканчиваются подбалками, украшенными вырезами медальонами. Подбалки несут на себе прогон, на который опираются потолочные балки.

Указанный тип решения жилого дома встречается в различных вариантах. Встречаются также ассимметрично решенные композиции с односторонним расположением лестницы.

Ярко выраженным типом нухинского дома без зйвана, является двухэтажный жилой дом

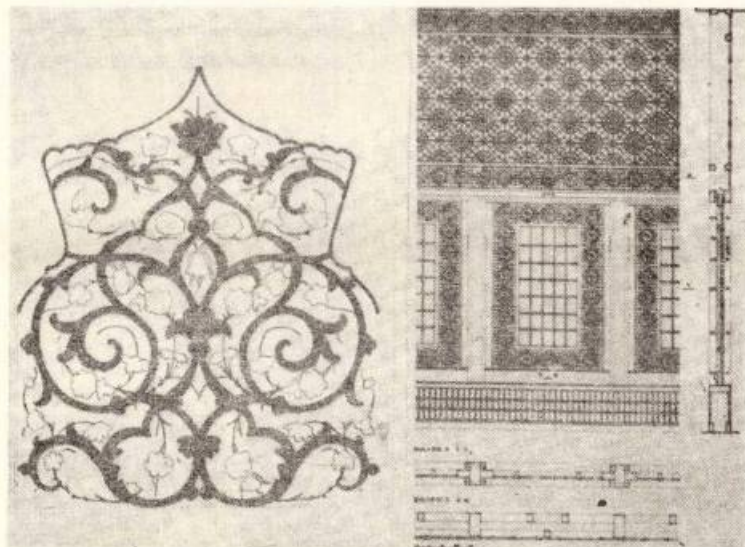
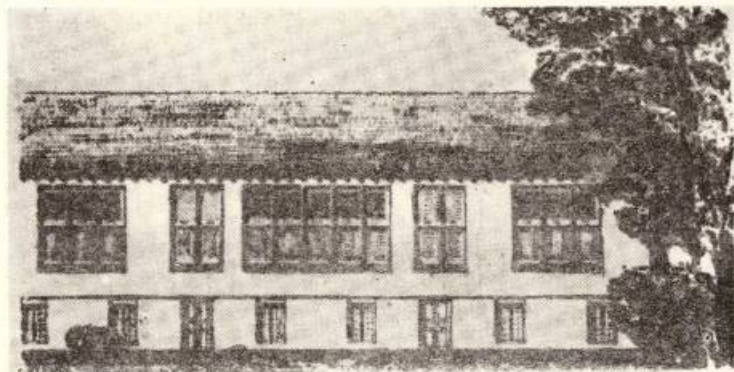

Рис. 104

Нуха, Жилой дом Шехихановых, XVIII в.

а—план; б—фасад; в—схема орнамента панно задней торцевой стены; г—«шебеке»

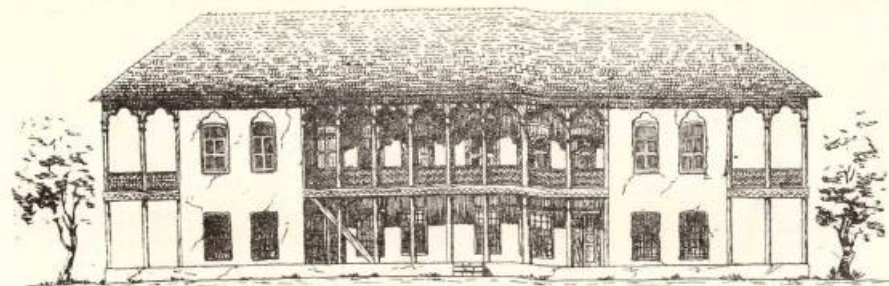

Рис. 105

Нухинский р-н, сел. Кючюк Дахив. Жилой дом Гаджи Ибрагимова (нач. XIX в.).

Шихалиева по ул. Агамали оглы, № 297^а. Строго соответствующие друг другу планы его двух этажей по конфигурации своей представляют вытянутые прямоугольники, разбитые на три неравных помещения, среднее из которых, имеющее выход во двор, в первом этаже связывает между собой расположенные по его сторонам комнаты. В этом же помещении располагается лестница, ведущая на второй этаж.

В плане этого дома ясно видно разделение помещений на служебные в первом этаже и на парадные комнаты — во втором. Фасадные стены последних почти целиком заменены витражами.

Лаконичная композиция фасада этого дома очень выразительна благодаря ясно выраженному разделению этажей на хозяйственно-повседневный и парадный и контрастному отражению этого в решении фасада.

Низ дома прорезан редко расставленными, ничем не обработанными проемами, верхний же этаж украшен тремя витражами — «шебеке», средний из которых, меньший по размеру, вместе со входом и маленьким окошечком над ним составляет центр композиции.

Развитой формой описанного жилого дома является дом Шехихановых — переходное звено от народного жилища к домам дворцового типа.

Сильно вытянутое, прямоугольного плана двухэтажное здание это сохраняет в себе все

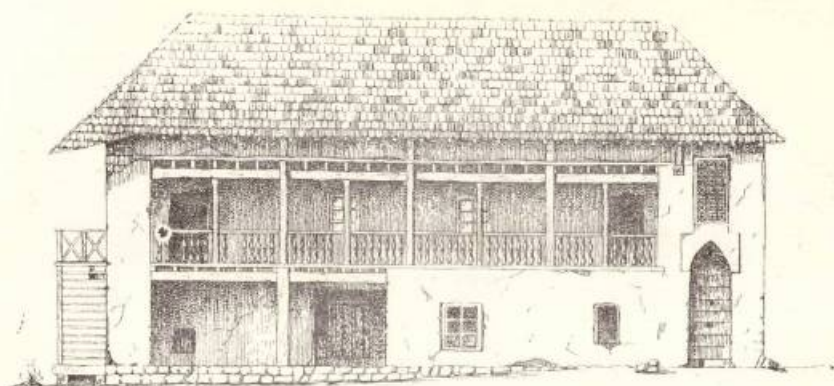
черты нухинского народного жилья и вместе с тем богатством декоративных элементов, главным образом в интерьере, приближается к сооружениям дворцового характера³⁸⁰. Так же как и в предыдущем случае, в стенах его, выходящих на улицу, совершенно отсутствуют проемы, в планах и фасадах ясно отражается дифференциация помещений на служебную жилую и парадную части. Каждый из его этажей состоит из трех комнат и двух небольших распределительных вестибюлей, связывающих расположенные рядом комнаты и включающих лестницы с первого этажа на второй. Комнаты первого этажа были зимними жилыми помещениями и снабжены камнями — «бухари». Верхний этаж, по плану соответствующий первому, целиком парадный. Одной своей торцевой стеной здание примыкает к соседу, а к другому торцу примыкает объем лестницы, ведущей на чердак. Обычная для Нухи площадка, на которой покоится здание, несколько выдвинутая вперед и облицованная булыжным камнем на тыльной и боковой сторонах дома, на фасадной дворовой его стороне превращается в открытую площадку-террасу, тщательно утрамбованную и облицованную тесным камнем и кирпичом.

Главный фасад дома отличается ясными, приятными формами.

Центральная ось фасада подчеркнута огромным витражом — «шебеке», относительно которого ритмично располагаются «шебеке»

³⁷⁹ А. А. Садыгзаде. Архитектура сельского жилья для горных районов Азербайджана (канд. дисс.). См. также А. В. Саламзаде, А. А. Садыгзаде. Жилища Азербайджана в XVIII—XIX вв. Баку, 1961 г. (на азерб. языке).

³⁸⁰ Л. С. Бретаницкий, С. И. Датиев, Л. Г. Мамиконов, Д. А. Мотис. Дом Шехихановых и его роспись. Памятники архитектуры Азербайджана (сб. материалов), вып. 1. М.—Баку, 1946, стр. 81—90.

0 1 2 3м

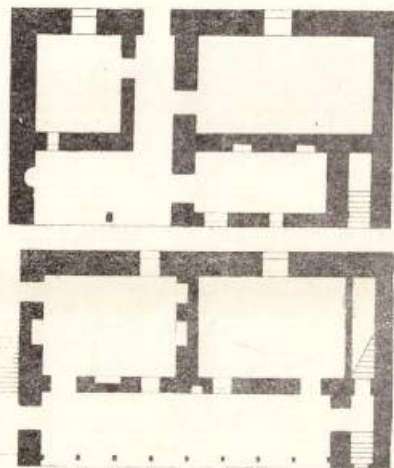

Рис. 106

Нуха. Жилой дом Гаджибея Салеха, XIX в. Фасад и планы этажей.

меньших размеров, а в нижнем этаже в другом ритме — оконные и дверные проемы, очень просто, но тщательно обработанные.

Скромное решение нижней части фасада дома Шекихановых соответствует отделке жилых его помещений в первом этаже, где орна-

ментация и роспись совершенно отсутствуют и даже «бухары» ничем не оформлены.

Центральное место в организации интерьера зала второго этажа занимает расположенный по его поперечной оси декоративный «бухары», покрытый богатой росписью, относительно которого симметрично решается весь интерьер, в членениях, характерных для интерьеров народного жилища²⁸¹. По сторонам от «бухары» в стену врезано по две неглубокие прямоугольные ниши, покрытые тематическими росписями с изображением героев поэм Низами и по верху перекрытые несложными росписными сталактитами. По торцовым стенам расположены по две таких же ниши, между которыми помещаются двери в соседние с залом комнаты. Поверх ниш и проемов по трем стенам протянут рэф, свес которого поддерживается сталактитовым карнизом. Сложного построения зеркальные сталактиты составляют карниз, проходящий поверх зала. Поверх рэфа, по осям ниш размещены небольшие ниши — «тахча» со стрелчатым завершением, расписанные букетами и вазонах, изображениями птиц и животных. Все остальные плоскости зала, кроме наружной стены, заповенной «шебеке», покрыты живописными орнаментальными композициями. Особенно богато расписан плафон, где в орнаментированное обрамление вписан сложный, стилизованный

²⁸¹ Роспись дома Шекихановых исследована достаточно подробно. (См. И. М. Микашевская. Роспись дома Шекихановых в Нухе. Искусство Азербайджана, вып. II, Баку, 1949).

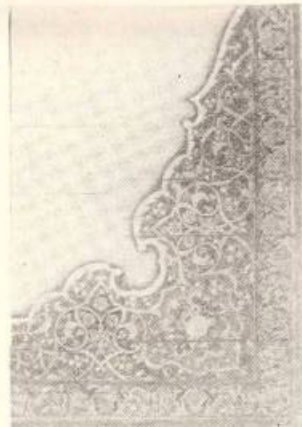
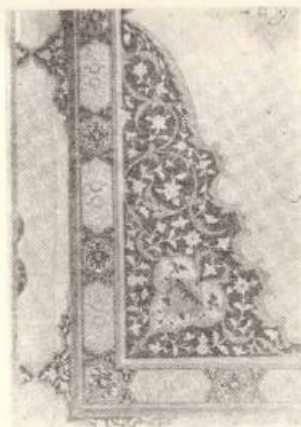
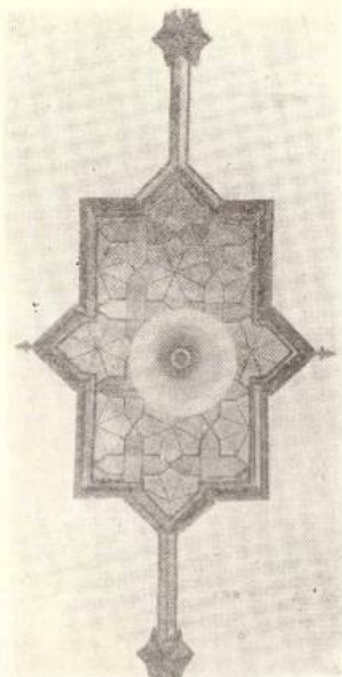
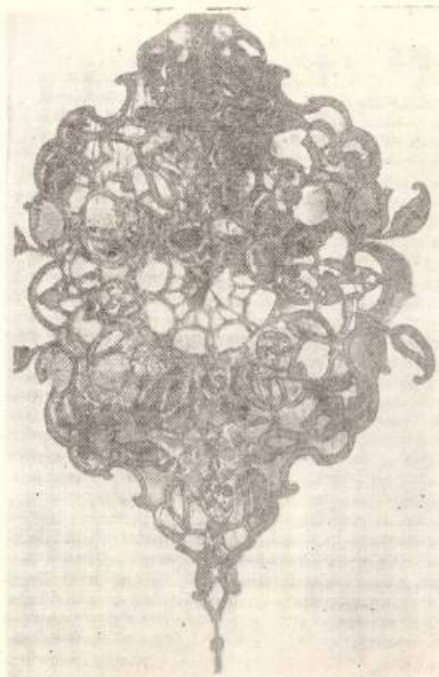

Рис. 107

Нуха. Элементы обработки потолков.

убор растительного характера с изображением на этом фоне полуобнаженных женских фигур с цветными крыльями.

Это богатство разнообразней декоративной обработки зала, дополняется многоцветным «шебеке», занимающим всю плоскость фасадной стены зала. Льющийся через цветные стекла свет создает игру красок и бликов на стенах, потолке и на полу.

Народное жилище Шемахинского и прилегающих районов плохо сохранилось и недостаточно изучено. В самом городе Шемахе и ближайших к нему селах после катастрофических землетрясений не уцелели сооружения даже начала XX в.

Некоторое представление о народном жилище Шемахи XIX в. можно составить по зарисовкам русских художников и по некоторым литературным сведениям. В рисунке художника Тима 40-х годов прошлого века изображен жилой дом с характерным эйваном и деревянной резьбой. На втором плане виден дом иного типа — здание с чертами нарождающегося городского типа жилья.

Для жилых домов Шемахи была характерна однорядная застройка. Ввиду высокой сейсмичности района, дома, как правило, были одноэтажными; только отдельные богатые дома строились двухэтажными. Конструкции шемахинских домов были, очевидно, аналогичны тем, которые известны по жилым домам Басгала и Лагича, территориально близким к Шемахе и воспринявшим многое из строительных и художественных традиций Шемахи. Известный интерес представляют имеющиеся сведения о внутренней отделке жилых домов, которая была во многом сходна с убранством домов других районов. По этим сведениям, в некоторых домах внутри были росписи, содержащие растительные мотивы и изображения птиц.

Приводим полностью (в переводе) описание дома шемахинского бека, известного мецената Махмуд-аги³⁸².

«Ночлег мы нашли в доме богатого татарского купца и помещика Махмуд-бека; характер архитектуры и внутреннее устройство этого дома имеет так много своеобразного, что заслуживает точного описания. Вступая через воротный проезд, попадаю в небольшой четырехугольный двор, который со всех сторон окружен жилыми помещениями. Следуя стенам, идет широкая крытая галерея с гранитными колоннами. Галерея проходит перед

дверьми комнат верхнего этажа, которые выходят во двор и сообщаются меж собой только через галерею, как это делается в последние годы в отелях Швейцарии, чтобы принести во возможности больше гостей и экономить на лестничной клетке. И в Шемахе лестница вела на эту галерею прямо со двора, вдоль стены.

Комнаты, в которые входят из галереи очень различно украшены и меблированы. Некоторые из них были обставлены полностью на персидский манер; стены покрыты разноцветными квадратами — попеременно красный, желтый и синий. На броских красных матовых цветах с жесткими стеблями и широкими листьями качались нестрые птички. Ковры, диваны и остальная персидская обстановка соответствует украшению стены. Мы нашли, что другие комнаты были украшены и меблированы по новейшему французскому вкусу. Зеркала, мраморные консоли, бронзовые часы, канделябры, элегантная парижская мебель, заставляли встать вопросу, как же эти вещи попали сюда без повреждений, или же цена их не поднялась неимоверно высоко? Водный путь от Баку через Каспийское море и по Волге до Нижнего Новгорода и отсюда беспрепятственная железная дорога через Москву, Петербург и Кенигсберг до Парижа, представляет легкий транспорт, который затем из Баку на верблюдах продолжается во все пункты восточного Кавказа. Склонность зажиточных татар пользоваться по возможности всеми благами Запада, эксплуатируется купцами, которые посещают Лейпцигскую ярмарку, Париж и Лондон, привозят образцы или рисунки товаров и получают заказы от своих богатых земляков. Так может заказанный [товар] в течение от 17 до 20 дней поступить из Парижа в Шемаху и в еще более короткое время, если бы перевоз на верблюдах из Баку до Шемахи не потребовал бы по меньшей мере пять дней».

Значительно отличаются друг от друга народные жилища прилегающих к Шемахинскому Исмаиллинского (с запада) и Маразинского (с востока) районов.

Жилье Маразинского района ближе к апшеронскому. Здесь сыграло свою роль сходство природно-климатических условий и идентичность строительного материала — камня. Жилье Маразинского района занимает как бы промежуточное положение между жильем Апшерона и жильем нагорных районов.

Жилье Исмаиллинского района известно в настоящее время по материалам Басгала и Лагича.

Басгал является крупным селением, расположенным на склоне горы амфитеатром, раскрытым на юг. Жилые дома селения Басгал могут рассматриваться как установившийся тип для данной группы районов. Ввиду значительного рельефа местности дома обычно двухэтажные с использованием первого этажа для хозяйственных нужд. В тех случаях, когда дом расположен не на крутом уклоне, первый этаж используется под жилье. Наличие во всех домах эйванов, ориентированных на юг, определяет общий архитектурный облик селения³⁸³. Характерны срезы углов первых этажей домов, расположенных на перекрестках улиц. Так как улицы узкие, это делалось для предохранения углов стен от скалывания проезжавшими арбами и телегами.

Строительным материалом стен служит речной камень, который шел в дело после околки. На конструкцию стен домов не могла не повлиять сейсмичность района. В каменную кладку стен для связи через каждые 8—10 рядов в продольном направлении прокладываются деревянные брусцы.

Если различие природно-климатических условий, строительных материалов и производственной деятельности определяли формирование основных типологических особенностей и характер архитектуры жилых домов, то классовым расхождением населения определялось, главным образом, количество комнат и богатство архитектурной отделки. В этой связи нельзя пройти мимо того факта, что в ряде случаев жилые дома зажиточных слоев населения уже трансформируются в новые архитектурные типы — сооружение полудворцового характера. Не говоря уже о дворце шекинских ханов в Нухе, представляющем в известной степени развитый тип жилого дома, напомним о сохранившихся жилых домах бескского селения в Шуше, менее богатых по архитектурному убранству и сохранивших больше черт народной жилой архитектуры. Дома этого типа отражают в себе также процесс развития в XIX в. городского дома с развитым уличным фасадом.

До нас дошли также несколько жилых домов, которые как бы занимают промежуточное положение между полудворцовыми домами и народным жильем. К такого типа домам относится ряд жилых домов Лагича.

³⁸³ А. В. Саламзаде. Отчет экспедиции в Исмаиллинский и Куткашанский районы 1945 г. Научный архив Ин-та архитектуры и искусства.

С давних времен Лагич славится своими медными изделиями с богатыми орнаментальными украшениями. В целом ремесла в Лагиче были сильно развиты. Кроме обработки металла, была распространена выделка кожи, производство обуви, головных уборов и др. В экономике Лагича немалое место занимала и торговля.

Характер производственной деятельности населения, занимавшегося кустарным ремеслом и торговлей, а не сельским хозяйством³⁸⁴, накладывал отпечаток и на характер поселения, который в значительной степени городского типа. О развитии зодчества в Лагиче свидетельствуют чертежи местного мастера с обозначением помещений на фарсидском языке. Этим, очевидно, и определяется возникновение в Лагиче домов полугородского типа.

Большинство домов Лагича — двухэтажные. Они сложены из местного камня твердой породы, который перед укладкой тщательно окаливается. Ввиду высокой сейсмичности района во всех постройках через каждые 5—7 рядов кладки по всему периметру здания прокладываются деревянные брусцы, которые создают систему антисейсмических поясов. Благодаря значительной толщине стен (до 1,0 м) и кладке на хорошем известковом растворе в совокуности с антисейсмическими прокладками создаются очень прочные постройки.

Городской характер Лагича проявляется в том, что при расположении жилого дома на главной торговой улице или на площади, первый этаж отводится под торговое помещение или мастерскую.

Жилой дом, который рассматривается ниже — двухэтажный. Так же, как и жилой дом Шекинских ханов в Нухе, дом в Лагиче представляет однорядную застройку жилых помещений, скомпонованных в виде буквы Г.

По рассказам местных старожилов, он построен в первой половине XIX в. мастером Гаджи Баба, в росписи выполнены мастером Ашрафом³⁸⁵. Характер архитектурного решения дома согласуется с указанием даты строительства дома. По рассказам, дом построен в два приема. Сначала был построен первый этаж как самостоятельное сооружение и лишь некоторое время спустя был надстроен второй. Однако способ соединения двух частей дома,

³⁸⁴ А. П. Фигуни. История последней столицы Ширвана. Село Лагич и его участок. «Изв. Азерб. Ком. охраны памятников старины и природы», вып. II, Баку, 1927.

³⁸⁵ Данные сообщены архитектором З. Зейналовым, обмерившим в 1940 г. этот дом.

³⁸² Анонимная работа Im Kaukasus, 1862, стр. 180.

правой и левой, сохраняющих самостоятельность каждой группы помещений, наводит на мысль, что скорее одновременно были возведены не этажи, а две части дома, расположенные перпендикулярно друг другу.

В первом этаже имеется пять помещений с выходами непосредственно во двор, что является характерной особенностью жилых домов однородной застройки. Из этих пяти помещений — три предназначались, очевидно, под жилье. Два других — угловое и торцовое — под хозяйственные нужды, а может быть, и для торговых целей — так как именно эти два помещения связаны непосредственно с улицей или подворотней. Весьма оригинально выглядит узкое продольное помещение, соединяющее две обособленные группы жилых домов. Оно непосредственно связано с угловым помещением, имеющим в свою очередь, самостоятельный вход с улицы. Для каких целей это помещение предназначалось — трудно объяснить, так как, соединяя две половины дома, оно не создает сообщения между ними, хотя сделать это было не трудно. Остается предположить, что эта пристройка была осуществлена для соединения воедино двух, в сущности, самостоятельных домов, оградив участок с этой стороны.

В обеих частях дома парадные помещения расположены во втором этаже. Помещения первого этажа просты по своему убранству. Все средства архитектурно-декоративного убранства сосредоточены в жилых парадных комнатах второго этажа. Здесь применена роспись стен, богато ornamentированные бухары, оконные «шебеке».

Жилища Ленкоранского и прилегающих районов. Архитектура народного жилища Ленкоранского района отличается рядом особенностей. Наряду с Ленкоранским районом, эти особенности присущи также ряду других районов, принадлежащих к общей группе, именуемой «Талыш». Сюда относятся жилые дома Ленкорани, Астары, Масаллы, Лерика и Ярдымлинского района.

Ленкорань, Астара и Масаллинский район занимают прибрежные районы Каспия, так называемую Талышскую низменность, тогда как Лерик и Ярдымлинский район расположены на Талышских горах.

Различия природно-климатических особенностей между этими подгруппами в свою очередь привели к некоторому различию в планировке и архитектуре народных жилищ. Низменная часть Талыша на территории республики выделяется как самостоятельная кли-

матическая зона и именуется «Ленкоранской климатической областью»³⁸⁶.

Изучение и исследование архитектуры народного жилища талышских районов даст возможность раскрыть особенности, вызванные конкретными природными условиями каждой зоны.

Низменная часть Талыша представляет собой субтропические районы республики. Здесь хорошо растут субтропические растения, которые получили надлежащее развитие только в советское время. До советской власти основным занятием населения Талыша являлось рисоводство, чему благоприятствовало обилие влаги. Это положение служило определяющей предпосылкой не только хозяйственной, но и культурно-бытовой стороны жизни. У местного населения до настоящего времени сохранились различные поговорки, отражающие влияние рода занятий жителей Талыша на их образ жизни.

Населенные пункты, окруженные рисовыми полями, где почва постоянно омывается водой, и многочисленные болота создавали благоприятные условия для размножения комаров, которые заполняли воздух. Это в сочетании с высокой температурой в летний период создавало дискомфортные микроклиматические условия в жилищах низменных районов Талыша. От укуса комаров, от сырости и жары малярия имела самое широкое распространение среди населения. Все эти обстоятельства вместе взятые остро ставили вопросы улучшения микроклиматических условий жилища и повелительно выдвигали необходимость нахождения средств для защиты от комаров. Эта задача была разрешена народными зодчими в нескольких вариантах, в зависимости от состоятельности владельца дома, сохраняя при этом, по существу, планировочную структуру народных жилищ, распространенных в остальных районах Азербайджана. Наиболее характерным в этом отношении является устройство сооружений наподобие вышек, называемых у местных жителей «лям».

Лям, в большинстве случаев располагается на приусадебном участке в непосредственной близости от жилого дома и композиционно гармонирует с ним. В плане лям имеет квадратное очертание и устраивается в два или три этажа, покоящиеся на столбах. Наибольшее распространение имеет лям в два этажа, при-

³⁸⁶ И. В. Фигуровский. Климатическое районирование Азербайджана, т. 1, вып. 2, Баку, 1926, стр. 26—29.

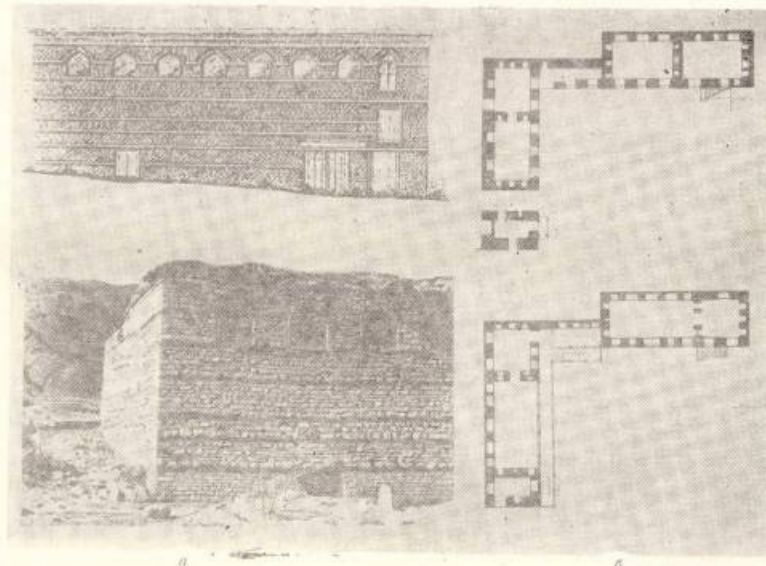
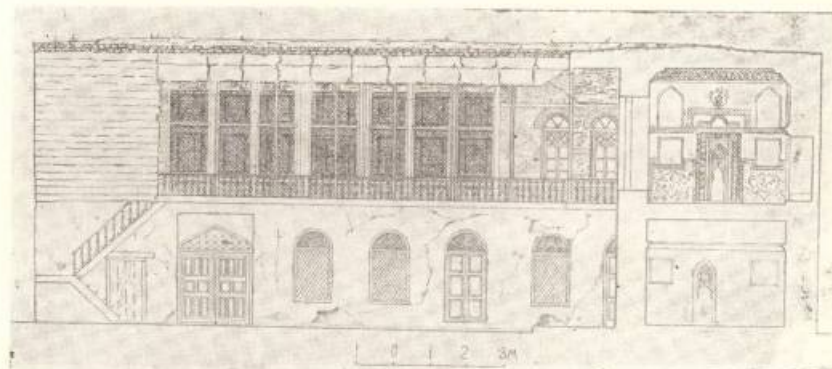
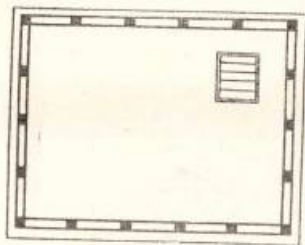
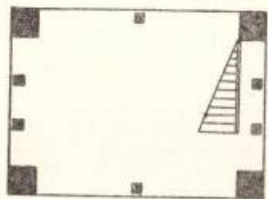
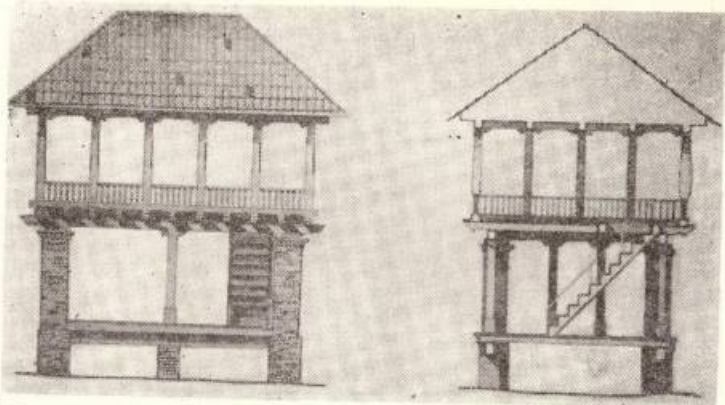

Рис. 108
Исмаиллинский р-н, сел. Лагич. Жилой дом, XIX в.
а — фасад, б — план этажей

1 0 1 2 3 м

Рис. 109

Ленкоранский р-н, сел. Боздан. Лям.
а — рафес; б — планы этажей

чем площадь второго этажа несколько больше первого, за счет выноса концов междуэтажных балок наподобие консолей. Подобный прием придает ляму своеобразный архитектурный облик. Первый этаж приподнят от уровня земли на высоту 1,0—1,5 м и покоится на столбиках из красного кирпича. Второй этаж также

устроен на кирпичных столбах, а вышележащий этаж и чердак покоятся на деревянных столбах. Вход на первый этаж осуществляется по наружной каменной или деревянной лестнице. Этажи между собой сообщаются внутренней деревянной лестницей. Внутренность этажей не ограничивается от окружающего пространства стенами, что придает воздушность архитектуре сооружения. Лям предназначен для летнего пребывания семьи и приема гостей, высотная его композиция сделала его объектом наибольшего внимания в архитектурном решении как самого ляма, так и архитектурно-пространственной композиции приусадебного участка в целом. В большинстве случаев лям занимает господствующее положение среди элементов приусадебного участка и является объединяющей композиционной доминантой.

Высотная композиция ляма хорошо взаимодействует с окружающей природой и зеленью. Именно это архитектурное достоинство определило сдержанность в применении конструктивно неоправданных декоративных элементов. Сама объемная композиция с ее воздушно-пространственной трактовкой создает выразительный архитектурный образ. Все элементы композиции имеют целесообразную форму, свойственную их природе и назначению.

При наличии отдельно выстроенного ляма архитектура народного жилища низменного Талыша, по существу, сохраняет планировочные и композиционные принципы, известные по другим районам Азербайджана, лишь с той разницей, что здесь эйван в ряде случаев теряя

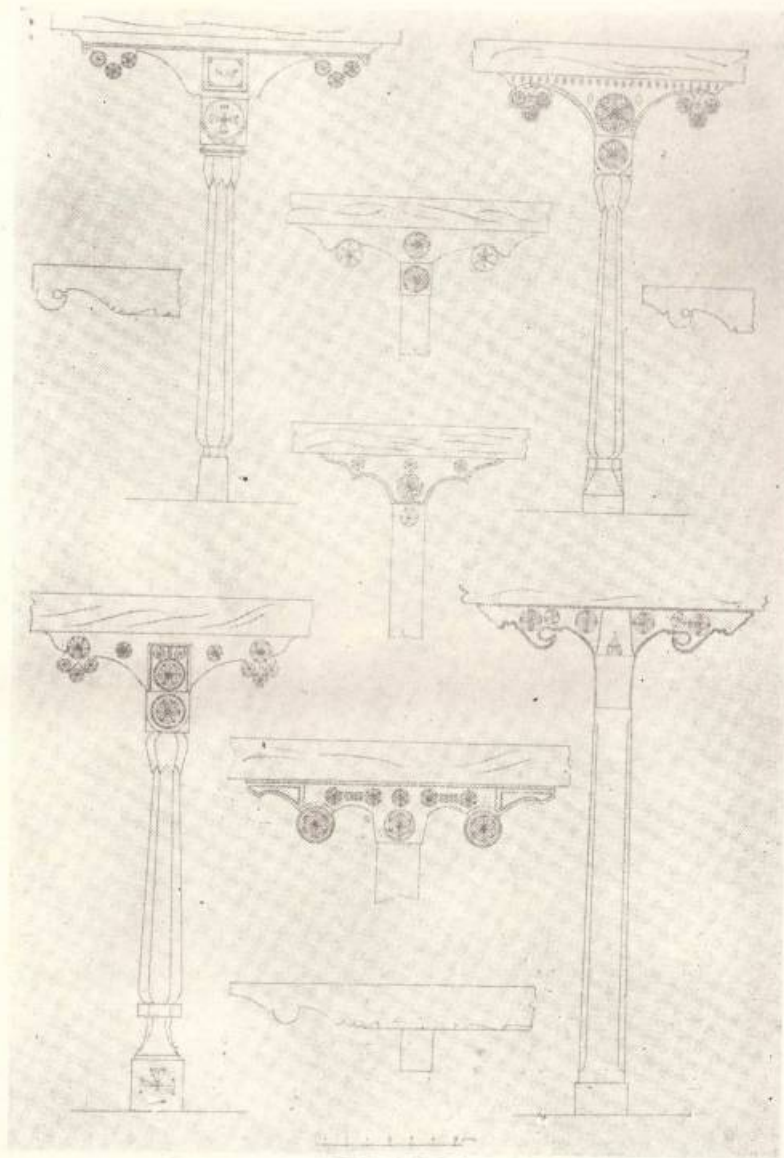

Рис. 110

Конахендский р-н. Деревянные колонны с подбалками

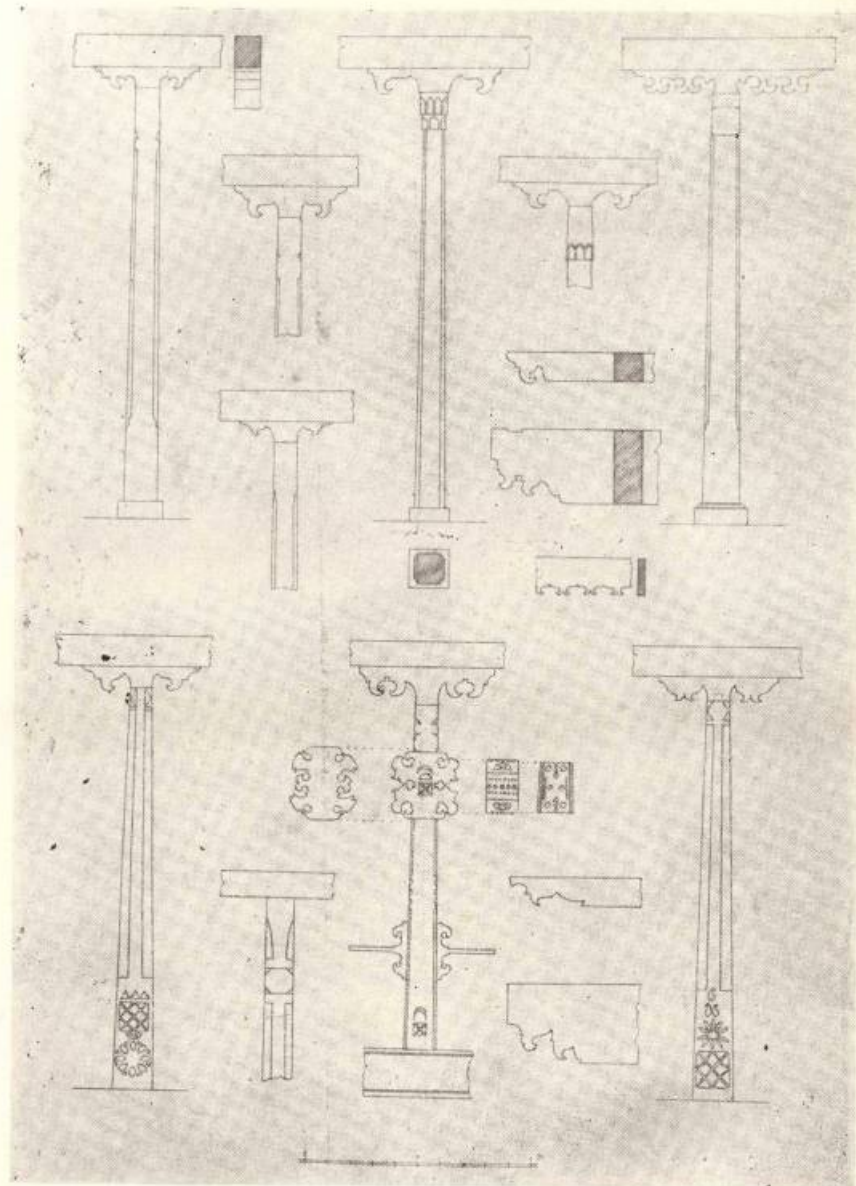

Рис. 111
Ленкоранский р-н. Деревянные колонны с подбалками.

свое функциональное назначение как летнее помещение, превращается в узкую галерею. Располагаясь при этом по всему фронту фасада, галерея только связывает жилые помещения между собой и двором.

Другим вариантом в деле улучшения микроклиматических условий жилища является устройство специальных открытых помещений наподобие эйвана, примыкающих непосредственно к дому с боковой стороны. При этом в основном выбирается продольно-однорядное расположение помещений жилых домов. В принципе планировка этих домов напоминает народные жилища других районов Азербайджана, в которых эйван охватывает дом с двух сторон. Разница заключается в том, что здесь со стороны главного фасада эйван устроен в виде узкой галереи, тогда как с боковой стороны он имеет довольно большую ширину и несколько (1,0—1,5 м) приподнят над уровнем пола галереи.

Подобные дома, в основном, одноэтажны; боковые открытые помещения называются местными жителями также льямами. Лям, галерея и зимние жилые помещения, объединенные под общей крышей, создают целостную композицию жилого дома. Такие льямы с помещениями сообщаются через галерею при помощи деревянной лестницы. Вследствие приподнятости льяма над уровнем пола галерея внутренняя высота его несколько ниже, что это обуславливает применение на главном фасаде деревянных столбов двух разных размеров, что не нарушает целостности фасада и не создает впечатления разномасштабности в общей композиции, так как разница пролетов между столбами льяма уравновешивается с большой высотой и частотой в размещении столбов галереи. При обычной ориентации жилых домов Талышского района на юг, лям в большинстве случаев устраивается с восточной боковой стороны. Этим учтены благоприятные условия восточной ориентации по сравнению с западной.

Наконец, третьим вариантом учета местных климатических условий является объединение отдельно стоящего льяма с объемом двухэтажного дома. Этот вариант по сравнению с вышеотмеченными встречается довольно редко. Для примера можно отметить жилой дом в с. Ор. Масаллы. Планировочная структура дома представляет собой продольно-однорядное рас-

положение помещений, с устройством открытой галереи по всему фронту фасада. Двухэтажный «лям», имеющий в плане прямоугольную форму, прижимает к западному концу галереи длинной стороной перпендикулярно к фасаду дома. Таким образом, дом в плане приобретает Г-образную форму, пространственная природа которого совместно с воздушной конструкцией галереи и льяма, создает органическую связь дома с окружающей природой.

Не говоря об архитектурно-планировочной характеристике данного дома, для нас интересен этот прием, который открывает большие возможности в достижении выразительности архитектуры жилого дома, создает необходимый уют и удобства применительно к местным климатическим условиям. Лям как сильная архитектурно-пространственная форма создает определенный акцент в общей композиции жилого дома.

В этом в основном заключается отличие народного жилища названного Талыша от других районов Азербайджана. Что же касается жилья нагорной части, то здесь встречаются все варианты архитектурно-планировочных решений народных жилищ с однорядным расположением помещений, известные по другим районам Азербайджана. Сравнительно благоприятные природно-климатические условия нагорного Талыша делают излишними довольно типичные летние помещения типа «ляма», который встречается здесь только как исключение.

* * *

Жилье Азербайджана XVIII—XIX вв. несомненно представляет богатейшую сокровищницу народного архитектурного творчества. Здесь не ставилась задача описания многочисленных образцов жилой архитектуры. Мы стремились к тому, чтобы на основе значительного собранного материала дать типологическую характеристику жилища, определить его основные архитектурно-планировочные и конструктивные особенности, проследить связь этих черт с местными условиями. Данные описания образцов жилища приведены лишь с целью конкретизации выдвинутых положений.

Глава четвертая

СТРОИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ. КОНСТРУКТИВНЫЕ И КОМПОЗИЦИОННЫЕ ПРИЕМЫ, ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ

Строительные материалы

Строительные материалы в еще большей степени, чем строительные приемы и архитектурные формы основываются на сложившихся ранее традициях. В сущности, строительные материалы этой эпохи идентичны применявшимся ранее³⁸⁷. Камень местных, в основном, известковых пород, обожженный кирпич, гаж и известь в качестве основных компонентов вяжущих растворов, ограниченное количество дерева местных пород, песок и булыжный камень — вот номенклатура строительных материалов, которыми оперировали мастера-строители.

В смысле географического распространения применявшихся строительных материалов картина в основном сходна с более ранним периодом. Отмечается, однако, распространение кирпича в северных областях страны, где раньше господствовал камень, что объясняется усилением роли строительных традиций тебризской школы. Кирпич был основным строительным материалом, в масштабе всей страны.

Кирпич в этот период сохраняет свои качества. Он имеет приятный охристый или красноватый цвет, довольно стабилен в размерах и правилен по своей форме. Для изготовления кирпича применялись специальные формы «га-либ» из твердых пород дерева, чаще всего из орехового. Отборная глина и ровный обжиг

определяли хорошее качество кирпича. Традиционная для стран Ближнего Востока квадратная форма кирпича сохранилась в Азербайджане вплоть до второй половины XIX в., когда она была вытеснена прямоугольным кирпичом. Размер кирпича в этот период почти не меняется. Основным размером его остается характерный для XII—XV вв. — $20 \times 20 \times 5$ см (4,5 см)³⁸⁸, но вместе с тем встречаются и кирпичи размерами $22 \times 22 \times 5$ см. Наряду с этим основным видом квадратного кирпича, очевидно, производилось некоторое количество фигурного, применявшегося в карнизных частях сооружений.

В сооружениях монументального зодчества сырцовый кирпич в Азербайджане в это время не применялся. Известны лишь некоторые кварталные и сельские мечети со стенами из сырцового кирпича.

Роль кирпича в архитектуре того времени в целом возросла, если при этом учесть, что поливная керамическая облицовка в этот период применяется в ограниченном количестве. Нештукатуренные и необлицованные ничем плоскости кирпичных стен — характерная черта памятников XVI—XVIII вв.

Применение поливной керамики в строительстве того времени имеет место, в основном, в двух городах — Тебризе и Ардебиле. В нахичеванском комплексе «Имамзаде» XVIII в. поливные кирпичи применены в ограниченном количестве. Как показывает пример ардебильского комплекса, несмотря на ограниченное

применение, поливная керамика того времени была на самом высоком уровне, пожалуй самым высоким на Ближнем Востоке, и поэтому мастера-керамисты из Тебриза были нарасхват. Несмотря на большую трудоемкость, поливная керамика того времени, в основном, резная, Расписная майолика, где трудно было добиться желаемой чистоты рисунка, не применялась в таком ответственном сооружении, как комплекс гробницы шейха Сефи.

На Ширване, и особенно на Апшероне, по-прежнему основным строительным материалом считался известняк, прекрасные механические и декоративные качества которого предоставляли большие возможности, и мастера умели пользоваться этими свойствами материала.

Есть данные, позволяющие утверждать, что большинство нынешних апшеронских каменных карьеров было известно издавна. Во всяком случае добывались камни из Бадамдара, Шахинбаха и Гелбаха. Анализ соответствующих проб показал, что еще в XV в. для строительства дворца ширваншахов пользовались камнем из бадамдарского карьера³⁸⁹.

Физико-механические и декоративные качества бакинских известняков хорошо изучены и позволяют характеризовать их как прекраснейший строительный материал³⁹⁰. При довольно значительной механической прочности и долговечности бакинские известняки хорошо поддаются обработке, позволяя выполнять тончайшие детали. Особо благоприятными для резьбы и для выполнения мелких деталей являются мелкозернистые известняки. Фактурные возможности апшеронских известняков увеличиваются еще тем, что в зависимости от месторождения камни имеют различные цветные оттенки — от светло-охристого, почти белого, до зеленовато-синего.

Камень в строительстве рассматриваемого времени продолжает применяться в облицовке обычно в тщательно тесаном виде. Получистая теска наблюдается обычно во внутренних мазозаметных частях сооружений или в частях, предназначенных под штукатурку. В монументальном строительстве булыжный камень применялся ограниченно, в основном, в фундаментах сооружений или в стенах первых этажей,

как например, это имеет место в нухинском дворце Шекихановых³⁹¹.

Эти два основных строительных материала — кирпич и камень, применялись в строительстве вместе с их неизменными, давними спутниками — гажей и известью, основных вяжущих материалов в Азербайджане. Глина и растворы ее в монументальном строительстве почти не применялись. Гаж, или «гаич» (распространенное в Средней Азии название гаж) применялись в странах феодального Востока почти повсеместно. Преимущества гажевого раствора определялись возможностью влиять на период его схватывания, добиться соответствующими добавками пластичности и гидравлическости сырья и довольно низкой температурой, порядка 130°C ³⁹². При этом гажевый раствор весьма прочен и достигает крепости средних цементов³⁹³.

Основной добавкой, придающей гажу гидравлическость, по мнению Н. М. Бачинского, является толченый древесный уголь. Древесный уголь в гажевом растворе установлен в памятниках архитектуры Азербайджана — в Бардинском мавзолее 1322 г.³⁹⁴, а также в Калаханском мавзолее XVII в. В гажевый раствор для гидравлическости добавлялся, по мнению А. Годара, зола³⁹⁵. Ввиду ограниченного количества обнаруживаемого в гаже древесного угля можно предполагать, что основной добавкой являлась все же зола, древесный же уголь, собственно, попадал в раствор уже вместе с золой.

Произведенные в Азербайджане опыты показали, что более продолжительный обжиг строительной гажы при температуре $250\text{--}300^{\circ}$ способствует повышению ее механической прочности³⁹⁶. От обычного гипса «гажа отличается большей пластичностью, меньшей водопроводностью при затворении водой, более медленными сроками схватывания и некоторой водостойкостью»³⁹⁷. Кроме того, установлено, что добавление в гажу молотой негашеной извести значительно повышает ее водостой-

³⁹¹ Л. С. Бретаницкий. Дворец шекинских ханов. «Архитектура Азербайджана» (Очерки). Баку, 1952, стр. 266.

³⁹² Н. М. Бачинский. Исследование и освоение материалов и методов старых среднеазиатских зодчих. «ДАН СССР», т. XXX, № 3, 1941.

³⁹³ Н. М. Бачинский. Ук. соч., стр. 279.
³⁹⁴ А. В. Саламзаде. Ук. соч., стр. 268.
³⁹⁵ A. Godard-Gunbad-i Qabla. Constriction of the Monument. A Survey of Persian art, p. 972.

³⁹⁶ Э. А. Гусейнов. Исследование строительных свойств гажы, повышение ее водостойкости и изделия на ее основе. Автореферат канд. дисс. Баку, 1956, стр. 7.

³⁹⁷ Там же.

³⁸⁷ А. В. Саламзаде. Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952, стр. 265—272 (Строительные материалы и конструкции).

³⁸⁸ М. А. Лев. Джума-мечеть в Кировабаде. «Архитектура Азербайджана (очерки)». Баку, 1952, стр. 668.

³⁸⁹ М. Г. Гаджиев. К вопросу использования местных облицовочных камней в строительстве Баку. «Труды Азербайджанского Ин-та строительных и сооружений», вып. VI, 1957.

³⁹⁰ М. Г. Гаджиев. Физико-механические свойства облицовочных известняков Азербайджана. Сб. Трудов Ин-та строительных и сооружений, вып. V, 1956.

кость³⁹⁸. Известно, что в прошлом в гажевый известковый раствор добавлялся толченый кирпич, и такой раствор назывался «хорасан», в чем, очевидно, можно усмотреть возникновение такого состава в Хорасане. Эта добавка также повышала прочность и водостойкость.

Пластичность гажевого раствора была особенно необходимой в сейсмических районах. В этих целях применялись, разные добавки, одной из которых являлись легкие воздушные лепестки растения, так называемый «учаган»³⁹⁹.

Эффективность гажевых растворов «против обычных смешанных и цементных кладочных растворов заключается в том, что они примерно в 3—7 раз увеличивают прочность швов кладки на отрыв и 1,5—5 раз — на сдвиг»⁴⁰⁰.

Известь является основным вяжущим в растворе на Апшероне. Известь применялась высокого качества, что подтверждается большой прочностью раствора. Не установлено, обладали ли известковые растворы гидравлическими свойствами.

Хорошие качества известковых растворов подтверждаются хотя бы тем обстоятельством, что в ряде случаев, когда выпадала наружная облицовка сооружений, внутренняя забутовка в виде известкового бетона продолжала стоять прочно.

Высокое качество раствора, наряду с хорошими качествами вяжущего, достигалось прежде всего их большой жирностью, тщательным подбором хорошего горно-речного песка.

В ряде случаев, когда раствор предназначался для высококачественной штукатурки, использовавшейся под роспись, особенно тщательно подбирались его состав, вплоть до применения органических добавок в виде, например, ячменной муки.

Таковы основные строительные материалы, оперируя которыми мастера умели создавать прекрасные сооружения.

Из других строительных материалов, ограниченно применявшихся в строительстве, следует упомянуть дерево. Дерево применяется, главным образом, как дверное и оконное заполнение. При этом применялось дерево твердых пород. При использовании дерева, например, для изготовления оконных «шебеке», прибегали к специальным составам, например, маслом, кипяченым до прожжения для про-

тирки дерева с целью предохранения его от гниения. Использование дерева в качестве конструктивных элементов — балок, стоек и других — являлось редкостью и имело распространение лишь в жилищном строительстве районов, богатых лесоматериалами.

Ограниченное применение в строительстве находили и металлические поделки. Медные краны, светильники и другие металлические части входили в оборудование ардебильского комплекса, не говоря уже о применении в этом комплексе серебра и золота. Но это было в целом уникальным явлением.

Конструктивные и композиционные приемы

Стены, купол и своды не только представляют основные конструктивные элементы сооружений, но в значительной степени и определяют композиционные приемы, присущие архитектуре данного периода. Конструктивные приемы в формировании архитектурного образа сооружений в рассматриваемый период диктовались сдержанностью архитектурного убранства сооружений. Вследствие этого строительный материал и конструкция в совокупности с композиционной схемой, вытекающей из особенностей данного типа сооружения, в основном определяют общий облик памятника. Дополнительная лицевая узорчатая облицовка, так характерная для памятников предшествующей эпохи, встречается в XVI—XVII вв. в порядке исключения.

Именно в силу такого положения на качественное выполнение самих конструктивных элементов обращается серьезное внимание. Кирпичная кладка и каменная облицовка выполнены обычно качественно и составляют приятную фактурную плоскость.

Основным видом каменной стены в сооружениях монументального строительства остается кладка с так называемым «гадлай», т. е. лицевыми рядами. Стена состоит из двух рядов — наружного и внутреннего, расположенных параллельно и образующих пространство, заполняемое забутовкой в виде известковой бетонной массы. В этом случае облицовочные ряды выполняли роль своеобразной опалубки, пространство между которыми заполнялось крупным щебнем, заливаемым раствором⁴⁰¹. Возможно, однако, что раствор и забутовка предварительно смешивались в сплошную бу-

тобетонную массу, а затем производилась забутовка⁴⁰². Для предупреждения затекания раствора наружу, наряду с тщательной пригонкой камней, швы с внутренней стороны, очевидно, предварительно обрабатывались.

Кладка облицовочных рядов, как правило, производилась правильными рядами с перевязкой швов. По изредка наблюдается наклонение камней одного ряда в другой. По нашему мнению, это объясняется стремлением мастеров использовать имевшиеся камни с перевязками. Едва ли в Азербайджане это практиковалось «для большей прочности конструкции»⁴⁰³ в определенных местах.

Гладкая поверхность облицовки без следов инструмента в наиболее тщательно выполненных памятниках нарданской и калаханской групп дает основание предполагать, что после завершения работ по кладке стен мастера прибегали к шлифовке облицовки путем затирки ее поверхности чисто тесаным камнем.

В целом в хорошо выполненных каменных облицовках можно отметить стремление к достижению цельности, чего добивались наряду с гладкостью обработки камня, путем сглаживания швов. Этой же цели, очевидно, и служил характер размещения рядов облицовки. Мастера, как правило, избегают жесткого порядка в размерах высоты рядов облицовки. Отсутствие уловимой повторяемости или чередования однородных рядов несомненно содействует целостному восприятию всей плоскости стены.

Перевязка швов в каменной кладке соблюдалась весьма тщательно, однако не по жесткой схеме, а довольно свободно, что позволяло мастеру более свободно оперировать размерами камня.

Качественность обработки облицовочных камней, точное выполнение тонких деталей, дает основание утверждать, что азербайджанские мастера обладали довольно хорошим инструментарием. Известны названия некоторых инструментов, применявшихся мастерами еще недавнего времени, до механизации процессов обработки известняков. Это прежде всего инструмент для скалывания камня — «сындыраха», для получения тески — «дарага», инструмент для окончательной обработки камня — «бала дарага», инструменты для резьбы, состоящие из набора различных размеров — «гэдэм».

Вследствие того, что в отличие от предшествующего периода (XII—XV вв.) специальная облицовочная «чешуя» стала в кирпичных сооружениях редкостью, большое значение придается самой кирпичной кладке. Высшие поверхности этой кладки одновременно выполняют роль облицовки. Такая кирпичная кладка выполнялась с перевязкой швов и оставалась без всякой дополнительной обработки ее поверхности. Попытки оживления этой кирпичной поверхности фигурной кладкой или росписью по штукатурке единичны и относятся, в основном, к XVIII в.

Простая и невыразительная кирпичная поверхность стен в монументальных сооружениях обычно обрабатывалась пространственными элементами — крупными арочными нишами или аркадами. Вытекающая из плановой структуры сооружений эти пространственные архитектурные членения представляют не только один из наиболее характерных композиционных приемов эпохи, но и конструктивных приемов.

Отмечаемое в азербайджанском зодчестве еще с XII в. сочетание в сооружениях камня, применявшегося в облицовке цоколей, с кирпичом основной кладки, встречается и в данный период, причем, если раньше этот прием отшелся на юге страны, теперь, начиная с XVI в., он применяется и в северных районах. Речь идет о сочетании кирпича с тесаным известняком. Сочетание же кирпича с булыжным камнем имело давние традиции именно в северных районах страны — в Гандже, Кахском и Закатальском районах, в районах больших речных лож (чайлагов) и в некоторых частях Ширванского государства. В интересующий нас период эти давние традиции продолжались, в основном, в строительстве жилищ и оборонительных сооружений. Если смешанное применение в кладке тесаного известняка и кирпича следует признать в основном подражательным приемом, исходившим из традиций южных областей, то комбинированная кирпично-булыжная кладка давала возможность, с одной стороны, широко использовать обильный подручный строительный материал, а с другой — при умелом сочетании представляла собой довольно богатый декоративный возможностям строительный прием. Булыжный камень шел в кладку в неотесаном или в грубо околотом виде.

Второй основной компонент конструкции зданий — перекрытие, как уже говорилось, купольное или сводчатое. Материалы куполов и сводов, как правило, идентичны материалу стен. Камешные купольно-сводчатые сооруже-

³⁹⁸ Э. А. Гусейнов. Исследование строительных свойств гаж, повышение ее водостойкости и изделия на ее основе. Баку, 1956, стр. 8.

³⁹⁹ Сообщение народным художником Азерб. ССР, канд. искусствоведения Лятифом Керимовым.

⁴⁰⁰ Э. А. Гусейнов, Ук. соч., стр. 11.

⁴⁰¹ А. В. Саламзاده. Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952, стр. 270.

⁴⁰² О. Халлахчян. Строительные традиции народных мастеров Армении. «Архитектурное наследие», М., 1953, № 3.

⁴⁰³ Там же, стр. 47.

ни XVI—XIX вв. — это в основном памятники Аншерона. Здесь пролеты небольшие, в пределах 5—6 м.

Кладка сводов велась горизонтально рядами, параллельно длинной стороне свода. Подружные арки применялись, очевидно, не только из конструктивных и производственных соображений⁴⁰⁴, но и как элемент архитектурного членения пространства, поскольку подружные арки обычно переходили на стене к выступам в виде лопаток, скрадывая тем самым тоннелеобразный унылый вид, перекрытых сводом помещений. Следует признать, что стрельчатое очертание купольно-сводчатых конструкций весьма целесообразно с конструктивных соображений и довольно приятное в интерьере перекрытых стрельчатым куполом сооружений, в интерьере сводчатых коридоробразных помещений производит неблагоприятное впечатление. В позднейший исторический период зодчие, учитывая это обстоятельство, применяли в ряде таких случаев девятичастные своды. В XVI—XIX вв. такие своды уже не применялись.

Каменные куполы также складывались горизонтальными рядами с уменьшением размера рядов к вершине. Как и в конструкциях стен, пространство между наружными и внутренними облицовочными рядами заполнялось бутобетонной массой.

Перекрытие многих каменных восьмигранных мавзолеев этого времени имеет вид пирамидальных шатров. Техника их возведения такая же, как и в предшествующий период. Однако теперь не встречаются случаи различия в очертаниях перекрытий снаружи и внутри, как это было, например, в мавзолеев Хазринского мавзолея или мавзолеев в сел. Демирчляр и ряде других⁴⁰⁵. Ввиду параллельности внутреннего и наружного очертания пирамидальных шатров пространство между ними делается незначительным и исчезает необходимость в закладке керамических сосудов, ранее применявшихся для того, чтобы избежать заполнения образовавшейся значительной пустоты инертной массой.

По сравнению с каменными кирпичные куполы имеют более значительные размеры. Диаметр купола кировабадской Джума-мечети 14 м, не говоря уже о более значительных куполах, возводившихся в Тебризе и в Ардебиле. Наряду с мечетями большие кирпичные

куполы возводились и над центральными узлами крытых рынков.

Эта характеристика основных конструктивных элементов стен и купольно-сводчатых конструкций, будь они из камня или кирпича, показывает, что они ограничивали зодчих определенными рамками, диктуемыми уровнем развития этих конструкций в изучаемую эпоху. Указанный выше характер поверхности стен — гладкая каменная облицовка или обработанная арочными нишами кирпичная стена — в сочетании с куполами перекрытий представляли те элементы, которые определяли основные особенности композиции сооружений. Смотри на план памятников этой эпохи, можно очень легко воссоздать общий их облик, настолько плановое решение, конструктивная схема и архитектурная композиция тесно связаны друг с другом.

Эта черта архитектурных памятников эпохи особенно хорошо выявляется на анализе плановой структуры и конструктивной схемы девятичастных в плане помещений, обычных для аншеронских мечетей XVII в. В плановой схеме, неизбежно возникающей при сочетании центрального купольного пространства с периметральным примыканием боковых помещений, достигается наилучшая связность всех элементов конструкции — опоры, держащие купол, прочно связываются обычно посредством сводов со стеной. Таким образом, распоры перекрытий передаются на стены, которые работают вместе с связанными с ними конструкциями. Такая схема несомненно надежна также с точки зрения сейсмостойкости. Что зодчие отдавали себе отчет в преимуществах этой конструктивной схемы, дающей возможность облегчить опоры, на которых непосредственно покоится купол, в этом можно убедиться на примере Нардаранской мечети, где колонны, поддерживающие перекрытие, настолько утончены, что с первого взгляда кажутся даже ненадежными. Небольшая масса опор играет в данном случае весьма положительную роль в обеспечении единства внутреннего пространства мечети при наличии массивных опор неизбежно членяемых в самостоятельные объемы.

Различные варианты этой схемы были широко распространены не только в культовом строительстве, но применялись, в частности, в банях. В этом случае, однако, редко встречаются отдельно стоящие опоры, а купол покоится на массиве, образуемом между примыкаемыми к центральному пространству глубокими нишами.

В мечетях, возведенных из кирпича, где зодчие умели делать куполы больших диаметров, данная конструктивная схема претерпела видоизменения — поскольку центральный модельный зал, перекрытый куполом, получался достаточных размеров, то примыкающие к нему объемы выносились за пределы зала, составляли самостоятельные помещения или открытые на фасадные стороны ниши, трактованные в ряде случаев как порталы. Такую схему решения мы видим в кировабадской Джума-мечети.

В формировании интерьера сооружений с купольной конструкцией перекрытия немаловажная роль принадлежит конструктивным элементам, составляющим переход квадратного основания к окружности купола. Для Аншерона, как и прежде, характерны различные варианты парусов, в то время как в кирпичных конструкциях, в основном, применялись тромпы, временами в таком крупном масштабе, что они превращаются в доминирующий элемент композиции интерьера. Таковы интерьеры гробницы шейха Джунейда в сел. Хазра Кусарского района, мавзолея в Сарытепе и др.

Таким образом, одна и та же конструктивная схема в зависимости от назначения сооружения, строительного материала и его возможностей видоизменялась мастерами и приспособлялась к конкретному назначению сооружения.

Конструктивная схема еще большую определяющую роль играла в мавзолеев восьмигранного типа. Здесь собственно восьмигранный низ и восьмигранный шатер определяют архитектурный облик мавзолеев. Но зодчие были бы плохими мастерами своего дела, если бы не находили средств для архитектурной выразительности этого, довольно жесткого композиционного костяка. Не нарушая объемной цельности таких композиций, мастера довольствуются акцентировкой входной грани и зоны сопряжения других тектонических элементов — стены и шатра. Скромные обрамления входных проемов, имитируя профилировку порталов, придают входным граням вид порталов. Однако плоский рельеф не отяжеляет плоскость грани, нарушая тем самым цельное восприятие призматических объемов низа мавзолеев. Еще проще решаются карнизы мавзолеев, состоящие из простых полок.

Главенствующую роль конструктивных элементов в определении архитектурного облика сооружений можно проследить и на примере арочных ниш, широко применяемых в караван-сараях и медресе, где они составляют

основной элемент их композиции. Возникает же арочная ниша вследствие сводчатого перекрытия небольших эйванов, размещаемых перед комнатами постояльцев в караван-сараях и комнатами студентов — «худжра» духовных училищ — медресе. Длинный ряд таких арочных ниш, часто располагаемых в два этажа и обращенных на дворовую сторону, рождает архитектурный облик этих, казалось бы, различного назначения зданий — караван-сарая и духовного училища. Однако не следует упускать из виду, что в обоих случаях главное место в них занимают жилые комнаты и, таким образом, сходный архитектурный облик является в конечном итоге результатом идентичного содержания основной части обоих типов сооружений.

Следствием тесной увязки решения внешнего архитектурного облика зданий с плановой и конструктивной структурой, несомненно, является также факт широкого распространения в это время асимметричных композиций. Подчеркнем, что это особенно характерно для неоднократно упомянутых мечетей Аншерона. Мастера несомненно учитывали, что при тех ограниченных средствах, которыми они обладали, и при перекрываемых куполом небольших пролетах асимметричный план дает наиболее экономичное решение задачи. Таким образом, широко распространялась характерная аншеронская мечеть с входным порталом, располагаемым асимметрично. Наиболее ранним примером таких мечетей служит мечеть Тубашахи в Мардакяхах (XV в.)⁴⁰⁶. Не исключено, конечно, что в XV в. и еще раньше были и другие мечети такого типа, не дошедшие до нас.

Говоря о композиционных особенностях сооружений эпохи, стремясь раскрыть их тесную связь с общими планировочными и конструктивными чертами памятников, мы намеренно воздерживаемся от рассмотрения второстепенных вопросов. Ибо в решении частных на первый план выступает индивидуальный творческий почерк мастеров, целью же в данном случае является раскрытие по возможности наиболее существенных сторон композиции сооружений, ведущих приемов композиций, характеризующих архитектурное творчество эпохи.

Однако в архитектурных памятниках Азербайджана есть мотив, который во все периоды развития зодчества так же хорошо от-

404 О. Халипахьян. Уж. соч., стр. 55.

405 А. В. Саалавадзе. Уж. соч., стр. 271.

406 А. А. Длескервадзе. Мечеть Тубашахи в Мардакяхах. «Изв. АН Азерб. ССР».

являет в себе изменения архитектурного стиля, как и само сооружение в целом. Таким мотивом является портал сооружения. В связи с сравнительным рассмотрением комплексов ардебильского и Дворца ширванихов в Баку отмечались некоторые особенности, специфические черты азербайджанских порталов и основные этапы их эволюции. Здесь же хочется особо подчеркнуть то обстоятельство, что разнообразие порталных композиций в этот период характерно для Апшерона и отчасти Ширвана, хотя на первый взгляд это и не бросается в глаза. Причина этого кроется в простоте порталных композиций, лишенных в подавляющем большинстве случаев какой-либо декоративной обработки. Великолепные резные ориентации и тонко разработанные сталактиты XV в. теперь нигде не применяются. Именно в силу этого разнообразятся объемные построения порталов и их сочетание с самими сооружениями.

Можно отметить порталы обрамления как наиболее простые и проследить их видоизменения вплоть до порталов в виде отдельно стоящих входов в комплексе Калаханских мавзолеев или порталов, имеющих объем почти в половину объема самого здания, как это можно наблюдать в небольших сводчатых мавзолеех Мардакии и Бузовнов. Увеличение объема порталов объясняется функциональными требованиями — внутреннее их пространство использовалось как лоджия и здесь можно было отдохнуть в тени. Для этого в такого типа порталах обычно устраивались по боковым стенам камешные сидения.

Если богато декорированные порталы ранних времен в основном перекрыты сталактитовыми полукуполоми, то теперь главный вид их перекрытия — стрельчатые или зеркальные крестовые своды.

Хотелось бы несколько задержаться на рассмотрении архитектурных качеств порталов. Известно, что в развитии всякой архитектурной концепции подход к решению входа в сооружении занимает несомненно важное место. Установившаяся еще в древности традиция трактовать вход в здание как главный архитектурный акцент, остается неизбывным композиционным приемом, несмотря на все коренные конструктивные и стилистические изменения, происшедшие в архитектурном творчестве. Вполне естественно, что подход к решению этого архитектурного акцента всегда является одним из наиболее ярких проявлений стиля архитектуры.

Если оглянуться назад, можно отметить

два главных принципа решения входов — в виде порталов с колоннами и в виде портала. Не останавливаясь подробно на очевидных для специалистов различиях порталов и порталком, отметим здесь два главных отличительных свойства портала — отсутствие свободно стоящей опоры и однопролетность композиции. Эти особенности порталной композиции, суживавшие в прошлом область его применения, в период господства колонны как основного носителя архитектурной выразительности¹⁰⁷ и современных условиях приобретает новые возможности для интерпретации. Неслучайно поэтому различные варианты решения входов в здания, встречаемые в современных железобетонных сооружениях, родственны порталным композициям и представляют собой козырек с большим вылетом и тонкими боковыми стенками.

Резюмируя, подчеркнем, что порталы рассматриваемого периода как нельзя лучше гармонируют с общим обликом памятников, доводя их не в качестве декоративного акцента, как это было раньше, а главным образом как мотив, усиливающий объемно-пространственное звучание сооружения. И с этой точки зрения порталы XVI—XVIII вв. довольно ярко отражают особенности архитектурного развития эпохи.

Какое место в общей строительно-конструктивной основе сооружения, в его композиции занимают проемы — общезвестно. Можно даже утверждать, что в определенные периоды развития архитектуры проблемы, связанные с решением проемов, в первую очередь световых, оказывали главенствующее влияние на формирование определенного типа сооружений, на характер их архитектуры.

Не следует недооценивать роль стекла в развитии архитектуры. Не удивительно, что в древности при отсутствии стекла развитие жилья, да и ряда других типов сооружений идет по пути замкнутости наружных фасадов, по пути организации внутренних дворов, куда обращаются световые проемы. В Азербайджане эти старые традиции еще дают себя знать в рассматриваемую эпоху. И трудно было бы представить себе дальнейшие этапы развития архитектуры, особенно жилища, без широкого применения стекла, позволяющего устраивать проемы всяких размеров. Не говоря о жилище, где удлинные фасады почти лишены проемов,

¹⁰⁷ М. Усейнов. Некоторые вопросы изучения истории архитектуры народов Советского Востока. Доклад на XXV международном конгрессе востоковедов в Москве. М., 1960.

и монументальном зодчестве оконные проемы также применяются в ограниченном количестве и они обычно небольших размеров. Господствующим типом заполнения оконных проемов остаются различные типы «шебеке». В соответствии с назначением и характером здания, применяются камешные, ваборные деревянные¹⁰⁸, керамические «шебеке». Характерные примеры заполнения оконных проемов могут служить проемы поминальной мечети ардебильского комплекса (XVI в.).

Таким образом, характер решения световых проемов, ограниченность их количества, малые размеры и своеобразие их заполнения, своеобразная их роль в общем облике сооружения ничего общего с современной ролью проемов не имеет. Заполнение редких окон в виде «шебеке» скорее вводит в архитектурную композицию элементы, несущие черты орнаментального декора.

Таковы основные конструктивные и тесно с ними связанные композиционные приемы. Эти приемы определялись, конечно, в первую очередь, установившимся типом сооружений и наличием строительного материала. Однако возможности производства строительных работ также оказывали влияние на эти приемы. В частности, небольшие пролеты каменных куполов, очевидно, были связаны и со способом их возведения без опалубки. Мастера имели возможность производства строительных работ также оказывали влияние на эти приемы. В частности, небольшие пролеты каменных куполов, очевидно, были связаны и со способом их возведения без опалубки. Мастера имели возможность, ввиду ограниченности лесоматериалов, изготавливать лишь кружала, по всей вероятности, передвижные. Нет данных, которые указывали бы на применение хотя бы самых примитивных подъемных механизмов. Небольшие размеры камня и кирпича (особенно кирпича), позволяли полностью обходиться ручной их подброской. Раствор же подавался наверх посредством специальных приспособлений, называемых «нава». Это лодкообразное приспособление имело специальный профиль с наружной стороны, что позволяло рабочему специальной квалификации — «навакеш», устанавливать его на своем плече и поднимать наверх по лесенке.

В условиях отсутствия подъемных приспособлений и минимального применения лесов и других устройств в понятие квалификации мастеров и рабочих входили также их ловкость, чувство расстояния и времени.

Отмеченные особенности производства работ таким образом, основывались прежде

всю на высокой индивидуальной подготовленности мастеров, которым поручалось выполнение работ, в умении их обходиться минимальными возможностями. Надо полагать, что при возведении особенно крупных и ответственных сооружений применялись более сложные формы организации строительных работ, что могло влиять и на методы работы.

В заключение вкратце остановимся на некоторых вопросах процесса подготовки и организации строительства. Прямые данные для воссоздания картины в этой области немногочисленны и приходится, в основном, довольствоваться косвенными данными, позволяющими прийти лишь к выводам общего порядка.

Одним из вопросов, связанных с данным комплексом проблем, является вопрос о кадрах архитекторов-строителей. Соображения, связанные с этим вопросом, изложены в следующей главе. Вывод сводится к тому, что существовали довольно прочно установившиеся порядки, регулировавшие подготовку мастеров путем ученичества, а также определенную иерархию в их общественном и квалификационном положении.

Наиболее квалифицированные мастера той эпохи владели искусством составления чертежей. Широкою известность получили опубликованные И. Баклановым данные о чертежах узбекского мастера XVI в., позволяющие судить о характере подобных технических документов¹⁰⁹.

С точки зрения характеристики процесса подготовки и организации строительства интересные сведения содержит записка Бабура. Вот некоторые, содержащиеся в его труде, прямые указания на составление чертежей и на организацию строительства. «Еще следует привести в порядок караван-сарай и бани, достроить кирпичный портал в арке, наполнить воздвигнутой устакан Хасан Али. Пусть посоветуются с устакан Султан Мухаммедом и работают по соответствующему плану. Если прежний план, начертанный устакан Хасан Али существует, пусть по этому плану и заканчивают, а если нет — пусть стоворятся и возводят постройку по какому-нибудь красивому плану так, чтобы ее под был на одном уровне с полом Дивана»¹¹⁰.

¹⁰⁹ И. Бакланов. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. «Сообщения Ин-та истории и теории архитектуры СССР», М., 144, № 4.

¹¹⁰ Бабури-нама. Записки Бабура. Ин-т востоковедения АН Узбекской ССР. Ташкент, 1958, стр. 410.

Здесь мы имеем подтверждение того, что составление чертежей было, во всяком случае при возведении ответственных сооружений, распространенным явлением. Они делались настолько подробными, что по ним могли продолжаться работу и другие мастера, пришедшие на смену начальным работам.

Для характеристики организации и последовательности строительных процессов ценно следующее место из сочинения Бабура: «В четверг, третьего числа месяца второй Джумады, я назначил в юго-восточной части сада место для бани и его разровнял; затем я распорядился заложить на этом ровном месте фундамент бани и начертили план постройки. В одном из помещений бани я велел устроить хауз, площадью десять на десять (кари)»⁴¹¹.

Имеющиеся скудные литературные данные относятся, естественно, к строительным начинаниям царствующих особ. Но такого рода строительство, конечно, касалось уникальных сооружений. Большая же часть сооружений, даже в городах возводилась без предварительного составления чертежей. Это тем более было широко распространенным явлением, что установившиеся типы сооружений позволяли заказчику, обращаясь к зодчему, ограничиться общими указаниями о размерах сооружения.

При возведении уникальных сооружений не ограничивались, конечно, выполнением общих планов. Делались также рисунки декоративного оформления, специальными каллиграфами выполнялись эскизы монументальных надписей и др. Вот, например, сведения о тебризском каллиграфе-монументалисте Мухамед Хусейне: «...Во время правления шаха Исмаила II ему было поручено заведование по устройству надписей на зданиях благоустроенного дворца и дворцовых служб покойной Пери-ханум»⁴¹².

Таково было положение далеко не во всех видах строительства. Какие же вообще виды строительства, с точки зрения его общественной принадлежности можно выделить?

По нашему мнению, в основном, было пять видов строительства. Во-первых, строительство, предпринимаемое царствующим домом и крупнейшими феодалами. Вторым, наиболее близким к первому по формам организации строительства, было строительство крупных вакфов.

Иной характер носило довольно широко

проводившееся в это время военно-крепостное строительство. Оно отличалось, с одной стороны, сжатыми сроками выполнения, а с другой — применением принудительного труда местного населения и участием войск в строительстве⁴¹³. Таким образом велось сооружение крепостей в Шемахе, Тебризе, Гяндже и Нахичевани⁴¹⁴.

По своему объему наибольшее место, конечно, занимало строительство, предпринимаемое средними слоями городского населения. Это строительство осуществлялось профессиональными мастерами средней квалификации; и едва ли в этом случае имели место предварительное проектирование. Это подтверждается архивным материалом, правда, относящимся к началу XIX в., в котором часть городского строительства Шемахи, возведенная местными мастерами, отнесена к категории возведенных без проектов⁴¹⁵. Работы производились мастерами и несколькими его подручными.

Отдельного рассмотрения, наконец, заслуживает комплекс архитектурно-строительных вопросов, связанных со строительной деятельностью, имевшей место в сельских местностях — народным домостроением. Здесь, естественно, отпечаток своеобразия носит не только процесс организации и производства работ, но прежде всего сами конструктивные и композиционные приемы. Однако фактическим материалом по данному разделу мы располагаем лишь с конца XVIII в.; дошедшие до нас дома датируются, в основном, XIX в.

Строительные и композиционные приемы в народном жилище

Выработавшиеся в домостроении архитектурно-конструктивные приемы и элементы, в дальнейшем творчески применяемые профессиональными народными зодчими в строительстве различных типов памятников, сыграли положительную роль в развитии азербайджанского зодчества в целом.

В отличие от весьма ограниченной номенклатуры материалов монументального строительства, в строительстве народных жилых домов применялись все виды местных строительных материалов, имеющихся на территории Азербайджана.

Конструктивные схемы жилища Азербайджана в рассматриваемые века решались в

теснейшей взаимосвязи с их архитектурно-планировочной структурой и рождались в процессе продолжительного развития.

Фундаменты жилищ в зависимости от этажности и капитальности здания, наличия подвального этажа, а также в зависимости от качества грунта устраиваются с различными глубинами заложения. В двух-, трехэтажных домах фундаменты в большинстве случаев устраиваются из булыжного, бутового камня на глиняном, гажевом или известковом растворах от 5 до 10 см больше ширины стены. В зависимости от характера подвального, полуподвального и цокольного этажей фундаменты имеют различную высоту.

Применение различных материалов в отдельных областях обусловило разнообразие конструктивных приемов в кладке стен, придающих фасадам зданий соответственно разные тектонические свойства. В зависимости от применяемого строительного материала толщина стен колеблется в пределах 0,5—1,0 м, в отдельных случаях еще больше. Основными стеновыми материалами в строительстве жилых домов являлись различные виды естественных камней (в основном, бутовый, булыжный и камень-известняк), красный и сыровый кирпич. Бутовые и булыжные камни в кладке стен обычно применялись в своем естественном виде и широко распространение имели в Зангезурском, Белоканском, Нухинском и Кахском районах. Применение известкового камня встречается как в естественном, так и в обработанном виде. В строительстве жилых домов известковый камень широко применялся в Ширванской и Карабахской областях и в Зангезурском районе.

В зависимости от способа применения обработанных облицовочных камней в кладке стены из известкового камня встречаются одно- и двухлицевые. Однолицевые стены только с фасадной и двухлицевые с обеих сторон облицовываются тщательно тесаными камнями. Прочность кладки определяется качеством взаимной увязки наружных и внутренних рядов.

Несмотря на применение в ряде домов двухсторонне облицованных стен из известкового камня, эта система кладки не является характерной в строительстве жилых домов. В качестве примера жилых домов со стенами, облицованными с внутренней и наружной стороны тесаными камнями, можно указать на дворец Панах-хана в Агдаме, замок Хамза-Султана в сел. Хусулу Лачинского района и др. Вследствие тщательности кладки и чистой

тески облицовочных камней необходимость штукатурки поверхности стены в этих домах отпадает.

В строительстве жилых домов, в основном, встречается односторонняя кладка, т. е. облицовка стен чистотесаными известковыми камнями только с фасадной стороны. Внутренние поверхности таких стен обычно покрываются штукатуркой. Кладка стен с одно- и двухсторонней облицовкой обычно состоит из тычковых и ложковых камней. Такая классификация камней была вызвана для достижения взаимной связи между внутренними и наружными рядами кладки.

Наиболее распространенным и примитивным и в то же время древним типом кладки в строительстве жилых домов является применение камней в своем естественном виде, где для каждого камня подыскиваются подходящий размер и место. При такой системе кладки каждый камень сохраняет свою индивидуальность, поверхность фасада, состоящая из камней различной формы и размеров, отличается как бы своеобразной мозаичностью и привлекает живой живописностью. На примере многих жилых домов Шемахинского и Шунинского районов, Аншерона и других областей видно, что при указанной системе кладки и в случае расшивки швов поверхность фасадов приобретает совершенно шую тектоническую особенность.

Значительное распространение имела также комбинированная система кладки стен, состоящая, в основном, из комбинации бутового и булыжного камня с красным кирпичом. Этот тип кладки возник в связи с отсутствием необходимой связи между наружными и внутренними рядами бутовой и булыжной кладки.

Неправильная форма и различные размеры булыжного и бутового камня не позволяют соблюдать необходимые правила перевязки камней в кладке. Горизонтальные ряды красного кирпича между тремя—четырьмя рядами булыжного и бутового камня играют роль обвязки. Этот чисто конструктивный прием одновременно имеет большое архитектурное значение.

Другим интересным типом бутовой кладки является применение бутового камня в комбинации с предварительно обработанным известковым камнем. Здесь, паряду с чередованием горизонтальных рядов известковых камней правильной формы с рядами бутового камня, четко оконтуриваются оконные и дверные проемы обработанными известковыми камнями. В районах, где известковый камень, является ме-

⁴¹¹ Бабура-наме. Ук. соч., стр. 406.

⁴¹² Казим Ахмед. Трактат о каллиграфиях и художниках. М.—Л., 1947, стр. 168.

⁴¹³ Искендер Мушин. Ук. соч.

⁴¹⁴ Мухамед ибн Мухамед. Нохбаттаварих Дари-Садат, 1276 г. х., стр. 153, 163 и 164.

⁴¹⁵ И. А. Груз. ССР, ф. 1105, л. 81, а, 18.

стигим материалом, при такой системе кладки бутовой камень обычно заменяется обработанными известняками.

С точки зрения тектонической структуры стены в архитектуре жилых домов Азербайджана не встречается подчеркивание низа и завершения фасадов в виде коколя и карниза и устройства между ними тиг. На примере жилых домов Х. Раджабова и Абакар оглы в селениях Талы-1 и Талы-2 Закавказского района наблюдается тенденция подчеркивания завершения фасадов тектоническими средствами, что достигается применением в верхних горизонтальных рядах кладки стен различных фигурных кирпичей и использованием обычных кирпичей в кладке в елку, зубцами, треугольниками и др.

Применение кирпичной кладки (красного и сырцового кирпича) в строительстве жилых домов, как было отмечено выше, относится к далекому прошлому. В смысле географического распространения, качества и формы применяемого в кладке красного кирпича картина, в основном, сходна со строительством монументальных памятников. Кирпич в строительстве жилых домов ранних периодов, примерно до второй половины XIX в., применялся в квадратной форме, размером $20 \times 20 \times 6$ см. Жилые дома со стенами из квадратного кирпича до нас дошли в очень незначительном количестве. Они, в основном, встречаются в Кировабадском, Нахичеванском, Кубинском и Ленкоранском районах. С XIX в. применение квадратного кирпича в строительстве постепенно прекращается и он заменяется прямоугольным кирпичом.

Наиболее распространенным стеновым материалом в строительстве азербайджанских жилых домов является сырцовый кирпич. Сырцовый кирпич изготавливался размером $29 \times 29 \times 9$ см из смеси глины с саманом в специальных формах. Возможность применения архитектурных элементов в кладке сырцового кирпича очень ограничена. Поэтому поверхность таких стен в большинстве случаев оштукатуривается глино-саманым раствором с последующей промазкой жидким глиняным раствором желто-зеленого цвета. При этом желто-серый цвет поверхности стены в сочетании с темно-красным цветом черепичной кровли в тени, падающей от свеса крыши, придает жилым домам приятный облик.

В строительстве жилых домов Азербайджана перемычки оконных и дверных проемов встречаются в архитектурных и арочных конструкциях. Архитравные перемычки в большин-

стве случаев независимо от материала кладки устраиваются из дерева и редко, при небольших пролетах, когда в качестве стенового материала применяется известняк, встречаются перемычки из целого камня. При кладке из булыжного и бутového камня арочные перемычки, как правило, устраиваются из красного кирпича или тесаного известняка, в результате чего арки на общем фоне поверхности стены четко выделяются.

В качестве антисейсмических мероприятий, наряду с увеличением толщины стен, широко применялась закладка через каждые 4—5 рядов кладки деревянных антисейсмических поясов.

В качестве вяжущего применялись известковые, гажевые и глиняные растворы. В стенах, выложенных из красного кирпича и тесаных камней, применялись известковые и гажевые растворы. Раствором из булыжных, бутových стен и кладка из необработанных известковых камней наряду с вышеуказанными служил также глиняный. Стены из сырцового кирпича кались только на глиняном растворе.

Перекрытия жилых домов решались в виде купольной сводчатой и балочной конструкций. Материалами перекрытий служили красный кирпич, тесаный известняк и дерево местных пород.

Выбор того или иного конструктивного приема перекрытий в рассматриваемый период, наряду с наличием местных строительных материалов, обуславливается также местными домостроительными традициями. Купольные перекрытия, в основном, встречаются в трех разновидностях.

Первая разновидность отличается тем, что в этом случае купол перекрывает квадратное или восьмиугольное в плане помещение. Жилые дома с подобным перекрытием, дошедшие до нас в очень ограниченном количестве, встречаются в Кировабадском, Ордубадском и редко в Кубинском районах. Кировабадские дома состоят из одного помещения, представляющего в плане квадратную или близкую к квадрату комнату. Куполы этих домов имеют квадратное в плане основание и осуществляются на нервюрах, несущих нагрузку. Нервюры, перекинутые попарно между каждыми двумя противостоящими стенами, делают стороны квадратного основания почти на три равные части. Поля между параллельными нервюрами заполняются распалубками в виде сводов двойной кривизны. Угловые же поля заполняются двумя смежными сферическими парусами, об-

разованными пересечением двух сводов, подобно средним, с двойной кривизной.

Во всех жилых домах с указанным типом перекрытий квадратное пространство на верхней части купола, образованное пересечением параллельных нервюров, перекрывается маленьким куполом. Это очевидно было связано с трудностью заполнения его оболочкой или традицией — устройством на вершине куполов отверстий. Своды между нервюрами имеют ширину в 120—130 см и стрелу подъема в 15—20 см. Нервюры возведены в один кирпич на ребро, распалубки из кирпича — плашмя на гажевом растворе¹⁷⁶.

Указанная конструкция купола позволяла перекрыть помещение значительных размеров. Размеры помещений вышеупомянутых жилых домов достигают 5×5 м. При больших размерах намечается увеличение числа нервюров, в основном, в диагональном направлении, опирающихся верхними концами на точку пересечения поперечных нервюров. Этим не только достигается пространственная жесткость конструкции, она позволяет также осуществить распалубку из тонких заливок.

Купольные перекрытия в ордубадских и кубинских жилых домах встречаются в помещениях входных вестибюлей, имеющих в плане квадратную, а большей частью правильную восьмиугольную форму. Куполы обычно стрелчатого или сферического очертания. Материалами кладки купола в обоих районах служил красный кирпич на известковом и гажевом растворах.

Второй разновидностью перекрытий являются своды двойной кривизны, возводимые над вытянутыми прямоугольными помещениями. Образцы этого типа перекрытия датируются тем же периодом, что и куполы с квадратным основанием. В Кировабде пока обнаружен единственный дом, состоящий из одного помещения, размером, примерно, $8 \times 3,5$ м с подобной конструкцией перекрытия. Конструкциями купола являются опорные арки-нервюры, перекинутые между продольными стенами. Крайние секции, примыкающие к торцовым стенам, перекрываются нервюрами, идущими в обратном направлении. Затем пространство между нервюрами заполняется в свою очередь сводками, в результате чего возникает свод двойной кривизны.

В это же время продолжают еще бытовать

ступенчатые деревянные куполы, составляющие перекрытия домов «карадам». Основные принципы устройства перекрытий наиболее совершенных типов карадамов заключаются в следующем. Внутри большого квадратного помещения намечают concentрические квадраты со сторонами, равными диаметру основания устанавливаемого купола. В углах этого квадрата устанавливают четыре деревянных столба, которые принимают на себя основную часть тяжести перекрытия. На столбах устанавливаются четыре балки, образующие квадратную раму. Над этой рамой устанавливают следующую, несколько меньших размеров, и это продолжается до тех пор, пока размеры последней рамы равняются отверстию, которое нужно было оставить в верхней части купола для освещения помещения и выхода дыма из него. Таким образом, получалось перекрытие куполообразной формы в виде правильной усеченной пирамиды. Части большого квадратного помещения, окружающие пространство под куполом, перекрываются деревянными балками, которые одними концами опираются на сторону нижней рамы, а другими — на противостоящие стены карадама.

Первый квадрат ступенчатого купола назывался «хэрэм» (от слова «хэрэм» — круговая), а второй квадрат носил название «анакеран», третий — «орта-керан», а четвертый — «торлах-басан»¹⁷⁷.

Описанные типы куполов карадамов в рассматриваемый период, постепенно утрачивая свою белую конструктивную структуру, в XIX в. встречаются нередко в виде почти плоских перекрытий с отверстием в центре, поддерживаемым в средней части четырьмя столбами. Процесс перехода от пирамидального купола к плоскому заключается в постепенном уменьшении ярусов квадратных рам в конструкции усеченного пирамидального купола. Конструкциями перекрытий последнего образца в этом процессе состоят из двух рам — первой, установленной непосредственно над столбами, второй, значительно меньших размеров, специально предназначенной для устройства центрального отверстия. В дальнейшем с появлением оконных проемов на стенах необходимость в устройстве отверстия отпадает, и перекрытия осуществляются в плоском виде на балках, опирающихся концами в параллельные стороны рамы над столбами.

¹⁷⁶ Н. А. Дженазирова и др. Жилые дома Кировабда XVIII—XIX вв. «Палитра архитектуры Азербайджана», вып. II, Баку, 1950, стр. 66.

¹⁷⁷ А. Александров. У айрумов. «Изв. общества обследования и изучения Азербайджана», 1928, № 5, стр. 231.

Конструкции куполов карадамов во всех случаях выполнялись из дерева местных пород.

Перекрытия с центрально-купольной системой приобретают совершенно иной архитектурно-пространственный облик и конструктивную структуру при возведении из камня и кирпича. Жилые дома с каменной центрально-купольной системой перекрытий, имевшие широкое распространение в XVI—XIX вв. в соседних восточных странах под названием Ка'а⁴⁸, на территории Азербайджана до нас дошли в очень ограниченном количестве. Эта система была вызвана к жизни во избежание устройства куполов с большим диаметром над большими квадратными помещениями. Основной принцип этой системы перекрытия заключается в разделении пространства помещения четырьмя столбами на девять частей и перекрытия каждой части отдельными куполами и сводами, образующими все вместе жесткую пространственную систему, как это мы видели выше, при разборке конструктивной схемы мечетей и бань.

Применение этого типа конструкций в строительстве жилища в Азербайджане видно на примере «Ханской дачи» в Нардаране. Ориентировочную датировку «Ханской дачи» — XIII—XIV вв., выданную в 40-х годах⁴⁹, сейчас, пожалуй, следовало бы уточнить, относя ее сооружение к более позднему времени, во всяком случае не ранее XVI в.

В домостроении встречаются также каменные своды, в основном, на Апшероне, из клинчатых камней. Своды своими пятками опираются на стены, с отступом от поверхности стены примерно до 20 см. Этот отступ при производстве кладки сводов служит опорой кружалов, а при эксплуатации жилого дома используются в качестве ямз — полка. Распор сводов во всех случаях передается на стены, которые в связи с этим иногда имеют значительную ширину.

Балочные перекрытия почти одинаковой конструкции применены и в междуэтажных и чердачных перекрытиях. Местные породы дерева позволяют заготовку балок с ограниченными размерами. Это обстоятельство до некоторой степени обусловило стандартизацию размеров помещений — в основном ширину

комнаты. Об этом свидетельствует большинство сохранившихся до наших дней жилых домов, ширина которых колеблется между 3—4 м.

Наряду с этим встречаются жилые дома, в основном в Закатало-Белокаганском районе, имеющие крупноразмерный лес с большими, почти квадратными помещениями, которые перекрываются двумя типами балок — основными несущими прогонами и второстепенными балками. Почти всегда в геометрическом центре помещения под прогонами устанавливаются деревянные столбы, которые иногда декоративно обрабатываются.

В ранние периоды рассматриваемых веков полы помещений жилых домов независимо от этажности в большинстве случаев были глинобитными. Глинобитный пол в первом этаже устраивается по утрамбованному естественному основанию. На втором этаже основанием служит слой земли, смешанный с травяной и глиняным раствором, толщиной 20—25 см, устроенный поверх черного наката, уложенного по балкам.

Конструкции чердачного перекрытия и плоской крыши имеют аналогичное решение. Однако в плоских крышах сверх земляного слоя настилают дополнительный слой из глино-саманного раствора толщиной 6—8 см. В зависимости от количества осадков толщина глино-саманного слоя и уклон его поверхности устраивается по-разному. После схватывания на открытом воздухе в течение нескольких дней, поверхность этого слоя смазывается толстым слоем специального глино-саманного раствора, изготовленного из жирной глины. Для защиты стен, особенно сырцовых, от атмосферных осадков крыши имеют большой свес, обычно устроенный со стороны продольных фасадов выступающими концами балок, а с боковых — специальными консолями. Часто выступающие концы балок и консолей снизу обрабатываются резьбой.

Глинобитные кровли очень непрочные и недолговечные и требуют постоянного ремонта. Высыхая, они дают трещины, а во время дождя смываются водой. В районах Азербайджана с сильными осадками для предохранения глинобитной кровли от разрушения дождем, крыши часто покрывались килимами и паласами. В связи с этим к XIX в., особенно после присоединения Азербайджана к России, начинается применение скатной крыши, а на Апшероне глинобитная кровля заменяется кирпичной. Скатные крыши устраивались одно-, двух- и четырехскатными с соломенной, чере-

пичной местного производства и железной кровлей. В связи с использованием чердака и ряде районов Нухинском и Закатальском) для хозяйственных нужд, в основном для разведения шелковичных червей, опоры стропильных ног крыши поднимаются над уровнем пола чердака примерно на 1—1,5 м либо путем поднятия наружных стен, либо устройством деревянных стоек, уложенных на наружные продольные стены. В последнем случае стенки между полом чердака и крышей делаются из хвороста, камыша или из досок. Высота чердачного помещения от пола до конька доходит до 4 м и больше, уклон крыши обычно больше 45°.

Лестницы в жилых домах устроены обычно из дерева или камня, открытого и закрытого типа. Как открытые, так и закрытые лестницы обычно бывают одномаршевыми.

В сельских местностях сообщение между этажами в большинстве случаев осуществляется наружной деревянной лестницей. Лестница на второй этаж ведет через люк, устроенный в полу верхнего этажа, закрывающийся на почку крышкой. Лестница имеет вид крутой стремлянки, упирающейся на втором этаже прямо в стену без всякой площадки.

Каменные лестницы в строительстве жилых домов Азербайджана встречаются в виде монолитной пристройки стены на сплошном каменном основании, входящим в объем здания в специальных лестничных клетках. Лестничные клетки, шириной примерно около 1,0 м, в большинстве случаев или с одной, или с двух

сторон непосредственно примыкают к боковым фасадам домов. Этот тип лестницы обеспечивает удобную связь между жилыми помещениями, чердаком и двором дома. Одновременно зйваны жилых домов, ограниченные фасадом с одной, или с двух боковых сторон массивными наружными стенами лестничных клеток, приобретают характер портиков, придавая композиции дома архитектурную законченность.

На примере жилого дома Шехихановых и Шихалиева Ширина в Нухинском районе и ряде других представлен интересный тип закрытой каменной лестницы, представляющий собой конструкцию, подобно винтовой лестнице, расположенной в глубине специальных помещений-вестибюлей. Характерной особенностью всех каменных закрытых лестниц азербайджанских жилых домов является большой размер проступей. Это обуславливается ограниченностью размеров лестничных клеток.

Подытоживая рассмотрение строительных приемов азербайджанских жилых домов, следует отметить, что на примере многих домов при выборе отдельных конструктивных элементов наблюдается стремление к сохранению цельности общей архитектурно-планировочной и конструктивной структуры здания. Вернее, сама планировочная и конструктивная схема жилых домов, эволюционируя в своем развитии, привела к созданию лаконичных, но предельно выразительных архитектурных решений.

⁴⁸ Oscar Reuther. Die Qa'a. Jahrbuch des asiatischen Kunst, том 2, 1925.

⁴⁹ И. Л. Вартанесов, Т. Я. Шаринский и Я. Шаринская дача в сел. Нардаран. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М.—Баку, 1947, стр. 87—91.

АРХИТЕКТУРНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ. МАСТЕРА ЭПОХИ

Центры архитектурных и художественных школ

В условиях феодального строя наличие в стране архитектурных школ свидетельствует о достигнутом общем высоком уровне развития в этой области. Ибо сложение школ немислимо без предшествующего накопления опыта и установившихся традиций. Архитектурные и художественные школы невозможно также представить себе без мастеров своего дела, носителей накопленных традиций. Азербайджанское зодчество, прошедшее многовековой путь развития, имело еще к исходу IX в. богатые традиции, приведшие с укреплением в стране независимых феодальных государственных образований к обособлению местных особенностей искусства и сложению школ, по праву занимающих большое место в истории архитектуры стран Ближнего Востока. Центрами ранних архитектурных школ становятся Гянджа и Барда, объединявшие, по всей вероятности, традиции арранской школы, Марага и Нахичевань дали жизнь школе, получившей обозначение нахичеванской, а Шемаха стала центром традиций в области каменной архитектуры. Процесс формирования школ падает приблизительно на X—XII вв. В XII в. можно уже говорить о зрелости этих школ. Возникнув и достигнув высшего развития, архитектурные школы Азербайджана существовали, претерпевая изменения, в течение веков.

Развитие архитектурных школ в Азербайджане XVI—XVIII вв. неразрывно связано с развитием художественных школ этого периода в целом, а также с развитием архитектурно-художественных школ, предшествовавших XII—XV вв.

До настоящего времени вопрос развития архитектурных школ XVI—XVII вв. не был предметом изучения. Достаточно хорошо изучены такие школы только в отношении XII—XV вв. Еще в 1936 г. Е. А. Пахомов⁴²⁰ выдвинул гипотезу о развитии в средние века в Азербайджане нахичеванской архитектурной школы. Позднее П. П. Фридолин⁴²¹ поставил вопрос о существовании в тот же период так называемой ашшероно-ширванской архитектурной школы. В дальнейшем было констатировано развитие архитектурной школы в Тебризе⁴²².

Памятники Баку и жемчужина ширвано-ашшероноской архитектурной школы — Дворец ширваншахов — были всесторонне исследованы С. А. Дадашевым и М. А. Усейновым⁴²³, которые раскрыли своеобразие архитектурного почерка мастеров этой школы.

Вопросы развития архитектурных школ XII—XV вв. подготовлены Л. С. Бретаницим⁴²⁴. Большое значение для изучения архитектурных школ Азербайджана имела расшифровка надписей памятников. Эта работа, выполнявшаяся в основном А. А. Алескерзаде,

⁴²⁰ Е. А. Пахомов, Башни-мавзолей в Барде и их надписи. «Труды Азерб. ФАН СССР», т. XXV, серия истор., 1936, стр. 89.

⁴²¹ П. П. Фридолин, К вопросу об изучении памятников Азербайджана эпохи Низами. Сб. «Низами», вып. II, Баку, 1940, стр. 120.

⁴²² А. В. Саламзаде, Мавзолей Азербайджана XII—XV вв. Дисс. Баку, 1948. Научный архив Ин-та архитектуры и искусства АН Азерб. ССР.

⁴²³ С. Дадашев, М. Усейнов, Архитектурные памятники Баку, М., 1946; Ассамблея дворца ширваншахов в Баку (увраж.), М., 1956.

⁴²⁴ Л. С. Бретаницкий, Архитектурные школы средневекового Азербайджана (XII—XV вв.), «Искусство Азербайджана», т. II, Баку, 1949.

зафиксирована в ряде его публикаций⁴²⁵ и в статьях других авторов, которым он сообщал данные о датах и мастерах сооружений.

В настоящее время накоплен достаточный материал, позволяющий прийти к заключению о существовании в прошлом арранской архитектурной школы, объединявшей традиции мастеров Гянджи, Барды и Бейлакана. Расцвет этой школы может быть отнесен к X—XIII вв.

Как правило, центрами художественной деятельности, иногда весьма разносторонней, являлись крупные города. Нередко какой-либо город занимал в той или иной области искусства ведущее положение, что не исключало, а способствовало развитию и других видов искусств. Это явление особенно характерно для XVI—XVIII вв., когда в одном и том же городе процветали различные виды искусств, причем часто один и тот же мастер владел различными приемами художественного творчества.

Титан этой эпохи Физули был не только величайшим поэтом, но и мыслителем, создававшим свои произведения на трех языках — азербайджанском, арабском и фарсидском. В его произведениях можно проследить большое знакомство с искусством своего времени — музыкой, живописью и архитектурой. Для выражения своеобразие своей личности Физули обращается к сравнению из области живописи:

Мәнә манәнд бир диванә сурәт багламаз
дунја,
Гәләм сымдырды тәсвирим чәкәндәи сонра
нәггашым⁴²⁶.

Крупнейший поэт XVIII в. Вагиф, по сведениям источников, был сведущ в области архитектуры, руководил строительством многих зданий в Шуше. Он также часто обращается к сравнениям из области искусства и архитектуры:

Бојуи сурәһдыр, бәдәһни билдур,
Кәрдәһни чәклиб минадәи, пәри⁴²⁷.

⁴²⁵ А. А. Алескерзаде, Надписи архитектурных памятников Азербайджана эпохи Низами. Сб. «Архитектура Азербайджана Эпоха Низами», М.—Баку, 1947; его же, Надписи мавзолеев Шехла и Шакирага (на азерб. яз.), «ДАН Азерб. ССР», т. V, № 5, 1949; его же, Надписи мавзолей Халифа Али и Мухаммеда Мозлини, «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН Азерб. ССР», т. I, стр. 33—34.

⁴²⁶ Мир не создает более такой безумный образ, перисовал меня, сломал свой калем (кисть) художник мой.

⁴²⁷ Вагиф, Произведения (на азерб. яз.), Баку, 1945, стр. 49. (Шей твой, как графин, тело хрусталь, Шейс покрыта эмалью, о фея!).

В этот период нередко поэт-музыкант, поэт-художник, художник-зодчий и т. д. Характерным в этом отношении является личность поэта-художника, теоретика искусства Сади-бека Афшара. Он жил в XVI—начале XVII в. и известен не только как крупный поэт, подписывавший свои стихи псевдонимом Садыги, не только как историк литературы и теоретик искусства, но и как крупнейший художник-миниатюрист своего времени⁴²⁸.

Развитие в Тебризе XIV в. и почти на всем протяжении XV в. различных искусств объясняется также тем обстоятельством, что именно в этот период Тебриз последовательно становится столицей крупных государственных образований: Джеланров, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. Именно в XV в. была построена знаменитая Голубая мечеть в Тебризе зодчим Ниматулла сыном Мухаммед ал-Бавваба. Вообще XV в. был периодом наибольшей активности зодчих из Тебриза, работавших в Мешхеде, Брусе, Герате, Самарканде и т. д. В XV в. тебризские мастера были привлечены для выполнения глазурановой облицовки знаменитый Ешиль Джаме в Брусе⁴²⁹.

Тебриз в XV в. был крупным центром художественной многоцветной керамики, развитии которой в XIV—XV вв., особенно в отношении полихромии и орнаментальных украшений во многом было обязано миниатюры с ее характерной многоцветной декоративностью⁴³⁰.

Естественно, что архитектурные школы XVI—XVII вв. были связаны с изобразительным и прикладным искусствами. Изучение миниатюры и каллиграфии, как и других видов прикладного искусства, представляет выдающийся интерес для выяснения общей картины архитектуры и связанных с ней областей творчества.

Тебриз в XVI в. оставался наиболее крупным художественным и культурным центром. Наряду с миниатюрой в Тебризе были высоко развиты поэзия, музыкальное искусство и декоративно-прикладные искусства, особенно ковровое. Архитектурная школа Тебриза имела несомненно главенствующее значение в развитии азербайджанского зодчества того времени. Прекрасным подтверждением этого

⁴²⁸ محمد علی تربیت - دانشمندان آذربایجان، تهران 1925.

⁴²⁹ Fr. Taeschner, Beiträge zur frühosmanischen Epigraphik und Archäologie, Bd. 20, Berlin, 1932.

⁴³⁰ Л. С. Бретаницкий и А. В. Саламзаде, Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. «Изн. АН Азерб. ССР», 1954, № 10.

является работа в Баку мастера Амиршаха изод Тебриза, который строил Восточные ворота ансамбля дворца ширваншахов в Баку⁴³¹.

Немаловажным центром развития архитектуры в XVI—XVII в. был и Ардебиль. Роль его в этот период возвысилась благодаря тому, что здесь, в династической святыне сефевидов, началось строительство большого культового ансамбля. Надписи этого комплекса называют имя мастера из Ардебилля. Свое значение крупного центра паломничества и возможно строительства Ардебиль сохранил до конца падения династии сефевидов. Но сейчас трудно установить, сложилась ли в Ардебиле новая архитектурная школа или же строительство там осуществлялось в основном силами зодчих из других городов. Исходя из некоторых стилистических признаков культового комплекса в Ардебиле, можно говорить об участии в его создании мастеров из Ширвана и Тебриза. На возросшее значение Ардебилля, как очага искусства, указывают и данные о развитии в нем ковроткачества.

Свое значение крупного архитектурного центра сохраняет город Шемаха. От его сооружений до нас ничего не дошло, но известное представление о творчестве шемахинских зодчих дают сведения об их деятельности за пределами родного города. До нас дошло имя мастера Шамсаддина, построившего мавзолей шейха Мезида в Ахсу и один из мавзолеев в некрополе близ сел. Хазра Куткашенского района. Значительными произведениями мастеров из Шемахи следует признать группу мавзолеев в сел. Калахана, неподалеку от Шемахи. Хотя на этих мавзолеев и нет надписей с указанием на происхождение мастеров из Шемахи, но близкое расположение этого селения к Шемахе и характер архитектуры не оставляют сомнений в принадлежности строителей этих мавзолеев к шемахинской школе.

Как известно, развитие архитектуры в Шемахе, Баку и на Апшероне объединялось понятием так называемой ширвано-апшеронской архитектурной школы. Однако, нам кажется, что в отношении этой территории в XVI—XVIII вв. уже нельзя говорить о наличии одной архитектурной школы. В этот период уже не существовало Ширванского государства, наличие которого являлось в прошлом предпосылкой единообразного развития зодчества на территории, объединявшейся этим государством. После распада его произошло выделе-

ние локальных школ на территории, непосредственно примыкавшей к Шемахе, как и на Апшероне. На это указывают сохранившиеся до наших дней памятники Апшерона. На возросшее значение апшеронской архитектуры, вернее на ее самостоятельность, указывают упоминания мастеров из отдельных селений Апшерона. При наличии единого центра трудно было бы объяснить указания в надписях «нисб» местных мастеров. Надписи с именами мастеров сохранились в Нардаране, Маштагах, Бузовнях, Балаханах и других населенных пунктах Апшерона; правда, не во всех случаях указаны места происхождения этих мастеров, но сам характер зданий, особенно XVII в., указывает исключительно на местные традиции, выражающиеся в характерных для Апшерона приемах строительства и типах сооружений. Все это дает основание говорить о возросшем значении апшеронской школы и о ее выделении из общей ширвано-апшеронской школы. Мастеров из Шемахи в этот период по всей вероятности более не приглашали для работ в Апшероне. С другой стороны, несмотря на свое обособление от Шемахи и на большую самостоятельность, бакинская или апшеронская школа этого периода не приобрела значения в масштабе всей страны. Несмотря на все своеобразие, на высокое мастерство, бакинская школа этого периода осталась местной школой. В конечном счете, это обуславливалось положением Баку в описываемый период — положением второстепенного города.

Примерно такой же процесс намечается в шемахинской зоне, на что указывает упоминание в надписях мастеров из ряда сел Шемахи. Отметим мастеров из селения Кушчи.

В XVI—XVII вв. продолжала существовать и нахичеванская архитектурная школа, являвшаяся в предшествующий период одной из крупнейших архитектурных школ Азербайджана. Однако для характеристики ее у нас недостаточно данных. Путешественники, посетившие Нахичевань в XVII в., сообщают о значительном количестве сооружений в городе. Но нет сведений о строительстве в XVI—XVII вв. зодчими из Нахичевани каких-либо сооружений вне своего родного города. По-видимому, начиная с XV в., Нахичевань свое значение крупного архитектурного центра уступает Тебризу. Все же следует отметить роль нахичеванской архитектурной школы: ее наиболее значительные произведения, созданные в Нахичевани до XV в. и не утратившие своего величия еще в XVII в., не могли не оказывать воздействия на приезжавших в этот

город мастеров из других городов. Э. Дин считает, что определенное влияние на творчество крупнейшего турецкого зодчего XVI в. Сивана оказали сооружения Мараги и Нахичевани. Это он усматривает в архитектуре мавзолей Хосров-паши, возведенного Сиваном в Стамбуле. По его мнению, Сиван мог видеть сооружения Нахичевани и Мараги во время участия в походах яничар в Иран и Азербайджан⁴³² в качестве армейского строителя.

Резюмируя сказанное, можно в качестве главных центров архитектурной деятельности XVI—XVII вв. назвать Тебриз, Баку, Шемаху и ряд крупных селений Апшерона. Каковы особенности развития этих архитектурных центров и связь между ними?

В XVI—XVII вв. весьма устойчива была апшеронская школа, но сфера ее влияния значительно сузилась в сравнении, например, с XV в. Мастера из Баку уже не строили в Дербенте. Зато на территории Ширвана ощущается влияние тебризской школы. Мы выше приводили факт строительства мастером из Тебриза Восточных ворот в Баку. Несомненно, произведениями мастеров с юга страны следует признать мавзолей близ сел. Агбаль Кубинского района (XVI в.), сочетающие в себе строительные приемы и материалы⁴³³, характерные для Ширвана и для южных областей страны. С другой стороны, несомненно также факт влияния ширвано-апшеронской архитектурной школы на строительство юга. Это явственно ощущается в порталных композициях ардебильского комплекса⁴³⁴, весьма близких к типам порталов комплекса Дворца ширваншахов в Баку⁴³⁵.

Все характерные стилевые особенности ширвано-апшеронской архитектуры XII—XV вв. можно подметить и в сооружениях XVI—XVII вв. Таким образом в стилистическом отношении ширвано-апшеронская архитектура, несмотря на отмеченные локальные особенности, проявляет большую устойчивость. В ряде случаев даже затруднительно отличить произведения XV и XVII вв. Мы не случайно сравниваем XV в. с XVII в., минуя XVI в., когда южные школы оказывали определенное влияние на развитие архитектурных школ се-

вера страны. В XVII в. мастера как бы вновь обращаются к традициям XV в. После этого влияние южных архитектурных школ становится менее ощутимым.

Мастера Апшерона XVII в., пользуясь типами сооружений XV в. и традиционными приемами строительства, создают произведения, представляющие самостоятельный интерес, но сохраняющие непосредственную связь с памятниками прошлого. В этом отношении особенно характерны такие здания, как мечеть XVII в. в Нардаране и мечеть в Кишлах того же времени. Сравнивая их с постройками XV в., можно заключить, что устойчивости архитектурных традиций прошлого, с одной стороны, содействовала традиционность строительных материалов, а с другой — целесообразность выработанных в предшествующий период типов сооружений. Необходимые изменения были связаны в первую очередь с масштабами зданий. Так как большинство построенных в этот период зданий предназначалось для небольших населенных пунктов, перед зодчими стояла задача приспособить прежние архитектурные типы к новым условиям. Небольшие объемы этих зданий, определяемые недостаточностью местных материальных ресурсов, приводили к целесообразным решениям. Небольшие масштабы зданий XVII в. диктовали необходимость изменения некоторых форм, и в ряде типов зданий местные мастера находили удачные решения. Отточность форм, большое внимание к каждой детали, иногда единственной во всем сооружении, характеризуют мастеров Апшерона XVII в.

Южные же архитектурные школы страны строили в условиях значительно больших материальных возможностей, поэтому для них в целом характерно решение задачи чисто объемными средствами. Широко применяются аркады или глубокие арочные ниши с лопатками. Все это дает основание для разграничения южных и северных школ Азербайджана при всей их стилистической общности.

По совершенно отличному от предыдущих времен руслу протекало развитие местных архитектурных общностей в XVIII в., точнее во второй половине XVIII и в начале XIX в. Мы сознательно здесь воздерживаемся от применения термина «архитектурная школа», чтобы подчеркнуть своеобразие того процесса, который намечался тогда в архитектуре Азербайджана.

Определяющим фактором для развития архитектуры в этот период, как и для эконо-

⁴³² Ernst Diez. Türk Sanatı, Стамбул, 1946, стр. 163.

⁴³³ А. В. Саламадзе. Мавзолей Азербайджана XVI—XIX вв. «Изв. АН Азерб. ССР», № 3, 1951.

⁴³⁴ См. А. Саламадзе. Архитектурный комплекс в Ардебиле. «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956.

⁴³⁵ С. А. Дадашев и М. А. Усейнов. Ансамбль дворца ширваншахов в Баку, М., 1956.

⁴³¹ См. А. В. Саламадзе. Архитектурный комплекс в Ардебиле и некоторые вопросы средневекового зодчества Азербайджана. «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956, стр. 166.

мики и культуры страны в целом, как известно, явился процесс феодального раздробления, который был во многом процессом противоречивым. С одной стороны, это было попыткой освободиться от загнывающего Иранского государства, где уже давно азербайджанцы были угнетаемым народом. С другой стороны, в стране отсутствовало внутреннее единство, что привело к распаду Азербайджана на мелкие ханства. Именно в силу противоречий, заложенных в этом процессе, мы наблюдаем казалось бы трудно примиримые явления. В целом происходит упадок хозяйственной деятельности и торговли, разрушение материальных ценностей в результате непрерывных междоусобиц. И в то же время оживляется по сравнению с первой половиной XVIII в. строительство, ремесленное производство, закладываются новые города. Можно утверждать, что в связи с освобождением от турецкой оккупации и в последующем зависимости от Иранского государства большие материальные средства, взимающиеся от населения в виде налогов в пользу иранской казны, поступают теперь в казну местных феодальных владетелей. Ханы, считавшиеся формально подвластными Иранскому шаху, определенно обогащаются. Ханы «крайне деньгами богаты», — писал Г. А. Потемкину астраханский губернатор Якоби⁴³⁶. Замечательно, что в торговле России с Ираном и Азербайджаном, Баку выдвигается в это время на первое место, оттесняя Энзели⁴³⁷, не говоря о том, что сухопутная торговля с Ираном почти прекращается и ведется с азербайджанскими ханствами в основном через Кизляр.

Ханы основную часть средств направляли на строительство своих резиденций. Так было в Шуше, Нухе, Гяндже, Кубе, отчасти в Баку и других ханствах. При этом строительство, как правило, велось силами местных строителей, так как приглашение зодчих и мастеров из центров, представлявших ранее средоточие высококвалифицированных зодчих и мастеров, было затруднено. Да и эти города, представлявшие ранее центры крупных архитектурных школ, в это время находились в состоянии упадка и не играли прежней роли. Так было, например, с Шемахой — в прошлом крупнейшим архитектурно-строительным центром.

Как мы видели выше, Нахичевань еще

раньше потеряла свое значение крупного архитектурного центра. Это связано с тем, что за предшествующий период турецких нашествий и походов Надир шаха стране был нанесен неисчислимый материальный урон, города лежали в развалинах, а зодчие, поэты и ученые погибли или уехали из страны.

Таким образом, конкретные исторические обстоятельства во второй половине XVIII в. привели к созданию условий для развития центров ханств и ведения в них строительства и к сосредоточению в руках местных владетелей соответствующих средств для обеспечения этого строительства.

Совершенно естественно, что местные зодчие и строители, которые выполняли работы для местных ханов, были из числа ранее приметных народных зодчих, которые в прошлом строили для сельского, а также для среднего и бедного городского населения. Это обстоятельство не могло пройти бесследно для архитектурного облика центров ханств, усиленно застраивавшихся в данный период. При таких условиях неизбежно должно было усиливаться влияние народного зодчества и в основном народного жилища на архитектурное развитие. Этот процесс действительно имел место. И поэтому, говоря о зодчестве второй половины XVIII в. и начала XIX в., необходимо подчеркнуть усиление роли народного зодчества, как о ведущем стилистическом явлении. При такой постановке вопроса становится объяснимым почему, несмотря на упадок монументальной архитектуры, ясно прослеживаемый уже с начала XVIII в., во второй половине XVIII в. мы находим ростки плодотворных реалистических тенденций в строительстве, ведущемся в центрах ханств.

Народные традиции, являясь обновляющим источником развития культуры и искусства этого периода, с одной стороны, усиливали влияние локальных тенденций, определявшихся территорией данного ханства, а с другой стороны, стимулировали появление черт общности для культуры Азербайджана в целом.

Следует отметить, что названный процесс был характерен не только для архитектуры, но и для других отраслей азербайджанской культуры конца XVIII в. Это явление в какой-то степени прослежено в области поэзии и азербайджанского языка⁴³⁸. Усиление влияния устной народной поэзии влечет за собой простоту языка и приход в литературу форм

⁴³⁸ Б. Араслы. XVII—XVIII аср Азәрбајҹан әдәбијәти тарихи. Баки, 1956.

народной поэзии. Этот процесс сопровождался усилением в поэзии реалистических тенденций, идущих от устной народной поэзии⁴³⁹.

В поэзии эта линия развития была настолько плодотворной, что выдвинула выдающегося поэта конца XVIII в. Молла Палах Вагифа, творчество которого как бы составляет пограничную линию перехода от поэзии средневековой — феодальной, к поэзии нового времени.

К плеяде таких поэтов принадлежит и Молла Вели Валиди, в творчестве которого народная линия, пожалуй, выражена наиболее сильно.

В области изобразительных искусств этот процесс обозначался резче, чем в других областях. Здесь миниатюрная живопись отражает упадок общей изобразительной культуры именно в силу того обстоятельства, что миниатюрная живопись не имеет народных традиций. Книжная миниатюра в этот период известна несколькими образцами, которые не могут идти ни в какое сравнение с миниатюрной живописью XVI или даже XVII в. Несколько иначе обстояло дело со стеной живописью, которая стала широко распространяться именно в этот период, что связано с новыми историческими условиями развития азербайджанского зодчества XVIII в. Дорогостоящий и сложный по технике выполнения изразцовый декор заменяется постепенно более дешевой росписью, не требующей организации специального производства⁴⁴⁰. Изразец заменяется росписью не только в интерьерах, но и на экстерьерах, наиболее ярким примером чего может служить решение фасадов дворца шекинских ханов в Нухе.

Развитие стеной росписей Азербайджана интересующего нас периода не может быть рассмотрено вне связи с традициями полихромной архитектуры предшествующего периода. Рассмотрение стеной росписей XVIII—XIX вв. в генетической связи с изразцовой декорацией объясняет происхождение многих мотивов стеной росписей. Связи росписей интерьеров с полихромной архитектурной керамикой можно проследить на примере сооружений ансамбля в Ардебиле. В своей основе реалистические, но до некоторой степени геометризированные растительные мотивы изразцовой облицовки ардебильского комплекса в стеной росписях уже встречается в манере,

⁴³⁹ Б. Араслы. XVII—XVIII аср Азәрбајҹан әдәбијәти тарихи. Баки, 1956, стр. 227.

⁴⁴⁰ А. В. Саллазаде. К изучению стеной росписей Азәрбајҹан XVIII—XIX вв. «ДАН АН Азәрб. ССР», т. X, № 6, 1954, стр. 445.

имеющей тенденции к полной реальности изображения мотивов местной формы, что указывает на связь этого вида искусства с местными традициями.

Исполненные техникой яичной темперы росписи в основном представляют различные композиции из растительных мотивов. В доме Шекихановых встречаются человеческие фигуры, вкомпонованные в композицию плафона. Там же сохранились изображения персонажей из «Хамса» Низами. Стилизованный условный рисунок, плоскостное изображение, яркие, но гармонично сочетаемые локальные краски — основные стилистические особенности стеной росписей. Эти особенности по цветовому и композиционному решению, наряду с влиянием майоликовой облицовки монументальных памятников с миниатюрной живописью, отражают также связи с народными прикладными искусствами — ковроделением, резьбой по камню, вышивкой и др.⁴⁴¹.

Еще ярче выступает доминирующее положение народной линии в искусстве того времени в области декоративно-прикладных искусств⁴⁴².

Таким образом, в общем процессе развития архитектуры и искусства, прогрессирующую линию представляет народное искусство. В области архитектуры — это прежде всего народное жилище, благотворному влиянию которого во второй половине XVIII в. мы обязаны тому обстоятельству, что, несмотря на упадок монументальной архитектуры, был создан ряд произведений, несущих в себе жизнеспособные прогрессивные начала. Влияние народного жилища прослеживается в этот период в дворцовых сооружениях, в некоторых культовых зданиях. Естественно, что в этом случае характер народного жилища данной местности и определяет облик сооружений, создаваемых в центрах ханств. В отношении культовых сооружений мы постарались это проследить при рассмотрении их типологических особенностей.

Резюмируя сказанное о развитии архитектуры и искусства во второй половине XVIII в., мы должны подчеркнуть, что отдельные стороны традиций архитектурно-художественных школ прошлого хотя и могут быть прослежены во многих областях, но уже нет четко обозначенных школ, группировавшихся ранее вокруг

⁴⁴¹ Н. М. Анклавская. Стенные росписи Азәрбајҹан XVIII—XIX вв. в кн. «Архитектура Азәрбајҹан (очерки)», Баку, 1952, стр. 467—510.

⁴⁴² Латиф Керимов. Азәрбајҹан халха инсанатини әһәмәтиәсинә дәнр. «Искусство Азәрбајҹан», т. VI, Баку, 1959, стр. 5—40.

⁴³⁶ Якоби Г. А. Потемкину, 23 апреля 1778 г. ЦГАДА ф. гос. р. XIX, д. 297, ч. 13, л. 58 (об.), 59. Приводится по О. Н. Марковой. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН Азәрб. ССР», № 1, 1953, стр. 110.

⁴³⁷ О. Н. Маркова. Ук. сош., стр. 114—116.

двух—трех крупных городов. Традиции этих школ в сочетании с традициями местного народного зодчества и составляют основу того строительства, которое ведется в центрах ханств. Эти новые стилистические общности, естественно, в основном совпадают с территориями крупнейших ханств того времени. Наиболее четко эти явления выступают в Шекинском и Карабахском ханствах. Такого же пути развития не избежали также Бакинское и Шемахинское ханства, где традиции архитектурных школ прошлого были сильнее, чем в других ханствах. Намечавшиеся в этот период стилистические тенденции продолжали развиваться и далее в XIX в., составляя основу создания городского типа жилища в новых условиях. Вопросы, связанные с этим, рассмотрены в главах об архитектуре жилища и о прогрессивных последствиях присоединения Азербайджана к России для развития архитектуры страны.

Говоря об архитектурных школах исследуемого периода, о месте, занимаемом архитектурой в развитии искусства Азербайджана XVI—XVII вв., нельзя не уделить внимания проблеме изучения тебризской школы миниатюры, которой принадлежало исключительное место в развитии художественной культуры не только Азербайджана, но и ряда сопредельных стран. Тебризская школа миниатюры, переживавшая в XVI в. период расцвета, не ограничилась, как показывает ближайшее изучение данных, рамками только непосредственного исполнения миниатюр. Она в сущности объединяла в себе все стороны декоративно-прикладных искусств, определяла во многом их развитие. Каллиграфическое искусство, миниатюрная живопись, искусство орнаментации, переплетное искусство, необходимые для создания рукописных книг, развиваясь внутри этой школы, определяли все направления развития изобразительных искусств. Кроме того они оказывали влияние также на развитие архитектуры, поскольку эскизы художественных надписей и орнаментальных украшений крупных памятников зачастую подготавливались мастерами, работавшими в живописных мастерских. В этих мастерских, несомненно, имело место четкое разделение по профессиям, но передко выдвигались мастера, известные своей всесторонней деятельностью.

Исключительное положение тебризской школы в развитии художественной культуры своего времени обязывает нас вкратце рассмотреть главные аспекты ее развития. Нами сделана также попытка дать новую оценку не-

которым общим проблемам развития этой школы, обычно неверно освещенным в работах. Связанные с этим соображения в более подробном виде в свое время были опубликованы⁴⁴³.

Тебризская школа миниатюры, сложившаяся еще в начале XIV в., прошла длинный путь развития и в начале XVI в. в условиях централизованного Сефевидского государства являлась крупнейшей школой миниатюры на всем Ближнем Востоке. Развитие тебризской школы шло по пути постепенного преодоления характерного для миниатюр начала XIV в. грубоватого монументального стиля, идущего от стеновых росписей, привычных для уйгурских мастеров, создателей первых миниатюр тебризской школы⁴⁴⁴. К XV в. тебризская школа миниатюры уже окончательно сформировалась как типичное книжное искусство с тонким рисунком и колоритом⁴⁴⁵.

Эта школа непрерывно развивалась на всем протяжении XIV и XV вв. В течение этого периода тебризская школа сыграла выдающую роль в сложении ряда школ стран Ближнего Востока, в частности гератской школы. Касаясь этого вопроса, В. Шульдц называет тебризскую школу «Mutterschule» — школой-матерью⁴⁴⁶. Как известно, имеются сведения о том, что глава гератской школы Бехзад был учеником тебризского мастера Пир Сенд Ахмеда⁴⁴⁷. Мы идентифицируем этого Пир Сенд Ахмеда с уstadом Сенд Ахмедом, по общению Дост Мухаммеда, в числе других мастеров приглашенного из Тебриза в Герат Бай-сунгуром⁴⁴⁸.

Значительна была роль Тебриза в развитии миниатюры в других городах Азербайджана. Характерные черты тебризской школы прослеживаются в миниатюрах, выполненных в Шемахе в рукописи, датированной 1468 г.⁴⁴⁹. Известны работы бакинского мастера Абдулба-

⁴⁴³ А. Саламзаде, К. Керимов, Тебризская школа миниатюры в XVI в. и художник Султан Мухаммед. «Изв. АН Азерб. ССР», серия общ. наук, 1959, № 5, стр. 77—101.

⁴⁴⁴ E. Kühnel, Dogu islam memlekelerinde minyatür, Ankara, 1952, стр. 26.

⁴⁴⁵ А. Саламзаде, К. Керимов, Ук. соч., стр. 82.

⁴⁴⁶ F. W. Schulze, Die persisch-islamische Miniaturmalerei, Leipzig, 1914, стр. 57.

⁴⁴⁷ Станбулу, 126, стр. 61. مصطفی عالی مناب هنروران.

⁴⁴⁸ Лахор, 1936. دوست محمد حالات هنروران.

⁴⁴⁹ Les peintures des manuskrits. Timarides, Paris, 1954. На этот факт впервые указал F. W. Schulze, Указ. соч., стр. 57.

ги Бакуми с чертами стиля тебризской школы раннего периода⁴⁵⁰.

Во второй половине XV в. развитие миниатюры в Тебризе было связано с государством Кара-Коюлю и Ак-Коюлю. Азербайджанская живопись этого периода некоторыми исследователями обозначается как «туркменская». Однако это не меняет сущности дела — факта продолжения традиций тебризской школы миниатюры в период, предшествовавший образованию Сефевидского государства. В XV в. в Тебризе итальянским путешественником засвидетельствовано высокое развитие монументальной живописи. Он восторженно описывает росписи знаменитого дворца «Хашт-бихишт».

«Внутри дворца, на потолке большого круглого зала, изображены золотом, серебром и ультрамаринном все битвы, происшедшие в Персии с давних времен. Там изображены также послы османов, прибывшие в Тебриз, пручающие Ассамбею (Узуи Гасану. — А. С.) верительные грамоты, а также ответные грамоты, написанные персидскими буквами. Там же изображены и сцены охоты, в которых его сопровождают многочисленные вельможи. Все они на лошадях с собаками и кречетами. Там же изображения многочисленных животных, слонов, носорогов и приключений, имевших место во время охоты. Потолок большого зала весь украшен позолотой и ультрамаринном. Фигуры так хорошо изображены, что кажутся живыми. Озаренный этими красивыми изображениями, зал выглядит чудесным. Это дворец, в котором Ассамбей имел обыкновение давать аудиенцию»⁴⁵¹. В этом описании нельзя не узнать ряда черт, идущих от тебризской миниатюры. Таким образом, мы отвергаем, как неправильные, попытки рассматривания школы миниатюры в Тебризе в начале XVI в., как новой, а также мнение ряда исследователей, считающих Бехзада основоположником сефевидской школы живописи. Факт непрерывного существования тебризской школы с XIV по XVI в. вообще исключает постановку вопроса о каком-либо основоположнике школы, существовавшей до этого в течение почти двух столетий. Речь может идти только о роли отдельных крупных мастеров, занимавших в тот или

⁴⁵⁰ R. Ettinghausen, Some paintings in four Istanbul albums. *Arts Orientalis*, 1, 1951.

⁴⁵¹ A. Narrative of Italian Travels in Persia in the XV th and XVI th. centuries, trans by B. Grey, Hakluyt Society, London, 1873 p. 173—175 приводится по I. Tchoukine Les peintures des Manuskrits Timurides, Paris, 1954, p. 10.

иной период главенствующее положение в развитии тебризской миниатюры и XVI в.

Центральной фигурой тебризской миниатюрной живописи в XVI в. являлся Солтан Мухаммед, по имени которого иногда обозначают всю тебризскую школу в период правления шаха Тахмаспа.

Из разрозненных и отрывочных сведений о жизни и деятельности Солтана Мухаммеда известно, что он был всесторонне одаренным мастером своего времени. Он работал не только в области миниатюрной живописи, но и во многих областях народного и декоративно-прикладного искусства. Солтан Мухаммед сконструировал для Мир Али Шира Навои оригинальные часы в виде фигуры женщины с железом в руке, рисовал эскиз большого шелкового ковра с изображением сцены охоты, занимался ювелирным делом и производством полуфарнса.

Еще до времени правления шаха Исмаила, до приезда в Тебриз известного художника К. Бехзада, Солтан Мухаммед работал в шахской библиотеке и занимался художественным воспитанием сына шаха Исмаила — Тахмаспа⁴⁵². Эти краткие сведения Казн Ахмеда имеют большое значение. Они свидетельствуют о том, что еще до приезда Бехзада в Тебриз Солтан Мухаммед был признанным художником, и является еще одним доводом для опровержения необоснованного, но часто повторяющегося в трудах западноевропейских авторов вывода о том, что якобы Бехзад был основателем тебризской школы миниатюры. Солтан Мухаммед был выдающимся художником, не уступавшим по силе своего дарования Бехзаду. Об этом пишет Искендер Муниши⁴⁵³: Солтан Мухаммед и Бехзад «поднялись на высшую ступень в этом благородном искусстве и тонкостью своей кисти получили мировую славу». В утверждении Казн Ахмеда, что Солтан Мухаммед «лучше других изображал повадку (?) кызылбашей»⁴⁵⁴, возможно, следует усмотреть признание того, что Солтан Мухаммед был лучшим выразителем стиля эпохи.

Все работы Солтана Мухаммеда отличаются декоративными качествами и выразительностью, придающими им черты реалистичности. Правдиво и с большим мастерством переданы в этих работах фигуры людей и животных, их красноречивые позы и движения. Большое внимание заслуживает в работах Солтана Мухаммеда также изображение пейзажа,

⁴⁵² Казн Ахмед, Ук. соч., стр. 183.

⁴⁵³ И. Муниши, Ук. соч. Тегеран, 1956, стр. 171.

⁴⁵⁴ Казн Ахмед, Ук. соч., стр. 183.

получившего в произведении тебризской школы в этот период более оживленный и самостоятельный характер, чем в других школах Ближнего Востока. Эти и другие отличительные особенности стиля и изобразительного языка Солтана Мухаммеда, надо отметить, являются характерным как для учеников художника, так и вообще для тебризской школы XVI в.⁴⁵³

Дальнейшее развитие тебризской школы миниатюры прежде всего следует связать с именами Мухаммеда, сына Солтана Мухаммеда и Садиг-бека Афшара. Эти мастера реалистичнее своих предшественников. Для «кредо» Садиги характерно его высказывание: *ره صور بگری چندان سپدم که از صورت بمعنی راه بردم* (Я так посвятил себя портретному делу, что открыл путь от изображения к раскрытию сущности)⁴⁵⁶. Этим Садиги показывает, что он ставил задачу раскрытия характеров в своих портретных работах.

В заключение следует отметить ведущую роль тебризской школы живописи XVI в. в развитии миниатюрного искусства других народов Востока. Только Селим Явуз после Чалдыранской битвы переселил из Табриза в Стамбул следующих художников и орнаменталистов: Абдулгани, Дерини бек Алаудуни Мухаммед, Мансур бек, Шейх Кемал, Али бек, Абдул-Халиг, Абдул-Фаттах, Мир Ага, Шереф, Алигулу⁴⁵⁷. Многочисленные тебризские мастера, увезенные или уехавшие в Турцию, оказали немалое влияние на направление дальнейшего развития турецкой миниатюры⁴⁵⁸. Среди этих мастеров Шахгулу, Велиджан, ученик Шахгулу Аляджан, Мухиб Али Тебризи и Мирза Мухабиб Тебризи⁴⁵⁹.

С. К. Йеткин, А. Сухейл и другие турецкие исследователи признают это обстоятельство — «Наши художники, вдохновлявшиеся до эпохи Фатиха (турецкий султан Мухаммед «завоеватель», — А. С.) сельджуцкой, брусской школами и даже искусством высочайших мастеров Запада, после того как Шахгулу стал во главе этого дела, некоторое время подпали под влияние иранского искусства»⁴⁶⁰ (имеется в виду искусство сефевидского периода. — А. С.).

⁴⁵³ А. Салам-заде и К. Керимов. Ук. соч., стр. 100.

⁴⁵⁶ Садиг-бек Афшар. «Гануи-ас-сувар» непулуне. Рукон, принадлежащая А. А. Алескерзаде.

⁴⁵⁷ Yetkin S. K. *Islam sanatı tarihi*. Ankara, 1954, стр. 310.

⁴⁵⁸ Мустафа Аали. Ук. соч., стр. 67.

⁴⁵⁹ Там же, стр. 68.

⁴⁶⁰ A. Süheyl Ünver. *Ressam Levni. Hayati ve eserleri*. İstanbul, 1949, стр. 3.

Устанавливаются хорошие творческие связи с грузинскими миниатюристами. «В конце XVI в. в Иране работал грузинский миниатюрист Слауш»⁴⁶¹. Этот художник, именуемый в восточных источниках «Сиявуш беком, грузином по происхождению», был учителем известного Велиджана⁴⁶².

Тебризец Мир Сеид Али и работавший в Тебризе мастер Абу-ул-Самед уехали в Индию и там возглавили миниатюрную школу Великих Моголов⁴⁶³. В дальнейшем в Индию уехали и другие мастера, в том числе и Фаррух бек.

За пределами своей родины работали известные по дошедшим до нас произведениям художник Ходжа Хафиз ученик Ширвани Мирзазаде⁴⁶⁴, миниатюрист Мугализаде и др.⁴⁶⁵.

В XVI в. в Турцию перевелись и другие мастера. «Как известно, из Тебриза в город Изник были переведены мастера по производству фаянсов, и этот город стал известен своим фаянсом»⁴⁶⁶.

В настоящее время мы располагаем данными только об одном зодчем, также тебризце, увезенном в Турцию Селимом Явузом. Этот зодчий по имени Али был известен как Эсир Али, т. е. пленный Али⁴⁶⁷.

Весьма интересные проблемы связи тебризской школы миниатюры с другими областями искусства мы постараемся вкратце проследить ниже при рассмотрении проблем взаимосвязей между различными видами искусства.

Профессиональные звания как источник данных о мастерах

Единственным источником сведений о зодчих этого периода, так же как и предыдущего, являются сохранившиеся надписи самих памятников. Сведения письменных источников о зодчих крайне редки и случайны и ничего, в сущности, к нашим знаниям о них не добавляют. Иначе обстоит дело с мастерами смежных областей, о которых источники сообщают временами сведения, хотя и краткие, но позво-

⁴⁶¹ Ш. Я. Амиранашвили. *История грузинского искусства*. М., 1950, стр. 280.

⁴⁶² Мустафа Аали. Ук. соч., стр. 67.

⁴⁶³ Wilhelm Stände. *Les Artistes de la Cour d'Alkbar Ars Asiatiques*, Paris, 1955, v. II, fasc 2, p. 94.

⁴⁶⁴ W. Minorsky. *Katalogue of turkisch manuscripts*, L., 1953.

⁴⁶⁵ В. Шульц. Ук. соч., табл. 38.

⁴⁶⁶ E. Diez. *Türk sanatı*, İstanbul, 1946, стр. 291. Дич ссылается при этом на Кючюк Челеби заде Асими Эфенди. *Тарих-и-векале*. Стамбул, 1855.

⁴⁶⁷ Behcet Ünsal. *Turkish Islamic architecture in Seljuk and Ottoman times 1071—1923*. London, 1959, 96.

ляющие тем не менее получить довольно ясное представление об их деятельности. В этом отношении на первом месте стоят каллиграфы, сведения о которых собраны в ряде трактатов XVI—XVII вв. Сведения о каллиграфях для нас важны как с точки зрения изучения этого вида искусства, так и потому, что многие из них были каллиграфами-монументалистами и принимали непосредственное участие в создании архитектурных памятников в качестве авторов надписей⁴⁶⁸. Такое предпочтение, отдаваемое каллиграфам, по-видимому, объясняется тем, что каллиграфия долгое время считалась важнейшим из искусств⁴⁶⁹.

Далее следуют художники-миниатюристы, сведения о которых зафиксированы в тех же трактатах, где имеются сведения и о каллиграфях. Для рассматриваемого периода наиболее полные сведения об азербайджанских мастерах мы встречаем в трудах Казим Ахмед-да⁴⁷⁰, Мустафа Аали⁴⁷¹, Дост Мухаммеда⁴⁷². Сравнительно обширные данные о каллиграфях и художниках по сравнению со скудостью сведений об архитекторах объясняются тем, что китабдарам, т. е. хранителями библиотек и существующих лиц, часто являлись каллиграфы и миниатюристы, и это не проходило бесследным для фиксации сведений о них в рукописных сочинениях, судьбы которых в ряде случаев зависели от отношения к ним самих китабдаров.

В надписях архитектурных памятников зодчие сообщают, как правило, свое профессиональное звание, имя и отчество, а также город, уроженцем которого они являются. К этому можно добавить, что поскольку в сооружениях обычно указывается и дата их возведения, то уточняется и время работы мастера. Ясно, что при такой скудости сведений, они не дают основу для широких обобщений об общественном положении зодчих. В данном случае мы под общественным положением зодчие имеем в виду не только его социальное положение, но и ряд связанных с ним обстоя-

صادقی کیتابداری — مجمع الخواصی — تبریز

⁴⁶⁸ Meisterwerke Muhammedanischer Kunst. Die Ausstellung von Meisterwerken Muhammedanischer Schen Kunst in München, 1910. München, 1912.

⁴⁷⁰ Казим Ахмед. Трактат о каллиграфях и живописцах. М., 1947.

⁴⁷¹ Мустафа Аали. Ук. соч.

⁴⁷² Дост Мухаммед. Ук. соч.

тельств таких, как уровень его профессиональной подготовки, характер взаимоотношений между мастерами различных профессий, положение зодчего на стройке и т. д. Наряду с данными об общих социальных условиях эпохи, важнейшим источником для постановки и анализа деятельности зодчих являются встречаемые в надписях их профессиональные звания. Различные профессиональные звания, применяемые в тех или иных случаях, отдельно или в сочетаниях, помогают уточнению их конкретного содержания, содействуя тем самым выяснению перечисленных выше вопросов.

Профессиональные звания, встречаемые в надписях архитектурных памятников в рассматриваемое время, следующие: бенна, ме'мар, устад, нагшад, серкар, уста⁴⁷³.

Термин «ме'мар» *معمار* встречаемый в надписях, начиная еще с IX в., арабское слово, соответствующее русскому термину «зодчий»; так именовались архитекторы, авторы сооружений. В рассматриваемый нами период термин этот продолжает применяться в том же смысле.

Термин «бенна» *بنا* встречаемый в Азербайджане, начиная с XII в., означает буквально «каменщик» и, видимо, отмечал зодчих, непосредственно осуществлявших свои замыслы в натуре. У нас нет оснований полагать, что мастера, обозначаемые как «бенна», не являлись авторами архитектурного замысла. В надписях «бенной» называл себя Аджем сын Алубекра, автор великолепных нахичеванских мавзолеев. Это профессиональное звание, по всем данным, было равнозначно термину «ме'мар», и эти два термина равным образом отмечали призванных зодчих.

Наиболее широко распространенным профессиональным званием, особенно часто встречаемым в надписях с XVI в., является термин «устад» *استاد* фарсидское слово, означающее — специалист высокой квалификации. Это профессиональное звание было наиболее универсальным и в равной степени применялось как к архитекторам, так и к художникам. Исходя из значения самого термина, можно думать, что это профессиональное звание присваивалось лицам, достигшим определенной

⁴⁷³ Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового зодчества Азербайджана (на азерб. яз.). «Искусство Азербайджана», т. V. Баку, 1956, стр. 17.

степей признаний и имевшим, надо полагать, учеников. Это утверждение согласуется с положением, существовавшим в объединениях ремесленников — аснаф *اصناف* *хамкар* *همکار* как в Иране, так и в Закавказье⁴⁷⁴.

Таким образом, термин «устанд» обозначает не специальность мастера, а его квалификацию и положение, и в надписях архитектурных памятников встречается обычно без сочетания с термином, указывающим на специальность. Несколько известных случаев сочетания термина с другими профессиональными названиями как раз подтверждают наш вывод об обозначении термином «устанд» лиц высококвалифицированных в своей области. Например, строитель мечети 1073 г. х. (1663) в Нардране Мурад Али называет себя Устанд-бена, указывая на свою специальность и квалификацию. Мастер, живший в начале XIX в., строитель одного из мавзолеев Едди Гюмбез в Шемахе, называет себя устандом Таги-бена. Характер сочетания двух профессиональных званий как в первом, так и во втором случае, когда термин «устанд» становится перед именем, а «бена» следует после имени мастера, также указывают на значение термина «устанд», как качественного определения. Таким образом, термин «устанд» обозначает специалистов, достигших высокой степени профессионального признания, и в какой-то мере дает представление об общественном положении мастеров.

Единственным мастером того времени, о котором мы имеем дополнительные к строительной надписи данные, является упомянутый выше устанд Таги. Сведения эти, относящиеся, по нашему мнению, несомненно к нему, зафиксированы в «Описи домов города старой Шемахи, сколько от бывшего землетрясения в июле месяце сего года разрушилось и на какую сумму потери жителей», составленной в связи с шемахинским землетрясением 1828 г.⁴⁷⁵ В описи упоминается Аджи Таги-бена. Совпадение времени, имени и специальности со строителем шемахинского мавзолея из комплекса Едди Гюмбез, едва ли может быть случайным — несомненно, мы имеем дело с одним и тем же лицом. Для характеристики социального положения этого мастера представляет интерес то обстоятельство, что в графе описи

«какого состояния», он отнесен к бедным. Однако наличие в описи перед его именем частицы Аджи (Гаджи) показывает, что этим мастером было совершенно поломничество в Мекку, что, однако, едва ли могло быть осуществлено бедным человеком. Таким образом, мы имеем основание считать, что он знал лучшие времена, но ко времени этого землетрясения был старым и обедневшим человеком. В этой же описи зафиксировано имя еще одного мастера⁴⁷⁶ — уста⁴⁷⁷ Ягуба, причисленного к лицам «среднего состояния» — восстановителя моста через р. Зогалавай в Шемахе в 1826 г.

К этим приведенным данным надо еще добавить, что 20-е годы XIX в. были для Шемахи временем восстановления города и довольно широкого строительства. Но несмотря на наличие больших заказов, два признанных мастера не были зажиточными людьми, хотя, по-видимому, и относились к числу уважаемых граждан города.

Приводя эти соображения о социальном положении зодчих, мы отдаем себе отчет, что данные эти относятся ко времени, когда типичные для Азербайджана XVI—XVIII вв. условия уже не имели места. Существовавшие ранее условия работы мастеров к тому времени уже сильно изменились. Это касается особенно Шемахи, где восстановление города велось, в основном, по планам и проектам, составленным русскими военными инженерами; даже в указанной описи основная часть разрушенных зданий проходит по разделу «Здания по плану выстроенные» и отдельно выделены «Дома, выстроенные без плана», составляющие несравненно меньшую часть сооружений.

В связи с термином «устанд» стоит также проблема организации подготовки или обучения зодчих и мастеров в смежных с ними областях художественной деятельности. Можно даже утверждать, что такая универсальность профессионального звания устанд связана с существовавшим порядком подготовки молодых людей, стремившихся обучаться в интересующих нас областях. В условиях отсутствия соответствующих учебных заведений единственным путем было ученичество у мастеров, достигших определенного признания. Именно этот порядок давал право мастерам, имевшим учеников, называться устандами. Взаимоотношения между мастером и учеником, надо полагать, находились в зависимости от положения

самого мастера — находился ли он на государственной службе в качестве военного инженера или придворного зодчего, руководителя художественной мастерской, или же занимался своей специальностью в качестве свободного профессионала. Срок обучения колебался от 3 до 10 лет⁴⁷⁸.

Также мастера, особенно в области декоративно-прикладных искусств и даже в области миниатюрной живописи, обычно не связанные с заказами царствующих особ, имели свои частные мастерские. Искендер Мушши пишет: «...Множество художественных мастерских, работавших по заказам широкого круга ценителей искусства. В то время как сам Мир-Зей-набалин, знаменитый мастер живописи, работал на царевичей, эмиров и аристократов, его ученики трудились для удовлетворения широкого круга заказчиков в учрежденной им же мастерской»⁴⁷⁹. Ученичество было широко распространено в этот период также и при дворцовых мастерских шахов и султанов — при турецком, сефевидском, или в мастерских при дворе великих моголов, что известно по многочисленным данным. Достаточно здесь сослаться на сведения о том, что при дворе турецкого султана Сулеймана имелись две живописные мастерские — турецкая и «аджемские». Во второй мастерской работали живописцы из Азербайджана, в основном тебризцы. Мастерской руководил знаменитый тебризский мастер Шахкули Наккаш⁴⁸⁰. У него работали 28 мастеров и 12 учеников⁴⁸¹.

Сведения И. Мушши характеризуют организацию ученичества в частных мастерских художников, когда ученики обучались, надо полагать, путем выполнения второстепенных заказов. При такой организации ученичества мастер едва ли был заинтересован в быстром завершении обучения. Какую работу выполняли ученики при дворцовых мастерских — трудно сказать, поскольку здесь не было второстепенных заказов. Отдельные данные об организации работы таких мастерских позволяют прийти к выводу, что здесь ученики пользовались, главным образом, на подготовительных работах. Естественно, что способным ученикам могли поручаться и самостоятельные работы. Но даже в этом случае мастер-устанд сам завершал работу, закрепляя за собой тем самым авторство всего произведения.

Эти наши соображения подкрепляются выводом об отсутствии в системе азербайджанских мастерских института подмастерья. Действительно, при системе ученичества не было необходимости в подмастерьях, в роли которых, очевидно, выступали имевшие определенный стаж ученики⁴⁸².

Без прохождения ученичества не было другого пути для желающего стать мастером. Несмотря на жесткие условия работы учеников, часто между ними и мастерами устанавливались наилучшие отношения, и ученик, ставший в дальнейшем сам признанным мастером, с величайшим уважением и любовью говорил о своем учителе-устанде. В этом отношении наиболее ярким примером могут явиться высказывания Сади-бека Афшара. В своем трактате «Канун-ас-сувар» («Каноны изображения»), рассказывая о зародившемся в нем желании служить искусству, он говорит: «Мой ум повелел мне, что прежде всего надо открыть путь к устанду». Давая в дальнейшем восторженную характеристику своего учителя-устанда, Садиг продолжает: «На его службе я находился некоторое время с рабской готовностью»⁴⁸³. Из другого произведения Сади-бека Афшара⁴⁸⁴ мы узнаем и имя его учителя в живописи, как подчеркивает он, известного тебризского художника Музаффар-Али, одного из иллюстраторов знаменитого «Хамсы» (1539—1543).

Для характеристики как социального положения мастеров, так и процесса обучения важное значение имеет и факт передачи профессиональных навыков из поколения в поколение. Сложилась даже азербайджанская поговорка — «Уста оглу устанду», т. е. «сын мастера сам мастер»⁴⁸⁵. В системе ученичества дети и ближайшие родственники мастера занимали большое место. Об этом свидетельствуют как надписи архитектурных памятников, так и источники о художниках и каллиграфях. Третьему поколению зодчих принадлежал строитель красного мавзолея в Марате Бекр Мухаммед. Два сына главы тебризской школы миниатюристов Солтан Мухаммеда — Мухам-

⁴⁷⁸ М. Х. Гейдаров. К вопросу о ремесленных организациях в городах Азербайджана XVII в. «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1961, № 1, стр. 38.

⁴⁷⁹ Вступление к стихотворному трактату «Канун-ас-сувар». Единственный известный экземпляр рукописи находится у канд. историч. наук А. А. Александрова, любезно позволившего нам ознакомиться с содержанием рукописи и оказавшего помощь в переводе приводимых сведений.

⁴⁸⁰ Тебриз, 1954 *صاقدی کتابدار — مجمع الخوامی*

⁴⁸¹ С. А. Егизаров. Ук. соч., стр. 72.

⁴⁷⁴ С. А. Егизаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. II. Городские неки (организация и внутреннее управление закавказских амкарств). Казань, 1891, стр. XXXVII.

⁴⁷⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, л. 81.

⁴⁷⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1105, л. 81.

⁴⁷⁷ Уста — азербайджанский вариант термина «устанд», встречаемый в XIX в.

⁴⁷⁸ С. А. Егизаров. Ук. соч., стр. 73.

⁴⁷⁹ Искендер Мушши. Ук. соч., стр. 12. (Цит. по: А. А. Рахманов. Ук. соч., стр. 170).

⁴⁸⁰ Музаффар-Али. Ук. соч., стр. 61.

⁴⁸¹ A. S. Aheyli Ünver. Ук. соч., стр. 2.

медь⁴⁸⁶ и Мирза Али⁴⁸⁷ вук по дочери Мир-Зейнал-абдин Тебризи⁴⁸⁸ были крупными мастерами своего времени и несомненно выросли в его мастерской, хотя прямое указание на это мы имеем только о его сыне Мухаммеде⁴⁸⁹.

Именно в силу решающей роли ученичества в подготовке нового поколения мастеров и в деле определения направления их стили, восточные источники так внимательны, указывая учителей-уставов тех или иных мастеров, сведения о которых они приводят. Не подлежит сомнению, что именно благодаря институту ученичества в условиях феодального строя обеспечивалась передача накопленных поколениями мастеров навыков и преемственность традиций архитектурно-художественных школ.

Перейдем к другому профессиональному званию, находящемуся в тесной связи с рассмотренным термином «устад». По своей универсальности термин «наггаш» *نقاش* встречается в надписях не только иллюстраций рукописей и стеновых росписей, но и на надписях архитектурных памятников. На основании смыслового значения термина, а также по преимущественному применению его живописцами и миниатюристами обычно делался вывод о том, что в строительных надписях этим термином обозначаются только художники-живописцы. Однако ряд надписей архитектурных памятников Азербайджана, да и других стран Ближнего Востока, позволяет предположить, что термин «наггаш» обозначал значительно более широкий диапазон творческой деятельности мастеров, не обязательно связанных только с живописью. По-видимому, в памятниках архитектуры этот термин обозначал декоратора вообще, вне зависимости от техники выполнения. Такое мнение в литературе высказывалось и раньше⁴⁹⁰.

В памятниках архитектуры Азербайджана наггашами названы лица, являющиеся авторами и непосредственными исполнителями орнаментальных композиций, выполнявшихся в различной технике. Термин «наггаш» встречается еще в надписях с резными по камню изображениями (Балловские камни)⁴⁹¹. Тем не

менее термин «наггаш» оставался основным термином для обозначения художников, преимущественно миниатюристов, а позднее и мастеров стеной живописи.

Отметим еще термин, встречающийся в надписях в виде *کاتبه* — «написал такой-то». Так подписывались каллиграфы, составители художественно выполненных надписей. Естественно, что основная масса каллиграфов работала в качестве переносчиков рукописей. Но они одновременно составляли и надписи для памятников, о чем мы имеем прямое указание источников⁴⁹². Были каллиграфы, прославившиеся главным образом в качестве каллиграфов-монументалистов — *کاتبه*⁴⁹³. В числе каллиграфов-монументалистов, надо полагать, имелись мастера, непосредственно переносившие важные надписи на натуре. Обычно же подготовленные надписи выполнялись в натуре исполнителями — резчиками по камню и по другим материалам.

Наконец, еще одним, встречающимся в надписях памятников XVII в. профессиональным термином является «серкар» — *سرکار* — известный нам пока по трем памятникам — в мавзолее шейха Ибрагима в Калахана близ Шемахи, мечети в Нардаране и в караульни-сараях в Балаханах. Появление этого термина в строительных надписях свидетельствует об определенных изменениях в организации строительства. На стройке, наряду с непосредственным исполнителем появляется, по-видимому, и начальник строительства, поскольку «серкар» означает «смотритель» или «начальник», что ясно видно из надписи нардаранской мечети (1663), где наряду с зодчим впереди него отдельно указан и серкар. Эти лица обычно сами также являлись профессиональными мастерами. Для такого утверждения дает нам основание надпись балаханского караульни-сарая⁴⁹⁴, где серкар одновременно является носителем титула устуд. На этих лицах, очевидно, главным образом и лежал надзор над строительством и, вероятно, они же распоряжались и денежными средствами. Серкары чаще всего должны были выступать в роли руководителей строительством при одновременном сооружении нескольких зданий, возводившихся на общественных или вакфных средствах.

Из терминов, применявшихся в других ближневосточных странах и связанных со

строителями, параллельно нашему званию серкар, является термин «bina emini» («хранитель здания»), применявшийся в Турции. Сходными терминами являлись также отмеченные Л. А. Майером термины «Shadd al amair» и «Sahib al-mabani», соответственно применявшиеся в Египте и Сирии в период мамелюков и в Испании⁴⁹⁵.

Анализ профессиональных званий раскрывает нам в какой-то степени порядок подготовки мастеров, существовавшее в деле организации работ положение и основные группы профессий, связанных с архитектурно-строительным делом и смежными декоративно-прикладными искусствами. Вместе с тем профессиональные звания показывают на существование определенной иерархии среди этих мастеров. В этом отношении наиболее показательны термины «устад» и «серкар», которые в рассматриваемый период стояли выше на социальной ступени, чем остальные категории лиц, работавших в области зодчества.

Широко известна многократно приведенная версия о том, что шах Исмаил Сефевид, перед Чалдыранской битвой с Селимом Явузом Османлы приказал надежно спрятать двух прославленных мастеров — устуда Кемалэддина Бехзада и каллиграфа Шах Махмуда Нишапури и якобы первый его вопрос после проигранного сражения был о целостности этих двух мастеров. Таким же высоким положением во второй половине своей деятельности при турецком султани Сулеймане пользовался знаменитый зодчий Синан. Высокое положение при дворе шаха Тахмасиба занимал крупнейший художник Азербайджана XVI в. Солтан Мухаммед. Он был назначен руководителем занятиями искусством шаха Тахмасиба еще отцом его, шахом Исмаилом⁴⁹⁶. Возможно что в связи с этим обстоятельством, имя и титулатура Солтана Мухаммеда должны быть осмыслены таким образом: имя художника было Мухаммед, а «Устуд Солтан» являлся его титулом, означавшим — мастер (руководитель) Солтана, т. е. шаха.

Однако, несмотря на относительно обеспеченное и привилегированное положение, мастера искусства, достигшие даже самого высшего положения, в условиях феодально-деспотического строя были лицами, которые очень часто становились жертвами самодур-

ства правителей и часто расплачивались своей жизнью за службу у деспотов.

О взаимосвязях между различными видами искусства и всесторонности мастеров

Расширившееся за последнее десятилетие изучение искусства стран Ближнего Востока и особенно Советского Востока позволило накопить большой материал по-прежнему освещающий развитие искусств в этих странах. Основываясь на этом большом материале, можно сейчас подойти к решению целого ряда проблем развития искусств — таких, как вопрос о стилистической характеристике искусства в различные периоды, о национальных школах, о синтезе искусств и др.

К числу этих проблем можно отнести и задачу выяснения связей между различными видами искусств: архитектурой, живописью и прикладными искусствами. Постановка этого вопроса покажет влияние одной области искусства на другую и попытку синтезировать виды искусства в отдельных произведениях, а также выявление представителей искусства, деятельность которых охватывала не одну область искусства.

Проблемы эти, как известно, хорошо изучены в отношении западноевропейского искусства, особенно эпохи Ренессанса. Именно в эпоху Ренессанса очень ярко выступала тесная связь между различными видами искусства — архитектурой, скульптурой и живописью. Гигантская фигура Микельанджело, его всесторонняя деятельность является наилучшим показателем огромного значения и плодотворности взаимосвязей между архитектурой и изобразительным искусством в эпоху высокого развития искусства.

В силу специфических условий развития изобразительных искусств в странах Ближнего Востока в период феодализма, обусловленных в значительной степени запрещением исламом изображения живых существ, иной характер и иные формы, чем в странах Западной Европы, приобретают здесь проблемы синтеза искусств и взаимосвязи между различными видами искусств.

Составители издания материалов к Мюнхенской выставке 1910 г. писали: «Книжное искусство является источником всех восточных искусств. Миниатюристи упражнялись в своем искусстве во многих областях, точно так же как и в Италии во время Ренессанса. Для многих творений исламского искусства они пред-

⁴⁸⁶ Мустафа Азиз. Ук. соч., стр. 64.

⁴⁸⁷ Казим Ахмед. Ук. соч., стр. 186.

⁴⁸⁸ Там же, стр. 187.

⁴⁸⁹ Мустафа Азиз. Ук. соч., стр. 186.

⁴⁹⁰ Fr. Taeschner, Beiträge zur frühosmanischen Epigraphik und Archeologie, „Der Islam“, v. 20, 1932, стр. 144.

⁴⁹¹ Л. С. Бретаницкий, А. В. Саламзаде. Профессиональные звания средневековых мастеров Азербайджана по данным строительной эпиграфики. «Эпиграфика Востока», Л., 1960, № 13.

⁴⁹² Казим Ахмед. Ук. соч., стр. 85—87 и др.

⁴⁹³ Указ. соч. محمد علی تربیت.

⁴⁹⁴ Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Ук. соч., стр. 48.

⁴⁹⁵ L. A. Mayer, Islamic architects and their works. Geneva, 1956, стр. 19.

⁴⁹⁶ Искендер Муниш, Ук. соч. (тегератское издание), 1956, стр. 173.

ставляли эскизы. Без точного изучения книжного искусства, невозможно правильно подойти к пониманию, датировке и правильной оценке остальных видов искусства магметанского Востока»⁴⁹⁷.

Не останавливаясь на общеизвестных особенностях развития живописи в странах Ближнего Востока и отсутствии круглой скульптуры, подчеркнем лишь, что эти обстоятельства не исключали синтез искусства, а тем более взаимосвязь между ними. Они проявляются в формах и в пределах, определяемых самим характером развития искусства.

Синтезирующим видом искусства, естественно, была архитектура. Применение живописи в архитектуре стран Ближнего Востока, если говорить о сюжетной стеной живописи, — явление редкое и случайное в ранние периоды развития архитектуры; в позднее время, в основном после XVII в. оно широко применяется лишь в некоторых странах. Однако если говорить о живописи в более широком плане, о введении цвета в архитектуру, то именно в архитектуре ряда стран Ближнего Востока (Иран, Азербайджан, Турция, Среднеазиатские страны) мы можем найти великолепные примеры введения живописных явля в архитектуру — начиная с геометризованных, покрытых позолотой орнаментов и надписей до великолепных маоликовых растительных композиций, покрывающих экстерьеры и интерьеры монументальных сооружений.

Такое широкое применение в архитектуре живописных, да и вообще декоративных и орнаментальных композиций, не прошло бесследным для изобразительных и декоративно-прикладных искусств. В ряде мотивов коврового искусства, в оформлении книг можно проследить элементы первоначально зародившиеся в архитектуре. К такому можно отнести решение углов среднего поля ковров наподобие тимпанов арочных композиций сооружений, имитацию в бордюре ковров полос кувических надписей, встречающихся в архитектуре. Иногда даже общая композиция среднего поля повторяет решение плафонов. Еще ныне в Азербайджане имеются ковровые композиции, несущие названия «плафон» и «глазурированная».

Почерпнутые из арсенала архитектуры декоративные мотивы часто применяются также в миниатюрах, составляя фон для изображаемых событий. В этом отношении миниатюры

представляют великолепный, до настоящего времени мало изученный источник по истории средневекового зодчества⁴⁹⁸.

Несомненно, архитектура была также первоисточником в сложении излюбленных композиционных приемов, применявшихся с соответствующими изменениями в различных видах искусства. Стрельчатая арка является наиболее часто встречающимся атрибутом подобных композиций.

В взаимосвязях областей искусств немаловажное место занимает каллиграфия. Наиболее ценное в определенной исторической эпохе каллиграфическое искусство в своем развитии вышло далеко за пределы книжного искусства, обогащая своими мотивами архитектуру, художественную керамику и другие виды декоративных и прикладных искусств. Надписи становятся наряду с орнаментом главными элементами в архитектурном убранстве сооружений, заменяя в совокупности с орнаментом скульптуру⁴⁹⁹.

С повышением роли надписей в декоративном убранстве сооружений появляются и мастера нового профиля — каллиграфы-монументалисты, которые зачастую являлись также создателями декоративно-орнаментального убранства сооружений.

Мастера декоративного искусства, работавшие в различных областях, изоцируются в создании декоративных композиций, материалом для которого служили надписи. Таким образом, совмещение в одном лице художника-декоратора и каллиграфа ведет к тому, что надписи прочно входят в палитру декоративных средств, содержание их часто отстает от второй план.

С искусством каллиграфии тесно была связана также миниатюрная живопись. Миниатюра, являясь чисто книжным искусством, первоначально целиком подчиняется задачам оформления страниц рукописи и лишь впоследствии получает более самостоятельное значение, занимая всю страницу или даже весь разворот, приобретает в некоторых случаях самостоятельность в отдельных листах, выполнившихся независимо от каких-либо рукописей. С другой стороны, миниатюрная живопись была генетически связана со стеной росписи

⁴⁹⁸ Восполнению этого пробела служит недавно опубликованная статья Г. А. Пугаченковой — «Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV—XVI вв.» в кн. «Архитектурное наследие Узбекистана», Ташкент, 1960, стр. 85—111.

⁴⁹⁹ А. В. Саламзаде. Декоративные особенности надписей архитектурных памятников Азербайджана. Сб. «Архитектурные памятники Азербайджана», т. II. Баку, 1950.

сами и равные образцы многих школ миниатюры, например, тебризской, еще несут следы монументальной стеной живописи.

Зародившись в лоне каллиграфического искусства и стилистически оттолкнувшись от стеной росписей, миниатюра сама в дальнейшем оказывала немаловажное влияние на развитие других областей декоративных искусств. Прежде всего это влияние определяется тем обстоятельством, что мастерские миниатюрной живописи становятся своеобразными школами подготовки кадров художников, которые, продолжая работу в области иллюстрирования рукописей, создают эскизы ковров и предметов прикладного искусства, выполняют портреты и т. д. или полностью переходят на другую работу. При этом, естественно, в эти области переносились некоторые приемы и мотивы, выработавшиеся в иллюстрировании рукописей. Это особенно наглядно можно проследить в ряде уникальных ковров с изображением сцен охоты.

Хотя это выходит за рамки поставленной задачи, несколько слов необходимо сказать и о влиянии поэзии на развитие искусства, прежде всего живописи на Ближнем Востоке. Нетрудно заметить, что существует большая разница в стиле иллюстрирования научных и исторических книг и рукописей поэтических произведений. И не случайно, классические произведения миниатюрной живописи непосредственно связаны с произведениями крупнейших поэтов. Не приходится сомневаться, что поэтические образы определяли образный строй и манеру работы художников. Многие образы миниатюр сами являются поэтизированными типизациями героев литературных произведений. Что миниатюристи сами были образованными людьми своего времени, способными глубоко воспринять образы иллюстрируемых рукописей, мы имеем многочисленные доказательства. Известно, что некоторые прославленные миниатюристи были довольно крупными поэтами.

Теперь перейдем к конкретизации отмеченных связей и влияний на примере деятельности некоторых мастеров средневекового искусства, насколько это позволяет известный нам материал. Естественно, что в настоящее время нельзя еще претендовать на сколько-нибудь полное изложение деятельности мастеров средневекового искусства. Попытки сбора и систематизации материалов о мастерах и об их деятельности, сделанные за последнее время, могут считаться лишь началом этой рабо-

ты и касаются, в основном, только архитекторов⁵⁰⁰. Многочисленные разбросанные в различных источниках и в специальных трудах, общих работах или на надписях самих предметов сведения о художниках и мастерах прикладного искусства еще не стали предметом аналитического рассмотрения в достаточно широком плане. Поэтому, говоря о мастерах с точки зрения многогранности их деятельности, приходится ограничиваться в ряде случаев общими констатациями.

Здесь приведем некоторые данные, связанные с мастерами художественных школ Тебриза, наиболее творчески активных в плане рассматриваемой проблемы.

Одним из выдающихся мастеров широкого диапазона деятельности являлся Султан Мухаммед — крупнейший художник-миниатюрист XVI в., фактически глава тебризской школы миниатюры своего времени. Он работал не только в области миниатюры, но и в других областях декоративно-прикладного искусства. Султан Мухаммед выполнял эскизы ковров с изображением сцен охоты. Занимался также ювелирным делом и производством полуфаянса⁵⁰¹. Влияние Султана Мухаммеда на развитие прикладных искусств своего времени было значительным.

В лице Сади-бека Афшара, художника из Тебриза, мы имеем многогранного мастера искусства — художника-миниатюриста, теоретика искусства, написавшего трактат о живописи, поэта и историка литературы. Его работа «Сборник избранных», наряду со сведениями о поэтах, содержит много данных о художниках-каллиграфрах и даже о зодчих; некоторые из них являлись одновременно поэтами или музыкантами.

Говоря о своем учителе живописи, знаменитом тебризском художнике Музаффар Али, Сади-бек особенно подчеркивает его многогранность, отмечая, в частности, что он был прекрасным каллиграфом, сравнимым с лучшими каллиграфами — прославленными Мир-Али Тебризи и Султан Али Мешехди. По словам Сади-бека, Музаффар Али прекрасно

⁵⁰⁰ Л. А. Мауер. Ук. соч.; Л. Бретанский, А. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана (на азерб. яз.). «Искусство Азербайджана», вып. V. Баку, 1956.

⁵⁰¹ Казим Ахмед. Трактат о каллиграфрах и художниках. М.—Л., 1947; А. Саламзаде и К. Керимова. Тебризская школа миниатюры в XVI в. и художник Султан Мухаммед. «Изя. АН Азерб. ССР», Серия общества. наук (на азерб. яз.).

играл в шахматы, даже не глядя на доску, и нередко занимался поэтическим творчеством⁵⁰².

Небольшой трактат Сади-бека — «Канун-ас-сувар»⁵⁰³ («Каноны изображения»), написанный в стихах, содержит наряду с изложением техники и материалов живописи много интересных соображений о задачах и правилах рисунка и об орнаментальном искусстве.

Одной из наиболее трудных задач, в силу ограниченности сообщений источников об архитектуре, является определение доли участия других мастеров искусства в декоративном оформлении сооружений. В ряде случаев декоративные элементы сооружений, по-видимому, выполнялись самими архитекторами. Зафиксированы случаи, когда отдельно указываются имена зодчего и художника-нагша и каллиграфа. Затруднения возникают в случаях отсутствия надписей и значительной декоративной насыщенности сооружений, заставляющей предполагать сотрудничество мастеров различных профессий. Одним из таких памятников является Геомеджид (Голубая мечеть) в Тебризе, построенная в 1465 г. Строителем мечети считается упоминаемый в строительной надписи Ниматулла сын Мохаммеда Бавваба⁵⁰⁴. Имеются данные, оставшиеся незамеченными, свидетельствующие о том, что Ниматулла был крупнейшим каллиграфом-монументалистом своего времени⁵⁰⁵. Следует отметить, что исследователи не обратили внимания на этот факт. Органическое переплетение орнамента и надписей в декоре Голубой мечети не оставляет сомнений, что Ниматулла был автором и надписей, и орнаментальных композиций сооружения. Таким образом, Ниматулла в данном случае выступает многогранным мастером: архитектором, каллиграфом и художником-декоратором. Однако нельзя пройти мимо давно высказанного предположения Э. Дюца⁵⁰⁶ о сохранении Голубой мечети строителем мечети

Меджиди и-Шах в Мешхеде — Ахмедом сыном Шамс-ад-дина Мухаммеда Тебризи. В таком случае мы имеем факт содружества двух крупных мастеров — зодчего Ахмеда и мастера монументального декора Ниматулла, приведший к созданию такого великолепного сооружения как Голубая мечеть.

Нам кажется, что в свете накопившегося материала в настоящее время можно утверждать, что каллиграфы весьма часто являлись одновременно и художниками-оформителями, будь это в монументальных произведениях или в книжном искусстве. Иллюстраторы, носящие профессиональное звание «музаххиб»⁵⁰⁷ часто являлись одновременно талантливыми каллиграфами, о чем свидетельствует ряд листов коллекции каллиграфических почерков с орнаментальными украшениями в Ленинградской публичной библиотеке. Здесь, например,

имеется лист с подписью *حزرة كمال الدين مذهب* т. е. «Надпись выполнена художником-иллюстратором Кемал-ад-дином»⁵⁰⁸. Это определенное указание на выполнение каллиграфической надписи мастером, известным прежде всего в качестве художника-иллюстратора. Характерно, что в этой коллекции имеются листы, носящие две подписи — каллиграфа и оформителя. Именно наличие листов с двумя подписями дает основание считать, что наличие одной подписи, если не всегда, то часто, указывает на авторство каллиграфа и в отношении украшений.

Естественно, что особенно прославленные каллиграфы, нагруженные большими заказами, по отдаленности от оформительскую работу. О степени загруженности некоторых каллиграфов можно получить представление по сообщению Бабура, писавшего, что крупнейший каллиграф XVI в. Солтан Али Мешхед «выполнял каждый день тридцать двуступней для Мирза и двадцать двуступней для Алишер-бека»⁵⁰⁹.

Сведения о мастерах из Тебриза, в отношении которых есть данные о разнообразии их творческой деятельности, можно было бы продолжить, однако и приведенные примеры достаточны для того, чтобы убедиться в оживленности творческого содружества между

мастерами различных профессий и многогранности ряда мастеров искусства.

В результате совместной работы мастеров искусства, собственно, и создавались условия для всестороннего развития отдельных представителей искусства, и они в свою очередь играли немаловажную роль в усилении связей между различными областями искусства, служа взаимному обогащению новыми приемами и мотивами соприкасающихся областей искусства.

Излагая наши соображения по поставленной проблеме, мы в основном привлекали данные, относящиеся к периоду XV—XVII вв. Но общий процесс взаимосвязей между различными областями искусства в целом был идентичным как в предыдущем, так и в последующих периодах, разумеется, с теми различиями в частности, которые определялись конкретными историческими условиями.

Краткие сведения о мастерах XVI—XIX вв.

В настоящем разделе работы систематизированы собранные нами сведения о мастерах. Нами даны не только зодчие и строители, но представители тех художественных областей, деятельность которых в той или иной степени была связана с архитектурой. Непосредственно за архитекторами следуют имена каллиграфов, известных как по надписям памятников, так и по данным рукописных сочинений. Из числа весьма многочисленных каллиграфов, имена которых нам сообщают источники, даны сведения только о шести тебризских мастерах XVI в., которые были монументалистами, т. е. выполняли художественные надписи для крупных сооружений. Образцы почерка пяти из них — Али Рза, Али-бека, Мухаммед Рза, Мухаммед Хусейн и Хаджи Махсуда нам известны из коллекции почерков, хранящейся в Ленинградской публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

После каллиграфов следуют крупнейшие художники XVI в. и начала XVII в., творчество которых было определяющим для развития всех областей изобразительных искусств своего времени, а не только миниатюрной живописи. Известно, что такие художники, как Султан Мухаммед, Музаффар Али и другие выполняли эскизы для различных областей художественного оформления, начиная от ковра и кончая орнаментальными композициями для майоликовых облицовок и росписей сооруже-

ний. И наконец, список мастеров замыкают живописцы, выполнявшие росписи в ряде архитектурных памятников и известные по дошедшим до нас росписям с подписями мастеров.

1. *Шамс-ад-дин из Тебриза*, известный как автор Месджид-и-Али в Исфагане, 928 г. х. (1522). Сведения взяты из «Survey of Persian Art», vol. IV, London — New-York.

2. *Шамс-ад-дин из Шемахи*; в надписи указано профессиональное звание — устад. Автор мавзолея Шейх Мезида в Ахсу, 970 г. х. (1562) и мавзолея в сел. Хазра Куткашенского района, 970 г. х. (1570).

3. *Амиришах из Ваянкуха* близ Тебриза, профессиональное звание — устад. Автор Восточных ворот ансамбля Дворца ширваншахов в Баку, 994 г. х. (1585). Надпись замечена автором⁵¹⁰. Нисба мастера «Ваянкухи» была расшифрована А. А. Алескерзаве⁵¹¹.

4. *Эсир Али из Тебриза*. Эсир Али, т. е. илениый Али, носил такое прозвище потому, что в числе других азербайджанских мастеров был увезен Селимом Явузом в Стамбул. Автор нескольких сооружений в Стамбуле, в том числе мечети Султана Селима в Болгарии. Сведения из Behcet Unsal «Turkish Islamic architecture in Seljuk and Ottoman times 1071—1923. 1959, стр. 96.

5. *Шейх Баха-ад-дин*, зодчий, ученый, жил во второй половине XVI и в начале XVII в., строитель Джума-мечети в Кировабаде, возможно также автор планировки центральной площади города, где расположена мечеть. Сведения о нем содержатся в труде азербайджанского историка А. Бакиханова «Гюлистан Ирам». Баку, 1926, стр. 98.

6. *Надир Али, сын устада Ярала*, происходил из Мардакян, строитель мавзолея в сел. Мардакян, датированном 1021 г. х. (1612). Надпись прочитана А. А. Алескерзаве.

7. *Шейх Шариф, сын Шейха Абида*, автор пристройки к зданию главной мечети в сел. Биби-Эйбат в 1022 г. х. (1614). Указано Б. Дорном — Отчет о научном путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1861, стр. 63.

8. *Тахир*, профессиональное звание — устад, производил ремонтные работы в Джума-

⁵¹⁰ См. А. В. Саламзаде. Культурный комплекс в Ардебиле и некоторые вопросы средневекового зодчества Азербайджана. «Искусство Азербайджана», вып. V, стр. 166.

⁵¹¹ См. А. А. Алескерзаве. Об основателе и зодчем Восточных ворот Дворца ширваншахов в Баку «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. I, Баку, 1959, 51—58.

⁵⁰² стр. 255. *صادق کتایدار - مجمع الخواصی تبریز ۱۳۲۷ شمسی*

⁵⁰³ Экземпляр, принадлежавший канд. историч. наук А. А. Алескерзаве.

⁵⁰⁴ J. Sanvaget. *Ars Islamica*, 1938, стр. 106; *Survey of Persian Art*, t. II, 1939, стр. 1130.

⁵⁰⁵ Казн Ахмед. *Ук. соч.*, стр. 73 и 74. См. также

Ук. соч., стр. 73.

⁵⁰⁶ E. Diez. *Chirgasanische Bandenkmaeler* Bd. II, В., 1918, стр. 87.

⁵⁰⁷ Walter Hinz. *Nachtragsbemerkung über den Baumeister der Blauen Moscheen. Zu Tabriz*, ZDMG Band. 91, Leipzig, 1937, стр. 421—422.

мечети в «Крепости» в Баку (старой мечети, существовавшей на месте нынешней новой), в 1024 г. х. (1615). Указано Б. Дорном — Отчет..., стр. 59.

9. *Бурхан*, в надписи указаны профессиональные звания — устад и серкар, строитель караван-сарая в сел. Ходжа Хасан на Апшероне, 1045 г. х. (1635). Сообщено А. А. Алескерзаде.

10. *Перваз*, профессиональное звание — устад, автор мавзолея Халифа Али и Мухаммеда Момина в Бузовнах, 1051 г. х. (1641). Сообщено А. А. Алескерзаде — Надписи мавзолея Халифа Али и Мухаммеда Момина. «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН Азерб. ССР», т. I, стр. 33—44.

11. *Баба-Шейхиджен*, строитель караван-сарая в Маразах, 1062 г. х. (1652). Б. Дорн — Отчет..., стр. 61.

12. *Мирза Мухаммед сын Бахнази*, профессиональное звание — серкар. Начальник работ по мечети в Нардаране, 1073 г. х. (1663). А. Саламзаде — Культурные сооружения Азербайджана XVI—XIX вв., «Искусство Азербайджана», т. VII, Баку, 1959, стр. 218.

13. *Мирад Али*, имел профессиональное звание — устад и бенна, автор нардаранской мечети, 1663 г. А. Саламзаде — Культурные сооружения Азербайджана XVI—XIX вв., «Искусство Азербайджана», т. VII, Баку, стр. 218.

14. *Абд-ал-Азиз сын Амир Али*, профессиональное звание — серкар. Руководил работами по сооружению девяти мавзолеев в сел. Калахан Шемахинского района, 1074 г. х. (1663). В. М. Сысоев — Поездка в Шемахинский уезд с археологической целью. «Изв. Общ. обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1929, вып. 4, стр. 114 и А. В. Саламзаде — Архитектура мавзолеев Азербайджана XVI—XVII вв. «Изв. АН Азерб. ССР», 1951, № 3, стр. 67.

15. *Баба Али*, профессиональное звание — устад, строитель бани в сел. Мухаммедли, 1074 г. х. (1663).

16. *Гаджи Абдул Касим из Тебриза*, профессиональное звание — ме'мар, строитель мечети Синахсалар в Тегеране, XVIII в. Сообщено кандидатом искусствоведения Л. Г. Керимовым.

17. *Буняд из Баку*, профессиональное звание — устад, автор мечети в сел. Маштаги, 1129 г. х. (1716). Сообщено А. А. Алескерзаде.

18. *Гаджи Таги из Шемахи*, профессиональные звания — устад и бенна, строитель одного из мавзолеев Едди Гюмбез в Шемахе, 1225 г. х. (1810). Кроме надписи памятника,

сведения о нем содержатся в ЦГА Груз. ССР, ф. 1105, д. 81, л. 18. «Опись домов города старой Шемахи, сколько от бывшего землетрясения в июле месяце сего года (1828—А. С.) разрушилось и на какую сумму потери жителей».

19. *Гаджи Мухаррем*, профессиональное звание — ме'мар. Надпись с его именем и с датой 1822 г. сохранилась в ограде Джума-мечети в «Крепости» в Баку. Сообщено А. А. Алескерзаде.

20. *Ягуб Османлы, житель Шемахи*, профессиональное звание — уста, отремонтировал старый мост через р. Зогалавай близ Шемахи. Сведения о нем содержатся в надписи памятника и в ЦГА Груз. ССР, ф. 1105, д. 81, л. 9.

21. *Халиг из сел. Маштаги на Апшероне*, профессиональное звание — устад, строитель ордана в сел. Балаханы на Апшероне, 1255 г. х. (1839). Сообщено А. А. Алескерзаде.

22. *Зейнал*, строитель мечети в сел. Бильяг на Апшероне, 1225 г. х. (1839). Сообщено А. А. Алескерзаде.

23. *Раджаб*, строитель мечети в сел. Бильяг, 1225 г. х. (1839). Сообщено А. А. Алескерзаде.

24. *Касим-бек сын Гаджи-бека из Шемахи*, канцелярский служитель 2-го разряда, помощник главного архитектора гор. Шемахи. В 1857 г. составил проект, по которому театр был переделан старые соляные магазины в Шемахе. См. «Кавказский календарь на 1856 г.», стр. 629 и газ. «Кавказ», 1858, № 8.

25. *Аббас Али*, профессиональное звание — устад, мечеть в сел. Амирджаны на Апшероне, 1293 г. х. (1876). Сообщено А. А. Алескерзаде.

26. *Мустафа*, каллиграф, автор надписи мавзолея шейха Мезида в Ахсу, 970 г. х. (1562). Указано Дж. Александровичем (Насыфи) в статье «Шемаха», «Изв. Азербайджанской археологической комиссии», Баку, 1926, вып. 2, стр. 27. Насыфи ошибочно указана дата 790 г. Неправлен автором настоящей работы.

27. *Кербалай Сафи-хан из Шуши*, профессиональное звание — ме'мар, восстановитель мечети Гевхар-Ага в Шуше, построенной в XVIII в. Сообщено А. А. Алескерзаде.

28. *Моалана Ала-бек Тебризи*, происходил из города Тебриза. Судя по сообщению источников был каллиграфом-монументалистом. Ему принадлежали надписи многих ворот и мечетей Тебриза. Был жив еще в 988 г. х. (1580—1581). См. Казн Ахмед — Трактат о

каллиграфиях и художниках. М.—Л., 1947, стр. 86.

29. *Мовлана Алириза Тебризи*, происходил из города Тебриза, считался учеником Мовлана Ала-бека Тебризи. Мастер почерков «суле» и «насталик». Работал в Тебризе; потом, после вания Тебриза турками в 80-х годах XVI в. переехал в Казвин. Там выполнил надписи соборной мечети города. Казн Ахмед называет его «вторым Сейрафи», сравнивая с самым знаменитым каллиграфом-монументалистом предшествовавшей эпохи. Известен образец его почерка, хранящийся в Ленинградской публичной библиотеке. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 87 и 173, а также рукописный фонд Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. Дорна, № 488, коллекция Муракка, л. 21.

30. *Мовлана Али-бек Тебризи*, происходил из Тебриза; им был выполнен ряд надписей на мечетях Тебриза. Мустафа Али, видимо, отождествляет его с упомянутым выше Ала-беком, так как после имени «Али» в скобках ставит «Ала». Образцы его почерка имеются в Ленинградской публичной библиотеке. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 85 и Рукописный фонд публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. Дорна, № 148, л. 57 и 58, коллекция Муракка. Листы имеют образцы почерков с обеих сторон, таким образом, там хранится четыре образца его почерка. Мустафа Али, ук. соч., стр. 24.

31. *Мовлана Максуд*, происходил из Тебриза. По сообщению Казн Ахмеда ему принадлежали надписи здания мир-Мафтулябанда; здание это находилось на Тебризском Чаранд-абе. Этого Мовлана Максуда можно отождествлять с Гаджи Максудом, образец почерка которого находится в Ленинградской публичной библиотеке. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 85. Рукописный фонд публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. Дорна, № 148, коллекция Муракка, л. 64.

32. *Мовлана Мухаммед Хусейн*, происходил из Тебриза, сын Инайаталлаха Тебризи, считался очень способным мастером насталика. Однако умер в молодости в 962 г. х. (1574). Казн Ахмед сообщает, что при шахе Исмаиле II ему было поручено «заведование по устройству надписей на зданиях благословенного дворца и дворцовых служб покойной Перханум». Два подписных образца его почерков в Ленинградской публичной библиотеке. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 168. Искендер Мунши — Алам Арай-и Аббаси, Тегеранское издание, 1956, стр. 172. Публичная библиотека им.

Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. Дорна, № 488, коллекция Муракка, л. 22 и 25. Мухаммед Али Тарбият — Данишмендан Азербайджан, Тебриз, 1936, стр. 328.

33. *Мухаммед Рза*, происходил из Тебриза. Судя по включению образца в коллекцию Муракка с работами вышеназванных каллиграфов-монументалистов, Мухаммед Рза также выполнял надписи для зданий. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. Дорна, коллекция Муракка, № 488, л. 20.

34. *Мир-Яхья*, тебризский художник-орнаменталист, достигший в этой области высоких успехов. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 189.

35. *Гусейн-бек*, мастер коврового искусства, имя его сохранилось на ковре, датированном 1592 г. W. von Bade und E. Kühnel, Vorderasiatische Klopffpfeppiche aus aller Zeit Braunschweig, 1955, стр. 58.

36. *Гусейн*, мастер, по всей вероятности резчик по дереву, его имя сохранилось в надписи на подбалке жилого дома сел. Афтуржа Конахкендского района, 1235 г. х. (1819).

37. *Исмаил из Ардебил*, профессиональное звание — нагташ, выполнил из майолики надписи портала, ведущего в ансамбль шейха Сефи в Ардебиле, 1057 г. х. (1647). Fr. Sartre, Ardabil, Berlin, 1925.

38. *Сулейман*, исполнитель надписи мечетей в селениях Амирджаны и Бузовны на Апшероне, 1246 г. х. (1830). По сообщению А. А. Алескерзаде.

39. *Мирза-Мехти из Ганджи* (Кировабад), исполнитель надписей мавзолей семейства Мирзы Адигезал-бека в сел. Рагимли Касум-Измайловского района, Середина XIX в. См. Н. В. Минкевич-Мустафаева и С. К. Ахмедова — Мавзолей семейства Мирзы Адигезал-бека. «ДАН Азерб. ССР». Баку, 1948, т. IV, № 5, стр. 220.

40. *Мухаммед Таги*, каллиграф-резчик, исполнитель надписи мечети в сел. Амирджаны, 1293 г. х. (1876). По сообщению А. А. Алескерзаде.

41. *Султан Мухаммед*, родился в конце 70-х годов XVI в. в Тебризе, умер в 1555 г.; известен как устад Султан Мухаммед, глава тебризской школы миниатюры XVI в. Был учителем по живописи шаха Тахмасиба. Султан Мухаммед являлся всесторонним мастером, кроме знаменитых миниатюр, выполнявший заказы эскизов ковров и других видов прикладных искусств. Сообщение о том, что им была организована мастерская по производ-

ству майоликовых и полуфаянсовых изделий позволяет думать, что он работал также в области орнаментальных майоликовых панно, применявшихся в архитектуре. Имел многочисленных учеников. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 183. Мустафа Аали Манатгбе хушерверан (на турецком яз.), Стамбул, 1926, стр. 64; Искендер Муниши, Ук. соч., Тегеран, 1956, стр. 171; А. Саламзаде и К. Керимов — Тебризская школа миниатюры в XV в. и художник Султан Мухаммед (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1959, № 5.

42. *Музаффар Али из Тебриза*, жил в XVI в., принадлежал к плеяде художников тебризской школы миниатюры, каллиграф и поэт. Был хорошим орнаменталистом. «... мало кто был таким всеобъемлющим как он», — пишет Казн Ахмед. Один из иллюстраторов рукописи «Хамса» Низами (1539—1543, Британский музей). Им были выполнены стеновые росписи знаменитого дворца Чихаль Стун в Исфогане. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 186. Садин Китабдар — Меджеме-ал-Хавас, Тебриз, 1327 г. М., стр. 255. Искендер Муниши, Ук. соч., стр. 171.

43. *Мир-Сеид Али*, жил в XVI в., один из художников тебризской школы миниатюры; был в числе иллюстраторов знаменитого «Хамсы» Низами (1539—1543). В 1550 г. уехал в Индию и стал там одним из основоположников миниатюрной школы Великих моголов. См. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 185.

44. *Мирза Али из Тебриза*, сын и ученик мастера Султана Мухаммеда, работал под его руководством в کتابخانه (библиотеке) шаха Тахмасиба. «Он преуспел в изображении так, что мало кто мог равняться с ним», — говорит Казн Ахмед. По словам Мустафа Аали, он был главой рисовальщиков *طراچانك مربي هنر يیزی*. Принимал участие в иллюстрировании упомянутого «Хамсы» 1539—1543 гг. Мустафа Аали, ук. соч., стр. 65. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 186.

45. *Мухаммед, или Мухаммед-бек из Тебриза*, сын и ученик Султана Мухаммеда. В творчестве Мухаммеда характерно обращение к изображению людей из народа, показ некоторых трудовых процессов. Его персонажи несравненно реалистичнее, чем других мастеров миниатюры. Все это наверное надо объяснить ранним уходом его из дворцовой мастерской. В целом в его работах графический элемент довлеет над живописным. По имеющимся сведениям, занимался также украшением переплетов книг. Наряду с многочисленными подписанными работами предположительно можно

считать его работами также ряд орнаментальных композиций. Из подписанных работ известны: «Сцена на поле», «Молодой дериш», «Человек с лопатой». Произведения его хранятся в Луврском музее в Париже, в Кембридже и в Бостонском музее. Даты рождения и смерти неизвестны. Период расцвета творчества — конец 70-х годов XVI в. См. Мустафа Аали — Манатгбе-е Хушерверан (на турецком яз.), Стамбул, 1926, стр. 64. Yetkin K. S. *Islam sanatı tarihi*. Ankara, 1954, стр. 230—231. J. V. S. Wilkinson. *Some persian drawings in the Johnson Album*. *Ars Islamica*, 1951, стр. 132—133.

46. *Шахкулу Нагаш из Тебриза*. В числе тебризских художников, увезенных из Тебриза, попал в Стамбул, где при султани Сулеймане Великолепном возглавлял специальную мастерскую, в которой были собраны мастера из Азербайджана. Был также признанным поэтом. Учеником Шахкулу являлся Алиджан из Тебриза. Подписные работы мастера были в «Шах Наме» с 61 миниатюрами, выставленными на Парижской выставке 1912 г. В коллекции Бегяна в Стамбуле имелись его подписные работы — изображение двух гусей и скачущего животного. Мустафа Аали, ук. соч., стр. 65. Schulze F. W. *Die Persisch-islamische Miniaturmalerei*. Leipzig, 1914, стр. 176.

47. *Велиджан*, один из тебризских мастеров, увезенных в Турцию во второй половине XI в. (1587); работал в дворцовых мастерских. Свообразный мастер миниатюры. К числу известных работ относится портрет турецкой женщины и иллюстрации к произведениям Зихури «Элиф Абдал» и Невы «Суз-и-Гюзар», хранящиеся в библиотеке географического факультета Анкаранского университета. Мустафа Аали, ук. соч., стр. 67. Предисловие Йеткина к турецкому изданию книги Э. Кюнеда — «Миниатюрная живопись в странах мусульманского Востока». Анкара, 1950, стр. IX.

48. *Садие-бек Афшар* — художник, поэт, историк литературы, доблестный воин, автор трактата об искусстве «Канун-ас-сувар» («Каноны изображений»), а также сборника о деятелях литературы и искусства. В области живописи — ученик вышеупомянутого Музаффара Али. В конце своей жизни был хранителем библиотеки шаха Аббаса I. Считался хорошим портретистом. «В изображении, окраске изображения лиц... до того довел, что понимающие люди изумляются, глядя на это», — пишет Казн Ахмед. Во вступительной части трактата «Канун-ас-сувар» Садин заявляет,

что: «выполняя портреты, я открыл путь от изображения к существу», подразумевая, очевидно, под этим, стремление к передаче внутреннего мира портретируемых. К числу его работ относятся портреты Эмира, Сидящего человека и Дериша. Известна также его миниатюра «Человек, едущий верхом на осле». Искендер Муниши, ук. соч., стр. 175. Казн Ахмед, ук. соч., стр. 190. А. Казнев — Средневековый трактат о живописи. «ДАН Азерб. ССР», 1957, № 9.

49. *Аббаскули*, профессиональное звание — уstad. Надпись с его именем и званием сохранилась на росписи плафона зала второго этажа дворца шекинских ханов в Нухе. Роспись эта относится к XVIII в. Считая, что он является автором крайней росписи плафона, надо, однако, отметить, что не исключается руководство им всеми работами по дворцу. См. А. В. Саламзаде — К изучению стеновых росписей Азербайджана XVIII—XIX вв. «ДАН Азерб. ССР», т. X, № 6, 1954.

50. *Мирза Кадым Превани*, профессиональное звание — наггаш. Выполнял росписи Сардарского дворца в Ереване в первой поло-

вине XIX в. См. С. Саламзаде и В. Чепелев — Азербайджанские художники XIX в. Журн. «Искусство», 1940, № 4.

51. *Уста Гамбар*, профессиональное звание — уstad и наггаш, выполнял реставрацию росписей дворца шекинских ханов в Нухе и жилого дома Мехмандаровых в Шуше в конце XIX в. Под его руководством работали его сын Шукюр и брат Сафар, выполнявшие росписи домов в Шуше. См. Н. М. Миклашевская — Стеновые росписи Азербайджана XVIII—XIX вв. «Искусство Азербайджана», вып. V, Баку, 1954.

52. *Мир-Мохсун Наваб*, художник, росписал свой дом, а также рабочую комнату мечети в Шуше. С. Саламзаде и В. Чепелев, ук. соч.

53. *Мирза Джафар из Шемахи*, профессиональное звание — наггаш, был известен и как поэт. Жил во второй половине XIX в. в Шемахе. Росписи (1896) его сохранились в зале первого этажа дворца шекинских ханов в Нухе. А. В. Саламзаде — К изучению стеновых росписей Азербайджана XVIII—XIX вв. «ДАН Азерб. ССР», т. X, № 6, 1954.

Глава шестая

ПРОГРЕССИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВХОЖДЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В СОСТАВ РОССИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ

К моменту вхождения Азербайджана в состав России архитектура и изобразительные искусства в стране переживали несомненный кризис. Архитектура, достигшая замечательных творческих успехов в XII—XV и XVI—XVII вв., в период ханства не смогла удержаться на прежнем высоком уровне развития, хотя народное искусство оставалось на высоком уровне, плодотворно развивалось народное зодчество, временами благотворно влияющее на развитие архитектуры в целом. Градостроительство в Азербайджане, как и в других ближневосточных странах, после периода подъема, имевшего место в XVII в., приходит в упадок. Заслуживающие внимания образцы были созданы в области народных, декоративно-прикладных искусств. Миниатюрная живопись еще в XVI в. прошла пору своего наивысшего расцвета. В период феодальной раздробленности значительного развития достигла лишь стенная живопись, заменившая собой прежнюю майоликовую облицовку.

Таким образом, общее состояние архитектуры и искусства в Азербайджане, исключая народные прикладные искусства и народное зодчество в целом, надо охарактеризовать как состояние застоя. В этих двух областях искусства неиссякаемый источник народного гения по-прежнему рождает прекрасные образцы, достойные самой высокой оценки. Именно в архитектуре народного жилища и в народном прикладном искусстве можно отметить те реалистические тенденции, которые в дальнейшем под благотворным влиянием передовой русской культуры дают начало новому подъему искусства в Азербайджане.

Вхождение Азербайджана в состав России предотвратило угрозу его поглощения феодальными, отсталыми восточными деспотиями, положило конец опустошительным феодальным междоусобицам, обеспечив условия мирного развития.

К началу XIX в. в России росли промышленность и торговля. Петербург, Москва и многие другие города стали крупными экономическими и культурными центрами. «Русская демократическая культура содействовала успешному развитию азербайджанской культуры, помогла ей подняться до уровня требованной эпохи; она оказывала направляющее влияние на развитие общественной мысли в Азербайджане»⁵¹².

Широко известны прогрессивные последствия вхождения Азербайджана в состав России в области общественной мысли и литературы⁵¹³. За последние годы проведены значительные работы, позволившие раскрыть прогрессивные явления в области экономики и культуры⁵¹⁴. Исследовано развитие в XIX в. реалистических тенденций в изобразительных искусствах, явившиеся результатом влияния русской художественной культуры⁵¹⁵. Рассмотр-

⁵¹² О праздновании 150-летия вхождения Азербайджана в состав России. Газ. «Бакинский рабочий» от 30 января 1964 г.

⁵¹³ Гейдар Гусейнов. Из истории общественной и философской мысли Азербайджана в XIX в. Баку, 1959.

⁵¹⁴ А. С. Сумбатзаде. Ук. соч. Баку, 1955.

⁵¹⁵ К. Керимов. Азербайджан в прозаических русских художников. Сб. «Искусство Азербайджана», т. VI. Баку, 1959.

рены некоторые прогрессивные явления в области архитектуры⁵¹⁶.

Включение Азербайджана в русло экономики России дало толчок к подъему его хозяйства, обусловившему значительный рост городов. Рост старых городов и превращение ряда крупных поселений в городе были связаны с увеличением их экономического значения; это создало почву для проведения градостроительных мероприятий. Что градостроительные мероприятия в России в начале XIX в. занимали серьезное место, видно из того факта, что к полному собранию законов Российской империи была приложена специальная книга планов городов⁵¹⁷.

Для архитектурного развития Азербайджана XIX в. было характерно также появление новых типов сооружений, более прогрессивных конструкций, усовершенствованные жилища, развитие промышленного и транспортного строительства.

Градостроительство

Говоря о прогрессивных последствиях вхождения Азербайджана в состав России для развития в стране градостроительства, необходимо, однако, подчеркнуть, что в этой области четко прослеживается следствие того положения, на которое указывал В. И. Ленин: «Экономическое запоздание его (Кавказа — А. С.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое»⁵¹⁸.

Проводившиеся в городах в начале XIX в. градостроительные мероприятия имели военное значение. Еще рано говорить о каких-либо мероприятиях, учитывающих непосредственно интересы городов и городского населения. Градостроительные начинания, главное в которых заключается в задаче планомерного расширения городов в тесной связи с их повысившимся экономическим значением, относятся к более позднему периоду и впервые стали оцугими при восстановлении Шемахи.

Под руководством русских инженеров градостроительные работы велись не только в Шемахе и Баку, но и в Гяндже, Нухе, Кубе и др. Эти мероприятия намечают главные улицы, основное направление развития, тем са-

мым вводят в организм городов организующие градостроительные элементы. Значение этих мероприятий заключается в том, что они, раньше чем где бы то ни было в ближневосточных странах определяют новые пути развития градостроительства в Баку, Шемахе и детельствуют об окончательном отходе от отживших средневековых приемов строительства городов феодального востока, где общие интересы города — художественные, санитарно-гигиенические и инженерно-экономические — к тому времени совершенно не учитывались.

Благотворное воздействие вхождения Азербайджана в состав России сказалось на развитии градостроительства в Баку, Шемахе и Гяндже.

Шемаха. К началу XIX в. Шемаха была совершенно разрушенным и заброшенным городом. Таково было положение с конца XVIII в., когда город был переведен на новое место, близ Ахсу⁵¹⁹, а последний шемахинский хан Мустафа избрал своей резиденцией цитадель на горе Фитдаг⁵²⁰. В 1820 г. жители начинают переселяться в старую Шемаху. В сущности, необходимо было построить новый город, так как старый был сильно разрушен. Приводимые в актах Кавказской археологической комиссии материалы показывают, что для уточнения местоположения города была проведена значительная работа, причем учитывались гигиенические факторы — обеспеченность хорошей питьевой водой и др. Инженеры русской армии составили план города. С 1824 г. Шемаха интенсивно застраивается и благоустраивается и уже в 40-х годах прошлого века становится значительным городом.

Но уже в начале 30-х годов русские чиновники, уполномоченные провести описание кавказских владений России, критически оценивали выбор места для застройки: «Нельзя однако же не заметить, что положение прежнего города гораздо выгоднее, ибо он занимал довольно ровную возвышенность, у подошвы коей, на долине, расположен ливан; разность в температуре верхней и нижней части доходит до 4 градусов»⁵²¹.

План Шемахи, датируемый 1844 г.⁵²², с пояснительной надписью — «По старой Шема-

⁵¹⁹ Это городище ныне известно под названием «Харабашехер».

⁵²⁰ Акты Кавказской археологической комиссии, т. VI, ч. I, стр. 827, 829, 830. (В дальнейшем: АКАК).

⁵²¹ Обзорные Российских владений за Кавказом, т. III, СПб., 1836, стр. 152.

⁵²² ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, д. 57.

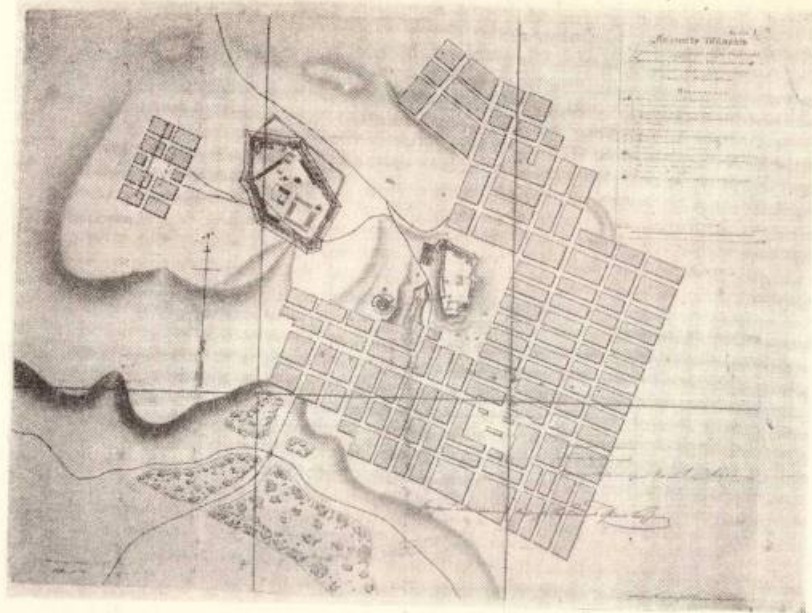

Рис. 112
Шемаха. План города 1844 г.

хе план местности с показанием вновь предполагаемого замка взамен предполагавшейся крепости 3-го класса — хотя и не был составлен для показа существующего города, тем не менее в нем показаны новые кварталы застройки. Новая застройка представляла прямоугольную сетку улиц с нарезанными удлиненными прямоугольными кварталами. Если учесть, что город начал застраиваться с 1824 г., фактически с 1828 г., после разрушительного землетрясения, происшедшего в том году, то отмеченные строения, очевидно, возникли в течение менее чем 20-летнего периода.

Какие факторы определяли планировку вновь застраиваемого города, направление его улиц? Судя по тому, что застройка с трех сторон охватывает наиболее возвышенную часть города, расположенную на холме, этот естественный фактор, являвшийся также историческим центром города, и определил направление улиц, расположенных параллельно или

перпендикулярно к падению рельефа холма.

Другой план Шемахи, датированный 30 июня 1847 г., показывает значительный рост города по сравнению с тем, что было зафиксировано в вышеуказанном плане 1844 года. В течение трех лет площадь вновь застроенной части города увеличилась почти в два раза. Это еще до того, как город стал губерньским центром.

Относящееся к 1846 г. описание Шемахи, сделанное местным жителем, показывает, что июня 1847 г., показывает значительный рост благоустройством. «...За несколько перст до Шемахи, на скате противоположащего возвышения представляется панорама, показывающая в виде амфитеатра большую часть новой, современной постройки, разделенной правильными широкими улицами, из конх на каждой видишь по несколько каменных домов в два этажа, довольно изрядной архитектуры». И далее: «В особенности замечательна... забот-

ливость об устройстве мостовой, тротуаров и об освещении города»⁵²³.

Цифры, публикуемые «Кавказским календарем на 1856 год», хорошо характеризуют значительные по объему работы, проводившиеся в Шемахе примерно за 30 лет. К 1855 г. в городе насчитывалось 3113 жилых домов, 5 учебных заведений, 9 казенных зданий, 4 караван-сарая, 4 базара, 7 мостов, 14 бань, 15 мечетей и 3 церкви⁵²⁴.

Можно предположить, что некоторые бани, мечети и караван-сарай представляли собой восстановленные старые здания, а отдельные древние сооружения продолжали служить и новому городу, например, мосты (часть из них в полуразрушенном состоянии сохранилась вплоть до наших дней). Приспособление ряда сооружений старого города для нужд нового имело в виду еще при начале работ по восстановлению Шемахи. Подтверждением этого может служить, например, письмо генерал-лейтенанта Ермолова князю Мадатову, где говорилось: «Необходимо дать указание о срочном переводе продовольствия из большой соборной мечети в другое помещение. Предложите офицеру-инженеру, чтобы для выяснения необходимого ремонта снял точные планы мечети и послал ко мне». Несомненно, речь идет о большой шемахинской Джума-мечети с ее весьма интересным планом, по некоторым данным, восходящим к X в. Эта мечеть неоднократно восстанавливалась по старому плану и дошла до нас в полуразрушенном состоянии, вследствие имевшего место пожара, после последнего восстановления в начале XX в.

Для архитектуры новых зданий Шемахи было характерно значительное влияние русского классицизма, в духе которого строились «присутственные места». Сохранившиеся рисунки Шемахи, сделанные русскими художниками середины XIX в., показывают, что некоторые образцы народного жилья были приспособлены к новым условиям городской застройки.

«Все дома в Старой Шемахе каменные; некоторые из них выстроены по плану... вообще наружный вид домов довольно хорош»⁵²⁵. Это было результатом того, что по плану производилась не только застройка города в целом, но и строительство части домов. В 1832 г.,

т. е. еще в начальный период застройки города, «выстроенных по новому для города плану» зданий было 745, «выстроенных до того» — 1547⁵²⁶.

Рост населения города, являвшегося сначала центром Каспийской области, а в 1846 г. — губерньским центром, выдвигал необходимость сооружения ряда общественных зданий. Значительный интерес представляют сведения о строительстве в Шемахе первого в Азербайджане здания театра по проекту местного архитектора Касим-бека, являвшегося помощником губерньского архитектора. Проект был выполнен Касим-беком при консультации русского военного инженера⁵²⁷.

Таким образом, в течение короткого времени Шемаха воспринимает многое от русской градостроительной культуры и из руин возвращается к жизни, став значительным административным и культурным центром.

Из приводимых данных вытекает, что задолго до землетрясения 1859 г. был составлен и утвержден генеральный план застройки Шемахи. Сохранилась длинная переписка, начатая в 1858 г. и продолжавшаяся до 1866 г. Суть ее в том, что в 1858 г. к шемахинскому губернатору обратился генерал Золотарев с просьбой отвести ему участок для строительства дома. Архитектор Шемахи дал заключение, что эта территория находится за чертой, охватываемой генеральным планом. Тогда шемахинский губернатор дал указание архитектору разбить эту территорию на участки и включить в черту генерального плана. Материал был подготовлен и отправлен в Тифлис в канцелярию наместника Кавказа. Однако из наместничества ответили, что генеральный план (видимо речь шла о новом варианте) составлен не по инструкции и не может быть рассмотрен⁵²⁸. Затем переписка прекращается, по-видимому, из-за землетрясения 1859 г. Далее в деле имеется письмо из Тифлиса от 28. IX 1863 г. о представлении плана, за которым следует письмо бакинскому губернатору от 14. I 1864 г. о том, что дано указание о скорейшем исправлении плана, и другие письма. Наконец, следует письмо канцелярии наместника Кавказа от 17. II 1866 г. о том, что генеральный план Шемахи утверждать нельзя.

⁵²⁶ Обзорения Российских владений за Кавказом. т. III, СПб., 1836, стр. 155.

⁵²⁷ Газ. «Кавказ», 1858, № 52. На факт сооружения в Шемахе здания театра наше внимание обратил ст. преподаватель кафедры истории Кировоградского педагогического института А. П. Джафаров, которому, пользуясь случаем, выражаем благодарность.

⁵²⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 8, д. 5794.

поскольку он не сделан в нужном масштабе, при этом имеется ссылка на циркуляр МВД от 17. V 1841 г., № 1339. Таким образом, круг замкнулся, все должно было начаться снова. Далее сведений о судьбе генерального плана Шемахи не имеется.

Перед землетрясением 1859 г. в Шемахе уже насчитывалось 604 двухэтажных и 3464 одноэтажных дома⁵²⁹. Землетрясение сильно разрушило город, вследствие чего губернский центр из Шемахи был перенесен в Баку. Однако после землетрясения город быстро оправился и рост его продолжался. В 1855 г. здесь было 19 733 жителя⁵³⁰, а спустя короткое время численность населения перевалила за 25 000 человек. Именно этим продолжающимся ростом города может быть объяснено то, что после перенесения из Шемахи губернского центра, некоторое время город оставался в центре внимания царской администрации.

Баку. Как мы уже отмечали в главе «Градостроительство», мероприятия по реконструкции бакинской крепости с чисто военными целями, проводились еще в 30-х годах XVIII в., а в конце XVIII в., в 1796 г., имелось в виду дальнейшее расширение крепости. После окончательного присоединения Баку к владениям России в 1806 г., наряду с ежегодными работами по ремонту оборонительных сооружений, были начаты и работы по гражданской линии. Однако вплоть до перенесения губернского центра из Шемахи в Баку с дальнейшей ликвидацией бакинской крепости — военно-оборонные соображения были на первом плане.

Работы, направленные на усиление обороноспособности бакинской крепости, с одной стороны, имели целью постоянно содержать сооружения крепости в порядке, а с другой — принимались и меры к обеспечению маневренности гарнизона крепости. В 1827 г., непосредственно после попыток бывшего бакинского хана Гусейн-Кули, пользуясь русско-персидской войной, захватить Баку, «по распоряжению Главнокомандующего корпусом генерала Ермолова, еще до назначения генерала Паскевича, кварталы обывательских строений внутри крепости, примыкающие к крепостной стене на всем протяжении от Шемахинских до Городских ворот, широтой от крепостной стены от 4-х до 5 сажень, уничтожены для свободного движения гарнизона и орудий»⁵³¹.

Таким образом, возникла сохранившаяся до наших дней весьма полезная круговая улица внутри крепости.

Ряд планов Баку, датированных 1810 г. и позже, весьма ценны для прослеживания основных этапов роста и застройки форштадта города до начала 70-х годов.

План 1810 г., составленный 3 июля, зафиксировал возникновение первого правильного распланированного района города на форштадте. Указанная здесь прямоугольная сетка улиц в сопоставлении с запутанной застройкой части города внутри крепости, уже само по себе выявляет то новое, что было внесено в градостроительство Азербайджана после его вхождения в состав России. Это прежде всего заранее продуманная регулярная планировка.

Этот план дает нам возможность установить, что наиболее ранней частью форштадта города, ставшей объектом застройки, являлась территория примерно в районе между площадью К. Маркса и сквером им. Дмитрова.

Выбор этого района для первоочередной застройки, очевидно, был связан с тем обстоятельством, что здесь уже располагались жилые строения, возникшие еще до вхождения Азербайджана в состав России⁵³². А возникновение жилых строений именно в этой части форштадта объясняется наличием здесь источников, снабжавших город водой, и тем, что здесь проходила главная дорога, связывающая город с Ашшероном. Думается, эта дорога определила также направление улиц новой застройки. Следуя направлению дороги Баку—Ширван (или Шемаха), улицы расположены лучами, радиально направленными к центру — крепости. Таким образом, уже в этом самом первоначальном плане застройки Баку ясно видно стремление сохранить значение крепости, как исторического центра города, расположив новую застройку веером вокруг этого ядра. Положительность такого метода построения новых частей города для того времени очевидна. Этим обеспечивалась органическая планировочная связь двух частей города — старой и вновь возникавшей.

Если предполагать, что закрашенная часть плана нового района означает уже осуществленные здания, а отмеченная пунктирными линиями часть выделена для дальнейшей застройки, то придется согласиться, ввиду немногочисленности числа новых строений, что застройка этого района была начата совсем

Рис. 113
Баку. План города 1810 г.

недавно, вероятнее всего в том же 1810 г. Это тем более кажется убедительным, что в плане города, датированном 1809 г., на этом месте новая застройка не указана. Новой застройки нет и в довольно подробном плане 1807 г. Таким образом, устанавливается весьма важная для истории развития города дата, а именно — начало застройки его вне крепостной части по определенному плану в 1810 г.

Таким образом, город рос в первые десятилетия после вхождения в состав России довольно медленными темпами, хотя современникам они и казались быстрыми. «Нельзя не заметить чрезвычайного умножения народонаселения со времени присоединения Баку к Российской державе; в 1807 г., как видно из записок Броневского, в крепости Баку считалось 500 и в 25 деревнях до 1000 домов; а в 1932 г. при камеральном описании исчисленно: в крепости с форштадтом — 1358 и в 40 дерев-

нях 3454, всего 4812 домов, которые заключают 15 128 душ муж. пола»⁵³³.

Важно отметить то обстоятельство, что наряду с традиционными для Баку экономическими источниками существования — нефтью и солью, все больше возрастает для города значение мореходства. В 1832 г. в Баку насчитывалось до 60 мореходных судов с числом занятых в нем людей 460 чел.⁵³⁴. В городе растет судостроение. Из Астрахани привозились для этой цели «основные доски длиной в 12 аршин»⁵³⁵. Возросло значение города как порта было довольно ощутимым и, очевидно, поэтому еще в 1839 г. ставился вопрос о переводе из Астрахани в Баку адмиралтей-

⁵²⁹ АКАК, т. XII, Тифлис, 1904, стр. 396.

⁵³⁰ «Кавказский календарь на 1856 г.», стр. 271.

⁵³¹ ЦГИА Азерб. ССР, ф. 389, оп. 3, д. 23-а, лл. 112—119.

⁵³² См. Город Баки 1796 г. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21665.

⁵³³ Оборонение Российских владений за Кавказом, т. IV, СПб., 1836, стр. 39.

⁵³⁴ Там же, стр. 75.

⁵³⁵ Там же.

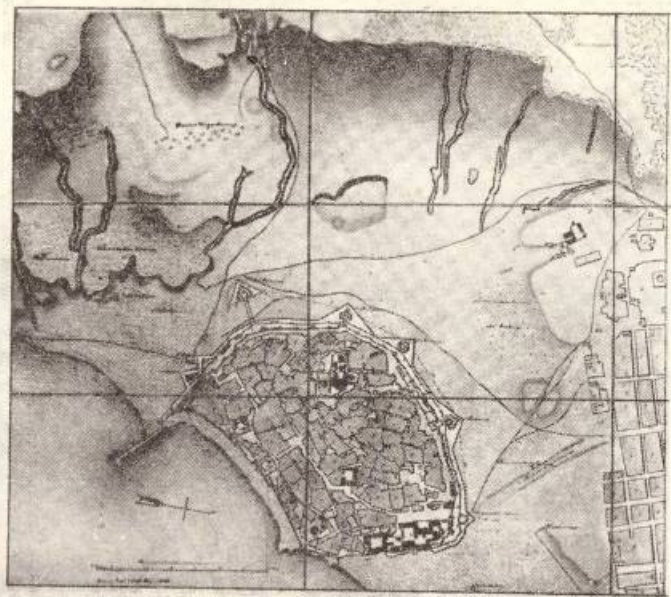

Рис. 114
Баку. План города 1855 г.

ства⁵³⁶. В записке по этому вопросу обосновывались выгоды перевода адмиралтейства в Баку с политической, исторической и географической точек зрения.

Как видно из материалов Центрального государственного архива военно-морского флота, отдельные сооружения для морского флота строились в Баку с 1831 г. Планомерно эти работы проводились начиная с 1845 г.⁵³⁷

Дальнейший этап планировки и застройки Баку можно проследить по плану 1855 г.⁵³⁸ — «Генеральный план Бакинской крепости с частью форштадта и вблизи окружающей местности. Снятый с натуры посредством мензулы в 1854 г. Город Баку 22 августа 1855 года».

⁵³⁶ ЦГВИА, ВУА отд. № 329, инв. 43. Записка о переводе Астраханского адмиралтейства в Баку контр-адмирала Корсакова, № 384, 3 марта 1839 г.

⁵³⁷ ЦГАВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 2057. Генеральный план гор. Баку с показанием на оном строения морского ведомства, 1845 г.

⁵³⁸ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3481.

Специальная оговорка об инструментальной, мензульной съемке плана дает нам право считать, что данный план довольно точно передает положение с застройкой города. Однако приходится сожалеть, что кварталы новой жилой застройки показаны не полностью, а частично. Но даже в таком виде удается выяснить, что новая жилая застройка, возникшая первоначально в районе между нынешним сквером им. К. Маркса и площадью Димитрова, как это было по плану 1810 г., растет в направлении к морю. Что было действительно так, видно из плана 1845 г.⁵³⁹. По-прежнему остается значительное свободное пространство между районом новой застройки и крепостью. По этому плану можно проследить зарождение некоторых улиц, в дальнейшем прочно вошедших в число основных улиц города. Таковой является улица, показанная как продолжение шемахинской дороги. Это, очевидно,

⁵³⁹ ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3457.

нынешняя улица Гуси Гаджиева. Намечаются и другие улицы — нынешние улицы М. Горького, М. Азизбекова и др.

Кажущийся, на первый взгляд, странным факт роста внешнего города без застройки территории, непосредственно прилегающей к крепости, является, очевидно, следствием наличия на этой территории кладбища и ряда надгробных сооружений. Но уже на рассматриваемом нами плане 1855 г. кладбище это названо старым, а в районе ниже нынешнего парка им. Кирова показано новое кладбище. Таким образом, уже тогда имелось в виду перенесение старого кладбища и освобождение этой территории для застройки.

В плане мы видим также небольшой участок нерегулярной застройки, названный Чemberикендом.

По всей вероятности, мы имеем на данном плане указание также на первые деревянные насаждения на форштадте. За таковые мы принимаем отмеченные по обеим сторонам шемахинской дороги кружочки, соответствующие условному обозначению деревьев.

Далее по данному плану можно отметить четко обозначившееся обмеление Каспийского моря, о чем можно судить по расширению набережной перед городскими стенами (перед однорядной их частью) и по тому, что юго-восточная часть городских стен, которая еще в 1809 г. шла по линии моря, оказалась далеко на суше. Ввиду отхода моря, очевидно, производились работы в бакинском порту — на юго-восточной стороне был устроен мол, заменивший существовавшее на этой же стороне продолжение крепостных стен в море, оказавшееся теперь на суше.

Показывая все происшедшие в Баку изменения, следует отметить, что рост города за период с начала XIX в. по 1854 г. был сравнительно незначителен. Быстрый рост Баку, не говоря уже о периоде, когда началось бурное развитие нефтяной промышленности, начинается со времени перенесения сюда губернского центра в 1859 г.

Бурные темпы развития Баку в последующем можно проиллюстрировать следующими цифрами. К 1856 г. в крупных городах Азербайджана насчитывалось домов: в Шемахе — 3113, в Шуше — 3040, в Нухе — 2645, в Баку — 1840⁵⁴⁰.

Таким образом, Баку в то время занимал последнее место в среде значительных городов Азербайджана. Огромный скачок был сделан

⁵⁴⁰ «Кавказский календарь на 1859 г.», стр. 271.

в следующие четыре десятилетия. К концу 1898 г. в Баку было уже 28 322 здания⁵⁴¹, т. е. почти в 16 раз больше, чем в 1856 г. При этом город застраивался более крупными зданиями, нежели прежде.

Развитие плана города за период с 1854 по 1870 г. удается проследить по чертежу — «Генеральный план части города Баку с показанием рвов и наружных стен упраздненной крепости, предполагаемых к уничтожению»⁵⁴². Ценность этого плана для изучения развития Баку в XIX в. исключительно. Здесь не только показаны «существующие кварталы», но и частично отведенные под застройку участки. Одним из основных выводов, которые можно сделать по этому плану — это происшедшее за 1854—1870 гг. изменение районов застройки. Если до 1854 г., как мы отметили выше, территория непосредственно у крепости не застраивается, то теперь именно эта территория стала объектом застройки. Кварталы новой застройки охватывают крепость со всех сторон.

Таким образом, оцутная еще в плане 1810 г. идея застройки нового города вокруг этого исторического ядра — крепости, к 1870 г. уже получила довольно развитое выражение. В генеральном плане уже ясно можно проследить зарождение нынешних Коммунистической улицы, улицы Зевина, Чкалова, Азизбекова и др. Здесь мы четко видим, что направление ряда улиц нового Баку определилось, вернее, даже было продиктовано теми или иными линиями и точками крепости. Если, например, нынешние улица Коммунистическая, улица Зевина определились направлением крепостных стен, то улица Азизбекова при планировке города была увязана с Шемахинскими воротами. Улица Азизбекова, собственно, является единственной улицей нового города, которая посредством Шемахинских ворот была увязана с планировкой улиц крепости.

План 1870 г. интересен также тем, что здесь отмечен первый сад города — «Городской сад», занимавший участок непосредственно у юго-западного угла крепостных стен. Это, очевидно, первоначальное ядро нынешнего парка пионеров.

В заключение приводим сведения из отчета бакинского губернатора, которые дополняют данные, почерпнутые из планов г. Баку. «Вместе с движением сельского населения двинулись вперед и города. В короткое время многих уже нельзя узнать, так они отстраива-

⁵⁴¹ Газ. «Каспий», 1899, № 52.

⁵⁴² ЦГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 3482.

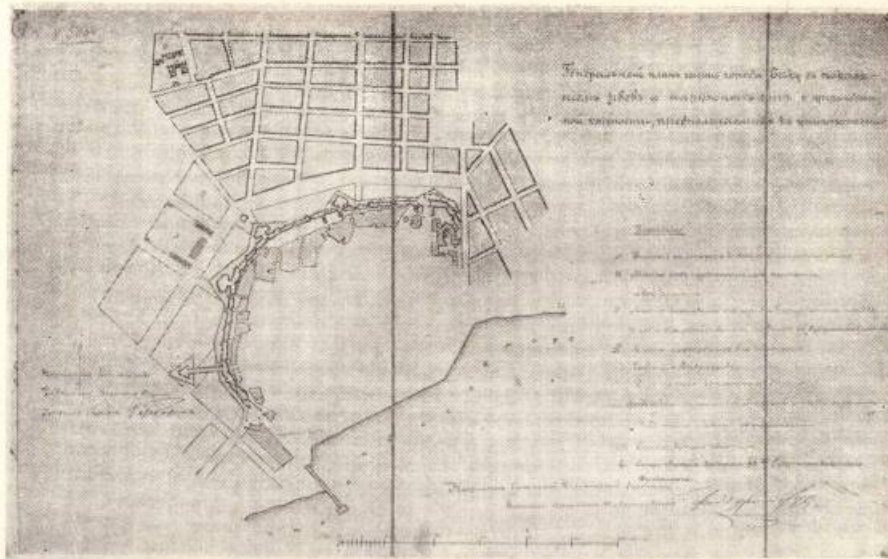

Рис. 115
Баку. План города 1870 г.

ются и украшаются значительными зданиями. К этой категории принадлежит Шуша, Нуха, вызванные в жизнь в последнее время покорением Дагестана, и Баку, вследствие развития своей торговли и возведения его на степень губернского города. Бакинский рейд оживился движением, город начал украшаться новыми капитальными домами, обширное пространство между крепостью и форштадтом разбито уже на кварталы и улицы, и жители покупают места; для того же, чтобы они из покупки городских земель не сделали спекуляции, делается распоряжение о назначении срока для застройки каждой купленной земли»⁵⁴³.

На этом пространстве были отведены, как мы узнали из того же отчета, участки для дома губернатора, присутственных мест и др. «При постройке дома для собрания не забыто и помещение для публичной библиотеки, для которой строитель предполагает сделать пожертвование, а один житель предложил уже

для нее на 10 лет по 150 руб. серебром ежегодно. Здесь есть благотворительные люди и по другим предметам: один берется устроить фонтан для излишка воды, которая по распоряжению князя наместника проведена в новую часть города и которую уже с полною признательностью пользуются жители из большого бассейна, сооруженного подле памятника князя Цицианова, другой строит на свой счет городскую бойню по составленному для того плану и фасаду; Закаспийское торговое общество осветило фотонафтилем главную крепостную улицу, поставив от себя на ней прекрасные фонари нового устройства»⁵⁴⁴.

В этом же отчете указывается, что «некоторые домовладельцы начали даже устраивать сады, в чем Баку имеет крайний недостаток перед другими закавказскими городами». Приводимые из отчета данные показывают, что наряду с ростом города определенные, хотя и весьма куцы мероприятия проводились также по благоустройству города, «обеспечению его общего пользования сооружениями».

⁵⁴⁴ Указанный отчет бакинского губернатора.

Шуша несомненно должна быть причислена к городам, которые сильно выросли в течение XIX в.

Немецкая газета «Альгемайне цейтунг» в номере от 15 ноября 1846 г. писала: «Шуша, главный город Карабаха... без преувеличения можно назвать ее гирлалтаром Кавказа». Недаром еще до последнего времени уроженцы города называли Шушу «Гала», т. е. крепость. Возникнув в XVIII в. как неприступная твердыня Шуша продолжала еще долго восприниматься именно так, хотя к середине XIX в. она совершенно потеряла оборонительное значение, но своеобразно местоположения города продолжало оказывать существенное влияние на планировку растущей Шуши. Эта особенность застройки города была отмечена еще современниками, отмечавшими быстрый его рост. «Что было выгодно для Панах-хана, премников его и независимости столицы Карабаха, то служит во вред уездному городу, созидающему шпы, что можно счастливо и безопасно жить и не под защитой обрывов и крепостных стен, но не имеющему место рздвинуться, несмотря на замечательную охоту своих граждан строиться. Дома, и хорошие, прочные каменные дома, растут ежегодно, как грибы, и по причине холмистой неровной местности растут в самом живописном порядке»⁵⁴⁵.

Мы в настоящее время располагаем лишь одним планом шушинской крепости, датированным 1855 г.⁵⁴⁶ и совпадающим по времени с приведенным описанием. Судя по этому плану, живописный характер застройки Шуши, однако, не переходил в беспорядочность; обращает на себя внимание ряд четко распланированных прямых улиц, вносящих организирующее начало в структуру города.

Кировабад в течение этого периода по своему экономическому и административному значению существенно отставал от ряда городов Азербайджана — Шемахи, Нухи, Шуши. Быстрое для своего времени развитие города началось после образования в 1868 году Елисаветпольской губернии и превращения Гянджи-Елисаветполя в губернский город. В том же году до города была доведена телеграфная линия, соединявшая Тифлис с Нухой.

Однако развитие города, связанное с развернувшимся в нем довольно интенсивным строительством, определялось не только его административным значением в качестве губернского центра, но и экономическим развитием всего района в целом, возросшим про-

⁵⁴⁵ Письмо из Шемахи. Газ. «Кавказ», 1857, № 56.
⁵⁴⁶ ГВИА, ф. 349, ов. 44, д. 679.

изводством зерна, шелководства и других отраслей сельского хозяйства в Елисаветпольской губернии⁵⁴⁷. Кировабад становится одним из крупнейших центров хлебной торговли в Закавказье. Как и в прошлом, в экономике города сохраняют свое значение садоводство. Достаточно сказать, что из имевшихся в Елисаветпольском уезде 4500 десятин виноградников, в черте города находилось 2400 десятин⁵⁴⁸.

Превращение Кировабада в губернский центр имело важнейшее значение для его градостроительного развития. По существующему в царской России правилу, губерские центры должны были иметь свои планы. Такой план для Елисаветполя был составлен в 1873 г.⁵⁴⁹ и утвержден царем Александром III. По этому плану, наряду с исправлением планировки существующей застройки, предусматривалось более интенсивное строительство в районе южного берега р. Гянджачай. Наиболее крупным планировочным предложением по старой части города явилась реконструкция его исторического центра. Здесь предусматривался снос гянджинской крепости с освоением освободившейся территории под парк и жилую застройку. Историческая площадь перед зданием Джума-мечети по плану в основном сохранялась.

Решающее значение для дальнейшего развития экономики города и его роста имело строительство железной дороги, соединявшей Тифлис с Баку. Станция железной дороги, открывшейся в 1883 г., разместилась на расстоянии 5 км к северу от города. Проведение железной дороги повлияло на дальнейший рост города не только в плане быстрого развития его экономики и расширения в нем строительства, но и определил характер последующего развития его планировочной структуры. Дорога, соединившая исторически сложившийся центр Гянджи со станцией железной дороги, дала общее направление развитию города, превратившись в один из стержней его генерального плана. Таким образом, план 1873 г. перетерпел изменение — город стал расти одновременно и в направлении железной дороги.

⁵⁴⁷ И. Л. Сегаль. Сборник сведений о Елисаветпольской губернии. Тифлис, 1902, стр. 43.

⁵⁴⁸ Там же, стр. 84.

⁵⁴⁹ План был обнаружен канд. архитектуры Ш. Фатуллаевым в Ленинградском историческом архиве. См. Ш. С. Фатуллаев. Жилые дома в застройке городов Азербайджана на рубеже XIX—XX вв. Баку, 1963, рис. 71.

Рис. 116
Кировбад. Генеральный план города 1873 г.

Рост города характеризуется рядом показателей, чрезвычайно наглядно его иллюстрирующих. Весьма показателен, например, быстрый рост городского населения. Камеральное описание, составившееся в 1833 г., установило численность населения Елисаветполя в 6647 жителей⁵⁵⁰. В 1886 г. в городе насчитывалось уже 20 000 жителей, в то время как в Нухе и Шуше в отдельности было более чем 25 000 жителей. В 1892 г. население города несколько превышает 25 000, но уже в 1897 г. число жителей Гянджи перевалило за 33 000 человек.

Не менее показательны сопоставление перечней сооружений, которыми располагал город в середине 30-х и 90-х годов XIX в. В 1892 г. в Елисаветполе было уже 4053 жилых дома, 1000 лавок, 13 мечетей, 8 церквей, 10

учебных заведений, в том числе гимназия, 7 караван-сараяв, 4 гостиницы, 2 типографии, 7 бань, 2 клуба и т. д. Особый интерес представляют сведения о промышленном производстве города. К концу XIX в. в Елисаветполе насчитывалось 111 небольших предприятий кустарного характера и более 1700 ремесленников.

Изменение архитектурного облика города в целом и застройка его центра были связаны с ликвидацией в 80-х годах гянджинской крепости. На месте срытых крепостных стен были проложены улицы и построены жилые здания. Если учесть, что гянджинская крепость имела два ряда стен, отстоявших на довольно большом расстоянии одна от другой (в среднем на 40 м, а местами достигало 80 м), то становится очевидной значительность этого мероприятия. В центральной части города освободилась об-

ширная территория, немедленно использованная для нового строительства. Нельзя, однако, не отметить, что при этом город лишился весьма важного компонента своего исторически сложившегося облика.

Таким образом, интенсивный рост города в конце XIX в. повлек за собой не только освоение всего свободного пространства между крепостью и форштадтом города, но и застройку территории, которую занимала гянджинская крепость. Строительство распространилось также на южный берег р. Гянджачай, постепенно захватывая районы, почти полностью пустовавшие еще в начале XIX в. Освоение освобожденной территории строительством в известной мере характеризуется относящимися к концу XIX в. сообщениями, что «последние годы Елисаветполь значительно расширился и украсился новыми зданиями; на месте бывшей крепости возник вполне европейский квартал с широкими улицами и т. п.»⁵⁵¹.

Развитие градостроительства не могло не оказать положительного влияния на другие области архитектурного творчества. Сооружение многочисленных жилых и общественных зданий в новых городских условиях и жилищное строительство в селениях и уездных центрах создают почву для новых архитектурных явлений. Прежде всего следует отметить сложение новых жилых домов полугородского и городского типов. На основе местных архитектурных традиций строятся довольно обширные караван-сараяи и торговые ряды, формы которых отражают влияние русского классицизма. Формы и мотивы, навеянные архитектурой классицизма, особенно выступают в зданиях, предназначенных для «присутственных мест».

Прогрессивные явления прослеживаются и в области жилищного строительства. Довольно значительное строительство жилищ проводится в сельских местностях и уездных городах.

В течение XIX в. почти исчезают наиболее примитивные формы жилья — казма и карадамы, сохранившиеся в экономически отсталых и отдаленных местностях. А там, где раньше укрепились более прогрессивные виды жилищ, происходит их дальнейшее совершенствование. Применительно к новым условиям городов возникают новые типы жилых домов, которые мы обозначаем как дома городского

⁵⁵¹ В. Маевский, Елисаветполь. Энциклопедический словарь. Брокгауза и Ефрона, т. XI. М., 1894, стр. 617.

и полугородского типов. Реалистической в своей основе архитектура народного жилища оказалась весьма восприимчивой к прогрессивному влиянию русской зодческой культуры и была способна органически переплавить это новое. Именно поэтому при изучении архитектуры XIX столетия наибольшее внимание привлекают жилые дома, отличающиеся высокими архитектурно-художественными и функциональными достоинствами.

Именно в силу большого места, занимаемого жилищем в развитии зодчества XIX в., оно выделено и наряду с жилищем XVIII в. рассматривается в отдельной главе.

Промышленное, транспортное и торговое строительство

Ремесленный характер производства до вхождения страны в состав России не позволяет нам говорить о существовании определенного типа промышленных сооружений в Азербайджане до XIX в. Существовавшие небольшие кустарные производства, по всем данным, размещались или непосредственно внутри крупных рыночных комплексов или же имели вид небольших лавок. Представление о подобных помещениях нам могут дать сооружения, указанные в плане Гянджи XVIII в., о котором мы говорили выше. Указанные в комплексе центрального культово-рыночного ансамбля Гянджи шелковые и бумажные фабрики, представляли, судя по их планам, прямоугольные с замкнутым двором здания с небольшими перекрытыми сводами помещениями. В этом отношении эти сооружения напоминают нам городские караван-сараяи.

С развитием экономики Азербайджана в XIX в. зарождается ряд отраслей промышленности, что естественно, повлекло за собой строительство промышленных зданий. Наиболее рано зародившаяся отрасль промышленности была рыбная. Далее развивалась шелкоматальная промышленность. Уже в 50-х годах начинается также строительство предприятий переработки нефти. В 1865 г. строится медеплавильный завод.

Промышленные предприятия, строившиеся в Азербайджане в интересующий нас период, известны нам по описаниям, а не из графических материалов. Поэтому их архитектурно-строительные особенности остаются недостаточно ясными. Однако имеющиеся данные позволяют прийти к выводу, что ряд предприятий был довольно крупными и представлял современные сооружения. Исследования

⁵⁵⁰ Н. Флоровский, Ук. соч., стр. 367.

А. С. Сумбатзаде, рисуящие подробную картину развития промышленности в Азербайджане во второй половине XIX в., представляют в этом отношении убедительные доказательства. «...и в 1860 году решили построить в Азербайджане крупнейшую шелкомотальную фабрику на сто мотовил, стоимостью примерно 60 тыс. рублей. Затем они вошли в соглашение с «Обществом распространения в Закавказье шелководства» и получили разрешение построить проектируемую фабрику в предместье гор. Нухи — Царь-Абаде, принадлежащем упомянутому Обществу. В результате была построена довольно крупная для своего времени фабрика, обладавшая 432 станками, 64 приготовленными бассейнами и паровым двигателем. На фабрике в 1863—65 гг. работали 192 мастера и 64 ученика при паровых станках; 30 мастеров на ножных станках и, наконец, от 200 до 250 женщин занимались сортировкой коконов»⁵⁵². И далее: «Фабрика Алексеева и бр. Ворожжих (в Нухе. — А. С.) являлась самым крупным шелкомотальным заводением в России; она не имела равной себе и в Западной Европе»⁵⁵³.

Строительство заводов, связанных с переработкой нефти, началось еще в 1858 г., как вытекает из отчета бакинского военного губернатора, управляющего гражданской частью, — «Устройство плавильных заводов началось только в 1858 году, когда Закаспийское торговое товарищество предприняло постройку обширного завода для выделки фотонафтила (особый род фотогена) и стекла... завод находится в 14½ верстах от города Баку и с 1860 года открыл уже свои действия продажей фотонафтила... и т. д.»⁵⁵⁴. «Кроме этого завода, устраивается еще особою компаниею другою большой завод парафинных свечей на острове Святом, в 50-ти верстах от Баку...»⁵⁵⁵.

В отчете, кроме шелкомотальных предприятий Нухи, говорится: «Из фабрик, правильно устроенных, находятся 1)... 2) две в городе Шемахе, на которых выделывают довольно значительное количество шелковой ткани, имеющей по доброту хороший сбят в крае и в России... Мелких же и неважных фабрик и заводов преимущественно шелкового

⁵⁵² А. С. Сумбатзаде. Указ. соч. Баку, 1955, стр. 108.

⁵⁵³ А. С. Сумбатзаде, там же, стр. 110.

⁵⁵⁴ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Кавк. комитета 1831—62 гг., д. 228, лл. 292—335.

⁵⁵⁵ Там же.

производства считается в губернии более 1358...»⁵⁵⁶.

Приводимое количество небольших предприятий показывает, что отдельно упоминаемые в отчете фабрики и заводы, очевидно, были значительными по объему и, естественно, требовали возведения специальных зданий и, таким образом, развивалось и промышленное строительство.

Например, в Нухе для шелкомотальной фабрики возводились «...несколько зданий, как-то: контора, помещение для учеников и служащих, магазины, сушильня, сарай для червей и пр., поставлена шелкомотальная по фабричному образцу, обширная...»⁵⁵⁷.

Царь-Абадская шелкомотальная фабрика в Нухе, основанная еще в 1829 г., наряду с фабричным зданием включала в себя 13 жилых домов, 5 сараев, 1 мельницу, 1 ледник и ряд других помещений и сооружений общей стоимостью в 39 135 руб.⁵⁵⁸.

Рост экономики, зарождение и развитие промышленности вызывает не только разворот строительства промышленных предприятий, но и транспортное строительство. Для перевозки руды из рудника на завод (Кедабекский) была построена первая в Азербайджане узкоколейная железная дорога, длиною 6 верст, на которой ходили составы, приводимые в движение локомотивами, один в 10, а другой в 12 лошадиных сил⁵⁵⁹.

В процессе общего экономического подъема строительство дорог имело немаловажное значение. Не останавливаясь здесь на проведении самих дорог, сведений о которых довольно много, отметим данные, указывающие на разворот мостостроения в Азербайджане. Мосты строились как на шоссе, так и на железных дорогах. Некоторые из этих мостов были значительными инженерными сооружениями.

В «Кавказском календаре на 1876 г.» в разделе «Обзор дорожных работ, находящихся под ведением Строительного-дорожного комитета», читаем, например, что «в Елисаветполе, как известно, Бакинская дорога пересекает р. Гянджачай — на этой реке в 1871 году построен на счет транзитной суммы (1 800 000) чугуно-железный мост, проектированный г. Зедеманом в 2 пролета, 80 фут каждый. Мост этот обошелся всего в 64 938 р. 92 к.

⁵⁵⁶ ЦГИА в Ленинграде. Фонд Кавк. комитета, 1831—62 гг., д. 228, лл. 292—335.

⁵⁵⁷ А. С. Сумбатзаде. Ук. соч., стр. 74.

⁵⁵⁸ Там же, стр. 79.

⁵⁵⁹ Там же, стр. 111.

и замечателен как первый металлический мост, исполненный вполне на Кавказе»⁵⁶⁰. В этом же обзоре отмечаются два каменных моста, построенные на участке от Лысогорска до Акары в 1872—1873 гг. через овраги в Каладаринском ущелье⁵⁶¹.

Из числа мостов, возведенных в XIX в., привлекают внимание также мосты в сел. Себат Кебезе Кедабекского района, построенные на узкоколейной железной дороге Кедабекского медеплавильного завода, о котором мы говорили, и мост в сел. Калакенд также Кедабекского района. Наиболее значительным из них является так называемый Кривой мост в сел. Себат Кебезе, высота среднего пролета которого достигает 29 м.

Строительство мостов у сел. Себат Кебезе, следовательно, должно быть отнесено к 60-м годам XIX в., ко времени строительства сооружений Кедабекского рудника.

Известно, что мостостроение в Азербайджане издавна достигло высокого развития. Мосты, построенные еще несколько столетий назад, служат и сегодня. Мосты, построенные в XIX в., отличаются большей легкостью конструкций, в первую очередь. Однако при этом следует отметить, что в каменных мостах XIX в. пролеты значительно меньше, чем в старых азербайджанских мостах.

Торговое строительство XIX в. лучше всего характеризуется нухинскими караван-сараями. У бывш. Торговой улицы гор. Нухи в настоящее время расположены два караван-сарая хорошей сохранности. Строительство этих караван-сараев, по всей вероятности, относится ко второй половине XIX в. Один из них имеет прямоугольную форму плана, другой, расположенный несколько выше, на более сложном рельефе — трапециoidalную. Караван-сарай трапециoidalной формы плана имеет сравнительно большие размеры. Прямоугольный с усеченными углами двор с размерами примерно 55×85 м имеет расположенный в центре бассейн и окружен со всех сторон метрически чередующимися арочными проемами эйванов. Во двор имеется четыре входа из четырех углов здания. Угловое устройство входов обусловило усеченную форму углов прямоугольного в целом здания.

В соответствии с рельефом местности, здание со стороны Торговой улицы города имеет трехэтажную структуру плана и в этой части на первом этаже располагаются помещения,

предназначенные для использования в качестве лавок, которые не имеют непосредственной связи с двором караван-сарая. Со стороны двора здание имеет два этажа по плану, почти повторяющих друг друга. В первом этаже связь между отдельными ячейками отсутствует. Во втором этаже на всех антовых стенах устроены проемы, очевидно, для осуществления связи между ячейками. Это позволяет предположить, что ячейки первого этажа предназначались для использования в качестве торговых и складских помещений, а помещения над ними, на втором этаже, использовались как жилье. Связь между ячейками второго и первого этажей осуществлялась при помощи крутой стремянки через люк, устроенный в полу второго этажа. Таким образом, торгово-складские помещения первого этажа имеют непосредственную связь с жилыми помещениями, расположенными над ними. Применение дерева в конструкциях, а также расположение входов в углы обусловило своеобразное решение угловых ячеек в этом караван-сарая.

Трапециoidalная форма наружных очертаний второго караван-сарая и трехэтажная структура здания со стороны Торговой улицы города обуславливается местными условиями застроенного участка. Сохранение прямоугольной формы плана двора при трапециoidalном наружном очертании здания вызвало двухрусное расположение помещений в застройке со стороны Торговой улицы. В соответствии с топографическими условиями застроенного участка строитель правильно избрал планировочную структуру здания, решив его трехэтажным с юго-восточной стороны при двухэтажной структуре дворовой композиции. Первый этаж юго-восточной застройки занят помещениями, предназначенными для торговых целей и не имеющими связи со двором. Из четырех входов, ведущих во двор караван-сарая, два расположены на северо-западном крыле застройки, один — на восточном углу и четвертый — на юго-западном крыле застройки. Через угловой вход осуществляется непосредственная связь с Торговой улицей города и поэтому на его архитектурно-планировочное решение обращено особое внимание. Вход восьмиугольной формы в плане, окружен со всех сторон небольшими помещениями, предназначенными для пользования в качестве лавок. В непосредственной связи с вестибюльной частью входа в двух местах расположены лестничные клетки, осуществляющие связь между этажами. Двор в первом

⁵⁶⁰ «Кавказский календарь на 1876 г.», стр. 118.

⁵⁶¹ Там же, стр. 122.

этаже окружен полуциркулярными аркадами ячеек айванов, а на втором этаже двор окружает колоннада. Ячейки айванов через дверной проем, устроенный на антовых стенах, имеют связь между собой. В композиционном центре прямоугольного двора расположен бассейн. Северо-западные входы с точки зрения архитектурно-планировочного решения свидетельствуют о служебном их назначении, очевидно, для выгрузки и загрузки товаров и т. д. Юго-западный вход связывает рассматриваемый караван-сарай с соседним зданием, непосредственно примыкающим к нему и тождественного с ним назначения.

Рассматриваемые караван-сарай, сохраняя связь в целом с караван-сараями прошлого, в то же время в решении частных планов, а также в общем архитектурном облике отражают присущие XIX в. веяния.

Новые архитектурные типы и строительные конструкции

Появление новых типов сооружений, определявшиеся новыми явлениями в социальной, экономической и культурной областях, было одним из важнейших факторов прогрессивных последствий вхождения Азербайджана в состав России для развития архитектуры. С точки зрения удовлетворения возникавших потребностей определенной эпохи ничто так не показательно в области архитектуры, как появление новых типов сооружений. Такие типы сооружений, как театр, школа, больница, не говоря уже о новых типах жилья, на которых мы остановились отдельно, возникли в Азербайджане в середине XIX в.

Первая в Азербайджане больница из трех корпусов на 64 койки с аптекой была построена в начале 50-х годов на Сальянских рыбных промыслах⁵⁶². Специальное школьное здание для магметанского (азербайджанского) училища было построено в 1853 г. также в Сальянах, «которое разделялось на два корпуса и считалось самым богатым строением в местечке Сальяны»⁵⁶³.

Наряду со строительством специальных новых зданий проводились также работы по перестройке существующих зданий под школы. Об этом свидетельствуют, например, данные по гор. Шемахе, относящиеся к 1872 г. Причем весьма интересно, что при перестройке здания имелось в виду такое его устрой-

ство, чтобы дети в случае землетрясения могли быстро и безопасно покинуть здание⁵⁶⁴.

Совершенно новым явлением для Азербайджана было возникновение поселков, связанных с развитием определенных отраслей промышленности. Поселковые строительства было новым типом в истории нашего градостроительства. Одним из наиболее ранних примеров является поселок в сальянских рыбных промыслах, где работало значительное количество рабочих. «В короткое время воздвигнуто на Божьем промысле до 100 новых зданий, в числе которых несколько двухэтажных... сделана великолепная набережная с виноградными аллеями, фонтанами и беседками; везде по промыслу возвысились двух- и трехэтажные красивые вышки с бьющими внутри фонтанами и обсаженные вокруг деревьями, которые в знойные летние дни разливают благотворную тень, а вышки служат прекрасным убежищем от жаров, доходящих здесь до 31 и 32 по Реомюру; кроме того, по промыслу рассажено более 2500 деревьев различных наименований, так что ныне промысел кажется весь в зелени»⁵⁶⁵.

Отмечая весьма показательный сам по себе факт строительства специального поселка, необходимо подчеркнуть очевидную, заранее продуманную планировку его, несущую в себе черты передовой градостроительной культуры. Отмечаемые набережные, аллеи, многочисленные зеленые яны преследовали цель создания благоприятных микроклиматических условий. Ту же цель преследовали, как об этом и говорится в приводимой выдержке, вышки. Нельзя в этих вышках не узнать «ляма», род талвара — элемента народного жилища низменных районов Азербайджана. Этот пример является еще одним из подтверждений того положения, что, строя в Азербайджане, русские инженеры в свою очередь воспринимали прогрессивные традиции местной архитектуры.

После землетрясения, происшедшего в Шемахе в 1859 году, значительное внимание уделялось разработке вопросов антисейсмических мероприятий. Судя по докладу шемахинского военного губернатора, управляющего гражданской частью, генерал-майор кн. Тархан-Муравьева князю Барятинскому от 3-го августа 1859 г., довольно быстрые темпы строительства в Шемахе в период 1840—1859 гг. имели свои темные стороны — постройки были недостаточно прочными. «А не ясно ли это показывает, что если город так много потерял,

⁵⁶² ЦГА Груз. ССР фонд Кавказ. учебного округа, ф. 422, оп. 1, кн. 9.

⁵⁶³ Газ. «Кавказ», 1855, № 63. Цит. по А. С. Сумбатладе. Ук. соч., стр. 82.

то это произошло сколько от силы подземного удара, столько же и от слабости построек, на правильность которых до сих пор не обращали по неопытности и беспечности надлежащего внимания, а строительного комитета здесь не существовало? Если же постановить на будущее время правилом, чтобы все постройки возводились непременно под наблюдением архитекторов из крепких материалов с надлежащим цементом, чтобы они имели стропильные крыши и незначительную высоту и чтобы в звании каменщиков-строителей допускались только люди, действительно знающие это мастерство, то можно сказать наверное, что шемахинские землетрясения не представят уже той опасности для людей и зданий, которой подвергалась Шемаха до сих пор»⁵⁶⁶.

По всем данным, русские инженеры не обладали достаточным опытом антисейсмического строительства и шемахинское землетрясение явилось в этом отношении весьма значительным толчком для разработки этих вопросов. Однако, несмотря на ряд принятых мер (регламентацию строительства), Шемаха сильно страдала от землетрясения и в последующее время. С антисейсмическими мероприятиями дело обстояло не так просто, как это рисуется в письме Тархан-Муравьева. И поэтому не удивительно, что после землетрясения 1902 г. имели место большие разрушения, и тогда вновь встал вопрос об антисейсмических мероприятиях.

Занимавшаяся этими вопросами комиссия опубликовала результаты своей работы под названием: «Основные принципы конструкции антисейсмических построек, выработанные комиссией Бакинского отделения И.Р.Т.О. для г. Шемахи»⁵⁶⁷. Однако принятые меры после землетрясения 1859 г., видимо, дали кое-какие результаты. Это видно из того, что комиссия 1902 г. писала: «Поэтому было бы весьма рискованным предположить, что неразрушенные шемахинские постройки могут дать какую-либо точку опоры суждению об антисейсмичности их, несомненно, вполне возможные несравненно сильнейшие землетрясения в свое время не оставят камня на камне в уцелевших теперь каменных постройках»⁵⁶⁸.

Не менее значительными были изменения в области строительных конструкций, связанные также с возможностью использования новых строительных материалов. Наиболее важным обстоятельством был завоз из России строительного леса. Например, Ашшерон полу-

чил возможность перейти на лес в жилищном строительстве, отказавшись от ранее применявшихся тяжелых каменных сводчатых конструкций. Все основные перекрытия как бакинских городских зданий, так и дачных домов Ашшерона отныне изготавливаются из привозного леса. «Леса находятся во всех уездах, кроме Бакинского, который получает таковой морем для топлива из Ленкоранского уезда и из Персии, а строевой — из Астрахани»⁵⁶⁹. Другие же районы, которые имели лес, теперь в необходимых случаях стали пользоваться крупномерным лесом. Облегчение веса перекрытий привело к соответственному уменьшению толщины стен, увеличению оконных проемов и лучшей освещенности комнат.

В строительную практику взамен азербайджанского квадратного кирпича входит прямоугольный русский кирпич с соотношением сторон 1:2. Азербайджанский кирпич был хорошего качества и применялся издревле. Однако он уступает прямоугольному кирпичу, который наряду с перевязкой швов по рядам позволяет вести кладку ряда в «тычок» и «ложок», что дает значительные преимущества в конструкции стен. При использовании прямоугольного кирпича не представляет затруднений выполнение частей сооружений в полкирпича.

Немаловажное значение имело ввоз из России металла и стекла и их широкое использование в строительстве.

Следует отметить, что в строительстве Баку широко применяется каменная конструкция стен, которая, основываясь на многовековой местной традиции, формируется в очень устойчивый тип конструкции с облицовкой камнем «агадай».

Из прогрессивных явлений в жилищном строительстве отметим еще одно: постепенное введение стальных печей с дымооборотом. Распространенные в народном зодчестве Азербайджана «бухары» были нерациональны и при расходе значительного количества топлива не обеспечивали нормального оттопления помещений. Еще менее пригодных надо признать «кюрси», применявшийся в некоторых районах.

Изучение в XIX в. памятников азербайджанского зодчества русскими учеными

Русские ученые были первыми исследователями азербайджанского зодчества. И надо признать, что они сумели еще в XIX в. подме-

⁵⁶⁹ Отчет бакинского военного губернатора, управляющего гражданской частью генерал-майора князя Тархан-Муравьева. ЦГИА в Ленинграде, ф. Кавк. комитета, 1861—1862 гг., д. 228, лл. 292—335.

⁵⁶² А. С. Сумбатладе. Ук. соч., стр. 82.

⁵⁶³ Там же.

⁵⁶⁶ АКАК, 1904 г., т. XII, стр. 333.

⁵⁶⁷ Газ. «Кавказ» от 27 и 28 марта 1902 г.

⁵⁶⁸ Там же.

тить своеобразие и самостоятельное художественное значение архитектурных памятников Азербайджана. Работам русских археологов, архитекторов, востоковедов прошлого столетия мы обязаны многими сведениями об исчезнувших памятниках или о сооружениях, разрушение которых с того времени сильно продвинулось вперед.

Выполненные русскими инженерами в XVIII в. и в начале XIX в. планы азербайджанских городов и памятников архитектуры Баку, обнаруженные в процессе работы над данной темой, явились ценнейшими источниками, без которых ряд сторон архитектуры Азербайджана XVIII—XIX вв. остался бы для нас совершенно неизвестным, а ряд вопросов архитектуры этого периода — не ясным.

Памятники архитектуры Азербайджана привлекали внимание русских исследователей прежде всего благодаря сохранившимся строительным и иным надписям. Публикации Френа, Хансакова и Березина были, в сущности, первыми научными публикациями об азербайджанских памятниках. Работы Хансакова об их эпиграфике и поныне сохраняют свою крупнейшую научную ценность и в ряде случаев являются незаменимыми источниками по истории архитектуры Азербайджана. Не менее важные сведения можно почерпнуть из трудов Березина⁵⁷⁰.

Исключительное значение имеют работы Дорна, которого, наряду с историческими исследованиями⁵⁷¹ и эпиграфикой⁵⁷², интересовали и сами памятники. Часть собранного им графического материала была издана акад. Розеном⁵⁷³.

В начале XIX в. обмеры памятников азербайджанского зодчества и составление генеральных планов городов осуществлялись только русскими военными инженерами. С середины XIX в. памятники Баку начинают привлекать внимание специалистов-архитекторов. Обмеры академика архитектуры Гриняма примечательны тем, что одновременно с планом и фасадом он уделит значительное внимание декоративному убранству «Диван-хане» в

комплексе бакинского дворца ширваншахов. Эти обмеры, опубликованные в статье академика Академии художеств Жуковского⁵⁷⁴, сопровождаются рядом замечаний ее авторов, среди которых наиболее важно для нас признание своеобразия форм, «разработанных самостоятельным путем местными художниками». Важным этапом в изучении ансамбля ширваншахов по справедливости являются обмеры, сделанные академиком архитектуры Павлиновым⁵⁷⁵.

Комплекс дворца ширваншахов, расположенный в Баку, естественно, больше всех других памятников азербайджанского зодчества привлекал внимание русских ученых и архитекторов. Их интересовали не только изучение памятников, хотя это было главным, но и проблемы использования опыта местного зодчества в строительстве Баку начала XX в. Однако такое стремление передовых русских архитекторов, работавших в Баку, встречало противодействие здешней буржуазии, совершенно равнодушной к национальной культуре: «Великие попытки местных архитекторов построить чистые здания, гармонирующиеся с прошлым — с ханским дворцом, — разбивались о желание построить на европейский манер»⁵⁷⁶. Попытки использовать мотивы дворца ширваншахов были сделаны архитектором И. В. Гославским (1904)⁵⁷⁷, при сооружении здания, где сейчас находится Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР. К. Скуревич давал дворцу ширваншахов очень высокую оценку: «...Замечательный архитектурный памятник мусульманского искусства, какого во всех русских владениях нет»⁵⁷⁸.

При рассмотрении вопросов градостроительства, застройки Баку мы отметили, что при реконструкции города принималась во внимание необходимость сохранения памятников зодчества. Это было не случайным, единственным явлением, а общей линией на обеспечение сохранности памятников древности. В документе 1827 г. русским войсковым частям поручалось:

«1) По инженерному и артиллерийскому ведомствам собрать безотлагательно сведения о всех древних зданиях, какие в самых крепостях и в крепостной черте находятся.

⁵⁷⁴ А. Жуковский. Неизданные древности Баку. Судилище, святое с натуры архитектором Д. И. Гринямом. «Архитектурный вестник». СПб, 1859, № 1.

⁵⁷⁵ М. А. Павлинов. Баку. «Материалы по археологии Кавказа», вып. III, М., 1893.

⁵⁷⁶ К. Скуревич. Баку (очерк). Журн. «Зодчий», 1908, № 38.

⁵⁷⁷ К. Скуревич ч. ук. соч.

⁵⁷⁸ Там же.

2) Составить аккуратно планы и фасады сим зданиям равно описание, из коих было бы видно: а) когда и кем они были строены или перестроены; б) по какому случаю или для какого намерения; в) если они неполны, то сколько, когда и почему они разрушены; г) из каких материалов строены; д) какие в них достойные примечания или отличные от обыкновенных вещи или части оных находятся; е) в каком положении они теперь и для чего употребляются и, наконец, ж) можно ли их поддержать починкою, не изменяя их древних планов и фасадов.

3) Строжайше воспретить разрушение древних зданий в крепостях и вне оных под ответственностью заведывающего сим зданиями местного начальства, кроме тех, на уничтожение коих даны особые высочайшие разрешения и о которых собрать и доставить к управляющему Главным Штабом особые сведения.

4) Вменить в обязанность артиллерийскому и инженерному начальствам оказывать по возможности содействие гражданскому начальству назначением инженерных и артиллерийских офицеров для снятия нужных планов и фасадов древним зданиям...»⁵⁷⁹.

Нет сомнения, что интерес правящих кругов к памятникам старины в значительной степени объясняется модным в начале XIX в. увеличением археологией, в котором был также элемент сохранения местной «экзотики». Однако независимо от непосредственных побудительных причин эти установления имели объективно прогрессивное значение и в известной степени содействовали сохранению многих памятников именно в тот период, когда рост и реконструкция городов могли повести к планомерному слою ценнейших образцов зодчества.

К концу XIX в. в связи с господством в архитектуре эклектизма и стиля модери, интерес к памятникам прошлого падает, и в ряде городов, несмотря на существующие запреще-

ния, некоторые памятники были разрушены. Например, в Нахичевани, на земле помещика Рахим-бека, было разобрано замечательное порталное сооружение, возведенное в XII в. зодчим Аджем, сыном Абубекра. Таким образом в этом процессе разрушения ряда ценных памятников отрицательную роль сыграла частная собственность. Падает также интерес к изучению памятников. О научно поставленной реставрации в таких условиях не могло быть и речи. Памятники зодчества пришли в состояние полнейшей ветхости.

* * *

Прогрессивные явления в развитии архитектуры Азербайджана в XIX в., обусловленные вхождением Азербайджана в состав России, не должны заслонять того факта, что все они имели место в обстановке общей отсталости в деле строительства жилищ и благоустройства городов. По сравнению с городами феодальных Ирана и Турции и других стран Ближнего Востока азербайджанские города в течение прошлого столетия сделали большой шаг вперед и стали на путь современного развития. Но градостроительство и архитектура в Азербайджане этого периода отражают в себе все усиливающиеся классовые противоречия. Достижения градостроительства и домостроения ставятся на службу господствующим классам. Наиболее наглядно эти противоречия сказались в застройке Баку, где существовал вопиющий контраст между центральными, относительно благоустроенными районами, и окраинами города, промысловыми районами.

Только в условиях советской власти стало возможным развитие подлинно народной архитектуры. Использование опыта и достижений русского классического зодчества и русской советской архитектуры является одним из важнейших факторов, обеспечивающих развитие советской социалистической архитектуры Азербайджана.

⁵⁷⁹ АКАК, т. VI, ч. II, стр. 766. Тифлис, 1875.

⁵⁷⁰ Л. С. Бретаницкий. Значение трудов русских ученых XIX в. в изучении азербайджанского зодчества. «Ист. АН Азерб. ССР», 1951, № 9.

⁵⁷¹ См., например, Versuch einer Geschichte Schirwanschache und Geschichte Schirwan unter dem Statthalterh vom 1138—1820.

⁵⁷² Отчет о научной поездке по Кавказу и южному побережью Каспийского моря (Bull. de l'Acad. imp. des sciences) de St-Pet., t. IV.

⁵⁷³ Альбом в путешествию акад. Б. Дорна, СПб, 1895.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Сочинения, том 3.
Ленин В. И. Сочинения, том 20.
Ленин В. И. Сочинения, том 31.
Ленин о культуре и искусстве. М. 1956.
Маркс К. и Энгельс Ф. Об искусстве, т. 1.
Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, М., 1962.
Абскулданага Бакиханов. Гулстан Ирам. Баку, 1926.
Абдуллаев Г. Б. Из истории Азербайджана во второй половине XVIII в. Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР, вып. XIV, Баку, 1960.
Агабабян Р. Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1951.
Азимбеков И. Селение Нардаран. «Азкомстар», вып. 1, 1925.
Азимбеков И. Нардаран и его древности. «Изв. Азерб. археол. комитета», вып. 1, Баку, 1925.
Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, т. XII, Тифлис, 1904 и др.
Алекперов А. По искусству Азербайджана. «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1928, № 5.
Алекперов А. У айрумов. Там же.
Александрович Дж. (Насыфи) Гинджа и могила поэта Низами. «Изв. Азерб. археол. комитета», вып. 2, Баку, 1926.
Александрович Дж. (Насыфи) и др. Енджа—Шуша. «Азкомстар», вып. 3, 1927.
Алескерзаде А. Надписи армянских мавзолеев. «ДАН Азерб. ССР», т. XII, № 10, 1956.
Алескерзаде А. Надписи мавзолеев Халифа Али и Мухаммеда Мамина. «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН Азерб. ССР», т. 1, Баку.
Алескерзаде А. Надписи мечети Туба шахи (на азерб. яз.). Труды Ин-та истории и философии АН Азерб. ССР, вып. III, Баку, 1951.
Алескерзаде А. Надписи памятников Азербайджана эпохи Низами. СПб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М.—Баку, 1947.
Алескерзаде А. Надписи старинных архитектурных памятников Нахичеванского края. «Изв. АН Азерб. ССР», 1949, № 5.
Алескерзаде А. Об основателе и зодчем восточных ворот Дворца ширваншахов в Баку (на азерб. яз.). «Уч. зап. Ин-та востоковедения. АН Азерб. ССР», Баку, 1951, № 1.

Алескерзаде А. Поездка для сбора эпиграфического материала. «Изв. АзФАН СССР», Баку, 1938, № 3.
Алескерзаде А. Саламзаде А. О надписи на «Девичей башне». «ДАН Азерб. ССР», т. XI, вып. 5, 1955.
Алескергов Г. К истории образования центральных кварталов Баку и вопросы их реконструкции. «Изв. АН Азерб. ССР», Баку, 1960, № 2.
Алиев М. Джума-мечеть в Кировабаде. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952.
Алиев М. Замок в селении Нардаран. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М.—Баку, 1947.
Алиев Ф. М. Города северного Азербайджана во второй половине XVIII в. (на азерб. яз.). Баку, 1960.
Ализаде А. Некоторые сведения о вновь обнаруженной кривизной системе гор. Баку. ДАН Азерб. ССР, т. X, 1954.
Ализаде А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956.
Ализаде А., Саркисов А. О некоторых архитектурных памятниках Шуши. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.
Ализаде Г. К изучению народного зодчества Азербайджана. (Об архитектуре народного жилища XIX—XX вв.). «Изв. АН Азерб. ССР», 1953, № 8.
Альтман М. Исторический очерк города Гинджи. Баку, 1949.
Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М.—Л., 1937.
Кулаковский А. Город Нуха в медико-топографическом отношении. «Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом», Тифлис, 1871, № 11.
Араслы Г. История литературы Азербайджана XVII—XVIII вв. (на азерб. яз.). Баку, 1956.
Арутюнян В. М., Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., 1951.
Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.
Аскерова Н. К восстановлению орнамента мечети Гялейли в Нухе. «Вопросы реставрации памятников зодчества Азербайджана», Баку, 1960.
Аскерова Н. Архитектурный орнамент Азербайджана. Баку, 1961.
Аскерова Н. Орнамент на могильных камнях Нухи XIX в. «Изв. АН Азерб. ССР», 1958, № 2.
Аскерова Н. Особенности построения геометрического орнамента в архитектуре Азербайджана. «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1960, № 1.

Ахмед ибн Ибтфуллах. Джами-ат-дувал. «Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР», т. XII, Баку, 1957.
Ашурбейли С. Баку XVI—XVIII вв. по описаниям путешественников. «Изв. АН Азерб. ССР», 1947, № 1.
Ашурбейли С. Об истории сураханского храма огнесклопника. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. I, Баку, 1946.
Ашурбейли С. О названии города Баку. «ДАН Азерб. ССР», т. XIV, № 9, 1958.
Ашурбейли С. Сейхат-намэ Оалия Челеби как источник по изучению социально-экономической и политической истории городов Азербайджана в первой половине XVII века. М., 1960.
Бабур-намэ. Записки Бабуря. Ин-т востоковедения АН Узбек. ССР, Ташкент, 1958.
Багирбекова Н. Двухэтажный караван-сарай в «Крепости» Баку. «Искусство Азербайджана», вып. V, Баку, 1956.
Бакнинская губерния, т. 1. Тифлис, 1870.
Бакнинский справочный календарь на 1898 г.
Бакланов Н. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. Сб. «Материалы по истории архитектуры народов СССР». Сообщения Ин-та теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР», М., 1944, № 4.
Баку и его окрестности (путеводитель).
Бартольд В. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
Бачинский Н., Хмельницкий Е. Рецензия на «Искусство Азербайджана», т. VI и VII. «Вестник АН СССР», 1960, № 2.
Бачинский Н., Хмельницкий Е. Рецензия на книгу «Искусство Азербайджана», т. IV. «Вестник АН СССР», 1957, № 1.
Безменов В. Извлечения из сборников сведений о древностях и достопримечательных местах Ширвана. «Изв. Кавказского общества истории и археологии», т. 1, вып. 2, Тифлис, 1884.
Березин И. Путешествие по Востоку. I. «Путешествие по Дагестану и Закавказью». Казань. II. «Путешествие по Северной Персии». Казань, 1852.
Беридзе В. В. Архитектура Грузии. М., 1948.
Библиотека иностранных писателей о России, т. 1. СПб., 1836.
Бретаницкий Л. Архитектурные школы средневекового Азербайджана (XII—XV вв.). «Искусство Азербайджана», т. II, Баку, 1949.
Бретаницкий Л., Датнев С., Мамиконов Л., Мотис Д. Архитектура жилого дома г. Нухи XVIII—XIX вв. Сб. «Материалы по архитектуре народов СССР». «Сообщения Ин-та теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР», М., 1944.
Бретаницкий Л., Датнев С., Мамиконов Л., Мотис Д. Дом Шехназовых и его роспись. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», вып. 1, Баку, 1946.
Бретаницкий Л., Датнев С., Мамиконов Л., Мотис Д. Нуха (историко-архитектурный очерк). М., 1948.
Бретаницкий Л. Дворец шехинских ханов «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952.
Бретаницкий Л. Значение трудов русских ученых XIX в. в изучении азербайджанского зодчества. «Изв. АН Азерб. ССР», 1951, № 9.
Бретаницкий Л., Касимзаде Э. А., Саламзаде А. Азербайджанская архитектура. Каталог выставки «Азербайджанская архитектура». М.—Баку, 1959.

Бретаницкий Л. К изучению градостроительной культуры средневекового Азербайджана. «Искусство Азербайджана», т. VII, Баку, 1959.
Бретаницкий Л. К изучению русских ученых азербайджанской архитектуры. «ДАН Азерб. ССР», вып. 3, 1953.
Бретаницкий Л., Ммиконов Л. Оборонительные сооружения Закавказья и Белоканского районов. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.
Бретаницкий Л., Саламзаде А. Зодчие и мастера архитектурного декора средневековой Азербайджана. «Изв. АН Азерб. ССР», 1954, № 10.
Бретаницкий Л., Саламзаде А. Зодчие средневекового Азербайджана. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.
Бретаницкий Л., Саламзаде А. Кировабад (историко-архитектурный очерк). М., 1960.
Бретаницкий Л., Саламзаде А. Памятники Нахичеванской АССР (на азерб. яз.). Баку, 1951.
Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. 1, М., 1953.
Бутков П. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869.
Бутков П. Записки персидского похода 1796 г., или все, что я видел, слышал, узнал. Прил. к «Материалам для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.», т. II, СПб., 1869.
Бурнашев. Описание областей Азербайджанских и Персии и их политического состояния. В Курсе в типогрфии Курского приказа общественного призрения. 1793.
Вагиф. Произведения. Баку, 1945.
Вартанесов И. Жилые дома города Ордузда XVIII и XIX вв. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.
Веймарн В. Роспись дворца-музея в Нухе. «Искусство», М., 1938, № 3.
Верещаткин Н., Бурчак-Абрамович Н. Рисунки на скалах юго-восточного Кабристана. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 80, вып. 5, М., 1948.
Вопросы реставрации памятников зодчества Азербайджана. Баку, 1960.
Воронова В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.
Гаджиев М. Г. Облицовочные известняки Апшерона и их физико-механические свойства. Труды Ин-та строительств и сооружений, т. V, 1955.
Газета «Кавказ», номера за различные годы, приведенные в тексте.
Гакстагузен, фон А. Кавказский край, ч. II. СПб., 1857.
Гейдаров М. Х. К вопросу о ремесленных организациях в городах Азербайджана XVII в. «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, Баку, 1961, № 1.
Георгий Токландер. Краткое описание путешествия из Иран и т. д. Немечк. текст по изданию 1608 г., Прага, 1908.
Геликс С. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1771—1785.
Григорьев В., Легкомытов, Фроловский. Образование Российских владений за Кавказом, ч. I—IV, СПб., 1836.
Губайдулин К. Вакфные имущества Азербайджана. «Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1928, № 5.
Гусейнов И. А. О формировании и развитии азербайджанской социалистической нации. Труды объединенной научной сессии по общественным наукам. Баку, 1957.

Гусейнов И., Ибрагимов З., Гулнев А., Токаржевский Е., Шарифли М., Эфендиев М. История Азербайджана, т. I. Баку, 1958; т. II, Баку, 1960.

Гусейнов Э. А. Исследование строительных свойств гяжи, повышение ее водостойкости и изделия на ее основе (авторф. канд. дисс.). Баку, 1956.

Гюзельли Л. Надписи на местной керамике из Орешали. Материалы и исследования по археологии, вып. 67.

Дадашев С., Усейнов М. Ансамбль Дворца ширваншахов в Баку, М., 1956.

Дадашев С., Усейнов М. «Архитектура Азербайджана», М., 1948.

Дадашев С., Усейнов М. Архитектурные памятники Баку, М., 1946.

Дадашев С., Усейнов М. Архитектурные памятники Баку (на азерб. яз.), Баку, 1956.

Дадашев С., Усейнов М. Общий обзор архитектуры Азербайджана эпохи Низами, Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», М.—Баку, 1947.

Датиев С., Мотис Д. Жилье XVII и XIX вв. Закавказского района, Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.

Денике Б. Живопись Ирана, М., 1938.

Джафарзаде И. Старая Гянджа. Историко-археологический очерк. Баку, 1948.

Джафаров А. Присоединение Ширванского ханства Азербайджана к России и восстановление города Шемахи. Архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 3122.

Джеванширова Н., Мамедхалил Т., Рудхан Н. Жилье дома Кириабала XVIII—XIX вв. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.

Дори Б. О походах русских в Табаристан. СПб., 1875.

Друивль Гаспар. Путешествие в Персию в 1812—1813 гг. т. I, М., 1826.

Егизазаров С. А. Исследования по истории учреждений в Закавказье, т. II. Городские цехи. Казань, 1891.

Зевакии Е. Азербайджан в начале XVII века. «Изв. Об-ва исследования и изучения Азербайджана», вып. IV, Баку, 1929, № 8.

Зевакии Е. Азербайджан в начале XVIII века. Дополнение. Конфликт России с Персией в середине XVII столетия. Там же.

Зейдали Н. Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1879.

Зуммер В. Вехи развития искусства Азербайджана. Сб. «Художественная культура Советского Востока», М.—Л., 1931.

«Кавказский календарь» за различные годы. Тифлис.

Казим Ахмед. Трактат о каллиграфиях и живописях. М., 1947.

Казиев А. Новые материалы по азербайджанскому искусству XIX в. «Изв. АН Азерб. ССР», 1958, № 5.

Казиев А. Принципы орнаментальных композиций и решения декора предметов быта. «Искусство Азербайджана», т. VI, Баку, 1959.

Казиев А. Средневековый трактат о живописи. «ДАН Азерб. ССР», 1957, № 9.

Керим Ага Фатех. Краткая история шеккинских ланов. «Из истории шеккинских ханств», Баку, 1958.

Керимзаде С. К изучению мавзолеев без перекрытий (на азерб. яз.). «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956.

Керимзаде С. Памятник XVII в. в сел. Кала. «Изв. АН Азерб. ССР», т. VII, 1951, № 3.

Керимов К. Азербайджан в произведениях русских художников. «Искусство Азербайджана», т. VI, Баку, 1959.

Керимов Литиф. К изучению азербайджанского коврового искусства (на азерб. яз.). «Искусство Азербайджана», т. VI, Баку, 1959.

Керимова Р. О развитии портретного жанра в азербайджанском искусстве. Довоенский период (на азерб. яз.). «Искусство Азербайджана», т. VI, Баку, 1959.

Книга большому чертежу, М., 1951.

Книги чертежей и рисунков планов городов к первому полному собранию законов Российской империи. СПб., 1839.

Кобычев В. П. Жильца народов Восточного Закавказья. Журн. «Советская этнография», 1957, № 3.

Кэджи и Токатандер. Путешествие через Московию 1602—1603 гг. Пер. Алексея Станевича. М., 1836.

Константинов К. К вопросу об истории города Нуха. «Азовостан», вып. III, 1927.

Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию, М., 1958.

Кулиева М. Кибитка на зйлагах полукочевых племен Казахского узла. «Изв. Общества исследования и изучения Азербайджана», 1927, № 5.

Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950.

Левнатов В. Археологические раскопки 1945 года при Дворце ширваншахов в гор. Баку. «Изв. АН Азерб. ССР», 1948, № 1.

Левнатов В. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.

Левнатов В. Раскопки на территории дворца ширваншахов. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. I, М.—Баку, 1946.

Левнина В. А., Осезов Д. М., Пугаченкова Г. А. Архитектура туркменского народного жилища. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. III, М., 1953.

Маркова О. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН Азерб. ССР», 1959, № 1.

Медь Н. Об архитектуре города Гянджи. «Изв. АН Азерб. ССР», 1941, № 5.

Миклашевская Н. Мотивы поэм Низами в росписях дома Шехизадовых. «Искусство Азербайджана», т. II, Баку, 1949.

Миклашевская Н. Стенные росписи Азербайджана XVIII—XIX вв. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952.

Миклашевская Н. Стенные росписи Азербайджана XVIII—XIX вв. (Описание памятников). «Искусство Азербайджана», вып. IV, Баку, 1954.

Миклухо-Маклай Н. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. I, М.—Л., 1954.

Минкевич-Муштафаева Н. Ахмедова С. Мавзолей семейства Мирза Адигезал-бека. ДАН Азерб. ССР, т. IV, вып. 12, 1948.

Мирза Адигезал-бек. Карабах-наме. Баку, 1950.

Мирза Джамал Джавашир Карабахский. История Карабаха. Баку, 1958.

Мурдашев В. Занески. «Русский архив».

Насирян. Сельские поселения и крестьянское жилище Нахичеванской АССР. Баку, 1959.

Нейматова М. Х. Надписи Джума-мечети в г. Шуше (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1961, № 1.

Никитин К. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа, вып. II, отд. I, Тифлис.

Нургева А. К изучению архитектурных памятников Апшерона XVIII—XIX вв. (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР», Серия обществ. наук, 1960, № 4.

Нургева А. Старое народное жилище Апшерона. Журн. «Советская этнография», 1954, № 4.

Нургева А. Бани Апшерона XVII—XIX вв. «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1962, № 2.

Обзорные Российских владений за Кавказом, т. II, III, IV. СПб., 1836.

Обаевсов С. Старинные водопроводы в Нухе. «Изв. Общества обследования и изучения Азербайджана», 1928, № 6.

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

Описание Шекинской провинции, составленное в 1819 г. по распоряжению главнокомандующего в Грузии Ермолова генерал-майором Ахвердовым и статским советником Могилевским. Тифлис, 1866.

Основы марксистско-ленинской эстетики. АН СССР, Ин-т философии и Ин-т истории искусств, М., 1960.

Павлович А. Баку. Материалы по археологии Кавказа, вып. III, М., 1893.

Пахомов Е. Декеран. «Изв. Азерб. археол. комитета», Баку, 1926, № 2.

Пахомов Е. Башни-мавзолей в Барде и их надписи. «Труды АЗФАН», т. XXV, история, серия, 1936.

Пахомов Е. Крепость Гюлистан близ Шемахи. «Изв. АЗФАН», 1944, № 5.

Пахомов Е. О некоторых памятниках Хизинского района. «Изв. АН Азерб. ССР», вып. 7, 1946.

Пахомов Е. Старинные оборонительные сооружения Апшерона. Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР, т. I, 1947.

Петрушевский И. Азербайджан в XVI—XVII вв. «Сб. статей по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949.

Петрушевский И. Вакфные именные имения Ардебильского Мазара. Труды Ин-та истории АН Азерб. ССР, 1947.

Петрушевский И. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949.

План города Баку. Баку, 1892.

План-путеводитель по городу Баку на 1894 г. Баку, 1894.

Подлевков М. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935.

Прокшицкий Арсений Суханова 1649—1653 гг. Православный валаиский сборник. СПб., 1889.

Пугаченкова Г. А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XVI—XVIII вв. Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.

Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана. М., 1958.

Путешествие Г. Эйхвальда. Библиотека для чтения, т. 26, ч. II. СПб., 1838.

Путешествие Шардена по Закавказью в 1672—1763 гг. Пер. Е. В. Бохутовой и Д. И. Ноговича. Тифлис, 1902.

Рагимов А. Клад восточных монет XVIII в. «ДАН Азерб. ССР», т. II, № 10, 1946.

Рахмани А. «Тарихи» и «Алам Арай» Аббасов как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946.

Ремпель И. Л. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961.

Рзаев Н. Гробницы «Измазаде» в старой Гяндже. Труды Музея истории, т. II, Баку, 1957.

Рзаев Н. Северные ворота просторных стен города Баку. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. II, Баку, 1950.

Рзаев Н., Нейматова М. Мечеть Измамеддина. «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956.

Садиги Г. Шихова деревня и ее древности. «Изв. Азерб. археол. комитета», вып. 1, Баку, 1925.

Садыхзаде А. Об особенностях планировки народного жилища. «Сельские жилища и культурно-бытовые здания в условиях Азербайджанской ССР» (на азерб. яз.), Баку, 1957.

Саламзаде А. Архитектура культовых сооружений XVI—XIX вв. «Искусство Азербайджана», т. VII, Баку, 1959.

Саламзаде А. Архитектура Азербайджана. Всеобщая история архитектуры. Б. П. Михайлов (гл. редактор), М., 1958.

Саламзаде А. Архитектура мавзолеев Азербайджана XVI—XIX вв. АН «Изв. АН Азерб. ССР», 1951, № 3.

Саламзаде А. Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952.

Саламзаде А. Архитектурный комплекс в Ардебиле и некоторые вопросы средневекового зодчества Азербайджана. «Искусство Азербайджана», вып. V, Баку, 1956.

Саламзаде А. Школы зодчества в Азербайджане в XVI—XVIII вв. Сб. «Материалы и исследования по культуре народов Востока», М.—Л., 1960.

Саламзаде А. Гробница Дир-Баба и сел. Марала. «Изв. АН Азерб. ССР», 1949, № 7.

Саламзаде А. Градостроительство Азербайджана в XVI—XIX вв. «Искусство Азербайджана», т. VII, Баку, 1959.

Саламзаде А. К изучению стелных росписей Азербайджана XVIII—XIX вв. «ДАН Азерб. ССР», т. X, 1954, № 6.

Саламзаде А. Некоторые вопросы генезиса и изучения башенных мавзолеев Азербайджана. «Искусство Азербайджана», т. II, Баку, 1949.

Саламзаде А. О балхском водопроводе феодального периода. «ДАН Азерб. ССР», 1956, № 3.

Саламзаде А. Памятники азербайджанского зодчества (на азерб. яз.). Баку, 1958.

Саламзаде А. Памятники говорят (на азерб. яз.). Баку, 1952.

Саламзаде А. Торговый комплекс в «Крепости» Баку. «ДАН Азерб. ССР», т. II, 1956, № 1.

Саламзаде А. Бретаницкий Л. Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной энциклопедии Азербайджана. Журн. «Энциклопедия Востока», 1960, № 13.

Саламзаде А., Керимов К. Тебриская школа миниатюры в XVI в. и художник Солтан Мухаммед. «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1959, № 5.

Саламзаде А., Садыхзаде А. Жилье дома Азербайджана XVIII—XIX вв. (на азерб. яз.), Баку, 1961.

Саламзаде А., Садыхзаде А., Бадиров Н., Коджаманлы С. Некоторые памятники Шемахинского района. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. I, Баку, 1946.

Саламзаде С. Челебева В. Азербайджанские художники XIX в. «Искусство», 1940, № 4.

Саркисов А. Архитектура народного жилища нагорных районов Азербайджана. «Архитектура Азербайджана (очерки)», Баку, 1952.

Саркисов А. К изучению народного жилища Азербайджана (жилища Кожахкендского района). «ДАН Азерб. ССР», т. V, вып. 5, 1949.

Саркисов А. Некоторые типы народного жилища Кубинского и Кусарского районов. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», т. I, Баку, 1946.

Сегаль И. Сборник сведений с Елизаветинской губернии. Тифлис, 1902.

Сендов Мирали. Саят-Нова (на азерб. яз.), Баку, 1954.

Сельское жилище и культурно-бытовые здания в условиях Азербайджанской ССР (на азерб. яз.), Баку, 1957.

Скучбенко Г. К вопросу о состоянии ханского дворца в г. Нухе. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», вып. I, М.—Баку, 1946.

Стрейс Я. Три путешествия... М., 1935.

Сумбатзаде А. С. Статья в сборнике, посвященном исследованию прогрессивных последствий вхождения Азербайджана в состав России в области экономики и культуры (XIX—нач. XX вв.), Баку, 1955, стр. 9.

Сысоев В. «Атеизм» — храм огнерокошников в Сураханах близ Баку. Изв. Азерб. Археол. комитета, вып. I, Баку, 1925.

Сысоев В. Древности Нахичеванской АССР. Нахичевань, Ордубад, Ордубадский уезд, Хараба Гялян. «Азкометарис», 1928, № 1.

Сысоев В. Нахичеванский край — Нах. АССР. «Азкометарис» вып. 4, 1929.

Тоцилов В. Об архитектуре ордубадов Азербайджана. «ДАН Азерб. ССР», т. V, вып. 9, 1949.

Тоцилов В. Сб. ордубадов Азербайджана. «Изв. АН Азерб. ССР», вып. I, 1951.

Тоцилов В. Ордубады близ Гездеке. «ДАН Азерб. ССР», т. 5, вып. 3, 1949.

Усейнов М. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951.

Усейнов М. Развитие архитектуры и искусства Азербайджана. Сб. «Достижения науки в Азербайджане», Баку, 1960.

Усейнов М., Бретаницкий Л. К изучению памятников азербайджанской архитектуры в Нах. АССР. «Изв. АН Азерб. ССР», 1949, № 5.

Усейнов М., Саламзаде А., Бретаницкий Л. История архитектуры Азербайджана (проспект-программа), Баку, 1952.

Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963 г.

Фатуллаев Ш. Городской жилой дом Нухи конца XIX — начала XX вв. «Изв. АН Азерб. ССР», серия обществ. наук, 1960, № 6.

Фатуллаев Ш. С. Жилые дома в застройке городов Азербайджана на рубеже XIX—XX вв. Баку, 1963 г.

Фитуня А. История последней столицы Ширвана. «Азкометарис», вып. III, 1927.

Фридолин П. Заключение. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», М., Баку, 1947.

Фридолин П. К вопросу об изучении архитектурных памятников Азербайджана. Сб. «Низами», т. 2, Баку, 1940.

Хаджи Сеид Абдулгамид. Родословная шеккинских ханов и их потомков. «Из истории шеккинского ханства», Баку, 1958.

Хан-Магомедов С. Дербент. М., 1958.

Харат Г. Венепанец Марко Поло. М., 1956.

Шарифли М. Из истории города Шемаха (на азерб. яз.). «Изв. АН Азерб. ССР», 1944, № 8.

Шарифов Д. Крестьянская усадьба 3 и 4 районов Нухинского уезда. «Изв. Об-ва обследований и изучения Азербайджана», 1927, № 4.

Шарифов Д. Некоторые памятники искусства и древности Нухинского уезда. «Изв. Об-ва обследований и изучения Азербайджана», 1926, № 2.

Шеблякин И. Кубинские памятники времен Бахманова и эшеронские, связанные с ним. «Изв. АН Азерб. ССР», Баку, 1947, № 4.

Шеблякин И. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами (материалы). Баку, 1943.

Шеблякин И. Памятники Нахичевани и Ордубада. «Изв. АзФАН», 1939, № 1.

Шеблякин И., Горчакова Н. Гянджа XII века. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», М.—Баку, 1947.

Шукюрзаде Э. Об исправлении одной даты. «ДАН Азерб. ССР», т. VI, № 5, 1950.

Эфендиев Р-бек. Кабалинский магал. Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

Эфендиев Р. Памятники древности в Нухинском уезде. «Азкометарис», 1927, № 3.

Эфендиев Расим. Образцы материальной культуры Азербайджана (на азерб. яз.), Баку, 1960.

Якубовский А. Мастера Ирана и Средней Азии при Тимуре. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.—Л., 1939.

Якубовский А. Самарканд при Тимуре и тимуриды. Л., 1933.

Яралов Ю. С. Архитектура Армении. М., 1952.

A narrative of Italian travels in the XV centuries Transl. and edit. by Ph. Groy. Hakluyt Society, vol. 49, London, 1873.

Ayville Philippe. Curieuse Reise durch unterschiedene Staaten in Europa und Asia. Hamburg, 1705.

Bachmann W. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913.

Bahrami M. Le probleme des ateliers d'etoiles des faïences Lustree. Revue les arts asiatiques, t. X, N—4, dec., 1939.

Billebek. Der Festungsbau im alten Orient. De Orient, 4, S. 19.

Bode V. W. and Kühnel E. Vorderasiatische Knöpfteppiche aus alter Zeit. Braunschweig, 1955.

Bygon K., Pope A. Timurid Architecture. The architecture of the Islamic period. A Survey of Persian Art, p. 1119. London—New-York, 1939.

Le Caucase Pittoresque. Dessine d'Après Nature. Paris, MD CCCXLVII.

Dapper O. Beschreibung des Königreichs Persien. Aus unterschiedene alten und neuen Land und Reisebeschreibungen. Nürnberg, 1681.

Cornelis de Bruins. Reizen over Moskovite door Persie en Indie. Amsterdam, 1711.

Coste P. Les monuments modernes de la Perse. Dieulafoy J. La Perse, la Chaldée et la Susiane. Paris, 1887.

Diez E. Chirasanische Baudenkmäler. Berlin, 1918.

Diez E. Die Kunst der islamischen Völker. Berlin, 1917.

Diez E. Iranische Kunst. Wien, 1944.

Diez E. Islamische Baukunst in Chirasan. Hagen-Darmstadt, 1923.

Diez E. Türk Snaats. Istanbul, 1946.

eres (Bull. de l'Ac. Imp. des sciences de St.-Petersbourg, 1855, t. IV).

Dorn B. Versuch einer Geschichte der Schirvanische. (Mem. de l'Ac., VI serie, sc. poll. Irist, ph., St.-Petersbourg, 1840).

Eldem S. H. Türk evi plan tipleri, Istanbul, 1954.

Ettinghausen Some paintings in four Istanbul albums. «Ars Orientalis» I, 1954.

Excavations in Azerbaijan. London, 1949.

Gagarine G. Le Caucase Pittoresque (Dessine d'après par le Prince Gregoire Gagarine). Paris, 1837.

George, C. Mills. Epigraphical notice. Ars Islamica, 1939.

Glück H., Diez E. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925.

Gmelin. Reise durch Russland zur Untersuchung des drey Nature.

Godard A. Les monuments de Maragha. Publications de la Societe des studies Iranicennes. Paris, 1934, N—9.

Godard A. Le tombeau de Mawlana Hasan Kashi a Sultaniye. Ars Asiatica, t. I, fas. I.

Godard A. Notes complementaires sur les tombeaux de Maragha (Adharbaidjan). Athar-e-Iran, t. I, 1936.

Godard A. The Mausoleum of Ölyümi at Sultaniya. The architecture of the islams period. A Survey of Persian Art, p. 1103. London—New-York, 1939.

Grohman A. and Arnold T. W. Denkmäler islamischen Buchkunst. München, 1929.

Herrn Jonas Hanway Zuverlässige Beschreibung seiner Reisen, Hamburg und Leipzig, 1754.

Herzfeld E. Iran in the ancient East. Archeological studies presented in the Lowell lectures at Boston, Boston, 1941.

Herzfeld E. und Sarre F. Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910.

Hinz W. Beiträge zur iranischen Kulturgeschichte. ZDMG B. 91, Leipzig, 1937.

Johan Bells. Reisen von Petersburg in verschiedene Gegenden Asiens nach Persien, Hamburg, 1787.

Jacobsthal E. Mittelalterliche Backsteinbauten zu Nachschewan im Araxesthal. Berlin, 1899.

Kempfer E. Amoenitatum exoticarum politico-physico-mediarum fasciculi V (Lemgoviae, 1712).

Khanikoff M. N. de. Memoire sur les inscription musulmanes du Caucase. Journal Asiatique, Serie V, t. XX, Paris, 1862.

Klinghardt K. Türkische Bäder. Stuttgart, 1927. Im Kaukasus (anonim.) Leipzig, 1862.

Kratckhovskaya V. A. Ornamental Naskhix Inscriptions. The architecture of the Islamic period. A Survey of Persian Art, p. 1770. London—New-York, 1939.

Karahan A. Füzuli Mübitt, heyatı ve şahsiyeti. Istanbul, 1949.

Kühnel Ernst. Islamische Klein Kunst. Berlin, 1925.

Kühnel Ernst. Dogu islam memleketlerinde minyatür, Ankara, 1952.

Leiche Iohan Jacob. Lebens und Reisegeschichte von ihm selbst beschrieben. Halle, 1791.

Marshall Friedrich August. Beschreibung der Länder zwischen die Flüssen Terek und Kur am Kaspischen meere. Frankfurt am Main, 1800.

Mayer L. A. Islamic architects and their works. Geneva, 1956.

Martin F. R. The Miniature painting and painters on Persia, India and Turkey from the 8—th the 18 century. vol. I, London, 1912.

Meisterwerke Muhammedanischer Kunst. (Die Ausstellung von Meisterwerke Muh. Kunst in Münch. 1910). München, 1912.

Migeon G. Manuel l'art musulman, t. II, Paris, 1907.

Miniatures Persanes exposes Au Musee des Arts decoratifs Juni-October 1912. Paris, 1913, t. I—II.

Montpreux Dubois de. Voyage autour de Caucase, t. IV Paris, 1840.

Morgan J. de. Mission scientifique en Perse. Paris, 1894.

Oscar Reuther. Die Qaa. Jahrbuch des asiatischen kunst, t. 2, B. 1925.

Oscar Reuther. Irakische Wohnhaus. B. 1914.

Pope A. Architectural ornament. The architecture of the Islamic period. A Survey of Persian art, p. 1259. London—New-York, 1939.

Pope A. Bridges, Fortifications, and Caravansary The architecture of the Islamic period. A Survey of Persian Art, p. 1226, 1226. London—New-York, 1939.

Pope A. The Fourteenth Century. The architecture of the Islamic period. A Survey of Persian Art, p. 1052. London—New-York, 1939.

Pope A. The Safavid Period. The architecture of the Islamic period. A Survey of Persian Art, p. 1165. London—New-York, 1939.

Saladin H. Manuel l'art musulman. L'architecture, t. I, Paris.

Sarre F. Ardabil. Grabmoschee des Schechsafi. Berlin, 1925.

Sarre F. Denkmäler persischer Baukunst. Berlin, 1901—1910.

Sarre Fr. Konia—Seldschukische Baudenkmäler. Berlin, 1924.

Sauvaget J. Notices « arts islamica », 1938.

Schulz Ph. Walter. Die persisch-islamische Miniatur-malerei, t. I, t. II, 1914.

Schroeder E. The Seljuk Period. The Architecture of the Islamic Period. A Survey of Persian Art, p. 981. London—New-York, 1939.

Strohm M. La mosquee Djoumeih de Marand. Arts Asiatiques, p. 89, t. III, Paris, 1937.

Spuler B. Mongolen in Iran. Berlin, 1955.

Süheyl Ünver, Ressam Levni Istanbul, 1948.

Stchoukine Ivan. Les peintures des Manuskrits Timürides. (Institut Francis d. Archeologie de Beyrouth, t. LX), Paris, 1954.

Stczykowski J. Asiens bildende Kunst. Wien, 1930.

Taenschner F. Beiträge zur frühosmanischen Epigraphik und Archäologie. Der Islam, Berlin, 1932.

Taylor O. E. Architecture of northwest Persia under Il-ghan mongols. Chicago, 1940.

- ۱ اولیا جایی سیاحتنامه استانبول ۱۳۱۴. ۸ صادقی بك افشار قانون الصور
 ۲ كاتب جایی جهان نما. ۹ زین العابدین شیروانی بوستان السیاحه، تهران ۱۳۱۵
 ۳ دوست محمد حالات هنروران، لاهر، ۱۹۳۶. ۱۰ تخیه التواریح، استانبول.
 ۴ مصطفی عالی مناقب هنروران، استانبول، ۱۹۲۶. ۱۱ شمس الدین سامی قابوس الاعلام، ایکنجی جلد،
 ۵ اسکندر منشی تاریخ عالم ارای عباسی، تهران، استانبول ۱۳۱۶.
 ۶ محمد علی تربیت دانشمندان اذربایجان، تبریز. ۱۲ سنکلاخ تذکره خطاءین، تبریز، ۱۲۹۵.
 ۷ صادقی کتابدار مجمع الخواص، تبریز، ۱۳۲۷ شمس ۱۳ مسرأة البلدان.
 ۱۴ احمد کسروی نامه های شهرها و ده های ایران، تهران.

Архивные и рукописные фонды

Центральный государственный военно-исторический архив. Фонды 3, 349, ВУА и др.

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Фонды 1488, 1268, 1287.

Центральный государственный архив военно-морского флота. Фонд 326.

Фонд восточных рукописей Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Фонд Дорна № 344, 488, 148, 147, 441 и др.

Центральный государственный исторический архив Грузии. Фонд 8.

Центральный государственный исторический архив Азербайджанской ССР. Фонд 389.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава первая.</i> Характерные черты развития архитектуры и основные типы сооружений	8
Условия и особенности развития архитектуры	8
Культовые сооружения	11
Мавзолеи	37
Караван-сарай	63
Бани	72
Дворцовые сооружения	78
Оборонительные сооружения	84
Мосты XVI—XVII вв.	88
<i>Глава вторая.</i> Градостроительство	95
Тегриз	99
Ардебиль	106
Нахичевань	109
Баку	112
Кировабад	122
Шемаха	129
Нуха	142
Шуша	146
<i>Глава третья.</i> Жилые дома	149
Жилища Нахичеванской АССР	154
Жилища Кировабада	159
Жилища Закатальского и прилегающих районов	160
Жилища Кубинского и прилегающих Кусарского и Конахкендского районов	165
Жилища Шуши	169
Жилища Апшерона	174
Жилища Нухи и Нухинского района	179
Народные жилища Шемахинского и прилегающих районов	186
Жилища Ленкоранского и прилегающих районов	189
<i>Глава четвертая.</i> Строительные материалы. Конструктивные и композиционные приемы, их взаимосвязь	191
Строительные материалы	194
Конструктивные и композиционные приемы	196
Строительные и композиционные приемы в народном жилище	202
<i>Глава пятая.</i> Архитектурные и художественные школы. Мастера эпохи	208
Центры архитектурных и художественных школ	208
Профессиональные знания как источник данных о мастерах	216
О взаимосвязях между различными видами искусства и всесторонности мастеров	221
Краткие сведения о мастерах XVI—XIX вв.	225
<i>Глава шестая.</i> Прогрессивные последствия вхождения Азербайджана в состав России для развития архитектуры	230
Градостроительство	231
Промышленное, транспортное и торговое строительство	241
Новые архитектурные типы и строительные конструкции	244
Изучение в XIX в. памятников азербайджанского зодчества русскими учеными	245
Литература	248

Ә. В. Саламзаде
XVI—XIX ҒСРЛӘРДӘ АЗӘРБАЙҶАН МӘМӘРЛЫҒЫ
(рус тилиндә)

Редактор издательства *А. Джафарова*
Художественный редактор *Ф. Сафаров*
Технический редактор *Т. Исмаилов*
Корректор *Ж. Волкова*

Подписано к печати 20. III 1964 г. Формат бумаги 84 × 108^{1/16}.
Бум. лист. 8. Печ. лист. 26,24. Уч.-изд. лист. 29,8. ФГ 05684. Заказ 563.
Тираж 800. Цена 2 руб. 30 коп.

Типография «Красный Восток» Государственного Комитета
Совета Министров Азербайджанской ССР по печати.
Баку, ул. Ази Асланова, № 80.